

2023 – № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Кузьмина Е. Н.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Художественный строй бурятского героического эпоса (на примере сказания «Осодор Мэргэн». Запись 1941 года) 9
- Гриневич А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Виртуальные исследовательские среды и их значение для гуманитарных наук 22
- Владимирова Т. Е.** (Москва, РУДН)
О мифах, легендах и преданиях Тувы с позиций металингвистики 35

Литературоведение

- Севастьянова С. К.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Паисий Лигарид об учреждении Московского Патриархата: источники и задачи полемиста 49
- Фарафонова О. А.** (Новосибирск, НГПУ)
Предисловие как метатекстовый элемент мемуарного повествования (на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века) 62
- Жилякова Н. В., Мазуров А. Е.** (Томск, ТГУ)
Особенности историко-литературного комментария при подготовке научного издания («Малое собрание сочинений Ф. В. Волховского») 76
- Капинос Е. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Повесть А. Клягина «Клад Мамаю»: приключенческий сюжет и евразийский подтекст 90
- Куляпин А. И.** (Барнаул, АГПУ; Санкт-Петербург, РХГА)
«Темный Шукшин»: контексты и подтексты рассказа «Шире шаг, маэстро!» 105
- Кайгородова М. А.** (Горно-Алтайск, ГАГУ)
Образ «ultima Thule» (край света) в семиозисе знака *Сибирь* 116
- Казаков А. А., Быстренков Д. Л.** (Томск, ТГУ)
Корреляция утопического и антиутопического и конститутивные основы жанровой формы романа 128

Языкознание

- Селютина И. Я.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Фонетические маркеры утраты аналитизма глагольными конструкциями (на материале хакасского эпоса) 138
- Аникин А. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Заметки о происхождении и истории слов (*говѣть*, *кутх*, *зѡска*) 154
- Шарихин Е. Ю.** (Санкт-Петербург, СПбГУ)
Наречия на -о с семантикой «тайность совершения действия» в истории русского языка 169
- Горбунова Л. И.** (Иркутск, ИГУ)
Семантическая история слова в свете динамизма языковой картины мира (на примере слова *амбиция* и его дериватов) 183

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. (Якутск, ИГиЛПМНС СО РАН)	
Терминологические словосочетания, обозначающие части тела скота, в якутском языке (в сопоставлении с бурятским)	197
Тазранова А. Р. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Структура и семантика отрицательных бивербальных конструкций в алтайском языке	211
Бускунбаева Л. А. (Уфа, ИИЯЛ УФИЦ РАН)	
Особенности функционирования кодовых переключений в башкирской устной речи: частеречный анализ (на материале текстов восточного диалекта башкирского языка)	229
Шамина Л. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Генитивные и аблативные посессивные конструкции как маркеры сравнения в тувинском языке	243
Озонава А. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом <i>чылап / чилеп</i> 'как, как будто' в алтайском языке	260
Николаева Е. К., Селиверстова Е. И. (Санкт-Петербург, СПбГУ)	
«Звуки речи, многоточья, скобки...»: знаки препинания в функции выразительных средств в языке поэзии	272
Ушницкая Н. Ю. (Якутск, ИГиЛПМНС СО РАН)	
Репрезентация концепта УРЭ 'гора' в языковой картине мира эвенков	287
Голев Н. Д., Напреенко Г. В. (Кемерово, КемГУ)	
Переводимость и вариативность текста в аспекте антиномии «тождество – различие»	299
Соломоновская А. Л. (Новосибирск, НГУ)	
Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы	312
Щукина Д. А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)	
Интертекстуальность заголовка художественного текста	325
Научная жизнь	
Мокиенко В. М. (Санкт-Петербург, СПбГУ)	
К 100-летию юбилею академика Никиты Ильича Толстого	337

2023 – No. 4

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Kuzmina E. N.**
Artistic structure of the Buryat heroic epic (a case study of the heroic tale “Osodor Mergen” recorded in 1941) 9
- Grinevich A. A.**
Exploring the virtual research environments and their value for the humanities 22
- Vladimirova T. E.**
On the myths, legends, and traditions of Tuva in terms of meta-linguistics 35

Literature

- Sevastyanova S. K.**
Paisius Ligarides on the establishment of the Moscow Patriarchate: sources and tasks of the polemicist 49
- Farafonova O. A.**
Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century) 62
- Zhilyakova N. V., Mazurov A. E.**
Features of historical and literary commentary in the preparation of a scientific publication (a case study of “Small collected works of F. V. Volkhovsky”) 76
- Kapinos E. V.**
The novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. Klyagin: adventure plot and Eurasian undertone 90
- Kulyapin A. I.**
“Dark Shukshin”: contexts and subtexts of the story “Shire shag, maestro!” 105
- Kaigorodova M. A.**
The image of “ultima Thule” in the semiosis of the *Siberia* sign 116
- Kazakov A. A., Bystrenkov D. L.**
Correlation between utopian and anti-utopian and the constitutive foundations of the genre form of a novel 128

Linguistics

- Selyutina I. Ya.**
Phonetic markers of the loss of analytism by verbal constructions (a case study of the Khakas epos) 138
- Anikin A. E.**
Notes on the origin and history of words (*govét’, kutkh, zóska*) 154
- Sharikhin E. Yu.**
Adverbs in -o with the semantics of “secrecy of action” in the Russian language history 169
183

Gorbunova L. I.	
Semantic history of the word in the light of the dynamism of the linguistic picture of the world (a case study of the word <i>ambitsiya</i> (ambition) and its derivatives)	
Danilova N. I., Diachkovskiy F. N.	
Terms denoting livestock body parts in the Yakut language (in comparison with the Buryat language)	197
Tazranova A. R.	
Structure and semantics of negative biverbal constructions in the Altai language	211
Buskunbaeva L. A.	
Features of the functioning of code-switching in Bashkir oral speech: partial analysis (a case study of the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language)	229
Shamina L. A.	
Genitive and ablative possessive constructs as markers of comparison in the Tuvan language	243
Ozonova A. A.	
Comparative polypredicative construction with the postposition <i>chylap/chilep</i> ‘as if’ in the Altai language	260
Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I.	
“Sounds, ellipses, parentheses...”: punctuation marks as expressive means in poetry	272
Ushnitskaya N. Yu.	
Representation of the concept of URE ‘mountain’ in the linguistic culture of Evenks	287
Golev N. D., Napreenko G. V.	
Translatability and variability of a text from the perspective of the antinomy of “identity and difference”	299
Solomonovskaya A. L.	
Intertextuality in the topoi of late antique and medieval Western European translation paratexts	312
Shchukina D. A.	
A literary text title intertextuality	325
Scientific life	
Mokienko V. M.	
On the 100th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy	337

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.224 (=512.31)

DOI 10.17223/18137083/85/1

Художественный строй бурятского героического эпоса (на примере сказания «Осодор Мэргэн». Запись 1941 года)

Евгения Николаевна Кузьмина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Аннотация

Рассматривается бурятское героическое сказание (*улигер*) «Осодор Мэргэн», записанное в 1941 г., с точки зрения сохранности в нем традиционного сюжетно-композиционного строения и формульно-поэтической организации. Анализ показал, что это произведение многоплановое о двух поколениях богатырей – отца и трех его сыновей, но сюжет развивается линейно, т. е. повествования о подвигах главных героев следуют друг за другом. В композицию включены так называемые песенные вставки *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угталгын дуун* («призывные» или «встречные» песни), которые функционально играют роль средств, дающих возможность сказителю сделать передышку и активизировать участие слушателей в сказывании. Поэтическая ткань произведения изобилует устоявшимися типическими местами, которые аналогичны стереотипам всего тюрко-монгольского эпоса.

Ключевые слова

эпическая традиция, структура сказания, сюжет, типические места

Для цитирования

Кузьмина Е. Н. Художественный строй бурятского героического эпоса (на примере сказания «Осодор Мэргэн». Запись 1941 года) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 9–21. DOI 10.17223/18137083/85/1

© Кузьмина Е. Н., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 9–21
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 9–21

Artistic structure of the Buryat heroic epic (a case study of the heroic tale “Osodor Mergen” recorded in 1941)

Evgeniya N. Kuzmina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Abstract

The heroic tale “Osodor Mergen” was recorded by Sergey Petrovich Baldaev, the famous folklore and ethnographic collector, in 1941, from Nikolai Gunkhanovich Gunkhanov (1873–1945), a Buryat storyteller. This tale was actively performed by the storyteller and retained a complete narrative and poetic structure corresponding to the living epic tradition. Unfortunately, the tale has reached us only in a textual form due to the lack of sound recording devices at the time of recording. Unlike many tales centered on one hero, “Osodor Mergen” tells about two generations of heroes: a father and his three sons. The plot develops linearly, with the narratives of the main characters’ exploits coming one after another, following the traditional plot structure of the Buryat heroic tales. The tale’s composition includes several songs to give the narrator a break (sag daralga) and intensify the listeners’ participation in the tale (ugtalgyun duun). The episodes borrowed from fairy tales make the heroic tale entertaining. For example, the first storyline about Osodor Mergen has a contamination from an international fairy tale story about a “handless” wife and her son locked in an iron barrel and thrown into the sea. The waves nail the barrel to an island where the mother and the son are to live. Also fascinating is the narrative of the difficult tasks given to a particular hero that is told as a fairy tale.

Keywords

heroic epos of the Buryats, plot, fabulous style, stereotypes, preservation of tradition

For citation

Kuzmina E. N. Artistic structure of the Buryat heroic epic (a case study of the heroic tale “Osodor Mergen” recorded in 1941). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/1

Введение

Сказание «Осодор Мэргэн» было записано в 1941 г. «от руки», затем перепечатано на пишущей машинке известным собирателем и исследователем бурятского фольклора Сергеем Петровичем Балдаевым (1889–1979)¹. Как пишет Ц. П. Ванчикова, «архив С. П. Балдаева (№ 36) – самый большой в коллекции (Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. – Е. К.), он состоит из 1 443 ед. хранения, документы охватывают период с 1835 по 1978 г. <...> По содержанию их можно разделить на три крупные группы: 1) материалы, связанные с личной, служебной и общественной деятельностью С. П. Балдаева (материалы к биографии, письма, переписка); 2) творческие материалы (рукописи статей, книг, фольклорные и этнографические материалы, собранные и записан-

¹ На 2-м экз. есть титул, на котором написано: Осодор Мэргэн (героическая эпопея эхирит-булагатов). Записано С. П. Балдаевым от Н. Гулханова в 1941 г. «Правильное написание фамилии сказителя Гунханов», см. [Шерхунаев, 1998, с. 38].

ные им самим) и 3) материалы, отложившиеся в архиве на протяжении всей его долгой жизни (выписки из архивов, оригиналы архивных документов по истории, этнографии и культуре бурят, монголов, материалы по краеведению, карты и мн. др.) [Ванчикова, 2020, с. 105–106]. Деятельность этого ученого и неустанного собирателя фольклора родного народа анализировалась в статьях его коллег².

Сказание (нац. термин *улигер*) «Осодор Мэргэн» исполнил для записи сказитель из Кудинской долины Николай Гунханович Гунханов (1873–1945). Р. А. Шерхунаев, написавший ряд книг о бурятских сказителях, особо остановился на биографии Н. Г. Гунханова. По сведениям Р. А. Шерхунаева, родился будущий сказитель в улусе Капсал Эхирит-Булагатского аймака в пятидесяти двух километрах к северо-востоку от Иркутска. Его сородичем был выдающийся сказитель Ёлбон Шалбыков, от которого во время своей поездки в Кудинскую долину в 1903–1906 гг. Цыбен Жамцарано записал улигер «Аламжи Мэргэн», опубликованный в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1991 г.).

Научная экспедиция Ц. Жамцарано того периода была чрезвычайно плодотворной, он открыл таких выдающихся сказителей, как Маншут Имигеев (улус Кукунут), Ботошки Бурлаев (улус Хурай), Ёлбон Шалбыков (улус Капсал). Позднее фольклорные записи продолжил С. П. Балдаев, записавший большое количество материалов от Бубая Бахрушкина и Лазаря Бардаханова (улус Бозой), Михаила Бушлакова (улус Тангахай), Саахали Ханхалаева (улус Гушит) и др. В этом ряду сказителей выделялся Н. Гунханов, который помнил улигеры «Гэсэр», «Аламжи мэргэн», «Осодор мэргэн», «Алтан Шагай мэргэн», «Хараасгай мэргэн», «Мунгэн Шагай мэргэн», «Нохор богдо хан», «Алтан Сэгсэ мэргэн». <... > Каждый из них имеет размер 3–5–10–20 тысяч стихов и более. Его репертуар включал в себя множество песен, сказок, благопожеланий, загадок, пословиц и поговорок. Таким образом, выросший в атмосфере сказительства, Н. Гунханов на протяжении всей своей жизни, несмотря на жизненные трудности, исполнял песни, сказки, героический эпос. Будучи прямым и честным, отзывчивым человеком, инициативным тружеником, от природы мудрым человеком он пользовался глубоким уважением среди своих односельчан [Шерхунаев, 1998, с. 13, 16, 19, 26].

Сюжетно-композиционное строение сказания «Осодор Мэргэн»

В силу объективных обстоятельств в бурятской фольклористике (неразвитость фольклористической науки, недостаточность кадров, отсутствие звукозаписывающих устройств и т. д.) фольклорные тексты записывались единожды, не было повторных разновременных записей одних и тех же текстов. Но многочисленные другие записи героических сказаний, относящихся к одной эпической традиции, создают целостную картину бытования эпоса у западных бурят. Поэтому на основании анализа художественного строя конкретного произведения можно судить в целом о поэтических закономерностях бурятского эпоса.

² Тулохонов М. И. С. П. Балдаев – собиратель и исследователь бурятского фольклора // Творческое наследие ученых-литературоведов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 5–11; Туденов Г. О., Уланов А. И. С. П. Балдаев – фольклорист и этнограф: к 70-летию со дня рождения. Улан-Удэ: БКНИИ, 1959. 27 с.

Сказание «Осодор Мэргэн» («Осоодор Мэргэн») также представлено в одной записи и является образцом традиционного героического эпоса бурят о двух поколениях богатырей – отца и трёх его сыновей, сюжет которого развивается в установившемся русле, линейно, последовательно, т. е. повествования о подвигах главных героев следуют друг за другом.

Произведение, как это принято в эпической традиции, названо по имени богатыря Осодор Мэргэна, но по сути акцент сделан в *улигере* на «богатырской биографии» его сыновей, и более всего – его младшего сына Алтан Шагая. Из-за этой особенности произведение предстает композиционно сложным, включает в себя несколько сюжетных линий или блоков. Так, явно прослеживаются пять сюжетов с контаминациями, органично вкрапленными в общую тему. Первая сюжетная линия повествует о самом богатыре Осодор Мэргэне (с 22 по 1035 стих. стк.), сюда вставлена контаминация из сказочного сюжета о жене-«безручке» и ее сыне, закрытых Осодор Мэргэном в железной бочке и брошенных в море. Волны прибивают бочку к острову, и далее идет сказ о жизни матери и сына на этом острове. Именно в этой части Алтан Шагай, младший сын Осодор Мэргэна, впервые предстает как богатырь, совершающий ряд подвигов. Эта контаминация выглядит органичным сюжетным вкраплением, которое можно представить как вторую самостоятельную сюжетную линию (с 1036 по 1063 стих. стк.). Третий сюжет – это повествование о богатырской биографии Хухэрдэй Мэргэна, старшего сына Осодор Мэргэна, родившегося с золотой грудью и железным телом (стк. 827–829). Далее эта линия о нем прерывается, и повествование о старшем богатыре возобновляется со строки 2481 по 3105, что усложняет фольклорный сюжет. Четвертый сюжетный план посвящен подвигам Мунгэн Шагая, среднего сына Осодор Мэргэна, родившегося с серебряной грудью и железным задом (стк. 896–898). Здесь наблюдается та же прерывистая сюжетная схема, что и с его старшим братом. Повествование о среднем богатыре следует со строки 3118 по 3731. Пятая сюжетная линия – тоже прерывистое продолжение повествования об Алтан Шагае, родившемся с золотой грудью и округлым задом (стк. 962–973, 3767–4776), т. е. изложение его «биографии» начинается со времени его рождения и спасения матерью сына путем окрашивания его тела. Вероятно, в этом можно усмотреть какой-то древний архетип обрядового действия, совершаемого с новорожденными, но с сюжетной стороны поступок героини объясним как защита ребенка от губительницы рождаемых ею детей, хотя само сказание не дает каких-либо подробных пояснений.

В конце сюжета об Алтан Шагае возникает контаминированная линия с известным эпизодом из главного памятника устной поэзии бурят «Абай Гэсэр», в котором повествуется о том, как Гэсэр, потерпев поражение в битве с Лобсогой мангадхаем, обращен им с помощью колдовства в неутомимого осла [Абай Гэсэр, 1960, с. 217–218]. Если Гэсэра освобождает из плена его жена Алма Мэргэн, то в нашем сюжете с врагом Гэсэра бьется Алтан Шагай со своими двумя братьями и помощниками, спущенные с неба божествами-покровителями Гэсэра. Таким образом, эпизод из «Абай Гэсэра» адаптирован к сюжету улигера «Осодор Мэргэн». Контаминация с этим ярким эпизодом из «Гэсэра» свидетельствует о том, что сказитель Н. Гунханов хорошо знал улигер «Абай Гэсэр». Именно в унгинской версии в изложении Пёохона Петрова, талантливого знатока героического эпоса, нам известен эпизод о Гэсэре, превращенном в осла. Возможно, были какие-то контакты между сказителями или эта версия была широко распространена.

Это объединение известных, но разных сюжетов несет в себе печать некоторой искусственности, в возникновении такой контаминации могли сыграть роль несколько факторов. Во-первых, сказание логически уже завершалось последней сюжетной линией о богатырских подвигах Алтан Шагая. Сцепление этой линии с эпизодом из «Гэсэра» может свидетельствовать о сказительском вдохновении, и он продолжил далее эпосопение, включив известный слушателям эпизод; во-вторых, хорошо зная художественные вкусы своих земляков, улигершин мог таким образом напомнить о любимом ими произведении о Гэсэре. В-третьих, сказитель, несомненно, знал пантеон божеств и их функции. В контаминированном эпизоде на помощь земным богатырям отправляются божества, помогающие в ратных делах. Хотя они идут здесь в перечислительном порядке, всё же очевидно, что совет собравшихся небесных божеств решает спустить на землю именно тех небесных посланников, которые окажут помощь богатырям в битве с грозным врагом.

Учитывая предыдущее повествование о герое во втором сюжете и этот пятый сюжет, сказ об Алтан Шагае занимает 1050 стих. стк., в то время как главному герою сказания Осодор Мэргэну посвящено 1014 стих. стк. Несмотря на это, в повествовании о богатырях-братьях фигура Осодор Мэргэна постоянно присутствует как бы фоном в событиях сказания, тем самым поддерживается единая традиционная тема богатырского сватовства.

Синтагматическая связь сюжетов, наблюдаемая в улигере «Осодор Мэргэн», выдержана согласно каноническому сюжетостроению бурятского эпоса. Линейное развертывание событий не допускает одновременного параллельного развития других событий: если сказание повествует о подвигах одного богатыря, то только по завершении всех его деяний сказитель начнет повествование о следующем герое. Такое строение происходит в силу устной природы сказывания. Сказитель не может перескакивать с рассказа о жизни одного героя на сказ о другом, как это наблюдается, например, в кино или в романе. Хотя интересно заметить, что в сюжетной линии о матери с сыном, оказавшихся на острове, есть попытка формирования многоплановости. В рассказ о них как бы вклинивается вставное повествование о тяготах жизни Осодор Мэргэна, живущего с коварной Ашата, рыжей бабой, которая сумела отлучить его от всех друзей и гостей (стк. 1064–1092). Поведав об этом, сказитель далее продолжает повествование о матери с сыном, уже от него не отклоняясь.

Повествование о матери, закрытой вместе с сыном в бочке, их долгое плавание по морю, быстрое взросление сына за время плавания, обживание острова, на который их выбросило волной, является распространенным мировым сюжетным типом сказки, который в Сравнительном указателе сюжетов (СУС) обозначен под номером 707 Чудесные дети. Широко известна на этот сюжет сказка А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

В аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Берёзкин вычленил основной мотив K73b1 «Мать и ребёнок в бочке», который имеет широкое распространение у португальцев, итальянцев (Венето), ладин, французов (в том числе Верхняя Бретань), венгров, болгар [беременную], греков, русских (Терский берег, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Псковская), белорусов (и русские Смоленской губ.), чехов [в лодке], поляков, терских казаков, западных саамов, карелов, финнов, вепсов, эстонцев, сету, Лутси, латышей, литовцев, мордвы, мари,

тофаларов, северных (?) хантов. Этот мотив тесно сплетается с другим, который Ю. Е. Берёзкин обозначил как K73a4 «Ребёнка подменяют щенком»³. Но здесь недоброжелательницами выступают сестры роженицы или ее свекровь, или повитуха, мельничиха, королева. В нашем сюжете каждый раз родившихся старших сыновей выбрасывает *мангадхайка*, а Осодор Мэргэну сообщает, что его жена родила щенка.

Мотив K73b1 «Мать и ребёнок в бочке» в формулировке Ю. Е. Берёзкина точнее передает наш сюжет, чем сюжет 707 Чудесные дети (СУС), Три золотых сына (АТ 1961), Трое золотых детей (АТУ). Этот сказочный сюжет привлек внимание исследовательницы Т. Ю. Хэмлет, которая в трех статьях провела его сравнительный анализ в международных, некоторых региональных и национальных указателях сказочных сюжетов [Хэмлет, 2013в; 2013б; 2014]. Она ссылается на труд С. Томпсона «Фольклорная сказка», где он «подчеркнул, что данный сюжет является одним из восьми – десяти самых распространенных сюжетов в мире <...> Поэтому сказочный сюжет Чудесные дети часто называют универсальным» [Хэмлет, 2013а, с. 199]. В популярности и широкой распространенности этого сюжета исследовательница, вслед за Б. Н. Путиловым, считает проявление фольклорной типологии, объясняемой «общими закономерностями исторического развития человеческого общества» [Там же, с. 200].

Войдя в бурятский фольклор в качестве «кочующего мотива», он обретает свою сюжеттику, специфику и звучание. Известные по сказке А. С. Пушкина события и диковины в «Осодор Мэргэне» имеют свои особенности, свойственные бурятскому эпосу. Узнаваема в улигере только основа международного мотива: героиня с выбитым глазом, со сломанной рукой заключается в бочку с сыном и выбрасывается в море. Бочка выкидывается волной на берег, где герои находят пристанище. Появляются типичные для эпоса образы: хрустально-белая кукушка с лошадиную голову, которая обладает магической способностью обогащать бедных, воскрешать мертвых, слепых делать зрячими, безрогих одаривать рогами (стк. 1265–1272). Образ кукушки свойственен не только бурятскому героическому эпосу, но встречается и в тюркском эпосе народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, шорцев). Кроме кукушки, Алтан Шагай укрощает и приводит домой «Бешеную рыжую собаку» – *Гуниг шара нохой* (стк. 1523–1530), а в качестве домашнего скота добывает девять небесных мамонтов (стк. 1523–1530, 1613–1618). Образы мамонтов встретились нам только в этом сказании.

По сути, каждая сюжетная линия о сыновьях Осодор Мэргэна могла бы составить отдельное сказание о богатырских подвигах и героическом сватовстве, тем более композиционно каждая содержит все ключевые элементы эпического повествования: завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.

Функционально завязка в героическом эпосе играет значительную роль, она побуждает к действию, в ней содержится ценностный мотив для героя, обретающий для каждого конкретного сказания свой смысл и побудительную причину для развития событий в эпическом мире. В «Указателе типических мест...» [Кузьмина, 2005, с. 8, II.A.4] завязка обозначена нами как мотивировка выезда богатыря (богатырки) из дома, и приведен ряд поводов для этого. В улигере «Осодор Мэргэн» в каждой сюжетной линии завязкой является желание найти свою суженую,

³ См.: Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 18.01.2023).

о которой герои (Осодор Мэргэн, все его три сына-богатыря) вычитывают в Книге судеб.

Еще одной композиционной особенностью улигера «Осодор Мэргэн» является наличие нескольких песенных вставок *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угталгын дуун* («призывные» или «встречные» песни). Не каждое улигерное повествование имеет такие вставки. Это свойственно большим сказаниям, например, песенные напевы встречаются в «Гэсэре» (10591 стих. стк.). Начиная сказывание, сказитель вместе со слушателями пел *«угталгын дуун»*. Д. С. Дугаров пишет: «“Призывные”, или “Встречные”, песни, как и “Прощальные,” у разных улигершинов и в разных улигерах бывают разными как по содержанию, так и по форме и напеву» [1960, с. 515].

В улигере «Осодор Мэргэн» есть «Призывная» песня (стк. 1–21), «Прощальная» песня (стк. 5761–5786, т. е. 26 строк) и пять песен для «заполнения пауз», все разного объема. Песни «Сэг даралга» несли функциональную нагрузку, заполняя паузы, связанные с передышкой сказителя, активизировали внимание и включенность слушателей в процесс сказывания. Кроме того, эти песни маркировали собой переход между сюжетными линиями.

С. П. Балдаев в процессе подготовки своей записи к сдаче в архив (большая часть текстов перепечатана им на пишущей машинке), по-видимому, заметил, что просматриваются явные сюжетные линии, и начал их маркировку римскими цифрами, как бы выделяя разделы в тексте. Но выделение получилось непоследовательным. Так, после второй песни «сэг даралга» (стк. 2244–2253, т. е. 10 строк) проставлена римская цифра III, хотя в предыдущем изложении не было разделений. В этом разделе III начинается повествование о братьях, прибывших к своему отцу Осодор Мэргэну. После сказа об этом следует третья песня «сэг даралга» (стк. 2472–2480, т. е. 9 строк), и без нумерации идет сюжетная линия о старшем сыне Хухэрдэй Мэргэне, которая также оканчивается песней «сэг даралга» в 13 строк (стк. 3105–3117). Далее следует сюжет о среднем сыне Мунгэн Шагае, который обозначен цифрой IV, завершающийся песней «сэг даралга» в 35 строк (3732–3766). Далее повествования о среднем брате Мунгэн Шагае и младшем Алтан Шагае идут под номерами IV и V соответственно. Таким образом, улигер «Осодор Мэргэн» предстает как художественно развитый традиционный эпос с цельной композиционной системой.

Формульно-поэтическая организация сказания «Осодор Мэргэн»

За долгое время бытования и развития эпоса сложился определенный стилизованный комплекс, куда вошли отшлифованные поэтические выражения, обороты, устойчивые описания, которые стали стереотипами, «общими местами», активно используемыми всеми сказителями, хорошо знающими язык героических сказаний и закономерности их традиционного сюжетостроения. В момент исполнения сказителю было важно иметь готовые средства, чтобы, не запинаясь, продолжать сказывание. Часто бурятские сказания исполнялись несколько вечеров подряд, от захода солнца и до рассвета. Альберт Лорд писал, что «устное произведение не создается для исполнения, оно создается *в процессе* исполнения» [Лорд, 2018, с. 71]. М. Пэрри и А. Лорд объясняли: «...Каким образом устный поэт справляется с требованиями, продиктованными быстрым сложением, не прибегая к помощи письма или заучивания устойчивого текста? На помощь приходит тради-

ция» [Лорд, 2018, с. 84], т. е. «...на протяжении многих поколений были выработаны различные обороты, которые в нескольких ритмических схемах выражают понятия, наиболее часто встречающиеся в этой традиции» [Там же].

Героический эпос, как показывает «Структура указателя типических мест героического эпоса народов Сибири...» [Кузьмина, 2005, с. 8–10], имеет устойчивый алгоритм сюжетостроения. В процессе формирования эпоса сложилась определенная последовательность эпизодов и описаний, соответствующих заданной теме и задаче. Логическое сцепление связанных описаний и эпизодов скреплено стереотипами, построенными на формулах и устойчивых выражениях, которые, в свою очередь, имеют ключевые слова, маркирующие эти «общие места».

Значение этих стереотипов («общих мест», типических мест) трудно переоценить. В памяти сказителей складывалась определенная схема, по которой должно было следовать изложение событий того или иного сказания. В самом общем виде (схематично) типичную фабулу героического сказания можно представить следующим образом: время, когда происходили эпические события → появление богатыря → его выезд из дома → богатырская езда → встреча в пути с врагами / побратимами → поочередная, последовательная битва богатыря (от более слабого противника к сильнейшему) → победа богатыря → пир (свадебный / по случаю победы). Во время исполнения сказитель наполняет этот каркас готовым поэтическим материалом в виде типических описаний, превращая его в художественное увлекательное повествование о богатырских деяниях. Чем талантливее сказитель, тем более он склонен к импровизации, тем красочней выглядит языковая ткань произведения, но, естественно, степень импровизации ограничена традицией.

Такое же фабульное строение прослеживается и в сказании «Осодор Мэргэн». Рассмотрим на некоторых типичных примерах поэтическую организацию этого *улигера*. Время эпических событий, называемое временем первотворения, эпос относит к самому счастливому, благополучному и процветающему периоду жизни эпических персонажей. Это время формирования флоры и фауны на земле, время рождения главного богатыря и строительства им великолепнейшего дворца из золота, серебра и стекла. В таком же традиционном ключе предстает описание этого времени и в «Осодор Мэргэне»:

*Уряани уринда
Уран ехэ сагта,
Эртэни энхэдэ,
Энхэ сагай түрүүндэ
Түрүүтэни түрүүндэ
Тэгшэ сагай мэндэдэ,
Захын модоной
Загдуулай байхада,
Загал буга хоёрой
Инзаган байхада,
Ухаа дубуунай
Ногооложо байхада,
Хуһан модоной
Намаалажа байхада,
Ангар ехэ далайн
Горхон байхада,*

В давнюю старину,
В пору великого времени,
Прежнего счастья,
В счастливой древности,
В далёкой древности,
В прошлое спокойное время,
Когда дерево на краю [земли]
Ещё ростком было,
Тёмный изюбр
Ещё детёнышем был,
Бугристый холм
Ещё травой покрывался,
Берёза-дерево
Ещё листвой распускалась,
Ангара – море огромное
Ещё ручейком была,

Абарга ехэ загаһанай

Жараахай байхада...

Осоодор Мэргэн, стк. 22–39

Абарга – рыба огромная

Ещё мальком была...

Осоодор Мэргэн, стк. 22–39

Для сказителей важно подчеркнуть давность событий. По характеру такого описания можно увидеть, насколько пространным, красочным и детальным будет в целом повествование. В этом описании, как и в других произведениях этой традиции, обычно следует перечислительный ряд, в котором упоминаются животные, растительность и географические объекты, характерные для природы Приангарья. И это не удивительно, поскольку данный образец относится к западно-бурятской эпической традиции. По объему картина первотворения предстает разной. В сказании «Аламжи Мэргэн» она составляет 309 поэтических строк, в «Осоодор Мэргэне» – 155 строк.

Следующий блок – Богатырская езда II.A.7 [Кузьмина, 2005, с. 8] состоит из описаний времени, пространства и препятствий, которые приходится преодолевать богатырю:

Ерэн ели дайдые

Юһэн үдэрөөр болзоон ябаба,

Наян ели газари

Найман үдэрөөр болзоон ябаба.

Харабсар дэли

Хабталзан ошобо,

Бүргэд дэли

Бөрөлзөжө ошобо.

Осоодор Мэргэн, стк. 3139–3146

Расстояние в девяносто лет,

За девять дней проезжал,

Расстояние в восемьдесят лет,

За восемь дней проезжал.

Как орел,

Раскинувшись, ехал,

Как беркут,

Распластавшись, ехал.

Осоодор Мэргэн, стк. 3139–3146

Гиперболизм – основной поэтический прием эпоса, в описании используется в полной мере. Кроме этого, прослеживается двустрочная начальная анафора в первых слогах слов: *наян* – *найман*; *харабсар* – *хабталзан*; *бүргэд* – *бөрөлзөжө*. Красоту в создании картины богатырской скачки создает применение числового соответствия, которое формирует внутреннюю поэтическую гармонию и еще более усиливает гиперболическое изображение: девяносто – девять; восемьдесят – восемь. «Расстояние в девяносто лет, / За девять дней проезжал, / Расстояние в восемьдесят лет, / За восемь дней проезжал» – *Ерэн ели дайдые / Юһэн үдэрөөр болзоон ябаба, / Наян ели газари / Найман үдэрөөр болзоон ябаба*.

За длительную богатырскую езду не раз происходит смена времен года, которая описывается в традиционно принятом стиле, как и во всех других сказаниях:

Алаг саазагай дуугаар

Үбэл гэжэ ерүүлээ,

Алтагай гургалдайн дуугаар

Нажар гэжэ ерүүлээ.

Осоодор Мэргэн, стк. 504–507

По стрёкоту пёстрой сороки

Узнавал, что [наступила] зима,

По пению золотого соловья

Узнавал, что [наступило] лето.

Осоодор Мэргэн, стк. 504–507

Упоминаются в подобных описаниях определенные виды птиц: сорока, жаворонок, соловей, кукушка, ворон, т. е. те виды, которые обитают в сибирской природе. В. М. Гацак рассмотрел этот вид описаний в архаическом эпосе и пришел к выводу о том, что этот особый тоpos длительности обнаруживает «паразитель-

ное сходство в ряде сибирских эпических традиций», и вслед за М. Бахтиным, отметившим «слияние пространственных и временных примет», раскрыл в них «свойство *хронотоп*а («времяпространства») [Гацак, 1989, с. 15]. Также он заметил, что в якутском эпосе «постоянно “означены” все четыре времени года (как мы увидим, это почти не встречается в других эпических традициях, за исключением эвенкийской)» [Там же, с. 9]. Действительно, в бурятском эпосе, включая и исследуемое сказание, чаще говорится о смене только зимы и лета, хотя есть произведения, где описываются природные признаки всех времен года, например, в улигере «Хэедэр Мэргэн» [Кузьмина, 2005, с. 337, Бур. II.A.7+7a.12]:

Налахадан намар гэжэ һанана,

Сайбад гэхэдэн

Үбэл гэнэ,

Хара хирээгэй хаагалхада

Хабар гэнэ,

Хаан хүхын донгодходо,

Зун гэжэ һанажа ябажа

Тэрэ хатарна.

Хэедэр Мэргэн, с. 29

– Тихая погода, значит, это осень, –

думает, –

Замелькало белое,

[Значит,] настала зима,

Чёрный ворон закаркал –

Весна пришла,

Царь кукушка кукует –

Наступило лето,

Так он ехал – думая [про себя].

Хэедэр Мэргэн, с. 88

Как обнаружил В. М. Гацак, в тувинском эпосе распространен «топос длительности с “умозаключениями” в виде прямой речи (как в ряде бурятских и одной из эвенкийских версий)» [Гацак, 1989, с. 13]. В нашем примере смена времен года воспринимается героем мысленно. По видимым признакам и звукам природы богатырь на скаку улавливает перемены вокруг.

Блок битвы богатыря с противниками занимает значительную часть героических повествований, что объясняется характером эпоса, и эти описания сплошь построены на устойчивых стереотипах. Анализ всего этого блока невозможен в статье из-за громадного объема «общих мест». Здесь ограничимся ссылкой на Указатель типических мест [Кузьмина, 2005, с. 9], где под индексом II.A.14a, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, 15-22 даны типичные примеры из сказаний, куда относится и «Осодор Мэргэн», ярко иллюстрирующие боевые подвиги богатырей. Надо сказать, что эпос, органично вбирая в себя поэтические достижения других фольклорных жанров (пословицы, поговорки, народные афоризмы, сказка), в части, где идет повествование о трудных задачах, задаваемых богатырю при его сватовстве, и о поисках души противника в целях усиления увлекательности описываемых действий, использует эпизоды, характерные для бурятской сказки. Так, в сюжетной линии о старшем сыне Осодор Мэргэна, вступившем в битву с девяностопятиголовым мангадхаем-чудовищем, подробно повествуется, с каким трудом удается ему победить врага. Когда он срезает все головы чудовища, то из средней головы вылетает его душа в виде девяти перепёлок. Богатырь оборачивается девятью ястребами и сбивает перепёлок, когда остается одна птичка, она превращается в манную крупу и просыпается крупинками на землю. Тогда Хухэрдэй Мэргэн оборачивается в девять кур и начинает склевывать крупу. Оставшаяся одна крупинка превращается в девять рыбешек, тогда богатырь, обернувшись щукой, заглатывает всех этих рыб. Такие превращения характерны для сказочных сюжетов, которые усиливают занимательность сказки [Там же, с. 469, Бур. II.A.14л.1].

После достижения всех целей устраивается победный пир, описание которого тоже типизировано. Неизменно все богатыри стремятся возвратиться в родную землю. Мотивировка такого желания у всех стандартна:

«Хари хүн харида багтаха үгы, Хандагайн сэмэгэн тогоондо багтаха-гүй юм! – Гарахан түрэнхэн дайдада Ошохо минии!» Осоодор Мэргэн, стк. 3714–3717	«Чужой человек на чужбине не приживается, Берцовая кость лося в котле не помещается. К своей земле, где родился, появился, Поеду я!» Осоодор Мэргэн, стк. 3714–3717
---	--

В этом послыле заложен культурный код, истари воспитывающий в человеке патриотизм и любовь к родной земле, к своим истокам. Героический эпос всех сибирских народов устойчив в этом и неизменен в своей патриотической направленности.

Таким образом, анализируемое сказание «Осоодор Мэргэн», записанное в 1941 г., еще отражает период активного бытования героического эпоса, сохраняя в себе все художественные достоинства западно-бурятской эпической традиции. Хорошо развитая сюжетная канва, поэтический язык, композиционные элементы, к которым относятся песенные вставки *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угтал-гын дуун* («призывные» или «встречные» песни), свидетельствуют о том, что мы располагаем традиционным произведением. Богатая художественная структура сказания говорит о том, что оно было популярным произведением у слушателей и потому активным в репертуаре сказителя Николая Гунхановича Гунханова.

Список литературы

Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73b1.html>; <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73a4.html> (дата обращения 18.01.2023).

Ванчикова Ц. П. Фольклорист С. П. Балдаев и сказитель П. М. Тушемилов: жизнь и творчество // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 2. С. 105–110.

Гацук В. М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.

Дугаров Д. С. Напевы бурятских улигеров // Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплекс. науч.-исслед. ин-т Сиб. отд-ния Акад. наук СССР, 1960. С. 505–524.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов); Эксп. изд. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Лорд А. Б. Сказитель / [Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 552 с. + 1 CD-ROM.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 1 // Научный диалог. 2013а. Вып. 5 (17). С. 198–219.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 2 // Научный диалог. 2013б. Вып. 10 (22). С. 61–75.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 3 // Научный диалог. 2014. Вып. 4 (28). С. 100–114.

Шерхунаев Р. А. Николай Гунханов // Бурятские народные сказители. Иркутск: Ирк. обл. тип. № 1, 1998. Ч. 3. С. 10–39.

Список источников

Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплекс. науч.-исслед. ин-т Сиб. отд-ния Акад. наук СССР, 1960. 314 с.

Осоодор Мэргэн. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Фонд 36, опись 1, дело 232. 193 листа.

Хэедэр Мэргэн / Подгот. текста, пер. и примеч. М. Н. Намжиловой // Улигеры хори-бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. С. 23–80.

References

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by areal. Analytical catalog]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73b1.html>; <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73a4.html> (accessed 18.01.2023).

Dugarov D. S. Napevy buryatskikh uligerov [Tunes of Buryat uligers]. In: *Abay Geser*. A. I. Ulanov (Intr., text prep., transl. and comment.). Ulan-Ude, Bur. kompleks. nauch.-issled. in-t Sib. otd-niya Akad. nauk SSSR, 1960, pp. 505–524.

Gatsak V. M. *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni. Istoricheskoe issledovanie poetiki* [Oral epic tradition in time. Historical study of poetics]. Moscow, Nauka, 1989, 256 p.

Khemlet T. Yu. Opisaniye skazochного syuzheta 707 Chudesnyye deti v mezh-dunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 1 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 1]. *Scientific Dialogue*. 2013a, iss. 5 (17), pp. 198–219.

Khemlet T. Yu. Opisaniye skazochного syuzheta 707 Chudesnyye deti v mezhdu-narodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 2 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 2]. *Scientific Dialogue*. 2013b, iss. 10 (22), pp. 61–75.

Khemlet T. Yu. Opisanie skazochного syuzheta 707 Chudesnye deti v mezhdu-narodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 3 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 3]. *Scientific Dialogue*. 2014, iss. 4 (28), pp. 100–114.

Kuzmina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altai, Buryats, Tuvinians, Khakassians, Shorians, Yakuts)]. Exp. ed. Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 1383 p.

Lord A. B. *Skazitel'* [The singer of tales]. Yu. A. Kleyner, G. A. Levinton (Prep., transl. from English, comm.). 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2018, 552 p.

Sherkhunaev R. A. Nikolay Gunkhanov. In: *Buryatskie narodnye skaziteli* [Buryat folk storytellers]. Irkutsk, Irk. obl. tip. no. 1, 1998, pt. 3, pp. 10–39.

Vanchikova Ts. P. Fol'klorist S. P. Baldaev i skazitel' P. M. Tushemilov: zhizn' i tvorchestvo [Folklorist S. P. Baldaev and storyteller P. M. Tushemilov: life and creativity]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2020, no. 2, pp. 105–110.

List of sources

Abay Geser. A. I. Ulanov (Intr., text prep., transl. and comment.). Ulan-Ude, Bur. complex. Sci.-research institute of the Siberian branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, 314 p.

Kheeder Mergen. M. N. Namzhilova (Text preparation, translations and notes). In: *Uligery khori-buryat* [Uligers of Khori-Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, pp. 23–80.

Osoodor Mergen. Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts of the IMBT SB RAS. Fund 36, invent. 1, case 232, 193 p.

Информация об авторе

Евгения Николаевна Кузьмина, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Evgeniya N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 13.08.2023;

одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 17.08.2023

The article was submitted on 13.08.2023;

approved after reviewing on 17.08.2023; accepted for publication on 17.08.2023

Научная статья

УДК 004.771

DOI 10.17223/18137083/85/2

Виртуальные исследовательские среды и их значение для гуманитарных наук

Анна Александровна Гриневич

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

annazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7607-8387>

Аннотация

Статья посвящена современным стратегиям научного взаимодействия. Описывается понятие «виртуальная исследовательская веб-среда», которая предоставляет доступ к данным, инструментам и ресурсам; способствует сотрудничеству и совместной работе между исследователями; упрощает международное сотрудничество. Приводится обзор ряда виртуальных исследовательских сред в гуманитаристике, а также обсуждается актуальность их использования для изучения фольклора. Автор рассуждает о том, какие функции и инструменты актуальны для фольклористических исследований, есть ли особые требования фольклористического научного сообщества (сохранение культурного наследия, доступ к данным, соблюдение авторских прав, сравнительные исследования и т. п.). Также приводятся аргументы в пользу стратегий сотрудничества, которые имеют большой потенциал для улучшения результативности научных исследований.

Ключевые слова

виртуальная исследовательская среда, методология науки, открытая наука, доступ к данным, сотрудничество, результативность научных исследований, фольклористика, гуманитарные науки

Для цитирования

Гриневич А. А. Виртуальные исследовательские среды и их значение для гуманитарных наук // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 22–34. DOI 10.17223/18137083/85/2

Exploring the virtual research environments and their value for the humanities

Anna A. Grinevich

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

annazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7607-8387>

Abstract

The paper focuses on new strategies of scientific collaboration that have become possible in the modern global world. The concept of a virtual research environment is described as

© Гриневич А. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 22–34

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 22–34

providing access to data, tools, and resources, facilitating collaboration or joint work with other researchers in the same or different institutions, and simplifying international cooperation by overcoming geographical boundaries. The availability of data, tools, computing resources, and enhanced communication with colleagues enables expedited outcomes and fosters the emergence of novel research avenues. Open data-based research proves more trustworthy because the results can be easily verified. It is noted that the virtual research environment facilitates researchers' integration into a virtual research community. Emphasis is placed on the importance of virtual research environments in modern humanities, with examples of organizations involved in developing these environments and the key characteristics and advantages of their usage described. An overview of various virtual research environments in the humanities is provided. The author discusses the functions and tools relevant to folklore studies and the specific requirements of the folklore research community (preservation of cultural heritage, access to data, compliance with copyright, comparative research, and others). In addition, the arguments favoring collaborative strategies as a powerful tool for improving the effectiveness of scientific research are presented.

Keywords

virtual research environment, science methodology, open science, data access, collaboration, research productivity, folklore studies, humanities

For citation

Grinevich A. A. Exploring the virtual research environments and their value for the humanities. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 22–34. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/2

Введение

Формы науки и научного взаимодействия до последнего времени менялись, становясь все более глобальными, многополярными и сетевыми [Llewellyn et al., 2011]. Эта тенденция требует инновационных поддерживающих сред, в которых ученые могут получать доступ к данным и программному обеспечению. Доступ к данным, инструментам, вычислительным ресурсам и упрощенная коммуникация с коллегами – всё это позволяет получать результаты быстрее и приводит к появлению новых открытий и направлений исследований [Clivaz, Allen, 2021, p. 1–3]. Одним из преимуществ виртуальных исследовательских сред является возможность легкой верификации результатов. Поскольку все исследования проводятся на открытых данных, они становятся доступными для общественности, других ученых и экспертов для проверки и повторного анализа. Такая прозрачность и возможность повторной проверки способствуют повышению доверия к результатам исследований, а также позволяют обнаружить и исправить возможные ошибки или неточности.

Существует несколько организаций, которые пытаются сформулировать понятие и особенности виртуальных исследовательских сред. Британское агентство JISC¹ занимается цифровыми технологиями и данными в области высшего образования, исследований и инноваций. В Германии развитием этого направления занимается Deutsche Forschungsgemeinschaft².

¹ JISC. <https://www.jisc.ac.uk/> (дата обращения 27.07.2023).

² Deutsche Forschungsgemeinschaft. <https://www.dfg.de/> (дата обращения 27.07.2023).

Понятие «виртуальная исследовательская среда»

Согласно источникам, виртуальная исследовательская среда (ВИС) может быть описана как набор веб-приложений, онлайн-инструментов, систем и процессов, работающих для облегчения исследовательского процесса как внутри, так и за пределами институциональных границ. Такие платформы позволяют осуществлять совместные исследовательские проекты и помогают преодолевать преграды, связанные с географическими ограничениями. Чтобы отличить ВИС от комбинации телефона, электронной почты и ноутбука, следует пояснить, что такая среда облегчает сотрудничество между исследователями и обеспечивает доступ к данным, а главное – к инструментам через техническую платформу, которая обеспечивает доступ к широкой исследовательской инфраструктуре [Carusi, Torsten, 2010]. Существуют и другие термины, которые используются вместо ВИС: коллаборативная виртуальная среда [Churchill et al., 2001; Redfern, Naughton, 2002], киберинфраструктура или электронная инфраструктура [Goldberg, Franklin, 2007], коллаборативные электронные исследовательские сообщества [Bos et al., 2007], виртуальное исследовательское сообщество, виртуальная организация. Наиболее заметным отличием этих терминов является то, что определения, которые используют понятие «сообщество», сосредоточены на группе исследователей, использующих виртуальную среду, а не саму эту среду. Важно понимать, что ВИС – это среда, в которой исследователь взаимодействует с виртуальным исследовательским сообществом и становится его частью.

Сотрудничество и теория игр

Стратегии сотрудничества имеют большой потенциал для улучшения результативности. Это было доказано математически. Теория игр исследует конфликт и сотрудничество формализованным образом. Ситуация является «игрой», когда а) более одного участника игры, или актора, принимают решение и б) решения акторов влияют друг на друга. Согласно теории игр, сотрудничество является оптимальным решением для коллективного благополучия. Изменение мотивации игроков так, чтобы они хотели помогать другим и сотрудничать, является одним из способов избежать «дилеммы заключенного». Это разновидность игры, в которой у всех игроков есть доминирующая стратегия (действие, приносящее игроку наивысшую возможную выгоду), и ситуация, в которой отдельные акторы имеют стимул выбирать таким образом, чтобы создать менее оптимальный результат для группы. Тем не менее игра будет более результативной, если каждый откажется от своей доминирующей стратегии, при этом принесет наибольшую выгоду группе в целом. Одним из способов избежать дилеммы заключенного является изменение мотивации игроков так, чтобы они хотели помогать другим и сотрудничать [Hamburger, 1973].

Сотрудничество имеет огромное значение для науки, оно позволяет ученым обмениваться знаниями, исследовательскими результатами и опытом. Это способствует развитию научного сообщества и ускоряет прогресс в научных исследованиях. Согласно отчету Королевского общества, «collaboration brings significant benefits, both measurable (such as increased citation impact and access to new markets), and less easily quantifiable outputs, such as broadening research horizons» [Llewellyn et al., 2011, p. 6] «Сотрудничество приносит значительные выгоды, как измеримые (например, увеличение цитируемости и доступ к новым возможно-

стям), так и менее очевидные, такие как расширение горизонтов исследований'. Соответственно, Королевское общество Великобритании дает рекомендации сохранять и укреплять международную научную поддержку, а также поощрять, поддерживать и облегчать международное научное сотрудничество.

Основными преимуществами ВИС являются: научное сотрудничество на расстоянии; обмен информацией между учеными; доступ к навыкам, знаниям, исследовательским данным и вычислительным ресурсам; совместное написание научных материалов.

Современный коллективистский подход противопоставляется образу «одинокого» ученого XIX в., героические усилия которого приводили к серьезному вкладу в науку, однако научный прогресс может идти быстрее, если объединить усилия многих специалистов.

Свойства ВИС

Никто не знает, сколько существует ВИС. Некоторые из них могут оставаться неопубликованными и использоваться только для внутренних целей. Независимо от используемого термина понимание ВИС сводится к характеристическим особенностям, выявленным JISC. Это электронная веб-среда, созданная а) для доступа к данным, инструментам и ресурсам; б) для сотрудничества или совместной работы с другими исследователями в одном или разных учреждениях; в) для сотрудничества на международном уровне; г) для сохранения и управления данными и результатами [Llewellyn et al., 2011, p. 15]. Не все такие среды выполняют весь набор функций, но, как правило, они выполняют две или более из них.

Для обеспечения удобства использования важно, чтобы ВИС была сосредоточена на потребностях исследователей и конкретных исследовательских сообществ, ставя их в роли ведущих в разработке ВИС. Это предполагает пользовательскую разработку снизу вверх. Нет единого способа разработки ВИС, подходящего для всех случаев, поэтому необходимо предоставить пользователям ВИС возможность создавать собственные среды с инструментами и другими ресурсами, соответствующими их исследовательским потребностям.

Обзор ВИС в гуманитарных науках

Обзор ВИС в литературе формирует впечатление, что в естественных науках их использование существенно больше, чем в социальных и гуманитарных отраслях знания. Тем не менее можно привести несколько успешных примеров функционирования ВИС для гуманитарных исследований. В основе большинства таких систем лежат ценности, поддерживающие открытую науку.

1. CLARIN³ – Common Language Resources and Technology Infrastructure ‘Общая инфраструктура для языковых ресурсов и технологий’ – это цифровая инфраструктура, предоставляющая доступ к широкому спектру языковых данных и инструментов для поддержки исследований в гуманитарных и социальных науках. CLARIN предоставляет доступ к мультимодальным цифровым языковым данным (текст, звук, видео) и продвинутым инструментам для исследования, анализа или комбинирования этих наборов данных. CLARIN – это распределенная цифровая

³ CLARIN. <https://www.clarin.eu/> (дата обращения 27.07.2023).

инфраструктура, в которой участвуют различные центры в Европе и за ее пределами, включая университеты, исследовательские организации, библиотеки и публичные архивы. CLARIN предлагает широкий спектр приложений для обнаружения, исследования, использования, аннотирования, анализа или объединения языковых данных. Например, выявление ключевых слов, морфосинтаксическая разметка, морфологический анализ, обнаружение отношений именованных объектов и мн. др.

2. DARIAH⁴ – это исследовательская инфраструктура, которая поддерживает цифровые исследования и преподавание в области искусства и гуманитарных наук. Эта ВИС поддерживает исследовательские практики на основе ICT (Research in information and communication technologies ‘Исследования в области информационных и коммуникационных технологий’), а также работает с сообществами практиков и масштабирует их результаты до европейского уровня. Эта платформа предоставляет различные цифровые средства для анализа языковых данных. Например, платформа поддерживает изучение тем и содержания в коллекциях текстов, метод анализа, который позволяет выявить распределение семантических кластеров слов («тем») в коллекции текстов. Его можно использовать для изучения содержания корпуса, а также для создания функций, связанных с содержанием, для компьютерной классификации текстов.

3. Открытый доступ к языковым ресурсам, другим типам данных, а также сервисам для поддержки исследований в области цифровых гуманитарных и социальных наук предоставляет проект Карлова университета LINDAT⁵. Эта уникальная исследовательская среда предоставляет доступ к репозиторию языковых данных и позволяет применять цифровые средства для их исследования, такие, например, как токенизация, разметка, лемматизация, синтаксический разбор зависимостей, распознавание именованных объектов, морфологический анализ и др. Данная цифровая среда является частью CLARIN и DARIAH и предоставляет этим платформам свои инструменты.

4. Российская лингвистическая платформа LingvoDoc⁶ была разработана для создания, анализа и хранения словарей, корпусов и конкордансов различных языков и диалектов. Эта платформа предоставляет исследователям программное обеспечение, которое воспроизводит экспериментально-фонетическую, этимологическую и морфологическую работу. База данных платформы содержит уникальные материалы по исчезающим языкам России. В настоящее время в ней содержится более 1 000 звуковых словарей и 300 текстовых корпусов, представляющих диалекты разных языков, а также ведется запись о некоторых вымерших языках (например, восточномансийском).

5. «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов⁷. Это электронный инструмент для сравнительного изучения текстов «Слова о полку Игореве», который имеет большую базу данных и позволяет визуализировать различия между вариантами. Особенностью корпуса является способ представления текстов, которые помещаются не в обычные столбцы, а в строки. Соответствующие фрагменты текста находятся один под другим, что помогает исследователю получить

⁴ DARIAH. <https://www.dariah.eu/> (дата обращения 27.07.2023).

⁵ LINDAT. <https://lindat.mff.cuni.cz/> (дата обращения 27.07.2023).

⁶ LingvoDoc. <http://lingvodoc.ru/> (дата обращения 27.07.2023).

⁷ «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов. <http://nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения 27.07.2023).

полную визуальную информацию о сходствах и различиях вариантов, о переводах и различных интерпретациях. Подробное описание ресурса см. [Орехов, 2009].

6. Историко-географический подход применяется в проекте «Карта мифов»⁸, в котором на карте визуализируется дистрибуция фольклорных мотивов по всему земному шару. На основе этого ресурса осуществляется статистический, а именно факторный, анализ данных [Березкин, 2003].

7. ВИС активно используются в зарубежном антиковедении. Такие проекты способствуют преодолению эпистемологических и методологических границ между разными дисциплинами, например археологией, цифровыми гуманитарными науками, информатикой, папиристикой, палеографией и палеолингвистикой. Этим целям служит проект «Crossing Boundaries: Understanding Complex Scribal Practices in Ancient Egypt» 'Понимание сложных письменных практик в Древнем Египте', который использует контекстуализированный междисциплинарный подход к письменным материалам, созданным в Дейр-эль-Медина.

ВИС для фольклора

Обзор ВИС в гуманитарных науках показывает, что значительные результаты были достигнуты в области лингвистики. Изучение фольклора пересекается с лингвистическими исследованиями, но также имеет свои специфические задачи, связанные с другими уровнями текста, включая анализ мотивов и сюжетов.

Виртуальная исследовательская среда для изучения фольклора чрезвычайно актуальна, потому что эта область знаний не занимается изучением отдельных явлений. Вариативная природа фольклора требует систематизации множества вариантов и контаминаций различных типических элементов текста. Сравнительное исследование фольклора имеет огромное значение при анализе различных культурных проявлений. Доступ к данным чрезвычайно важен для таких исследований, поскольку позволяет ученым опираться на обширные коллекции фольклорного материала, что способствует более точному и надежному проведению исследования. Благодаря разнообразию доступных данных исследователи могут разрабатывать системы классификаций и типологии фольклорных явлений, а также выявлять общие тенденции и различия между языковыми культурами. Цифровые архивы и базы данных имеют большое социальное значение, удовлетворяя социальный запрос на сохранение и предоставление доступа к различным формам фольклорного материала для будущих поколений.

К специфическим требованиям фольклорного исследовательского сообщества можно отнести сохранение культурного наследия, доступ к данным, соблюдение авторских прав, проведение сравнительных исследований.

Для удовлетворения потребностей научного сообщества набор программных средств для изучения фольклора может включать в себя следующие функции:

1) загрузка и хранение текстов и связанных мультимедийных ресурсов, чтобы обеспечивать сохранность нематериального культурного наследия и показывать контекст социальных практик, в рамках которых функционируют устные тексты;

2) семантическая разметка текстов;

3) использование геоинформационных технологий для обработки и сохранения пространственных данных, отражающих дистрибуцию языковых традиций на карте.

⁸ Карта мифов. <http://mapsofmyths.com/> (дата обращения 27.07.2023)

Для успешного исследования фольклора необходимо применять процедуры фольклорного анализа, которые позволят структурировать данные на основе различных характеристик. Это может включать такие параметры, как семантика, время и место записи, жанр, коммуникативное значение и др. Чем больше информации будет доступно исследователю, тем больше закономерностей и общих тенденций он сможет обнаружить.

Перспективными для ВИС, разработанных для изучения фольклора, могут стать методы многокомпонентного статистического анализа и методы обработки естественного языка. Уже существуют успешные примеры применения статистических методов и методов обработки естественного языка для определения языкового родства [List et al., 2017] и установления прародины языковых семей [Robbeets et al., 2021]. Применение этих исследовательских методов к фольклорному материалу может помочь выявить общие тенденции, сходства и различия в фольклоре. Это, в свою очередь, приведет к новым открытиям и более глубокому пониманию эволюции фольклора. ВИС, снабженная инструментами для такого типа анализа, позволит систематизировать разнообразные параметры, выделенные исследователями в текстах. В частности, методы выравнивания последовательностей могут оказаться полезными в контексте анализа фольклорных данных, например, для сравнительного изучения в области сюжетологии.

Такие методы также могут быть полезны для лингвистов и антропологов, изучающих эволюцию языков и миграционные процессы. Использование статистических методов позволяет более точно определить языковые связи и происхождение языковых групп. Таким образом, исследование фольклора может дополнить и расширить наши знания о культурной и языковой эволюции человечества.

В Институте филологии СО РАН с 2014 г. разрабатывается электронный портал «Фольклор народов Сибири»⁹, который задумывался как ВИС для проведения сравнительно-исторических исследований в области фольклора. Эта электронная среда не только содержит базу данных на языках коренных народов Сибири, но и предоставляет инструменты для их сравнительного изучения. Для этих целей используется семантическая разметка текстов на основе онтологий [Grinevich, Sery, 2021]. Для образца и упрощенного начала работы с порталом были разработаны несколько онтологий, которые доступны любому зарегистрированному пользователю. Для разметки метаданных была создана онтология фольклорных жанров, которая позволяет охарактеризовать каждый публикуемый ресурс с точки зрения жанровой принадлежности, указать национальный термин, которым традиция обозначает подобного типа произведения, отнести фольклорный образец к универсальной жанровой категории [Гриневич, 2021].

Семантическая разметка может быть посвящена любому исследовательскому вопросу, а в текстах можно выделить любые сущности, которые интересуют исследователя. В настоящий момент на материале бурятского фольклора совместно с Е. Н. Кузьминой разработана модель описания эпических текстов. Она содержит параметры для описания действующих лиц сказания, их облика, еды, жилища, предметов, психологических состояний, событий и пр. Эта сеть взаимосвязанных понятий может быть применена и к другим родственным традициям.

Размещенная на портале онтология «Культурные универсалии народов Сибири» предлагает ряд концептов для описания общих явлений в различных сибир-

⁹ Электронный портал «Фольклор народов Сибири». www.folk.philology.nsc.ru (дата обращения 26.07.2023).

ских языковых традициях. Например, в ней представлена модель описания эмоций и чувств, которые в фольклоре традиционно связаны с частями тела. Для того чтобы отобразить эту особенность в онтологии, между классами «Эмоции» и «Части тела» была установлена связь, которая позволяет указывать названия частей тела при описании эмоций, как показано на рис. 1. Все разработанные онтологии являются масштабируемыми и могут быть дополнены при необходимости.

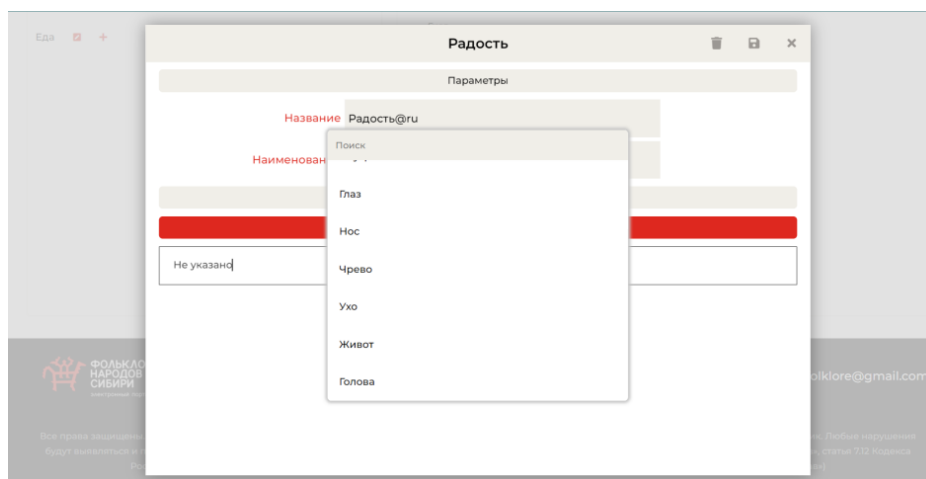

Рис. 1. Фрагмент онтологии для разметки текстовых данных, описывающих чувства, которые, согласно языковым данным, имеют локализацию в различных частях тела

Fig. 1. A fragment of an ontology for annotating textual data describing emotions that are localized in various parts of the body according to linguistic data

Инструменты портала позволяют зарегистрированным пользователям создавать собственные семантические сети взаимосвязанных понятий, посвященных любому исследовательскому вопросу в области фольклора. Пользуясь элементами созданной на портале понятийной системы, в текстах, опубликованных в базе данных, можно выделять примеры их употребления. Одни и те же сущности, размеченные в разных текстах, отображаются в едином реестре, который показывает параллели в разных языковых культурах, а также служит для навигации по ресурсам базы данных. Проведение сравнительно-исторических исследований – главная цель, в соответствии с которой разрабатывается портал «Фольклор народов Сибири».

На рис. 2 показан объект «Лесной великан», который принадлежит классу «Персонажи». В окне приводится список текстов, где еще встречается этот элемент разметки. В самом тексте размеченные фрагменты также выделяются цветом и ярлыком с названием онтологической сущности.

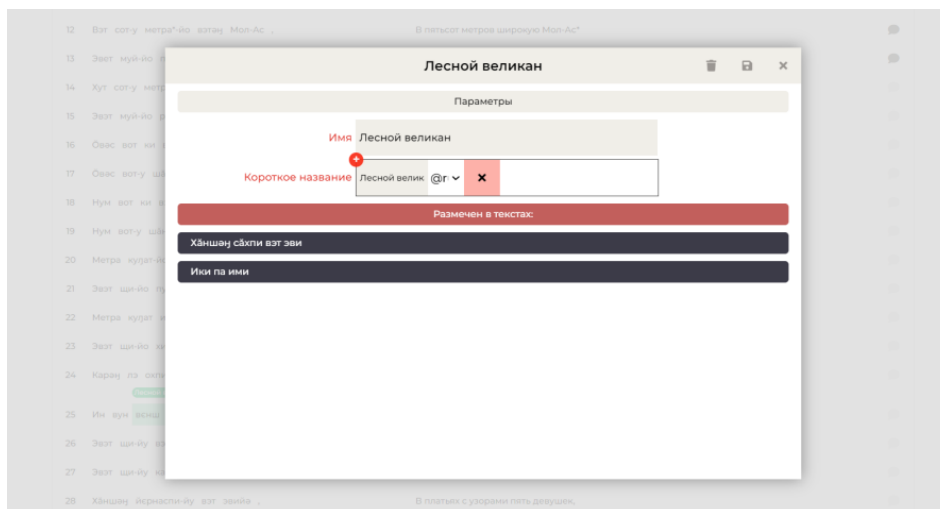

Рис. 2. Объект «Лесной великан» из класса «Персонажи»
 Fig. 2. The “Forest Giant” object from the “Characters” class

Проблемы ВИС

Среди основных вызовов и проблем в развитии и внедрении ВИС эксперты Центра электронных исследований называют: пространство, время, финансирование, изоляция, прокрастинация, низкая мотивация, доверие, рабочий стиль, владение (авторское право), доступ к данным, сложность освоения программного обеспечения и технологий, недостаток соответствующих навыков и доступа к технической поддержке, а также потребность в обучении [Carusi, Torsten, 2010, p. 12]. Следует отметить, что большинство проблем имеет психологическую природу. Важно понимать, что развитие ВИС скорее является социальным или коммуникативным процессом, а не технологическим. Привлечение широкого научного сообщества, которое будет поддерживать ВИС, крайне важно для ее внедрения. Актеры сети должны быть мотивированы к сотрудничеству, а люди в необходимых ролях должны быть вовлечены в ВИС.

Во время работы над созданием ВИС для изучения фольклора нами были выявлены следующие проблемы, которые мешают научному сообществу использовать разработанную цифровую среду.

1. Обеспечение соблюдения авторского права. В подготовке фольклорного материала задействовано большое количество специалистов из разных областей знания: филологи, лингвисты, музыковеды и пр., каждый из которых вносит определенный вклад. Для успешного внедрения ВИС важно четко определить права авторов и правообладателей в отношении их цифровых произведений, что включает в себя такие аспекты, как право на копирование, право на распространение, право на публичное исполнение и право на создание производных работ. При этом важно соблюсти баланс между защитой интересов правообладателей и обеспечением доступа к цифровым объектам для всех участников сообщества (о проблемах цифрового права см. [Litman, 2006]).

2. Немаловажным фактором оказывается инертность научного сообщества. Ученые должны быть уверены, что предлагаемые системы и инструменты действительно могут упростить их работу. Выгоды от использования нового программного обеспечения должны перевешивать неудобства, связанные с их освоением.

Заключение

Развитие виртуальных информационных систем приводит к повышению эффективности исследований и обмена знаниями. ВИС позволяют исследователям из разных частей мира обмениваться информацией, проводить совместные исследования без необходимости физического присутствия.

Однако с увеличением использования ВИС возникают новые проблемы. Например, с виртуальной коммуникацией могут возникать сложности из-за языковых барьеров, культурных различий или различной степени доступности технологий. Существуют проблема недостатка контроля и проблема подтверждения достоверности информации, так как любой может разместить информацию в ВИС, независимо от ее достоверности.

Кроме того, использование ВИС может привести к неравномерному распределению ресурсов и возникновению новых форм неравенства. Некоторые научные сообщества или страны могут иметь широкий доступ к ВИС, в то время как другие могут быть исключены или ограничены в доступе. Это приводит к усилению неравенства в развитии науки и исследований между различными регионами или группами.

Несмотря на эти проблемы, развитие ВИС имеет большой потенциал для продвижения науки, а также для сохранения традиционных культур. Важно разрабатывать стратегии, которые будут решать проблемы доступности, контроля неравенства, чтобы максимально использовать возможности, предоставляемые ВИС. Совместные усилия на международном уровне помогут создать более инклюзивные и эффективные системы, которые будут доступны для всех исследователей, независимо от их места жительства или ресурсов.

Список литературы

Березкин Ю. Е. О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий // Археол. вести. 2003. Вып. 10. С. 228–285.

Гриневиц А. А. Онтология фольклорных жанров // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 255–272. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-255-272

Орехов Б. В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 462–473.

Bos N., Zimmerman A., Olson J., Yew J., Yerkie J., Dahl E. et al. From shared databases to communities of practice: A taxonomy of collaboratories // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 12 (2). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1083-6101.2007.00343.x> (дата обращения 27.07.2023).

Carusi A., Torsten R. Virtual Research Environment Collaborative Landscape Study. A JISC funded project. London, 2010. 106 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/242635295_Virtual_Research_Environment_Collaborative_Landscape_Study (дата обращения 27.07.2023).

Churchill E. F., Snowdon D. N., Munro A. J. Collaborative Virtual Environments: Digital places and spaces for interaction. London, 2001.

Clivaz C., Allen G. V. Introduction: ancient manuscripts and virtual research environments // *Classics@*. 2021. Vol. 18, iss. 1. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37374314/Cat_18_Introduction_Ancient%20Manuscripts%20and%20Virtual%20Research%20Environments.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 27.07.2023).

Goldberg D. T., Franklin K. D. Socializing Cyberinfrastructure: Networking the Humanities, Arts and Social Sciences // *CT Watch Quarterly*. 2007. Vol. 3, iss. 2. URL: <https://icl.utk.edu/ctwatch/quarterly/articles/2007/05/socializing-cyberinfrastructure/index.html> (дата обращения 27.07.2023).

Grinevich A., Sery A. Analyzing the cultural universals of the Folklore of Peoples of Siberia and the Far East // *Data Analytics and Management in Data Intensive Domains*. 2021. P. 387–401. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-3036/paper31.pdf> (дата обращения 27.07.2023).

Hamburger H. N-person prisoners dilemma // *Journal of Mathematical Sociology*. 1973. Vol. 3. P. 27–48.

List J.-M., Greenhill S. J., Gray R. D. The Potential of Automatic Word Comparison for Historical Linguistics // *Plos One*. 2017. Vol. 12, iss. 1. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0170046> (дата обращения 27.07.2023).

Litman J. D. Digital Copyright. 2nd ed. Amherst, NY: Prometheus Books, 2006, 216 p. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=books> (дата обращения 27.07.2023).

Llewellyn S. C., Borysiewicz L., Casselton L., Conway G., Hassan M., Leach M. et al. Knowledge, Networks and Nations: Global Scientific Collaboration in the 21st Century. The Royal Society, 2011, p. 6. URL: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/32ublication/2011/4294976134.pdf (дата обращения 27.07.2023).

Redfern S., Naughton N. Collaborative Virtual Environments to support communication and community in Internet-based distance education // *Journal of Information Technology Education*. 2002. Vol. 1, iss. 3. P. 201–211.

Robbeets M., Bouckaert R., Conte M. et al. Triangulation supports agricultural spread of the Transeurasian languages // *Nature*. 2021. DOI 10.1038/s41586-021-04108-8. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-021-04108-8> (дата обращения 27.07.2023).

References

Berezkin Yu. E. O putyakh zaseleniya Novogo Sveta: nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo izucheniya amerikanskikh i sibirskikh mifologiy [Peopling of the New World: some results of comparative study of American and Siberian mythologies]. *Arheologicheskie Vesti*. 2003, vol. 10, pp. 228–285.

Bos N., Zimmerman A., Olson J., Yew J., Yerkie J., Dahl E., et al. From shared databases to communities of practice: A taxonomy of collaboratories. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007, 12 (2). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1083-6101.2007.00343.x> (accessed 27.09.2023).

Carusi A., Torsten R. *Virtual Research Environment Collaborative Landscape Study. A JISC funded project*. London, 2010, 106 p. URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/242635295_Virtual_Research_Environment_Collaborative_Landscape_Study (accessed 27.09.2023).

Churchill E. F., Snowdon D. N., Munro A. J. *Collaborative Virtual Environments: Digital places and spaces for interaction*. London, 2001.

Clivaz C., Allen G. V. Introduction: ancient manuscripts and virtual research environments. *Classics@*. 2021, vol. 18, iss. 1. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37374314/Cat_18_Introduction_Ancient%20Manuscripts%20and%20Virtual%20Research%20Environments.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 27.09.2023).

Goldberg D. T., Franklin K. D. Socializing Cyberinfrastructure: Networking the Humanities, Arts and Social Sciences. *CTWatch Quarterly*. May 2007, vol. 3, iss. 2. URL: <https://icl.utk.edu/ctwatch/quarterly/articles/2007/05/socializing-cyberinfrastructure/index.html> (accessed 27.09.2023).

Grinevich A. A. Ontologiya fol'klornykh zhanrov [Ontology of Folklore Genres]. *Critique and Semiotics*. 2021, Vol. 2, pp. 255–272. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-255-272

Grinevich A., Sery A. Analyzing the cultural universals of the Folklore of Peoples of Siberia and the Far East. *Data Analytics and Management in Data Intensive Domains*. 2021, pp. 387–401. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-3036/paper31.pdf> (accessed 27.09.2023).

Hamburger H. N-person prisoners dilemma. *Journal of Mathematical Sociology*. 1973, Vol. 3, pp. 27–48. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0022250X.1973.9989822> (accessed 27.09.2023).

List J.-M., Greenhill S. J., Gray R. D. The Potential of Automatic Word Comparison for Historical Linguistics. *Plos One*. 2017, Vol. 12, Iss. 1. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0170046> (accessed 27.09.2023).

Litman J. D. *Digital Copyright*. 2nd ed. Amherst, N.Y., Prometheus Books, 2006, 216 p. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=books> (accessed 27.09.2023).

Llewellyn S. C., Borysiewicz L., Casselton L., Conway G., Hassan M., Leach M., et al. *Knowledge, Networks and Nations: Global Scientific Collaboration in the 21st Century*. The Royal Society, 2011, p. 6. URL: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2011/4294976134.pdf (accessed 27.09.2023).

Orekhov B. V. Parallel'nyy korpus perevodov "Slova o polku Igoreve": itogi i perspektivy [Parallel Corpus of Translations of "The Tale of Igor's Campaign": results and prospects]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009, pp. 462–473.

Redfern S., Naughton N. Collaborative Virtual Environments to support communication and community in Internet-based distance education. *Journal of Information Technology Education*. 2002, vol. 1, iss. 3, pp. 201–211.

Robbeets M., Bouckaert R., Conte M. et al. Triangulation supports agricultural spread of the Transeurasian languages. *Nature*. 2021. DOI 10.1038/s41586-021-04108-8 (accessed 27.07.2023).

Информация об авторе

Анна Александровна Гриневи́ч, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Anna A. Grinevich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 17.08.2023;
одобрена после рецензирования 24.08.2023; принята к публикации 24.08.2023
The article was submitted on 17.08.2023;
approved after reviewing on 24.08.2023; accepted for publication on 24.08.2023*

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.17223/18137083/85/3

О мифах, легендах и преданиях Тувы с позиций металингвистики

Татьяна Евгеньевна Владимирова

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

yusvlad@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2458-3653>

Аннотация

Статья посвящена изучению мифопоэтических представлений, которые предопределили своеобразие тувинской культуры и стали источником самобытной устной народной традиции. Основное внимание в работе сосредоточено на металингвистическом рассмотрении мифов, легенд и преданий, которое позволяет объединить данные филологии, психологии, философии и смежных с ними наук. Это сделало возможным анализ несказочных жанров через призму эволюции сознания, начиная с называющего и религиозно-мифологического этапов до культурно-исторического и философско-культурного (Г. Г. Шпет). В качестве материала использовались фольклорные записи несказочной прозы, которые являются достоверным выражением тувинской народной личности с характерным для нее пониманием мира и бытия. Обращение к устно-поэтической традиции с позиций металингвистики открывает новые возможности в исследовании мифов, легенд и преданий Тувы, которые еще не анализировались под этим углом зрения.

Ключевые слова

миф, легенда, предание, сознание, язык, металингвистика, Тува

Для цитирования

Владимирова Т. Е. О мифах, легендах и преданиях Тувы с позиций металингвистики // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 35–48. DOI 10.17223/18137083/85/3

On the myths, legends, and traditions of Tuva in terms of metalinguistics

Tatyana E. Vladimirova

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation

yusvlad@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2458-3653>

Abstract

This paper focuses on mythopoetic representations that predetermined the originality of Tuvan culture and became the source of an authentic oral folk tradition. The lack of met-

© Владимирова Т. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 35–48
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 35–48

alinguistic studies of Tuvan folklore makes it relevant to address the non-fairytale genres, particularly myths, legends, and traditions that have not yet been analyzed from this perspective. Thus, the original features of Tuvan folklore, rooted in mythopoetic ideas about the world and existence, could be revealed. Tuvan mythopoetic representations were considered by examining the folklore records of non-fairytale genres that authentically reflect the archaic image of the world. The undertaken analysis of the genre, figurative-semantic, and axiological nature of myths, legends, and traditions allowed their evolution and the ongoing process of desacralization to be traced. This process is found to be less pronounced in the Tuvan oral and poetic tradition, emphasizing its historical and cultural originality and uniqueness. The sacred image of the world was not rethought and devalued but was attributed by the “cognizing consciousness” (G. G. Shpet) to the spiritual roots of Tuvan culture. It is Tuvan folk storytellers who absorbed centuries-old spiritual experience and made the distant world of mythopoetics accessible to national and world culture. This paper draws a conclusion about the promising prospects of using the metalinguistic research paradigm that involves an interdisciplinary consideration of Tuvan non-fairy tale prose.

Keywords

myth, legend, tradition, consciousness, language, metalinguistics, Tuva

For citation

Vladimirova T. E. On the myths, legends, and traditions of Tuva in terms of metalinguistics. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 35–48. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/3

**Введение.
Металингвистический подход
как эффективная исследовательская парадигма**

Изучение тувинского фольклора, который развивался в уникальных геополитических, собственно географических, ландшафтных и демографических условиях, свидетельствует о его своеобразии в центральноазиатском регионе. Особый исследовательский интерес вызывают мифы, легенды и предания, уходящие корнями в мифопоэтические представления о мире и бытии.

Поиск эффективной методологии исследования лежит в русле антропологической концепции целостности, которая исходит из единства природной, бытийной и духовной сущности человека. Это делает актуальным обращение к металингвистической концепции М. М. Бахтина, который еще в 20-е гг. прошлого века пришел к заключению, что анализ текста существенно раздвигает рамки филологии и вторгается в психологию и философию. Сначала избранный подход был назван автором «опытом философского анализа», а позднее – металингвистикой, которая опирается на целостное взаимодействие гуманитарных наук.

Возникающее при этом металингвистическое исследовательское поле не только восстанавливает утраченную связь филологии, психологии и философии [Бахтин, 1997, с. 321], но позволяет проследить эволюцию жанровой, образно-смысловой и аксиологической природы мифов, включая их последующую десакрализацию.

Принимая металингвистическую позицию М. М. Бахтина, кратко представим концепции, в совокупности раскрывающие те глубинные смыслы, которые предопределили самобытность тувинских мифов, преданий и легенд:

1) концепция языкового сознания как триединства его бытийной (экзистенциальной), рефлексивной и духовной (сакральной) составляющих [Зинченко, 2010, с. 113];

2) концепция исторически возникавших и сосуществующих типов сознания, в котором различаются такие типы, как а) называющее («язык»); б) религиозно-мифологическое, полностью опосредующее мировосприятие; в) художественно-героическое, преобразующее действительность и приобщающее ее к «социокультурному бытию»; г) научно-техническое («познающее»); д) культурно-историческое, основанное на понимании человеком «наивно-исторических его достижений»; е) философско-культурное, «преобразующее социальный лик человека» (Г. Г. Шпет) ¹;

3) холистическая концепция процесса как целостного триединства, включающего потенциальную готовность к деятельности (*dynamis*), собственно деятельность (*energeia*) и представление о ее завершенности и совершенстве (*entelecheia*) [Аристотель, 2008, с. 64], которая дополняет анализ аксиологической (энтелехийной) призмой рассмотрения (о развитии данной концепции см.: [Владимирова, 2018, с. 270–274]).

Поэтому анализ мифопоэтического образа мира как источника становления и развития тувинского фольклора неразрывно связан с «памятью культуры» и сакральным восприятием языка, родного края, его героев и заветов предков. А введение историко-культурного ракурса обеспечивает целостное осмысление эволюции фольклорных жанров, восстанавливая ту нить времен, которая соединяет современных тувинцев с их далекими предшественниками. Таким образом, металингвистика вплотную сопрягается с полипарадигмальным подходом, который активно обсуждается в современной гуманитаристике, стремящейся разработать методику, адекватную исследуемому объекту.

Уникальность историко-культурной, этнопсихолингвистической и духовной ситуации Тувы проявляется также в том, что мастерство сказителей настолько «отшлифовало» повседневный народный язык, что он еще до возникновения письменности фактически стал нормированным (И. А. Батманов). И сегодня живая фольклорная традиция продолжает объединять «около сорока тувинских родо-племенных групп с многочисленными племенами, народностями и народами великого Азиатского материка» [Куулар, 2000, с. 20]. В результате «весь словарный запас тувинского языка функционировал в рамках фольклора», а количество заимствованной иноязычной лексики за последнее столетие составляет примерно 15 % [Там же.]. Вместе с тем в тувинском фольклоре исследователи отмечают отдельные элементы типологической общности с общеевропейской народно-мифологической картиной мира на уровне понятий, образов и паремий [Бредис и др., 2021].

Классификация фольклорных жанров, предложенная Д. С. Кууларом, предопределила выбор в качестве исследовательских объектов мифов (*ye-dиптиц чугаалары*), легенд (*тоолчургу чугаа*) и преданий (*тоогу чугаа*) [Куулар, 2000, с. 13], которые позволяют проследить становление, развитие и последующую десакрализацию мифологической картины мира.

¹ Здесь и далее используются архивные материалы Г. Г. Шпета, опубликованные В. П. Зинченко [2010, с. 79–80].

Религиозно-мифологический этап в развитии устно-поэтической традиции Тувы

Принимая во внимание наскальные рисунки оленей (петроглифы) в верховьях Енисея, которые принадлежат к поздне-скифскому и гунно-сарматскому времени (М. А. Дэвлет), отнесем к числу типологически ранних **мифоконцепт ОЛЕНЬ** [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 12 и след.]. Известно, что у тувинцев это животное традиционно ассоциировалось не только с красивым, сильным и благородным животным, но с первопредком и покровителем. Ощущение энергетической связи с тотемом повсеместно создавало «понятийный миф», который не требовал доказательства своей достоверности и воспринимался как правдивый рассказ, наставление, совет, угроза, защита или похвала. В итоге миф «служил единственной формой мировосприятия и во всем его объеме, и в каждой отдельной части» [Режабек, 2003, с. 227].

В качестве примера приведем **тотемистический миф «Марал, прошедший по радуге»**² как напоминание о сакральном статусе радуги, соединяющей Небо и Землю, и о запрете убивать необычных оленей:

В Бий-Хеме в Сыын-Тайге один охотник охотился. [Однажды] из-за гор черные тучи поднялись, и дождь пошел. [Потом] семицветная радуга появилась. Один конец радуги напротив засады охотника на склон в местности Карангы-Оюк опустился. На том месте необыкновенно красивый на вид марал с восемнадцатью свежими рогами, пританцовывая, появился. В самом деле, марал [был так] красив, как будто из меди отлит, [а] рога как золотые сияли. Марал на зеленый луг вышел, недолго вокруг побегал, [и] исчез из виду. Охотник, того марала увидев, на маралов не стал охотиться, в свой аал вернулся. С тех пор охотник на маралов-зверей ружья не поднимал [Мифы..., 2010, с. 141].

Рассматривая миф о чудесном олене, записанный А. Д. Арапчор в 1987 г. от Ч. М. Маады (1917 г. р.), отметим в его образно-смысловом содержании сакральную доминанту и связанное с ней экзистенциальное потрясение охотника. Что же касается рефлексивной составляющей сознания, то она задана трехъярусным делением мира на Верхний, Средний и Нижний и неизбежностью наказания за нарушение запретов. При этом зачин мифа воспринимается как ориентировка в месте действия, а концовка – как завещание предков, что типично для охотничьих мифов. В итоге охотник под воздействием увиденного отказался от охоты на сакральных животных, что полностью соответствует религиозно-мифологической ступени в эволюции сознания.

Обращает на себя внимание и выразительность языка мифа, которая проявляется в эпитетах (*черные тучи, семицветная радуга, зеленый луг, необыкновенно красивый на вид марал с восемнадцатью свежими рогами*), сравнениях (*красив, как будто из меди отлит; рога как золотые сияли*), а также в приеме глагольного сюжетоведения (*пританцовывая, появился; на зеленый луг вышел, недолго вокруг побегал, [и] исчез из виду* и др.).

Таким образом, сакральный код тотемистического мифа «Марал, прошедший по радуге» вбирает в себя космоизированное миропонимание, обожествление сущего и завещанный предками «путь к себе».

² Здесь и далее мифы приводятся в сокращении.

Художественно-героический этап в развитии мифопоэтического образа мира и бытия

Характерной чертой данного этапа эволюции сознания является герой-деятель, который, обладая сверхъестественными способностями, творит и преобразует мир. К числу таких мифических героев в фольклоре тюркоязычных тувинцев, а также алтайцев, проживающих на территории Южной Сибири, и монгольских тувинцев, бесспорно, относится **богатырь-великан Сартакбан**, который жил *в те времена, когда леса еще не было, а камни были мягкими*. В качестве примера, иллюстрирующего появление на художественно-героической ступени эволюции героя-демиурга в качестве центрального действующего лица, приведем фольклорную запись, сделанную Э. Таубе в Цэнгэле (МНР) от информанта Дж. Гакая (71 г.):

Сардакбан создал мир. Когда он захотел отвести с Церека реку Ак Суг – Белую воду, он поволок за собой свою мотыгу и так прорыл канаву.

Наверху, в Ак Салаа, Белой балке, и в Сарыг Догай, Желтой луке, – сохранились следы его коня. В Сарыг Догай этот след тянется на много километров вверх, до самых снежных вершин. Каждый отпечаток конского копыта – величиной с хонаш, с площадку, занимаемую одной юртой [Сказки и предания, 1994, с. 284]³.

Обращение к этимологическим мифам о Сартакбане (тув.), Сартакпае (алт.) и Сартактае (монг.), сложившимся в данном «геокультурном пространстве», свидетельствует об общности их мотивов, сюжетов и образов. Так, мифы о культурном герое-устроителе, возможно, восходят к древним представлениям о тотемном животном-первопредке (*сарадак* – «однолетний марал, маралёнок») [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 471]. Обращает на себя внимание и сходство «пришлого» Сартакпая с древнекитайским мифическим персонажем Да Юй [Ойноткинова, 2013, с. 49–50], что говорит о возможном влиянии и межкультурных контактах. Действительно, великий Юй, как и Сартакпай, занимался устроением Вселенной: «объехал горные хребты и обозначил их вехами, определил высокие горные вершины и большие реки <...> проложил девять дорог, оградил (насыпями) девять озер» и т. п. (цит. по: [Блюмхен, 2012, с. 196]).

Возвращаясь к мифу о «Марале, прошедшем по радуге», отметим, что в нем речь идет о безымянном охотнике, который лишь наблюдает за чудесным оленем. Но переход на художественно-героическую ступень эволюции сознания сопровождался появлением героя-творца, хорошо известного всем по имени и в некотором роде подобного божеству. Отметим также, что память о нем связана с конкретной местностью, названиями рек и гор.

В этой связи заметим, что миф-воспоминание о Сартакбане раскрывает сам процесс именования, приближая нас к пониманию тувинского называющего сознания (*река Ак Суг* ‘Белая вода’, *Ак Салаа* ‘Белая балка’ *Сарыг Догай*, ‘Желтая лука’). Да и само имя великана-творца Сартакбан (Сартакпан, Сартакпай, Сартак-

³ См. также фольклорные записи «Шальной Сартакпан» в [Мифы..., 2010, с. 99], «Сартактай-кезер» в [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 235–237] и «Предания о камнях богатыря Сартакпая» в [Яданова, 2012], а также материалы о Сартакпае в алтайском фольклоре [Садалова, Паштакова, 2022].

тай, Сартакай, Сартактай-Кезер, т. е. Сартактай-купец) свидетельствует о существовании локальных мифов о нем.

Подобные объективации «интегральных образов» (А. А. Ухтомский) присущи также художественно-героическому сознанию. В подтверждение сошлемся на говорящие именованья тувинских богатырей: *ай оглу Алдын-Моге* 'сын Луны Золотой Силач', *Хун оглу Хулер Моге* 'сын Солнца Бронзовый Силач', *Демир оглу Дээк Моге* 'сын Железа Силач Дээк', *Чер оглу Черзи Моге* 'сын Земли Силач Черзи', *Дээр оглу Те Моге* 'сын Неба Силач Козерог' [Мижит, 2010, с. 159]. Ведь «овнешнение» или «оязыковление» – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить свое отношение к ним – ценностное и эмоционально значимое» [Телия, 1996, с. 82].

Что же касается самого повествования, то оно отличается гиперболизацией (*след тянется на много километров вверх; отпечаток конского копыта – величиной с хонаш, с площадку, занимаемую одной юртой; захотел отвести с Церека реку*), которая причудливо сочетается с обыденным рассказом (*поволок за собой свою мотыгу; прорыл канаву*).

Так на данной ступени эволюции сказитель шаг за шагом вводит слушателя в гармоничный и обстоятельный мир далекого прошлого, когда богатырь-великан обустроивал мир для людей и поэтому остался в их памяти посланцем Верхнего мира.

Научно-технический этап эволюции сознания и десакрализация мифологической картины мира и бытия

Развернувшаяся культурно-просветительская деятельность в районах охотничьих промыслов актуализировала развитие «познающего» сознания. Как следствие, мотив почитания тотема-первопредка, а также связанное с ним осуждение охоты в Верхнем мире и запрет на убийство маралух постепенно исчезают. В этой связи примечателен миф «Три маралухи и Оскус-оол» о появлении созвездия «Орион», записанный Д. А. Монгуш в 1987 г. в с. Хандагайты Овюрского р-на Тувы от информанта Б. С. Монгуша (77 лет):

Жил человек по имени охотник Оскус-оол. Он начал погоню за тремя маралухами. Пустил вслед за ними своих собак. Тут вдруг маралухи поднялись на небо. Оскус-оол на рыжем жеребце поднялся за ними. Прибыв в Верхний мир, выстрелил в среднюю из трех маралух. Тогда три маралухи превратились в звезды и остались на небе. Из этих трех звезд средняя ярче остальных. Сам Оскус-оол, его рыжий жеребец, его три собаки тоже звездами остались на небе. Эти звезды видны, если смотреть вечером [Мифы..., 2010, с. 43]⁴.

Таким образом, появление культурного героя сопровождалось переосмыслением значимости тотема. В результате главным действующим лицом становится известный по имени охотник, преследующий маралух, которые выглядят беззащитными. При этом рассказчики, не скованные заветными смыслами, не ограничивали свою фантазию.

Однако народная память сохранила представление о неминуемом наказании за нарушение запрета на небесную охоту. (См. мифы-назидания о Конджигее,

⁴ См. также запись мифа «Три маралухи» в: [Вайнштейн, 1961, с. 148].

Когудее-Мергене и Кан-Ергеке, которые были прокляты и превращены в звезды [Алтайские мифы..., 1994, с. 59–60; Сибирские сказки, 1964, с. 80]). Появление в мифах антигероев, нарушивших запрет на небесную охоту и на охоту «без надобности», отражает начавшийся процесс десакрализации мировосприятия и угасания мифотворческой традиции (подробнее о десемантизации мифоконцепта см.: [Владимирова, 2017]).

Отнесем к научно-техническому этапу эволюции сознания также анекдотичную версию астрального мифа о «Большой Медведице»:

О Большой Медведице (Чеди хан – «Семь ханов») рассказывают, что когда-то семь ее звезд были ханами. Они странствовали по Верхнему миру и сошлись в одном месте. Решили пообедать, но никто из них не умел варить обед. До сих пор стоят они и решают [Вайнштейн, 1961, с. 146]⁵.

Завершая предпринятое рассмотрение тувинских мифов, подведем итоги.

Научно-техническая ступень эволюции сознания, с одной стороны, способствовала развитию рефлексии и поиску рациональных путей существования. А с другой – постепенно разрушала мифопоэтические представления и исторически сложившиеся каноны фольклорных жанров. Однако десакрализация мифа не могла уничтожить потребность в духовном отношении к миру и бытию. Так в фольклоре Тувы появились новые жанровые формы.

Легенда и предание как отражение историко-культурного этапа эволюции сознания

При переходе от мифомышления к рациональному пониманию действительно рождались две новые жанровые формы: легенда и предание. Как и миф, легенда не требовала доказательства ее достоверности, а предание, напротив, изначально развивалось с установкой на исторически достоверный рассказ. Кроме того, в этих жанрах актуализировались объясняющая (рефлексивная), бытийная (экзистенциальная) и сакральная или духовная функции как свидетельство перехода на историко-культурную ступень эволюции сознания. Как следствие, в этих жанрах с большей полнотой раскрывалась позиция сказителя и своеобразие его мастерства.

В этом отношении особый исследовательский интерес вызывает **этиологическая легенда «О тувинском языке»**, записанная в 1985 г. со слов Дж. Олджея (77 лет), проживающего в Монголии:

Когда-то, давным-давно, не было живых существ. Скот и люди из земли вышли и выросли. И тогда пришлось Хан Гэрди, Бургану Башкы и ежу посидеть вместе и подумать, какими же быть теперь людям. Один спросил, как же их теперь называть, другой сказал, что им нужно раздать названия. Одни хотят стать монголами, другие – халха, а третьи – бурятами; и так они дали названия всем народам. Ая-яй-яй, и тогда люди, которых нарекли тувинцами, захотели получить свой язык. А эти трое как раз раздавали языки. И после того, как они целых три дня раздавали языки – о голубое небо! – тувинцы остались и вовсе без языка, у них просто не было языка, как у скота. «Что же теперь будет?» – подумал Бурган Башкы и позвал к себе ежа. – Ты подготовил уже поверхность земли, и мы создали из этой земной

⁵ См. также: [Сказки и предания..., 1994, с. 129].

коры всех живых существ и разные народы. А вот этот тувинский народ остался без языка. И продолжали Хан Гэрди и Бурган Башкы: Ну, решай, какой им нужно дать язык, наши знания уже исчерпались! – Ты роздал все языки народам, теперь возьми ото всех этих языков понемногу для тувинцев. Тогда и у них будет свой язык, – ответил ёж. Да, и поэтому-то у нас, тувинцев, такой язык, в котором каждый из многих народов вложил что-то свое: якуты, узбеки, сарты, казахи, монголы, китайцы и русские. Из языков всех земных созданий что-то вошло в наш язык. Это удивительный язык. И все-таки тувинскому народу смогли таким образом хоть и с трудом, но дать свой язык [Сказки и предания..., 1994, с. 285–286] ⁶.

Анализ «Легенды» предполагает снятие ряда лакун. Так, в мифах монгольских тувинцев фантастическая птица Хан Гэрди, верховное божество Бурган Башкы и ёж – это три демиурга, выступающие как персонификация воли Верхнего мира. Кроме того, ёж наделяется божественными достоинствами и охраняет небесные светила от чудовища, спасая жизнь на земле. Поэтому обращение демиургов к ежу, когда их *знания уже исчерпались*, объясняется его высоким статусом и способностью находить выход из трудных ситуаций. Но что значит фраза, обращенная к ежу, где говорится, что он *подготовил уже поверхность земли*? В Центральной и Средней Азии ёж издавна воспринимался как помощник, который разрыхлял почву и таким образом облегчал обработку земли кочевникам, перешедшим на оседлый образ жизни.

Эмоционально-смысловую доминанту легенды составляет любовь к *удивительному* тувинскому языку, который был получен от демиургов при исключительных обстоятельствах. Более того, сказитель привнес в нее собственные суждения и оценки. В результате запись легенды, сделанная менее полувека назад, свидетельствует о сохранности в памяти унаследованного мифа и о проявлении личностного начала, которое наслаивается на традиционное повествование.

В этой связи заметим, что легенда представляет собой религиозно-мифологическую версию происхождения языка как дара демиургов. Следуя жанровым канонам, легенда начинается зачином: *когда-то, давным-давно* и дополняется информацией, необходимой для восприятия основного содержания: *не было живых существ. Скот и люди произошли от земной коры, из земли вышли они и выросли*. Такова завязка: демиургам предстояло решить, *какими же быть теперь людям*. Согласившись с их самоназваниями, демиурги в течение трех дней раздавали языки. Когда же языки закончились и у тувинцев *просто не было языка*, как у скота, мудрый ёж предложил взять *ото всех языков понемногу для тувинцев*. А после развязки обосновывается исключительность происхождения языка.

Согласно канону, повествование в легенде ведется от третьего лица, но в рассматриваемой фольклорной записи позиция рассказчика достаточно четко проявлена. В этой связи примечательны его переживания, оценки и эмоциональные восклицания (*Ая-йй-йй; о голубое небо!; Это удивительный язык*), а также последние фразы, в которых чувствуется некоторая досада: *И все-таки тувинскому народу смогли таким образом хоть и с трудом, но дать свой язык*.

Бесспорным достоинством легенды является присутствие в ней экзистенциально значимых размышлений. Действительно, если человек вырос, нужно *посидеть вместе и подумать, каким же быть теперь* ему. Ведь без языка он уподобляется скоту. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что демиурги

⁶ См. также сюжетно близкий вариант легенды, опубликованный И. Иминовым [2015].

наделили все народы языками, принимая их пожелания. Когда же тувинцам не хватило языка, ёж-демиург нашел решение, которое сделало тувинский язык уникальным. В итоге легенда побуждает к размышлениям об унаследованных сакральных смыслах и о глубинных корнях народного самосознания.

Одним из источников легенд, бесспорно, является удивительный ландшафт Тувы с живописными горами, перевалами, лесами, водными источниками и населяющими их духами. Особый исследовательский интерес представляет **этиологическая «Легенда о Хозяйке Тувы»**, записанная А. С. Донгак в Эрзинском кожууне в 2011 г.:

В древности было так, что на землю Тувы с севера нападали желтые русские, с юга черные калга. Хозяйкой Тувы была неопишущей красоты молодая женщина. Поэтому люди и с севера, и с юга хотели завоевать ее сердце вместе с землей и всегда шли с войной. Чтобы защититься с севера, она возвела Саянские хребты, чтобы защититься с юга, возвела хребты Танну-Ола, чтобы защититься с запада, возвела Алтайские горы, чтобы защититься с востока, возвела хребет Сенгилен, и так окружив, сделала страну Тыва, похожую на колыбель, и дангына осталась жить вместе со своим народом. Вот такие четыре защитные хребты есть в Туве. Поэтому говорят, что это награда бургана-Будды. И говорили, что это буян-добродетель, полученная от бургана как награда. Говорят, в древности Туву называли Кавай Чер – Земля Колыбель [Донгак, 2018, с. 142]⁷.

Так в «Легенде о Хозяйке Тувы» языческое мировосприятие органично соединилось с буддистским вероисповеданием. Более того, совершенная художественная форма легенды побуждает слушателей к культурно-историческому и философско-культурному обобщению, в котором любовь к родине неразрывно связана с буддийской традицией и памятью предков.

Принимая во внимание ограниченные рамки статьи, приведем широко известное **предание о происхождении оленеводства**, которое было записано С. И. Вайнштейном от оленевода Ч. Д. Ака в 1951 г.:

Когда-то давно в лесах Улуг-Дага люди аала откочевали, бросив старика из рода д а р г а н и старуху из рода соян в местности Иви-Шилиг. Эти пожилые люди не могли заниматься охотой, им было трудно добывать пищу. От смерти они спаслись, приручив диких оленей. Старик и старуха научились ездить на оленях и доить их [Вайнштейн, 1961, с. 147].

Примечательно, что данная запись была сделана в нескольких вариантах с измененным указанием места – Улуг-Даг. Тем самым информанты подчеркивали реальность исторического факта, что, как представляется, позволило С. И. Вайнштейну рассматривать приведенный текст как предание о действительном, исторически обусловленном событии. Подтверждению высказанной гипотезе исследователь посвятил обстоятельную статью об истории приручения оленей, где он, в частности, писал: «Возникает вопрос, могли ли Саяны быть районом древнейшей доместики оленя. Имеющиеся материалы позволяют ответить на него утвердительно» [Вайнштейн, 1970, с. 8].

Завершая рассмотрение тувинской сказочной прозы, отметим сказительское мастерство Ч. М. Маада («Марал, прошедший по радуге»), Дж. Олджея («О ту-

⁷ См. также легенду о чудесном источнике (аржаане) на реке Уру в: [Пименова, 2021].

винском языке») и А. Ч. Комбу («Легенда о Хозяйке Тувы»), которые в оригинальной художественной форме не только передали сюжетную линию мифа или легенды, но выразили свое отношение к ним.

* * *

Подведем итоги. Мифопоэтические представления Тувы, вобрав в себя сакральные связи с Верхним миром, духами гор и источников, а также буддистские верования, со временем не исчезли по принципу «снятия» и по-прежнему сохраняются в «памяти культуры». Погружая современных носителей языка в далекое «время первопредметов, перводействий и первотворения» (Е. М. Мелетинский), фольклорные тексты восстанавливают в сознании сакральные (духовные, энтелехийные) представления, которые были завещаны предшествующими поколениями охотников и земледельцев. Это позволяет рассматривать их как своего рода унаследованную матрицу, которая предопределила развитие тувинских сказочных жанров.

Анализ фольклорных записей и самого факта их сохранности в народной памяти возвращает к мысли о самобытности устного народного творчества Тувы. Огромная заслуга в этом принадлежит многим поколениям сказителей и рассказчиков, благодаря которым не прерывалась устно-поэтическая сказительская традиция. Более того, доступность для новых поколений сказочного пласта тувинского фольклора «есть победа искусства устной словесности над временем» [Куулар, 2000, с. 16].

Тенденция угасания синкретичного мифопоэтического образа мира и его вытеснение прагматически ориентированной рефлексией проявляются в культуре различных народов. Как следствие, параллельно происходит и деградация самой формы мифа, который постепенно приобретает не свойственные ему черты. Однако в тувинской устно-поэтической традиции эта тенденция, как представляется, не стала определяющей, что также подчеркивает ее историко-культурную уникальность.

В результате благодаря народным сказителям сакральный образ мира не был переосмыслен и девальвирован, но отнесен «познающим сознанием» к духовным истокам тувинской культуры. Более того, вобрав в себя многовековой духовный опыт с выпавшими на долю тувинцев переживаниями, сказители сделали доступным для национальной и мировой культуры далекий от нас мир мифопоэтики.

В заключение подчеркнем, что опора на металингвистический подход открывает новые перспективы для изучения фольклорных жанров, которые восходят к архаичным мифопоэтическим представлениям и могут достигать культурно-исторического и философско-культурного уровней в развитии сознания. Здесь мы имеем в виду тех сказителей, которые способствовали сохранению и распространению устной народной традиции. Ведь, наследуя язык и культуру, каждое новое поколение воспринимает мир через призму не только языковой, но и мифопоэтической картины мира.

При таком подходе носители языка имеют «общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [В. А. Тишков. Интервью..., 2001, с. 29].

Разделяя данное понимание, отнесем к числу уникальных проявлений тувинских сказочных жанров не только сложившуюся этнопсихолингвистическую

и социокультурную ситуацию. Особая роль в их развитии и сохранности принадлежит сакральным (духовным) особенностям сознания, которые обеспечивают целостность тувинской языковой личности и сущностных (онтологических) основ ее бытия.

Список литературы

- Алтайские мифы и легенды. Устное творчество алтайского народа. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 416 с.
- Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
- Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. 731 с.
- Блюмхен С. И.* Космологические аспекты мифов о «совершенномудрых правителях». М., 2012. С. 194–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudryh-pravitelyah-chast-i-mif-o-gune-i-yue/viewer> (дата обращения 22.07.2022).
- Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 114–127. DOI 10.25178/nit.2021.3.17
- Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Вост. лит., 1961. 218 с.
- Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (1. Саянский очаг одомашнивания оленя) // СЭ. 1970. № 6. С. 3–14.
- Владимирова Т. Е.* Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 5–18. DOI 10.17223/18137083/60/1
- Владимирова Т. Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 304 с.
- Донгак А. С.* Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 126–147. DOI 10.25178/nit.2018.3.9
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Мифы в камне: мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.
- Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М.: ЯСК, 2010. 592 с.
- Иминов И.* Тува древняя и разноликая. 2015. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2015/11/06/tuva-drevnyaya-i-raznolikaya.html> (дата обращения 20.08.2021).
- Куулар Д. С.* Тувинский фольклор в контексте Центрально-Азиатских устно-поэтических традиций: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 45 с.
- Мижит Э. Б.* Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. 2010. № 1. С. 149–172.
- Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, А. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28)
- Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)
- Ойроткинова Н. Р.* Культурный герой Сартакпай в мифологии тюркских и монгольских народов // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 46–50.

Пименова К. В. Сакральные места долины р. Верхней Ишкин (Тыва): локальный фольклор и традиции поклонения. 2021. URL: <https://www.culture.ru/materials/32674/sakralnye-mesta-doliny-r-verkhonii-ishkin-tyva-lokalnyi-folklor-i-tradicii-pokloneniya> (дата обращения 02.03.2022).

Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре // *Oriental Studies*. 2022. № 15 (6). С. 1401–1409. DOI 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Сибирские сказки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. 246 с.

Сказки и предания алтайских тувинцев / Собр. Э. Таубе. М.: Вост. лит., 1994, 380 с.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

В. А. Тишков. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 5–36.

Яданова К. В. Предания о камнях богатыря Сартакпая // Народы и религии Евразии. 2012. № 5 (5). С. 277–286.

References

Altayskie mify i legendy. Ustnoe tvorchestvo altayskogo naroda [Altai myths and legends. Oral creativity of the Altai people]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 416 p.

Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, Eksmo, 2008, 608 p.

Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Coll. works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari. 1997, Vol. 5: Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Works of the 1940s – early 1960s]; 731 p.

Blyumkhen S. I. *Kosmologicheskie aspekty mifov o “sovershennomudrykh pravitelyakh”* [Cosmological aspects of myths about “perfectly wise rulers”]. Moscow, 2012, pp. 194–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudrykh-pravitelyah-chast-i-mif-o-gune-i-yue/viewer> (accessed 07.22.2022).

Bredis M. A., Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. *Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentariy (na evropeyskom paremiologicheskom fone)* [Lexicographic description of Tuvan proverbs: principles, structure, ethnolinguocultural commentary (against a European paremiological background)]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 4, pp. 114–127. DOI 10.25178/nit.2021.3.17

Devlet E. G., Devlet M. A. *Mify v kamne: mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in stone: the world of rock art in Russia]. Moscow, Aletya, 2005, 472 p.

Dongak A. S. *Toponimicheskie predaniya i legendy Yugo-Vostochnoy Tuvy* [Toponymic Legends of South-Eastern Tuva]. *The New Research of Tuva*. 2018, no. 3, pp. 126–147. DOI 10.25178/nit.2018.3.9

Iminov I. *Tuva drevnyaya i raznolikaya* [Ancient and diverse Tuva]. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2015/11/06/tuva-drevnyaya-i-raznolikaya.html> (accessed 20.08.2021).

Kuular D. S. *Tuvinskiy fol'klor v kontekste Tsentral'no-Aziatskikh ustno-poeticheskikh traditsiy* [Tuvan folklore in the context of Central Asian oral and poetic traditions]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2000, 45 p.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, legends of Tuvinians]. N. A. Alekseev, A. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2010, 372 s. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 28)

Mizhit E. B. Tuvinskaya traditsionnaya kosmologiya v geroicheskom epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epic]. *The New Research of Tuva*. 2010, no. 1, pp. 149–172.

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairy-tale prose of the Altaians]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30)

Oynotkinova N. R. Kul'turnyy geroy Sartakpay v mifologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Cultural hero Sartakpai in the mythology of the Turkic and Mongolian peoples]. *Traditional culture*. 2013, no. 4, pp. 46–50.

Pimenova K. V. *Sakral'nye mesta doliny r. Verkhney Ishkin (Tyva): lokal'nyy fol'klor i traditsii pokloneniya* [Sacred places of the river valley Verkhney Ishkin (Tuva): local folklore and traditions of worship] URL: <https://www.culture.ru/materials/32674/sakralnye-mesta-doliny-r-verkhnei-ishkin-tyva-lokalnyi-folklor-i-tradicii-pokloneniya> (accessed 02.03.2022).

Rezhbek E. Ya. *Mifomyslenie (kognitivnyy analiz)* [Mythinking (cognitive analysis)]. Moscow, Editorial URSS, 304 p.

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. Obraz kul'turnogo geroya Sartakpaya v altayskom fol'klоре [Image of the cultural hero Sartakpai in the Altai folklore]. *Oriental Studies*. 2022, no. 15 (6), Pp. 1401–1409. DOI 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Sibirskie skazki [Siberian tales]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1964, 246 p.

Skazki i predaniya altayskikh tuvintsev [Fairy tales and legends of the Altai Tuvans]. E. Taube (Coll.). Moscow, Vost. lit., 380 p.

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 288 p.

V. A. Tishkov. Interv'yu s professorom Valeriem Tishkovym [V. A. Tishkov. Interview with Professor Valery Tishkov]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2001, vol. 4, no. 4, pp. 5–36.

Vaynshteyn S. I. *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuvans-Todzhins. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Vost. lit., 1961, 218 p.

Vaynshteyn S. I. Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Evrazii (1. Sayanskiy ochag odomashnivaniya olenya) [The problem of the origin of reindeer breeding in Eurasia (1. Sayan center of deer domestication)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1970, no. 6, pp. 3–14.

Vladimirova T. E. Sakral'nyy kod evraziyskikh mifov o toteme-pervopredke [The sacred code of the Eurasian myths about the totem-ancestor]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 3, pp. 5–18. DOI 10.17223/18137083/60/1

Vladimirova T. E. *Russkiy diskurs v mezhkul'turnoy kommunikatsii. Ekzistentsial'no-ontologicheskiy podkhod* [Russian Discourse in Intercultural Communication: An Existential-Ontological Approach]. 3rd ed. Moscow, LIBROKOM, 2018, 304 p.

Yadanova K. V. Predaniya o kamnyakh bogatyrya Sartakpaya [Legends about the stones of the hero Sartakpay]. *Nations and Religions of Eurasia*. 2012, no. 5 (5), pp. 277–286.

Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskiy akt* [Consciousness and the creative act]. Moscow, LRC Publishing House, 2010, 592 p.

Информация об авторе

Татьяна Евгеньевна Владимирова, доктор филологических наук, доцент, профессор, Институт русского языка Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Information about the author

Tatyana E. Vladimirova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Institute of the Russian language of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.04.2022;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.06.2023
The article was submitted on 10.04.2022;
approved after reviewing on 28.06.2023; accepted for publication on 28.06.2023*

Литературоведение

Научная статья

УДК 861.161.1; 93/94

DOI 10.17223/18137083/85/4

Паисий Лигарид об учреждении Московского Патриархата: источники и задачи полемиста

Светлана Климентьевна Севастьянова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Аннотация

Показаны особенности изложения Паисием Лигаридом (1610–1678) истории учреждения Московского Патриархата. Проанализированы источники. Тема представлена как часть заимствованной из «Оракулов Льва Мудрого» идеи об избранном народе. Пророчества соответствуют греческой профетической традиции XVII в. о России как хранительнице чистоты православия. Русские цари Иван III Васильевич и Фёдор Иоаннович, чьи права на византийское наследие, по Лигариду, неоспоримы, являют успешные примеры межкультурного взаимодействия и союза государства и Церкви. Единоличное решение Константинопольского патриарха Иеремии II учредить первосвятительскую кафедру в Москве подчеркивает масштаб и торжество установления патриаршества для Русской Церкви и всего христианского мира.

Ключевые слова

Газский митрополит Паисий Лигарид, *Книга о соборе*, Московский Патриархат, «Оракулы Льва Мудрого», царь Иван III Васильевич, царь Фёдор Иоаннович, Константинопольский патриарх Иеремия II Транос

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: перевод и исследование».

Для цитирования

Севастьянова С. К. Паисий Лигарид об учреждении Московского Патриархата: источники и задачи полемиста // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 49–61. DOI 10.17223/18137083/85/4

© Севастьянова С. К., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 49–61
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 49–61

Paisius Ligarides on the establishment of the Moscow Patriarchate: sources and tasks of the polemicist

Svetlana K. Sevastyanova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Abstract

The paper examines the history of the establishment of the Moscow Patriarchate as told by Paisius Ligarides (1610–1678), Metropolitan of Gaza. The analysis of the sources has revealed the following information. The polemicist interested in prophetic literature presents this theme as part of the idea of a chosen people and a chosen tsar. The prophecies about the “Russ” people borrowed by him from the “Oracles of Leo the Wise” fit into the centuries-old history of predictions about Russia as the guardian of the Orthodox faith’s purity. These predictions were widespread after the fall of Constantinople and actualized in the Greek tradition in the 17th century when the Romanov dynasty came to the throne. The story of Ligarides is also an edification for Tsar Alexei Mikhailovich. Ivan III Vasilyevich († 1505, reigning from 1462) and Fyodor Ioannovich († 1598, reigning from 1584) are known as organizers and reformers of the Russian state of the 16th century. Their deeds embodied a symphony of church and state authorities, symbolizing two facets of the ruler. It is this organic combination that the Metropolitan of Gaza was likely to expect in Alexei Mikhailovich: an autocrat fighting for his people with a sword and a Christian whose deeds expressed piety and holiness. The sole decision of the Patriarch of Constantinople Jeremiah II to establish the primatial see in Moscow is mentioned to demonstrate the scale and triumph of the establishment of patriarchy significant not only for the Russian Church but also for the entire Christian world.

Keywords

Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza, History of the Synod, Moscow Patriarchate, “Oracles of Leo the Wise”, Tsar Ivan III Vasilyevich, Tsar Fyodor Ioannovich, Patriarch of Constantinople Jeremiah II Tranos

Acknowledgments

The research was conducted as part of the Russian Science Foundation Project no. 22-28-00153 “The work of Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza on the trial of Patriarch Nikon: translation and research”

For citation

Sevastyanova S. K. Paisius Ligarides on the establishment of the Moscow Patriarchate: sources and tasks of the polemicist. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 49–61. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/4

12 декабря 1666 г. состоялось заключительное заседание Московского поместного собора по «делу Никона», на котором патриарх Никон (1605–1681) был извержен из сана и сослан как простой монах в Ферапонтов Белозерский Богородице-Рождественский монастырь. О соборных заседаниях рассказывает «Книга о Соборѣ противъ Никона, бывшемъ въ великомъ градѣ Москвѣ»¹ (далее – *Кни-*

¹ Название сочинения приведено по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. Д. 8 (сер. – втор. пол. XIX в.). Л. 1. Далее ссылки на листы рукописи даны в тексте в круглых скобках. Рукописный текст воспроизводится в орфографии оригинала.

га о соборе), составленная в начале 1667 г. очевидцем и активным участником всех мероприятий – Газским митрополитом Паисием Лигаридом (1610–1678).

В отечественной историографии чаще всего персона Газского митрополита оценивается в негативных тонах. Но при всём отрицательном отношении к Лигариду историки признают: это был человек «обширной учёности», «самым образованным, самым представительным из греческих духовных лиц» того времени [Соловьев, 1880, стб. 226].

Лигарид получил прекрасное для своего времени образование: в тринадцатилетнем возрасте он, хирсец по рождению, был отправлен в Рим, где по окончании иезуитской папской греческой коллегии св. Афанасия удостоен степени доктора богословия; позже он преуспел в преподавательской деятельности, трудился как переводчик и издатель. Паисий вёл обширную переписку с разными современниками и оставил многочисленные поэтические и прозаические сочинения, сборники выписок из редких и во многих случаях не сохранившихся до наших дней источников на греческом и латинском языках. «Пытливый ум; твёрдый характер; хорошо начитан, особенно – в церковных вопросах; даровитый и артистичный оратор как на классическом, так и на современном греческом, не чуждый классической поэзии», – так характеризовал Паисия его товарищ по иезуитской коллегии богослов-униат, известный учёный Лев Алляций († 1669) (цит. по: [Вернадский, 2001, с. 109]).

Не случайно в 1656 г. иеромонах Арсений Суханов советовал патриарху Никону, нуждавшемуся в грамотных и опытных справщиках для реализации реформаторских идей, пригласить в Москву именно Паисия Лигарида. Митрополиту льстило внимание русских, почитавших его учёность. В *Книге о соборе* он замечал, что неоднократно при царском дворе был востребован как специалист в области древней истории и церковного права, потому о нём «разошлась великая молва», и «очень часто быть онъ приглашаемъ синклитомъ для распросовъ» (л. 35). В процессе подготовки к собору Паисий Лигарид занялся исследовательской работой – поисками доказательств, обосновывающих правомерность осуждения Никона, и аргументов, подтверждающих разделяемую им позицию русского царя о превосходстве царской власти над патриаршей. Закономерно, что именно ему Алексей Михайлович поручил вести записи по «делу Никона», которые легли в основу *Книги о соборе*.

Среди вопросов, получивших актуальность при подготовке к суду над Никонем, Лигарид выделил три и посвятил им начальные главы книги: об установлении патриаршества в России (гл. 2), об истории патриарших кафедр (гл. 3), о патриарших правах и привилегиях внутри пентархии (гл. 4). В русском переводе XIX в., текст которого положен в основу анализа, главы отличаются от оригинальных по объёму – на русский язык переложены фрагменты, актуальные в исторической науке XIX в. в связи с «делом» Никона. В середине – второй половине XIX в. в оборот введён комплекс источников об опальном патриархе. И среди востребованных исследователями материалов русский перевод *Книги о соборе* занял чуть ли не центральное место. Под влияние Лигарида попали многие маститые учёные, приняв его произведение за достоверный источник, который на самом деле был оправданием поведения Газского митрополита на осудившем патриарха-грекофила соборе и, следовательно, призван дискредитировать Никона.

В данной статье обратимся к вопросу об учреждении Московского Патриархата. Повествование об этом Лигарид начинает пророчеством византийского императора Льва VI Мудрого (866–912):

Предназначено было отъ сложенія міра малому народу сдѣлаться великимъ. Русское царство увеличилось какъ бы для нашего спасенія (въ объясненіи этого приведены стихи императора Льва Философа, въ которыхъ проро//чески сказано, что русое племя увидитъ паденіе и возстановленіе новаго Рима какъ феникса изъ пепла; (потомъ слѣдуютъ разногадательныя словопроизводства) (л. 9 – 9 об.).

Газский митрополит, как известно, проявлял чрезвычайный интерес к профетической литературе, в которой выделялись пророчества, связанные с «русым» народом. Традиция соединять созвучие «рус» и библейское «рос» с русскими (прежде всего в эсхатологическом контексте) восходит к греческим переводам Библии и древним византийским сочинениям [Сюзюмов, 1940]. Потому нельзя не согласиться с Н. П. Чесноковой, считающей, что именование русских «русым» народом было связано не только с процессом адаптации пророчеств о русских как освободителях греков от иноземного завоевания, но и с греческой традицией, достигшей апогея в XVII в., где однозначно под «русым родом» понимался русский народ [2022, с. 341–342]. Одна из глав составленного Лигаридом на греческом языке сборника византийских и поствизантийских предсказаний «Хрисмологион» посвящена русской истории. Здесь среди разнообразных сюжетов о судьбе «Новаго Рима» значительное место занимают фрагменты из «Оракулов Льва Мудрого» – стихотворных аллегорических пророчеств о судьбе Константинополя. Греческие рукописи этих предсказаний, переводы и издания сегодня активно изучаются (А. Rigo, А. Deisser, J. Vereecken, L. Hadermann-Misguish, М. Н. Congourdeau, 2007; Б. Л. Фонкич; Н. П. Чеснокова)² и доступны для осмысления. Сравнив их с *Книгой о соборе*, мы заметили, что из всех пророчеств, имевших популярность в греческой традиции, предсказания Льва Мудрого о «русах»-русских (русичах) имели для Лигарида особое значение.

Как известно, перевод на русский язык *Книги о соборе* был торжественно поднесен царю Алексею Михайловичу в 1668 г. Однако 1 ноября 1667 г. Лигарид адресовал русскому государю небольшое письмо с кратким толкованием профетического пассажа о «русом» народе. Сохранившийся в переводе с латинского языка на русский этот документ опубликован Н. П. Чесноковой. Как замечает историк, отождествление Газским митрополитом «желтого», или «русого», народа с русскими подтверждает греческую традицию такого смыслового совпадения [Чеснокова, 2022, с. 349–350], которая нашла отражение в адресованных Алексею Михайловичу сочинениях греков, побуждавших московского царя встать на защиту страдающих от османского ига христиан. Возможно, толкование Лигаридом сюжета о «русом» народе было связано не только с чтением Алексеем Михайлови-

² Русские переложения «Оракулов Льва Мудрого» пополнились еще одним, выполненным профессором О. А. Жиганковым по иллюстрированному венецианскому манускрипту 1577 г. (Bodleian Library MS. Barocci 170), содержащему латинский перевод итальянского гуманиста Франческо Бароцци (1537–1604) [Жиганков, 2022]. По наблюдениям Мари-Элен Конгурдо, сборник Бароцци на латинском языке отличается по содержанию от версии древних византийских манускриптов: итальянец соединил разные редакции приписываемого Льву VI сочинения; изменил состав предсказаний, сократив прежние и добавив заимствованные из средневековых апокалиптических сборников [Congourdeau, 2007, p. 83–84].

чем «Хрисмологиона», но и с окончанием русского перевода *Книги о соборе*, где, как мог заметить царь, в пророчествах о Константинополе освободительная миссия возлагалась либо на русский народ, либо на царя.

В посвящении *Книги о соборе* русскому правителю Лигарид, вскрывая этимологию его имени, составил пророческую фразу из слов, начинающихся с каждой из букв имени Алексей – о «сокрушении» московским царем «губительного измаильянина». Мы провели параллель между потомками Измаила, арабами и бедуинами, живущими разбоем и хищническими набегами на соседей, и османами, покорившими Христианский Восток [Севастьянова, 2022, с. 205]. Сегодня очевидно, что в этимологической «игре» с именем Алексей Лигарид использует предсказание Льва Мудрого об избранном царя. Если в русском переводе 1698 г. Парфения Лаодикейского, фрагмент которого публикует Н. П. Чеснокова, Исмаила победит «русый народ» («Русый же род купно с практоры всего Исмаила победят, Седмохолмие возмут со окрестными...») [Чеснокова, 2022, с. 340], то в переложении О. А. Жиганкова, использующего редакцию Бароцци, измаильян одолеет именно царь:

(19) Он напишется помазанным и изыдет против Измаильтян, и покорит их, потому что в те дни опечалятся люди и ударят лицами в землю и посыплют персть на главы свои и возопиют ко Господу (цит. по: [Жиганков, 2022]).

Лигарид соединяет разные варианты пророчества, что затрудняет установление конкретного источника. Однако мы исследовали два нарратива, которыми с большой долей вероятности мог пользоваться полемист. Первый – раздел «Хрисмологиона» о «русом роде», где утверждается, что царю «русов» («московитов») суждено стать освободителем ромеев от османского ига³.

Εἰς τὴν Μοσχολίαν πατροπαράδοτον εἶναι τὸ βασιλείον καὶ ἀπὸ ἡμᾶς τοὺς Ῥωμαίους κατὰγεται, ὅθεν ὡς γνήσιος διάδοχος ἀγγίζει καὶ πρέπει τοῦ νὰ λάβῃ τῶν Ῥωμαίων τὴν βασιλείαν καὶ νὰ μᾶς ἐλευθερώσῃ ἀπὸ τὴν τριβάρβαρον τυραννίαν (Panagίου Taphou 160. Fol. 259v).

Царство в Московии унаследовано от отцов и происходит от нас, ромеев, поэтому от него [царя московитов] зависит и ему, как законному наследнику, подобает – принять Ромейское царство и освободить нас от варварской тирании (перевод А. Г. Бондача).

Второй источник – один из списков редакции «Оракулов Льва Мудрого»: будучи собирателем разнообразных пророческих текстов, Лигарид был знаком с латинским переводом Бароцци по одной из рукописей, роскошно иллюстрированных критским художником и писцом Георгием Клонцасом (1535–1608)⁴.

³ Цитата из «Хрисмологиона» приводится по основной греческой рукописи, которая хранится в библиотеке Иерусалимского Патриархата и была доступна нам в виде электронной копии, размещенной на сайте Библиотеки Конгресса. URL: <https://www.loc.gov/item/00279392139-jo/> (дата обращения 04.07.2023). Искренне благодарю А. Г. Бондача за помощь в поиске, компьютерном наборе греческих источников и выполненные совместно с П. А. Рылик переводы фрагментов из них.

⁴ Фрагмент из пророчества Льва Мудрого приводится по списку, электронная копия которого хранится в Бодлинской библиотеке в Оксфорде. URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/48dcaaff-1986-432c-a60e-659755887766/surfaces/fd700c02-86c0-4d69-b077-f40bac314e46/> (дата обращения 01.05.2023).

Εἰς τὸν Βασιλέα.
Τὸν δωδέκατον ἐν σκηπτουχίᾳ ἄρξας,
Ξανθὸν τὸ γένος ὀρθοτομήσεις Ῥώμης.
Τὸν Ἰσμαῖλ γὰρ διώξας τῶν ὀρίων,
Ἐν ἐρημίᾳ παραπέμψεις ἄξιως
(Bodl. Barocc. 170. Fol. 20r).

Царю.
Став двенадцатым в держании скипетра,
Ты русский народ Рима правильно пове-
дѣшь.
Ведь Исмаила изгнав из границ,
Ты заслуженно отправишь его в пусты-
ню
(перевод П. А. Рылик).

Из содержания приведённых примеров, связанных с пророчеством Льва Мудрого о «русом» народе, можно предположить знакомство Лигарида с разными вариантами текста, используемыми им в зависимости от цели и ситуации: «падение и восстановление новаго Рима» при обращении к царю Алексею Михайловичу в посвящении ему *Книги о соборе* будет совершено избранным царём, а при реконструкции исторической ситуации в России, где созрела необходимость в учреждении Московского Патриархата, победу над врагами христианства одержит избранный народ.

Но вернёмся к *Книге о соборе*. Рассуждая об учреждении на Руси патриаршества, Лигарид обозначает в этом событии три гетерогенные точки, связанные с деяниями двух русских царей – Ивана III Васильевича (1440–1505; княжение с 1462 г.) и Фёдора I Иоанновича (1557–1598; правление с 1584 г., совместно с Борисом Годуновым с 1587 г.), а также Константинопольского патриарха Иеремии II Траноса (трижды в 1572–1595 гг.; † 1595).

Князь Иоанъ Васильевичъ первый нареченъ быть царемъ за то, что смирилъ скифовъ и калмыковъ. Онъ женился на Софїи дщери Палеолога, властителя Пелопонезскаго словомъ и дѣломъ мудрой царицѣ, помощницѣ и совѣтницѣ его во всемъ. Этого-то Иоанна, думаю я, разумѣль Антиохійскій Патріархъ Анастасій, описывая дѣла Персидскія и говоря, что онъ занялъ горные утесы (л. 9 об.).

Газский митрополит отмечает в первую очередь геополитические успехи Ивана III. Вклад великого князя Московского и государя всея Руси в расширение территорий и укрепление православного царства подчёркивается апелляцией к Антиохийскому патриарху Анастасию, чьи пророческие слова, по мнению Лигарида, были сказаны о царе Иване, объединившем значительные части земель вокруг Москвы. Как нам удалось установить, Лигарид заимствовал это пророчество из «Повести о событиях в Персиде» (De gestis in Perside [CPG 6968]) – апокрифического произведения, восходящего к V в. и иногда ошибочно приписываемого Анастасию Антиохийскому. Приводим соответствующий текст в параллели с фрагментом из *Книги о соборе* по греческому списку (в русском переводе XIX в. он неполный), снабжая современным переложением.

Псевдо-Анастасий Антиохийский. «Повесть о событиях в Персиде»:

Βαβαῖ, πῶς ἐκοσμήθη Κασπία πύλη λίθον ὀρεινὸν λαβοῦσα, ὄνπερ οὐ χεῖρες ἐλατόμησαν ἀλλ' ἡ χάρις ἐφεῦρεν, πᾶσαν τὴν πύλην δι' αὐτοῦ περισφίγασα· οὐ μόνον ἐστήριξεν αὐτὴν ἀλλὰ καὶ κεκλεισμένην ἤνοιξε· ὁδὸς καὶ θύρα γενόμενος ὁ λίθος [Das sogenannte..., 1899, S. 32.1–5].

Книга о соборе по списку Библиотеки Румынской академии. № 371 (675):

...οὗτος ὁ χαριτώνυμος Ἰωάννης, περὶ οὗ χριστιανικωτάτου βασιλέως, ἐγῶμαι, Ἀναστάσιος, ὁ πατριάρχης τῆς μεγάλης θεουπόλεως Ἀντιοχείας, ἔλεγε γράφων περὶ τῶν ἐν Περσίδι πραχθέντων: Βαβαί, πῶς ἐκοσμήθη Κασπία πύλη; Πῶς ἡ σιδηρᾶ θύρα // νῦν ἀνεῳχθη, λίθον ὀρεινὸν λαβοῦσα, ὥνπερ οὐ χεῖρες ἐλάτομυσαν, ἀλλ' ἡ χάρις ἐφεῦρε πᾶσαν δὲ τὴν πύλην δι' αὐτοῦ περισφίγξασα, οὐ μόνον ἐστήριξεν αὐτήν, ἀλλὰ κεκλεισμένην ἤνοιξεν, ὁδὸς καὶ θύρα ὁ λίθος γενόμενος (Fol. 10–10v).

...это тот самый славного имени Иоанн, о котором как о самом христианском царе, думаю, говорил Анастасий, патриарх великого священного града Антиохии, когда он писал совершенном в Персии: «Ах, как украшены были Каспийские ворота? Каким образом теперь открыты железные врата, охватившие горный утес, который никак не руками был высечен, но благодать придумала целиком эти врата его отовсюду сжимающие, не только их установила, но и закрытые открыла, чтобы утес этот стал вратами и проходом» (перевод П. А. Рылик и А. Г. Бондача).

Упоминание о покорении «скифов» и «калмыков» делает уместным воспоминание о русских книжниках, которые в Иване III видели не только блестящего политика, но и проводника «сияющего благочестия» Церкви [Гольдберг, 1976, с. 113]. Насаждение православия на присоединённых землях свидетельствовало об укреплении Московской митрополии. Как отмечают исследователи, события середины – второй половины XV в., совпавшие с годами жизни Ивана III: Флорентийская уния 1439 г., установление автокефалии Московской митрополии в 1448 г., падение Константинополя под властью турок в 1453 г., утверждение Константинопольским патриархом литовского владыки в сане митрополита «всех Руси» в 1470 г., способствовали укреплению идеи не только избранности Руси в православном мире, но и «противопоставленности» её другим православным державам как носительницы истинной веры. Идея о Руси как наследнице церковной власти Константинополя обосновывала авторитет Московской митрополии и правомерность автокефалии [Исаханиян, 2020, с. 122].

В начале XVI в. идея о вселенском значении Москвы подразумевала два аспекта: «теократический, отражающий аксиологию Церкви (восприятие Россией древних христианских святынь Востока и Запада), и имперский, отражающий аксиологию Государства (восприятие Россией древних регалий царского достоинства)» [Кириллин, 2018, с. 120]. И в этом смысле знаменательно упоминание Газским митрополитом о браке Ивана III с Софьей Палеолог (великая княгиня Московская в 1472–1503 гг.), который имел идеологическое значение.

Как известно, греческая царевна прибыла из Италии, что открыло для Московской Руси путь для взаимоотношений с Западом. Будучи человеком широких интересов и при поддержке Софьи [Матасова, 2023], Иван III для развития отечественной культуры и укрепления государственности привлекал не противоречащие православию достижения европейской общественной мысли и приглашал лучших специалистов, которые завозили на Русь передовые для того времени технологии и новейшие изобретения. Сплав традиций органично вписывался в церковно-государственную программу укрепления Московской митрополии и формирования имперских амбиций молодого самодержца.

Благодаря союзу с представительницей византийской императорской династии, дочерью Фомы Палеолога, деспота Морейского (в 1428–1453), племянницей

последнего императора Византии Константина XI Палеолога (1405–1453) Россия становилась преемницей Византии и хранительницей православия. Византийское влияние на Московскую Русь выразилось, как известно, в заимствовании эмблематики Палеологов; в наследовании византийских традиций и ритуалов, способствовавших появлению чиновной иерархии и учреждению приказов; введении Судебника 1497 г.; наконец, в преобразовании самого великого князя в государя самодержца. Укрепление московского правителя в единовластии нашло выражение в его титулатуре, с годами включавшей всё новые определения земель [Филюшкин, 2006, с. 196, 200]. Известно использование для коронования Дмитрия Ивановича, старшего внука Ивана III и соправителя деда, шапки Мономаха и других царских регалий, перечисленных в «Сказании о князьях Владимирских», – легендарном произведении, созданном в начале XVI в. в близкой к великокняжеской власти среде, возможно, при подготовке венчания на царство Иваном III своего внука. Упоминанием о правлении Ивана III Лигарид, по-видимому, хотел показать, что в то время не только значительно укрепились позиции России на международной арене, но и была подготовлена почва для формирования духовно-государственных оснований для введения на Руси патриаршества.

Рассуждая о крепнувшем Российском государстве, Лигарид переходит к Фёдору I Иоанновичу – последнему представителю и царю Московского дома Рюриковичей на Российском престоле. Из всех достоинств государя выделяется учреждение Московского Патриархата:

Скипетръ царства принявъ по преемству Феодоръ Иоанновичъ, который пожелалъ почтить святую Церковь Божию и возвести Митрополию Московскую до крайней высоты Патриаршей, для того, чтобы царская власть и архіерейская уравнивались (л. 10).

В XVI в., как известно, Русская Церковь увеличила свою значимость и влияние в православном мире. Масштабная апология московского православия изложена прп. Иосифом Волоцким в «Просветителе», где писатель с опорой на идеи византийского автора, диакона Агапита (VI в.), уподоблял царскую власть власти божественной. В течение XVI в. оформляется и получает теоретическое обоснование теория «Москва – Третий Рим», декларируемая в интересах московского князя митрополитом Зосимой, псковским старцем Филофеем, митрополитом Спиридоном-Саввой и другими древнерусскими книжниками – о чём написано немало [Бауэр, 2008]. Однако к концу XVI в. в литературе актуализируется другая концепция «Москва – Новый Иерусалим», укоренённая в библейскую историю и представляющая московский народ как избранный, а саму Московию в её развитии и укреплении – как «путь в Землю Обетованную» [Ленхофф, 2007, с. 135–136.]. Традиция Нового Иерусалима пришла в Москву как естественная часть византийского наследия. Отражённая в самых авторитетных памятниках столетия – «Степенной книге» и «Великих Минеях Четьих», эта идея заняла доминирующее место в официальной идеологической мысли Московской Руси и, можно думать, повлияла на решение Фёдора Иоанновича «почтить святую Церковь Божию и возвести Митрополию Московскую до крайней высоты Патриаршей» (л. 10). Разные грани темы Нового Иерусалима, воплотившиеся в визуальных, вербальных, духовных образах, в топонимике и топографии Руси, выражали идеи царей Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова – двух устроителей и преобразователей Российского государства конца XVI в., воплощавших в своих

деяниях симфонию церковной и государственной властей и завершивших программу автокефалии Русской Церкви введением патриаршества.

Что же касается личности царя Фёдора Иоанновича, то она, по мнению современников – соотечественников великого князя, воплощала идеал православного царя, благополучно совмещающего служение своему народу и Богу. Как повествует патриарх Иов († 1607; первосвятитель Московский в 1589–1605 гг.) в «Повести о честном житии царя Фёдора Иоанновича», государь не только «честный скифетръ содержаше, но Богу всегда умъ свой вперяше, и душевное око бодренно и неусыпно храняше, и сердечную вѣру выну благими дѣлы исполняше; тѣло же убо свое повсегда удручаше церковными пѣніи и дневными правилами, и всенощными бдѣніи, и воздержаніемъ, и постомъ, душу же свою царскую умащая поученіемъ божественныхъ глаголь и вниманіемъ, и благихъ нравъ удобрѣніе украшая прилежно» [Полное..., 1910, с. 3]. Почитаемый народом за блаженного и юродивого (В. О. Ключевский), Фёдор Иоаннович сочетал духовную мудрость с тихим и мирным царствованием. Иван III, стоявший у истоков самодержавия, и Фёдор Иоаннович, «святой на троне», олицетворяли две грани правителя, органичное сочетание которых, по-видимому, хотел видеть в Алексее Михайловиче Газский митрополит: самодержец, мечом радеющий за свой народ, и христианин, чьи деяния выражали благочестие и святость.

Этапы в достижении патриаршего достоинства для предстоятеля Русской Церкви подробно изложены историками (см., например: [Шпаков, 1912]). Перечисляя ключевые для устройства патриаршества в России события, Лигарид неточен. Так, в указанный им 1591 г. как год прибытия патриарха Иеремии в Москву приехал Тырновский митрополит Дионисий: он привез грамоту, в которой сообщалось, что восточные иерархи на Константинопольском соборе 1590 г. признали за Московским патриархом пятое по чести место и все права предстоятеля автокефальной Церкви. Изменить даты и имена Лигарид вряд ли мог сознательно: скорее всего, он не придавал значения деталям; его цель – подчеркнуть личный вклад патриарха Иеремии в достижении патриаршего достоинства для предстоятеля Русской Церкви:

Такъ-то Іеремія одинъ провозгласилъ митрополита Московскаго Іова Патріархомъ, какъ то записано и находится въ царской книгѣ, а бывшіе при немъ два архіерея Досифей Менемвассійскій и Арсеній Элассонскій крѣпко удерживали Константинопольскаго отъ такого предпріятія и возведенія въ Патріархи, говоря, что это должно быть совершиться непременно соборно и провозгласиться съ согласія прочихъ трехъ Патріарховъ (л. 10 – 10 об.).

В ранг подвига возводится патриаршая воля Иеремии. Поступок Константинопольского патриарха противопоставлен недовольству сопровождавших его архиепиев и критике Александрийского патриарха Мелетия Пигаса (1549–1601; патриарх с 1590 г.) в адресованном Иеремии послании, довольно обширный фрагмент из которого Лигарид вводит в описание московских событий:

Знаю сверхъ того, что ты нехорошо поступилъ при возведеніи на Патріархію Московской столицы, ибо тебѣ не безызвѣстно, если только новый Римъ не научился послѣдовать древнему, что это дѣло не одного Патріарха, но собора и собора Вселенскаго (а именно православныхъ), – такимъ-то образомъ установились и доселѣ существующія Патріархіи. Посему надлежало священной душѣ твоей принять мнѣніе и прочихъ братьевъ, ибо, соглас-

но постановленію отцевъ Третьяго собора, всѣмъ надлежитъ знать о томъ, что совершается, когда разсматривается дѣло общее. Очевидно, что Патріаршій престолъ другому не подчиненъ, но Кафолической Церкви (присоединяясь единою православною и живонаначальною вѣрою устрояясь однимъ только богопочтеніемъ). Уставъ о дѣяніяхъ относительно этого отмѣнили я оныя устно и письменно, но такъ какъ слова наши клоняты вась не на благо, но на смуты, на гнѣвъ и ихъ послѣдствія, то я избавлю священную душу твою отъ укоровъ, а насъ отъ дѣлъ. Молю убо Бога, да будетъ впредь на все милосердіе (л. 11).

Выбор Лигаридом конкретных событий и персоналий отражал его видение всего масштаба и торжества установления патриаршества, значения и последствий не только для Русской Церкви, но и для всего христианского мира. В России произошло то, о чём Газский митрополит написал так: «царская власть и архіерейская уравнивались» (л. 10). Выбор же источников полемиста определялся целью повествования. Для Лигарида история учреждения патриаршества в России являлась частью идеи избранного народа и избранного царя. Пророчества о русах, к которым автор проявлял повышенный интерес, укладывались в многовековую историю предсказаний о России как хранительнице чистоты православной веры, получивших распространение после падения Константинополя и актуализировавшихся в греческой традиции в XVII в. со вступлением на трон династии Романовых. Событие, возведшее «Митрополию Московскую до крайней высоты Патріаршей», в конце XVI в. не только завершило программу автокефалии, но в XVII в. стало обоснованием идеи о Москве как Святом Граде и свидетельством реализации древних пророчеств о русских как избранном народе, а самой России как Земли Обетованной.

Список литературы

- Бауэр Е. А. Идея «Москва – третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII в.: отечественная историография XX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. 26 с.
- Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 2001. Ч. 2. 416 с.
- Гольдберг А. Л. К предыстории идеи «Москва – Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 111–116.
- Исаханян А. Э. Соотношение концепций «Москва – Третий Рим» и «Москва – Новый Израиль» и их роль в послесловии к Соборнику 1647 г. // Вестник Костром. гос. ун-та. 2020. № 3. С. 122–127. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127
- Кириллин В. М. Святая Земля – Русская империя – Византия – Русь: идея наследничества по памятникам древнерусской литературы // Studia Litterarum. 2018. № 1. С. 118–139. DOI 10.22455/2500-4247-2018-3-1-118-139
- Ленхофф Г. Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. М.: ЯСК, 2007. Т. 1. 598 с.
- Матасова Т. А. Образ Софьи Палеолог в памятниках XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 126–139. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.011

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 14, ч. 1. 158 с.

Севастьянова С. К. Семиотический аспект имени собственного: об интересе Паисия Лигарида к этимологии имени // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 195–210. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 6 кн. и 29 т. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1880. Кн. 3: Т. XI–XV. 1580 стб.

Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова ‘Ρῶς, ‘Ρωσία, Россия // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 121–123.

Филиюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Чеснокова Н. П. Толкование предсказания о Константинополе Газского митрополита Паисия Лигарида // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 339–353.

Шпаков А. В. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса: Техник, 1912. 425 с.

Congourdeau M.-H. Les “Oracula Leonis” // Gioachimismo e profetismo in Sicilia (sec. XIII–XVI): Atti del III Conv. intern. di studio Palermo-Monreale, 14–16 ottobre 2005 / Ed. C. D. Fonseca. Rome, 2007. P. 79–92.

Список источников

Жиганков О. А. Текст основного пророчества Льва Мудрого. (Белый царь – 3). Posted on 01.12.2022. URL: <https://bibleblog.ru/tekst-osnovnogo-prorochestva-lva-mudrogo-belyj-car-3/> (дата обращения 23.04.2023).

Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden / Hrsg. von E. Bratke. Leipzig, 1899. 305 S.

References

Bauer E. A. *Ideya “Moskva – tretiy Rim” v russkoy obshchestvennoy mysli kontsa 15 – nachala 17 vv.: otechestvennaya istoriografiya 20 stoletiya* [The idea of “Moscow – the third Rome” in Russian public thought of the late 15th – early 17th centuries: Russian historiography of the 20 century]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Chelyabinsk, 2008, 26 p.

Chesnokova N. P. Tolkovanie predskazaniya o Konstantinopole Gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida [Interpretation of the prediction about Constantinople of the Gaza Metropolitan Paisius Ligarides]. *Dialogue with Time*. 2022, iss. 80, pp. 339–353.

Congourdeau M.-H. Les “Oracula Leonis”. In: *Gioachimismo e profetismo in Sicilia (sec. 13–16): Atti del III Conv. intern. di studio Palermo-Monreale, 14–16 ottobre 2005* (C. D. Fonseca (Ed.). Rome, 2007, pp. 79–92.

Filyushkin A. I. *Tituly russkikh gosudarey* [Titles of Russian sovereigns]. Moscow, St. Petersburg, Alliance-Archeo, 2006, 256 p.

Gol’dberg A. L. K predystorii idei “Moskva – Tretiy Rim” [To the prehistory of the idea “Moscow – the Third Rome”]. In: *Kul’turnoe nasledie Drevney Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)* [Cultural heritage of Ancient Rus’ (Origins. Formation. Traditions)]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 111–116.

Isakhanyan A. E. Sootnoshenie kontseptsiy “Moskva – Tretiy Rim” i “Moskva – Novyy Izrail” i ikh rol’ v posleslovii k Soborniku 1647 g. [Correlation between the

concepts “Moscow – the Third Rome” and “Moscow – New Israel” and their role in the afterword to the Sobor of 1647]. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020, no. 3, pp. 122–127. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127.

Kirillin V. M. Svyataya Zemlya – Russkaya imperiya – Vizantiya – Rus’: ideya naslednichestva po pamyatnikam drevnerusskoy literatury [Holy Land – Russian Empire – Byzantium – Rus: the idea of succession according to the monuments of ancient Russian literature]. *Studia Litterarum*. 2018, no. 1, pp. 118–139. DOI 10.22455/2500-4247-2018-3-1-118-139.

Lenkhoff G. D. Steppennaya kniga: zamysel, ideologiya, adresatsiya [Book of powers: concept, ideology, addressing]. In: *Steppennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam: Teksty i kommentariy: V 3 t.* [Book of powers of royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and commentary: In 3 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2007, vol. 1, 598 p.

Matasova T. A. Obraz Sof’i Paleolog v pamyatnikakh 16 v. [The image of Sophia Paleolog in the monuments of the 16th century]. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2023, no. 2 (92), pp. 126–139. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.011.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1910, vol. 14, pt. 1, 158 p.

Sevast’yanova S. K. Semioticheskiy aspekt imeni sobstvennogo: ob interese Paisiya Ligarida k etimologii imeni [Semiotic aspect of a proper name: about the interest of Paisius Ligarids in the etymology of a name]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, 195–210. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210.

Shpakov A. V. *Gosudarstvo i Tserkov’ v ikh vzaimnykh otnosheniyakh v Moskovskom gosudarstve. Tsarstvovanie Feodora Ivanovicha. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii* [State and Church in their mutual relations in the Moscow state. The reign of Feodor Ivanovich. Establishment of the Patriarchate in Russia]. Odessa, Technik, 1912, 425 p.

Soloviev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 6 kn. i 29 t.* [History of Russia since ancient times: in 6 books and 29 vols.]. St. Petersburg, Tov. “Obshchestvennaya pol’za,” 1880, bk. 3, vols. 11–15, 1580 col.

Syuzumov M. K voprosu o proiskhozhdenii slova ‘Ρῶς, ‘Ρωσία, Rossiya [On the question of the origin of the word ‘Ρῶς, ‘Ρωσία, Russia]. *Vestnik drevney istorii*. 1940, no. 2, pp. 121–123.

Vernadskiy G. V. *Moskovskoe tsarstvo* [Moscow kingdom]. Tver, LEAN, Moscow, Agraf, 2001, pt. 2, 416 p.

List of sources

Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden. Hrsg. von E. Bratke. Leipzig, 1899, 305 p.

Zhigankov O. A. *Tekst osnovnogo prorochestva L’va Mudrogo. (Belyy tsar’ – 3)* [The text of the main prophecy of Leo the Wise. (White king – 3)]. Posted on 01.12.2022. URL: <https://bibleblog.ru/tekst-osnovnogo-prorochestva-lva-mudrogo-belyj-car-3/> (accessed 23.04.2023).

Информация об авторе

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57192178225
WoS Researcher ID L-3814-2018

Information about the author

Svetlana K. Sevastyanova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57192178225
WoS Researcher ID L-3814-2018

*Статья поступила в редакцию 12.08.2023;
одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 05.09.2023
The article was submitted on 12.08.2023;
approved after reviewing on 05.09.2023; accepted for publication on 05.09.2023*

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.17223/18137083/85/5

**Предисловие как метатекстовый элемент
мемуарного повествования
(на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века)**

Оксана Анатольевна Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Аннотация

На материале русских мемуаров XVIII – начала XIX в. анализируется функциональный репертуар мемуарных предисловий как метатекстового компонента повествования. Корпус мемуарных текстов указанного периода помещается в общий культурно-литературный контекст эпохи XVIII в., что позволяет выявить основные тенденции мотивировок, приводимых мемуаристами в качестве объяснения своего литературного труда. Сравнительный анализ мемуарных предисловий XVIII в. позволил выявить существенные сдвиги в осмыслении мемуаристами целей написания воспоминаний, отражающие усиление авторского начала, изменение отношения авторов к записываемой ими истории прошлого и описываемому образу себя. Специфика предисловий в мемуарных текстах второй половины XVIII – начала XIX в. рассматривается в контексте ориентации авторов на потенциального читателя.

Ключевые слова

мемуары, предисловие, метатекстовый элемент, «праздное время в пользу употребленное», меланхолическая топика

Для цитирования

Фарафонова О. А. Предисловие как метатекстовый элемент мемуарного повествования (на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75. DOI 10.17223/18137083/85/5

© Фарафонова О. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 62–75

Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century)

Oksana A. Farafonova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Abstract

The paper analyzes the repertoire of the prefaces in Russian memoirs of the second half of the 18th to the early 19th century as a metatextual component of the narrative. Consideration is given to the authors' orientation towards potential readers and the specificity of prefaces in memoir texts during that period. The preface composition may comprise several phrases or represent a more voluminous fragment. It may not be an independent structural element and represents a kind of "beginning," functionally coinciding with the preface. The memoirs can be divided into three groups based on the presence and design of the preface: texts without a preface, texts with a pronounced preface, and texts in which the fragments at the beginning of the narrative perform the function of pre-notification. The corpus of memoir texts is analyzed within the context of the cultural and literary epoch of the 18th century, making it possible to identify the main trends in the motivations cited by memoirists as an explanation for their literary work. A comparative analysis of memoir prefaces of the 18th century has revealed the significant shifts in understanding the goals of writing memoirs by memoirists, reflecting the change in the authors' attitudes to the history of the past they record and the image of themselves they describe.

Keywords

memoirs, preface, metatextual element, "idle time in favor of the used", melancholic topic

For citation

Farafonova O. A. Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 62–75. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/5

Начиная со второй половины XVIII в., в русской мемуаристике всё значимее и заметнее становится авторское «я» мемуариста. Самым явным знаком усиления авторства в мемуарном тексте является предисловие. Среди мемуарных произведений XVIII – начала XIX в. не имеют авторского предисловия сравнительно небольшое количество текстов. Материалом представленного в настоящей статье исследования послужили более пятидесяти мемуарных произведений XVIII – начала XIX в. Предисловия отсутствуют в девятнадцати из них. Отметим, что в некоторых случаях невозможно точно определить, было ли предисловие, как, например, в «Записках» Ф. И. Соймонова (1760–1770-е гг.), первая часть которых утрачена. В большинстве таких текстов метатекстовую функцию предисловия принимает на себя заглавие мемуарного произведения, образуя необходимую для восприятия повествования пресуппозицию. В тех случаях, когда предисловие в мемуарах имеется, оно как элемент метатекста выполняет несколько функций:

- очерчивает определенный горизонт ожидания для потенциального читателя;
- устанавливает парадигму отношений «автор – читатель»;
- выполняет определенную организующую роль, придавая всему тексту «характер завершенности» [Ламзина, 2001, с. 848];

- оформляет «экспозиционную» часть повествования, в отдельных случаях, следуя за эпиграфом, задает авторский ракурс его прочтения;
- обосновывает причины, возможность и право мемуариста писать, так как по сложившейся к XVIII в. в русской культуре традиции отношения к письменному слову «правом на сообщение достоверной информации обладал не всякий» [Билинчис, 1995, с. 11];
- является прямой декларацией авторской воли: предисловие объясняет мотивы создания мемуаров, описывает систему отношений между автором и текстом¹, авторскую преднамеренность и осознанность мемуаротворчества; усиливает и поясняет авторскую позицию, выраженную в заглавии.

Понимая мемуары широко, мы в качестве материала исследования привлекаем не только собственно автобиографические тексты, но и произведения историко-мемуарного характера, посвященные историческим личностям и событиям и написанные прямыми участниками или современниками.

В мемуарах XVIII в. предисловие может состоять из нескольких фраз или представлять собой более объемный фрагмент, отражающий рефлексию автора относительно причин, побудивших его взяться за написание мемуаров. Этот фрагмент может быть отделен от основного текста и иметь подзаголовок «предисловие», «предупреждение», «вступление», «к благосклонному читателю» и т. п. Но может и не выделяться как самостоятельный структурный элемент и представлять собой своеобразный «зачин», функционально совпадающий с предисловием. И, наконец, предисловия может не быть совсем. Весь массив мемуаров интересующего нас периода с точки зрения наличия и оформленности предисловия делится на три неравнозначные группы: тексты без предисловия, тексты с выраженным предисловием и тексты, в которых предисловие не обозначено четко, но в самом начале повествования есть фрагменты, выполняющие его функцию.

Предисловие как метатекстовый элемент задает определенную систему координат восприятия мемуаров для потенциального читателя. В этом смысле мемуарное предисловие функционально мало чем отличается от литературного (книжного) предисловия. Традиция книжных предисловий была развита как в древнерусской, так и в западноевропейской литературной культуре.

В мемуарных текстах первой половины XVIII в., где в центре повествования «находится не личность, а событие» [Билинчис, 1995, с. 12], остается актуально обоснование своего права на письменное слово. Несмотря на смену писательского типа, традиции древнерусской книжности в начале века еще очень сильны, и авторы первых русских мемуаров чувствуют необходимость в оправдании своего писательства. Главным аргументом, подтверждающим право мемуариста на фиксацию и описание события, является утверждение, что автор описывает то, что видел лично.

Очень показательным максимально краткое, но емкое предисловие А. К. Нартова к «Достопамятным повествованиям и речам Петра Великого» (1727): «Я собирал повествования о Петре Великом и речи сего Монарха, слыша оные либо устно от самого Государя, или от достоверных особ, в то время живших; находясь при Его Императорском Величестве более двадцати лет, и нося милость Его, бывал я самовидцем упражнений и бесед Его» [Нартов, 2001, с. 417]. «Я собирал»,

¹ М. Я. Билинчис для передачи специфики взаимодействия текста и автора в русской культуре XVIII в. для произведений первых десятилетий использует формулу «текст и автор», обозначая приоритет канона над авторской волей, а для литературы второй половины столетия – «автор и текст», ставя автора и его волю на первое место [Билинчис, 1995].

«слышал», «бывал самовидцем» – не только доказательство достоверности пересказываемых бесед Петра I, но и утверждение права голоса самого Нартова как мемуариста. «Сам видел», «сам слышал», значит, имею право сам пересказать.

Подтверждая свое право писать о Петре I, Нартов не только настаивает на том, что он «бывал самовидцем упражнений и бесед его», но и сообщает максимально полную информацию о своем месте в иерархической структуре современного ему мира: «Андрей Нартов, действительный статский советник, Петра Великого механик и токарного искусства учитель, императорской Академии наук и канцелярии главной артиллерии и фортификации член» [Там же]. Информация, сообщаемая Нартовым о своем общественном статусе, следует после предисловия и подкрепляет его право «самовидца», обладающего необходимым знанием.

Другой «самовидец» петровского времени, Н. И. Кашин, предваряет собранные по тому же принципу, что и «Достопамятные повествования...» Нартова, записки следующим образом: «Я нижеподписавшийся описываю самовидное и верно слышанное мною с 1717 до 1725 годов, дела и поступки, и увеселительные забавы славного, великого императора Петра Алексеевича, всея России повелителя и милостивейшего отца отечества» [Кашин, 1895, с. 9]. О самом Кашине известно очень немного. Только то, что он служил в армии сначала рядовым, а потом сержантом [СРП, 1999, с. 56]. В отличие от Нартова, Кашин не сообщает свой статус. Доказательством его права и даже необходимости писать о Петре I в предисловии служит уже не столько его положение в иерархии, сколько именно «самовиденье» и сам объект, вокруг которого сосредоточено повествование.

Пафос предисловий в мемуарных текстах первой половины XVIII в. и общая интенция мемуаристов могут быть определены как «сохранение истории». В этом они видят свою основную задачу. Определение «самовидец», являющееся автохарактеристикой мемуаристов этого периода, служит одновременно подтверждением права писать по собственной инициативе, а следовательно, выстраивать и организовывать текст по своей воле, декларируя тем самым значимость авторского «я», пусть еще и не эксплицируемого активно в тексте.

Абсолютную нетривиальность своего текста для современной ему литературной традиции начала XVIII в. понимал князь Б. И. Куракин. Он считает необходимым в начале повествования о своей жизни написать: «Сподеваюся, читающего сие мое описание от самого меня и моего жития будет зазирать, на что то так написал и буду писать. <...> Для того и я не от самого себя то учинил, но ведав обычай всех, как высших, так и средних и самых шляхетных персон, которые описывают свой живот, понеже и я тому последствовал. А о зазирающих <...> токмо разумею о том, за незнание сего обстоятельства света» [Куракин, 1890а, с. 243].

Для Куракина объяснением права на самоописание становится обращение к «европским» традициям. Русский посол, проводивший много лет при европейских дворах, Куракин был включен «в систему европейских культурных норм» [Билинчис, 1995, с. 16]. Произведение «первого русского мемуариста» было создано между 1705 и 1711 гг., т. е., как отмечает Э. А. Зицер, «за два или три поколения до того, как мемуаристика в России вошла в моду и количество автобиографических повествований выросло как снежный ком» [Зицер, 2013, с. 178–179]. Оправдывая намерение писать о себе, Куракин ссылается на то, что народы «европские» в таком письме «обычайны», имея в виду возникшую в античности и вполне сложившуюся в европейской литературе к XVII в. традицию мемуарно-автобиографического повествования. Действуя как человек европейский, Куракин чувствует необходимость сразу обозначить потенциальному читателю «правила игры»,

т. е. важную для восприятия его и его текста парадигму: автор сосредоточен не на описании событий, а на «собственной меняющейся личности» [Билинkis, 1995, с. 16]. Он пишет по собственной воле, что становится определяющим началом для всего текста «Жизни князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанной»².

К числу мемуарных произведений, написанных Куракиным, относятся также «Русско-шведская война. Записки князя Б. И. Куракина» (1720-е) и «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1723–1727). Оба текста, являясь историко-мемуарными сочинениями, в отличие от «Жизни...» основаны не только на личном опыте, но и на документах.

Предисловия к написанным от третьего лица запискам о русско-шведской войне нет, а в авторском предисловии к «Гистории...» сосуществуют и древнерусская традиция на создание текста «в помощи Вышняго и в надеянии Его святой милости», и европейская установка на «угодность публичную». Куракин прямо обращается к читателю, объясняя ему общую идею и структуру «Гистории...»: «Начинаю сей увраж давно от меня намеренной, в пользу моего отечества, Всероссийской империи и в угодность публичную, прося Вышняго, дабы благословил мне, по моему желанию, ко окончанию [сей увраж] привести. Понеже Российская империя от давняго времени славу свою имеет <...> Но донныне еще справедливаго описания гистории о сей империи не явилося, того ради понужден сей увраж учинить – гисторию о сей империи, собрав из многих рукописанных ведомостей так пространно, сколько мог быть в состоянии собрать, присовокупля при том о всех делах политических всего царствования Петра Великого, императора Всероссийскаго <...> И разделяю сей мой увраж на части для лутчего вразумления читателю. <...> прошу моего читателя в настоящее время сим удовольствоваться, а на предбудущее от других к своему удовольствию ожидать» [Куракин, 1890б, с. 36].

И «Жизнь...», и «Гистория...» написаны от первого лица. Это принципиально для Куракина как мемуариста. Обратим внимание на существенное различие двух предисловий: при ориентации на читателя в обоих произведениях отношение автора к потенциальной аудитории своего сочинения не одинаково. Это связано с характером самих текстов и с объектом повествования. В предисловии к «Жизни...», где объектом является не событие, а личность, Куракин, объясняя мотивы своего писательства, вступает в заочную полемику с «зазирающими» читателями, бросает им вызов, утверждая свое право писать о себе так, как задумал, и то, что задумал. В предисловии к «Гистории...», осознаваемой самим мемуаристом как текст, вполне вписывающийся в русскую традицию повествования об историческом событии, он предстает в роли рассудительного автора, пишущего о своем времени, а право на создание текста о Петре и его правлении подтверждает исторической реальностью и «самовиденьем»: «Я тому сам свидетелем был, и от младенчества лет моих воспитан был при дворе, и всегда неотступно при нем был во всю войну и даже в самую баталию Полтавскую по 1709 год» [Куракин, 1890б, с. 41–42].

Мемуаристы последующих десятилетий вне зависимости от причин, побудивших их взяться за написание мемуаров, довольно долго сохраняют потребность

² Оригинальное итальянское заглавие мемуаров Куракина «*Vita del Principe Boris Kouribut-Kourakin del familii de polonia et litoania*» было переведено на русский язык при публикации архива князя Ф. А. Куракина М. И. Семевским в 1890 г.

оправдать свое право на слово. Основным доказательством, как и в текстах Куракина, часто служит обращение к европейской традиции.

Так, в «Записках Петра Ивановича Рычкова» (1761–1771) автор, обращаясь к своим детям и объясняя сам факт появления этого текста, пишет в предисловии: «Еще в 1751 году <...> увидел в академической книжной палате одно нравоучительное письмо, с греческого на германский язык переведенное. Оно хотя от язычника и прежде Рождества Христова лет за 300 от оратора Сократа к Демонику (сыну друга его Гиппоника) писано, но просмотревши я нашел в нем много общих и таких правил, которые я в оном предпринятом моем намерении, не читавши еще письма того, в мыслях моих воображал» [Рычков, 1905, стб. 289 – 290]. Рычков, по его собственным словам, очень был впечатлен идеями, высказанными в письме Сократа, и, «купя его <...> перевел на русский язык». Кроме Сократа Рычков в предисловии к «Запискам» ссылается еще на один текст, который он переводит с немецкого практически одновременно с письмом Сократа, – «Письмо матери к дочери» из немецкого журнала «Der Weltbürger». Оба перевода были напечатаны в журнале «Ежемесячные сочинения» в апреле 1758 г. Спустя несколько лет – в 1761 г. – Рычков приступает к созданию мемуарных «Записок», и предшествующие этому переводы создают значимый контекст для его собственного слова. Не случайно он вспоминает о своих переводах в предисловии, кратко пересказывает суть оригиналов и указывает на них детям не только как обязательные для прочтения, но и как те, с которыми нужно соотносить его сочинение.

А. Я. Климов, пишущий свою «бедного странствия трагедию» в 1790-е гг. по возвращении в Россию после длительного плена и вынужденной службы в прусской армии, также указывает в нескольких предварительных фразах (предисловие как таковое в его тексте не выражено) на традицию «иностранных государств»: «Учинил я в моем рассуждении представить всего моего бедного странствия трагедию, которая, как я думаю, будет не во огорчение всем желающим знать и слышать. Ибо не в одних иностранных государствах по причине приключаящихся странствий выдаваемы бывают в свете истории, но, рассудительно, и в России то же самое быть может» [Климов, 2011, с. 11–12]. Ссылаясь на «истории» других стран³, Климов во вступительном фрагменте, выполняющем в его тексте функцию предисловия, предвосхищает возможные вопросы о правомерности его претензии на создание текста о своей жизни. Эти наивные оправдательные замечания автора тем более интересны, что в ситуации 90-х гг. XVIII в. выглядят почти анахронизмом: культурная ситуация изменилась, мемуары становятся актуальным жанром и времяпровождением в уединении, никто больше не оправдывает само появление мемуарных произведений ссылками на «обычаи» других стран.

³ Полагаем, что к «историям» в данном случае следует относить не только историко-мемуарные сочинения, с которыми вполне мог быть знаком Климов, а прежде всего литературные произведения. Е. Д. Кукушкина, комментируя публикацию «Похождения прапорщика Климова», высказывает предположение, что мемуарист, много лет проводивший в Пруссии и знавший немецкий и польский языки, мог быть знаком с довольно широким кругом книг, изданных на немецком языке. Она обнаруживает в повествовании Климова несколько эпизодов, перекликающихся «с сюжетами “Симплициссимуса”, особенно с первой его “книгой”» [Кукушкина, 2011, с. 197]. «Симплициссимус» Г. Я. Гриммельсгаузена был впервые издан в 1668 г., затем дополнялся в последующих изданиях. Кроме «Симплициссимуса» Климову могли быть знакомы «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Путешествие Лемюэля Гулливера Дж. Свифта, «Чувствительное путешествие по Германии» И. Г. Шиммеля.

При сравнении предисловий в мемуарах XVIII в. очевидны существенные перемены, происходившие во второй половине столетия: увеличивается количество произведений с предисловиями, расширяется спектр мотивировок, используемых авторами для объяснения появления своего текста и решения обратиться к писательству. Во всех случаях они отражают общелитературные тенденции, наметившиеся в XVIII в., когда писатели, свободные от «понужения и обета» [Николаев, 2017, с. 6], начинают всерьез задумываться о природе художественного творчества и мотивации занятия литературой. В предисловиях мемуаристы второй половины столетия уже не оправдывают своего права на письменное высказывание о себе, но стараются объяснить потенциальному читателю своих записок личные причины, заставившие взяться за перо.

Самой распространенной мотивировкой остается «польза» сочинения мемуариста для других. В русских книжных предисловиях с XI–XII вв. «доказательство полезности книги было одним из основных, обязательных тезисов» [Кукушкина, 2011, с. 194]. Подобная установка актуальна и для XVIII в., когда любое литературно-историческое произведение мыслилось в гражданско-воспитательной парадигме и должно было способствовать «исправлению пороков и моральному совершенствованию личности» [Тартаковский, 1991, с. 82].

Средством достижения пользы сочинения для потомков, декларируемым мемуаристами, как правило, является собственный нравственный пример. Так, И. М. Долгоруков в предисловии к «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни» (1788–1819) пишет, что главная его цель – быть полезным детям своим, а потому не скрывать от них ничего: «Они увидят всего меня в наготе совершенной, без лукавства и без тайны, не утаю от них моих размышлений на каждый случай, стараясь обращать собственные опыты мои к их нравственному воспитанию» [Долгоруков, 2004, с. 7–8]. Установка на откровенность, которую демонстрирует Долгоруков в предисловии к «Повести...», перекликается с предисловием М. Монтеня к его «Опытам», переведенным на русский язык и изданным в России в 1762 г.: «Это искренняя книга, читатель. <...> я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого» [Монтень, 1954, с. 7]. Очевидно, что заданная Монтенем «планка искренности» оказалась актуальна не только для французской литературной традиции, в частности для Руссо, который не просто читал, но «впитал» идеи автора «Опытов» [Визгин, 2012, с. 150], но и для русских мемуаристов второй половины XVIII в. Долгоруков, очевидно, испытал влияние и «Опытов» Монтеня, и «Исповеди» Руссо, определивших установку на «одинаковую откровенность» при изображении «хорошего и дурного» в мемуарном тексте Долгорукова.

Честно и безыскусно описанная собственная жизнь мемуариста мыслится как нравоучительный трактат для потомков, но трактат более полезный и «приятный» в чтении, чем какое-либо иное сочинение о великих людях, поскольку рассказывает историю близкого человека. Выраженная в предисловии установка на искренность и, следовательно, достоверность мемуарного повествования часто становится оправданием и объяснением пользы труда мемуариста. Так, Г. И. Добрынин в предуведомлении к «Истинному повествованию, или Жизни Гавриила Добрынина, им самим писанной в Могилеве и в Витебске» (1787–1823) объясняет свое намерение писать честные мемуары тем, что «писать небылицы или выдумки было бы то же самое, что обманывать самого себя». Пользу своего сочинения Добрынин видит прежде всего в сохранении личной памяти, в том, что с помощью

его мемуаров возможно будет «приведение на память прошедших моих лет и приключений» [Добрынин, 1872, с. 3]. Но, чтобы собственный опыт действительно был полезен последующим поколениям, он должен быть честен. Это главный залог пользы совершаемого писательского труда.

«Желание послужить отечественному просвещению и доставить пользу читающей публике» является одним из главных доводов русских писателей XVIII в., приводимых ими в «оправдание» своей литературной или переводческой деятельности [Николаев, 2017, с. 17]. Аналогичные мотивировки указывают в предисловиях мемуаристы, вольно или невольно вписывая свои воспоминания в общий контекст литературной культуры эпохи.

Написание «честной» истории своей жизни часто осмысливается авторами мемуаров как общественное служение. Об этом пишет в обращении к «благосклонному читателю» Я. П. Шаховской (1772), называя себя «благим намерениям лучших успехов истинным желателем» и отмечая, что взялся за написание своей прежде всего служебной истории, «доброжелательствуя моему отечеству, не сгодиться ли что благосклонным сего читателям» [Шаховской, 1821, с. X]. Русский генерал сербского происхождения С. С. Пишчевич объясняет мотивы написания мемуаров о превратностях своей службы желанием «оказать нации услугу». В предисловии к «Известию о походе Симеона Степанова сына Пишчевича» (1785) он пишет, что приступает «о самом себе говорить не красноречием или лишними какими прибавками, а просто так, как во все время моей жизни приключения со мною встречались и происходило счастьем и несчастьем» [Пишчевич, 1884, с. 1].

Наряду с мотивом нравственной пользы и служения отечеству в предисловиях к мемуарам часто появляется оправдательное указание на отсутствие у мемуариста какого бы то ни было тщеславия: «Я не тщеславясь сие пишу» [Рычков, 1905, с. 290]; «Я положил собрать и написать фамилию Даниловых не для тщеславия моего» [Данилов, 1991, с. 283]; «Да никто из читающих не возомнит, что честолюбие оставить потомству имя мое или красноречие, славу творцам приобретающее, были причиною трудов, к сочинению сия книги приложенных» [Елагин, 1864]. Долгоруков, объясняя причины, подтолкнувшие его к написанию мемуаров, говорит о себе как о человеке, обладающем «природной» склонностью к писательству. Но, чтобы избежать упреков в тщеславии и нескромности, он ссылается на завет отца, отмечавшего в сыне «смолоду наклонность к трудам пера» и советовавшего ему «писать исторический журнал» своей жизни [Долгоруков, 2004, с. 7]. Отказ от тщеславных помыслов столь же обязателен для мемуарных предисловий, как уверение в искренности и правдивости повествования.

Тщеславие входит в устойчивый набор пороков, разоблачаемых в сатирических жанрах XVIII в., наряду с гордостью, лицемерием, невежеством. В сложившемся во второй половине XVIII в. культурном контексте подозрение в тщеславии может поставить под сомнение идею того, что труд мемуариста необходим для пользы потомкам, обществу, отечеству и нации. Поэтому, объясняя в предисловиях причины своего писательства, авторы мемуаров считают необходимым заявить о невинности в этом «грехе».

Предисловие к «Сокращенной выписке из тайной записки моей жизни» Анны де Пальме (1810-е – 1820-е гг.) также предвосхищает возможные обвинения в «нескромности» в адрес мемуаристки, которая отвергает все возможные «предрассудки, оскорбления и клеветы», потому что пишет абсолютную правду и никакие «терзания совести» ее не преследуют [Пальме, 1994, с. 14]. В предисловии Пальме сопрягаются ключевые для дальнейшего ее повествования мотивы: ис-

тины, правосудия, судьбы и случая (рока). Причем для вступительного и знакового по отношению ко всему произведению рассуждения о том, каким образом устроен мир и каким законам он подчиняется, мемуаристка использует традиционную форму просветительского диалога: «Вопрос. Для чего один глупой, а другой с подлою душою человек, и оба, рожденные для забвения, светозарны, тогда когда умной и добродетельной человек проводит дни жизни своей во тьме? Ответ. Для слов, как для людей, есть жребий роковой; случай играет их судьбой. Он – их судия, они – его создание. Захочет – и в чести; велит – они в изгнание. Неистовый тиран; но свят его закон» [Там же, с. 15].

В предисловии Пальмье отчетливо прослеживаются романские мотивы судьбы, случая, «рокового жребия», известные со времен античности и активно подхваченные русской литературой второй половины XVIII в. Связь с литературной традицией мемуаристка вольно или невольно подчеркивает, оформляя часть предисловия (ответ) стихами. Шестистопный трагедийный ямб задает вполне определенную парадигму самопрезентации автора: она видит себя трагедийной героиней, борющейся с «превратностями света».

Общелитературной мотивировкой словесного творчества, отразившейся и в мемуарных предисловиях, является интенционально близкая «пользе» для потомков или отечества концепция «праздного времени в пользу употребленного». Выходивший в 1759–1760 гг. еженедельный журнал с таким названием уделял большое внимание публикациям о вреде праздности, активно продвигал идею опасности праздного времяпровождения, приравнивая праздность к лени. Вслед за «Праздным временем в пользу употребленным» в других литературных журналах второй половины XVIII в. «деятельное заполнение досуга» становится центральным предметом размышлений, что отражается уже в их названиях: «Свободные часы» (1763), «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечево» (1781) и др.

Проблема «праздного времени» становится для второй половины XVIII в. общественно актуальной, она постоянно фигурирует на страницах периодических изданий и литературных произведений и, разумеется, не могла не отразиться и в размышлениях мемуаристов в предисловиях к своим сочинениям. Более того, наличие «праздного времени» становится одним из мотивов создания мемуарного произведения: «Живучи в деревне, в свободных мыслях и безмятежном сельском житии находясь празден, без всякого дела, возмнил я написать происшествие фамилии нашей Даниловых» [Данилов, 1991, с. 282]; «рассудил употребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мной во все время продолжения моей жизни» [Болотов, 2013, с. 11]; «имев свободные часы, с помощью Божию, начинаю писать могущим быть по мне потомкам, а наипаче моим родным детям» [Лукин, 1865, стб. 921]. С одной стороны, «свободные часы», о которых пишут мемуаристы в предисловиях, создают необходимое условие для записи воспоминаний, а с другой – создание мемуарного текста становится полезным заполнением «праздного времени».

В период становления и развития в русской литературе сентиментализма комплекс мотивировок в мемуарных предисловиях значительно расширяется. В качестве побуждающих к писательству причин мемуаристы называют уныние, ипохондрию, меланхолию и скуку.

Приступая к «Своеручным запискам княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева» (1767), мемуаристка пишет: «Как скоро вы от меня поехали, осталась я в уединении, пришло на

меня уныние, и так отягощена была голова моя беспокойными мыслями, казалось, что уже от той тягости к земле клонюсь. <...> Пришло мне на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себе оставила на память журнал» [Долгорукая, 1991, с. 256]. Ее внук, И. М. Долгоруков, задумав создать «лексикон своей памяти», также говорит о своеобразной терапевтической функции процесса письма: «Снова напало на меня желание мараить бумагу; встретил меня не опасный, но мучительный недуг, который <...> омрачил так мои мысли <...> по склонности физической к излишней меланхолии. Надобно было это зло отвратить, а для этого надобно было писать» [Долгоруков, 1997, с. 5–6].

Писатели XVIII в. часто оправдывали свою причастность к литературе и собственное творчество скукой и тем, что пишут для собственного развлечения. Мемуаристы второй половины XVIII – начала XIX в. также довольно часто объясняют свое обращение к писательству скукой: «Все перечитавши, и несколько раз, что только нашлось своего или занятого, все передумавши, и неоднократно, что только задержалось в моей старой голове, всем наскучивши, <...> нахожусь я в совершенном безделии, следовательно в несносной скуке. <...> Чем же наполнять день, особенно чем сокращать долгие предобеденные часы? Писать...» [Винский, 1877, стб. 77–78]. Далее, рассуждая о том, что же именно лучше писать, чтобы развеять «несносную скуку», весьма начитанный и думающий человек Г. С. Винский приходит к выводу, что нужно писать именно мемуары.

Очень часто в мотивировках писания мемуаров скука соединяется с болезнью. Завершая объемное предисловие к «Капищу моего сердца» (1814–1818), Долгоруков пишет: «Главная цель моя, как выше видно, принявшись за сию работу, была та, чтоб не задумываться, разгонять гипохондрию и разбивать мысли, омраченные продолжительным недугом и скукою» [Долгоруков, 1997, с. 6].

Мемуарное предисловие оформляет авторское высказывание, задает авторский ракурс прочтения произведения и понимания создаваемого мемуаристом образа себя и своего прошлого. Выполняя метатекстовую функцию, мемуарные предисловия отражают авторскую рефлексию в отношении причин создания мемуаров и выбора повествовательной модели.

В мемуарных предисловиях XVIII в. отражаются общекультурные изменения. Пафос сохранения памяти об историческом событии или личности как доминантная интенция мемуаристов сопрягается с идеей сохранения памяти о себе, что, в свою очередь, определяет изменение мотивировок создания мемуаров, декларируемых авторами в предисловиях. Помимо отражения общекультурного понимания причины писательского труда как «пользы» или «праздного времени, в пользу употребленного», мемуаристы XVIII в. всё чаще обращаются к литературной по своей природе «меланхолической топике» (уныние, уединение, меланхолия, тоска, скука), что, как нам представляется, связано с общим процессом сближения литературы и мемуаров в историко-культурном контексте второй половины XVIII – начала XIX в.

Список литературы

Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: СПбГУ, 1995. 104 с.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1120 с.

Визгин В. П. Урок Руссо // Философские науки. 2012. № 11. С. 149–152.

- Винский Г. С.* Мое время // Русский архив. 1877. № 1. Стб. 77–123.
- Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 282–350.
- Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. 380 с.
- Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 256–279.
- Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997. 410 с.
- Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. 833 с.
- Жицер Э. А.* Самосотворение петровского «аристократа»: астрологическая «книга рождения» князя Бориса Ивановича Куракина // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1782–1750). М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 178–212.
- Елагин И. П.* Учение древнего любомудрия и богомудрия, или Наука свободных каменщиков; из разных творцов светских, духовных и мистических собранная и в 5 частях предложенная И. Е., великим российской провинциальной логи мастером. Начато в 1786 г. Повесть о себе самом // Русский архив. 1864. Т. 1. Стб. 93–100.
- Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого (запись современника). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 32 с.
- Климов А. Я.* Похождение прапорщика Климова // Похождение прапорщика Климова (Мемуары XVIII века) / Подгот. текста, ст. и коммент. Е. Д. Кукушкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 11–177.
- Кукушкина Е. Д.* Мемуары Алексея Климова как историческое свидетельство и литературный памятник // Похождение прапорщика Климова. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 187–213.
- Куракин Б. И.* История о царе Петре Алексеевиче и о ближних к нему людях, 1682–1694 гг., сочинение князя Б. И. Куракина, написанное в Гаге и Париже в 1723–1727 гг. // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890б. Кн. 1. С. 39–78.
- Куракин Б. И.* Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. 1676 – июля 20-го – 1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890а. Кн. 1. С. 241–287.
- Ламзина А. В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвалк, 2001. С. 848–853.
- Лукин И. Ф.* Жизнь старинного русского дворянина. Записки Ивана Федоровича Лукина // Русский архив. 1865. Вып. 8. Стб. 899–930.
- Монтень М.* Опыты. Книга I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 711 с.

Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 417–435.

Николаев С. И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век. Сб. 29. Литературная жизнь в России XVIII века. М., СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 5–20.

Пальме А. де. Сокращенная выписка из тайной записки моей жизни с 1794 по 1808 год // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 1994. С. 14–23.

Пишчевич С. С. Известие о походе Семена Степановича Пишчевича, 1731–1785. М.: Тип. Моск. ун-та, 1883. 577 с.

Рычков П. И. Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. 1905. Кн. 3. Стб. 289–340.

СРП – Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2 (К–П). 512 с.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – начала XIX в. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

Шаховской Я. П. Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. М.: Тип. И. Глазунова, 1821. Ч. 1. 208 с.

References

Bilinkis M. Ya. *Russkaya proza 18 veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman*. [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. Tale. Novel]. St. Petersburg, SPbSU, 1995, 104 p.

Bolotov A. T. *Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannaya im samim dlya svoikh potomkov: V 3 t.* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants: In 3 vols.]. O. A. Platonov (Ed.). Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2013 vol. 1, 1120 p.

Danilov M. V. *Zapiski Mikhaila Vasil'evicha Danilova, artillerii mayora, napisanye im v 1771 godu (1722–1762)* [Notes by Mikhail Vasilyevich Danilov, an artillery major, written by him in 1771 (1722–1762)]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: Memories of the “epoch of palace coups” (1720s – 1760s)]. E. Anisimova (Comp., comment.). Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 282–350.

Dobrynin G. I. *Istinnoe povestvovanie ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske* [The true narrative or the life of Gabriel Dobrynin, written by himself in Mogilev and Vitebsk]. St. Petersburg, Pechatnya V. I. Golovina, 1872, 380 p.

Dolgorukaya N. B. *Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoy, docheri g. fel'dmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva* [Handwritten notes of Princess Natalya Borisovna Dolgoruky, daughter of Field Marshal Count Boris Petrovich Sheremetev]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: Memories of the “epoch of palace coups” (1720s – 1760s)]. E. Anisimova (Comp., comment.). Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 256–279.

Dolgorukov I. M. *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vsekh tekh lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moyey zhizni* [The temple of my heart, or the Dictionary of all those persons with whom I have been in various relationships during my life]. Moscow, Nauka, 1997, 410 p.

Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsey zhizni, pisanaya mnoy samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-m godu ot rozhdeniya moego* [The story of my birth, origin and whole life, written by myself and begun in Moscow in 1788 in the month of August, in the 25th year from my birth]. St. Petersburg, Nauka, 2004, vol. 1, 833 p.

Elagin I. P. *Uchenie drevnego lyubomudriya i bogomudriya, ili Nauka svobodnykh kamenshchikov; iz raznykh tvortsov svetskikh, dukhovnykh i misticheskikh sobrannaya i v 5 chastyakh predlozhennaya I. E., velikim rossiyskoy provintsial'noy lozhi masterom. Nachato v 1786 g. Povest' o sebe samom* [The Teaching of Ancient Philosophy and God's Wisdom, or the Science of Free Stonemasons; from various secular, spiritual and mystical creators, collected and in 5 parts proposed by I. E., the great master of the Russian provincial lodge. Started in 1786. The Tale of Myself]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1864, vol. 1, cols. 93–100.

Kashin N. I. *Postupki i zabavy imperatora Petra Velikogo (zapis' sovremennika)* [The deeds and amusements of Emperor Peter the Great (record of a contemporary)]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova, 1895, 32 p.

Klimov A. Ya. Pokhozhdenie praporshchika Klimova [The Adventures of Warrant Officer Klimov]. In: *Pokhozhdenie praporshchika Klimova (Memuary XVIII veka)* [The Adventures of Warrant Officer Klimov (Memoirs of the 18th century)]. E. D. Kukushkina (Ed. text, art. and comment.). St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2011, pp. 11–177.

Kukushkina E. D. Memuary Alekseya Klimova kak istoricheskoe svidetel'stvo i literaturnyy pamyatnik [Memoirs of Aleksey Klimov as a historical evidence and a literary monument]. In: *Pokhozhdenie praporshchika Klimova* [Adventures of Warrant Officer Klimov]. St. Petersburg, Pushkin House Publishing House, 2011, pp. 187–213.

Kurakin B. I. Gistoriya o tsare Petre Alekseeviche i o blizhnikh k nemu lyudyakh, 1682–1694 gg., sochinenie knyazya B. I. Kurakina, napisannoe v Gage i Parizhe v 1723 – 1727 gg. [Historia about Tsar Peter Alekseevich and about people close to him, 1682–1694, a work by Prince B. I. Kurakin, written in Gage and Paris in 1723–1727]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of the book of F. A. Kurakin]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1890b, bk. 1, pp. 39–78.

Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina im sami opisannaya. 1676 – iyulya 20-go – 1709 [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin described by him himself. 1676 – July 20 – 1709]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of the book of F. A. Kurakin]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1890, bk. 1, pp. 241–287.

Lamzina A. V. Rama proizvedeniya [Frame of the work]. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvalk, 2001, pp. 848–853.

Lukin I. F. Zhizn' starinnogo russkogo dvoryanina. Zapiski Ivana Fedorovicha Lukina [Life of an old Russian nobleman. Notes of Ivan Fedorovich Lukin]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1865, iss. 8, cols. 899–930.

Montaigne M. *Opyty. Kniga I* [Experiments. Book I]. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1954, 711 p.

Nartov A. K. Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo [Memorable narratives and speeches of Peter the Great]. In: Nikanorova E. K. *Istoricheskiy anekdot v russkoy literature 18 veka* [A historical anecdote in Russian literature of the 18th century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, pp. 417–435.

Nikolaev S. I. Russkie pisateli 18veka o motivatsii svoikh zanyatiy literaturnym trudom [Russian writers of the 18th century on the motivation of their literary work]. In:

18 vek. Sb. 29. Literaturnaya zhizn' v Rossii 18 veka [18 century. Coll. 29. Literary life in Russia of the 18 century]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017, pp. 5–20.

Pal'm'e A. de. Sokrashchennaya vypiska iz taynoy zapiski moey zhizni s 1794 po 1808 god [Abridged extract from the secret note of my life from 1794 to 1808]. In: *Russkiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh 18–20 vv.: Al'manakh* [Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries: Almanac]. Moscow, Studiya TRITE, Ros. Arkhiv, 1994, pp. 14–23.

Pishchevich S. S. *Izvestie o pokhozhdenii Semena Stepanovicha Pishchevicha, 1731–1785* [The news of the adventures of Semyon Stepanovich Pishchevich, 1731–1785]. Moscow, Tip. Mosk. Uni., 1883, 577 p.

Rychkov P. I. Zapiski Petra Ivanovicha Rychkova [Notes of Pyotr Ivanovich Rychkov]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1905, iss. 3, cols. 289–340.

Shakhovskoy Ya. P. *Zapiski Yakova Petrovicha Shakhovskogo, pisannye im samim* [Notes of Yakov Petrovich Shakhovsky, written by himself]. Moscow, Tip. I. Glazunova, 1821, pt. 1, 208 p.

Slovar' russkikh pisateley 18 veka [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1999, iss. 2 (K–P), 512 p.

Tartakovskiy A. G. *Russkaya memuaristika 18 – nachala 19 v. Ot rukopisi k knige* [Russian memoirs of the 18th – early 19th centuries. From a manuscript to a book]. Moscow, Nauka, 1991, 288 p.

Vinskiy G. S. Moe vremya [My time]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1877, no. 1, cols. 77–123.

Vizgin V. P. Urok Russo [Rousseau's Lesson]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012, no. 11, pp. 149–152.

Zitser E. A. Samosotvorenie petrovskogo “aristokrata”: astrologicheskaya “kniga rozhdeniya” knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina [Self-creation of the Petrine “aristocrat”: the astrological “book of birth” of Prince Boris Ivanovich Kurakin]. In: *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1782–1750)* [The ruling elites and the nobility of Russia during and after the Petrine reforms (1782–1750)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2013, pp. 178–212.

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Фарафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Information about the author

Oksana A. Farafonova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 03.05.2023;

одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 21.07.2023

The article was submitted on 03.05.2023;

approved after reviewing on 21.07.2023; accepted for publication on 21.07.2023

Научная статья

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI 10.17223/18137083/85/6

**Особенности историко-литературного комментария
при подготовке научного издания
(«Малое собрание сочинений Ф. В. Волховского»)**

Наталья Вениаминовна Жиликова¹

Александр Евгеньевич Мазуров²

^{1, 2} Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

² rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Аннотация

Актуализация творчества дореволюционных сибирских авторов является одной из наших проблем, стоящих перед исследователями. Активное освоение локальной истории, интерес к краеведению и местной литературе позволяют ввести в сферу научной рефлексии тексты, до этого пребывавшие в статусе «фантомных»: все знали об их существовании и упоминали в исследованиях, но сами произведения не были известны широкому кругу читателей. Так как большинство издательских проектов носит не только популяризаторский, но и научно-исследовательский характер, важной частью работы над ними является комментирование текстов. В статье рассматривается специфика работы над историко-литературным комментарием к произведениям поэта-народника, публициста и «негласного редактора» «Сибирской газеты» Ф. В. Волховского, которые готовятся к публикации в формате малого собрания сочинений. Авторы приходят к выводу о необходимости подробного комментирования отдельных сюжетов, рассматривая контекст, подробности и отражение в фельетонах публициста «дела о медном пятаке» – конфликта «Сибирской газеты» с Томской городской думой (1884 г.).

Ключевые слова

Ф. В. Волховский, комментарий, собрание сочинений, фельетоны, «дело о медном пятаке», «Сибирская газета»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования

Жиликова Н. В., Мазуров А. Е. Особенности историко-литературного комментария при подготовке научного издания («Малое собрание сочинений Ф. В. Волховского») // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 76–89. DOI 10.17223/18137083/85/6

© Жиликова Н. В., Мазуров А. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 76–89

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 76–89

Features of historical and literary commentary in the preparation of a scientific publication (a case study of “Small collected works of F. V. Volkhovsky”)

Nataliya V. Zhilyakova¹, Alexandr E. Mazurov²

^{1,2} Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

² rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Abstract

The actualization of the pre-revolutionary Siberian literature is relevant for researchers. The active investigation of local history, coupled with a keen interest in local history and literature, facilitates the introduction of texts previously in the status of “phantom” into the realm of scientific inquiry. Since most publishing projects have the dual objective of popularization and research, text commentary plays a vital role in their realization. This paper discusses the specifics of the historical and literary commentary in the works of F. V. Volkhovsky, the poet-populist, publicist, and “unofficial editor” of the “Sibirskaya gazeta.” These works are to be published as a small collection of works. Here, historical and literary commentary serves as a “guide” to the late 19th century Tomsk life, revealing the activities of the institutions and topographical realities, “deciphering” the names, and explaining the events being referred to. One plot to be disclosed in detail was Volkhovsky’s statement in the “Sibirskaya Gazeta” in 1884 that caused an open confrontation between the Tomsk City Duma and the periodical. A comprehensive analysis of the context, details, and reflection surrounding the “copper nickel case” in the feuilletons led to the conclusion that readers cannot understand the plot associated with this “case” without being acquainted with a substantial portion of the materials published by F. V. Volkhovsky in 1884. The “censorship background” expands the plot by complementing the facts. Despite being fiction, the feuilleton is primarily based on documentary facts and relies on the reader’s understanding of specific references.

Keywords

F. V. Volkhovsky, commentary, collected works, feuilletons, “the case of the copper penny,” “Sibirskaya gazeta”

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the Tomsk State University project “Sibirika. Actualization of the local Siberian text and the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia” supported by the grant from the Russian Science Foundation no. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation

Zhilyakova N. V., Mazurov A. E. Features of historical and literary commentary in the preparation of a scientific publication (a case study of “Small collected works of F. V. Volkhovsky”). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 76–89. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/6

Введение

Актуализация творческого наследия дореволюционных сибирских авторов является одной из насущных проблем, стоящих перед региональными исследователями. Активное освоение локальной истории, интерес к краеведению и местной литературе, отмечаемый сегодня в российских регионах, позволяют ввести в сферу научной рефлексии тексты, до этого пребывавшие в статусе «фантомных»: все знали об их существовании и упоминали в исследованиях, но сами произведения

не были известны широкому кругу читателей. Такая ситуация была характерна для многих сибирских авторов, несмотря на то, что в XX – начале XXI в. было предпринято несколько сериальных изданий произведений знаменитых дореволюционных сибиряков – публицистов и беллетристов: это, например, «Литературные памятники Сибири» (книги издавались в Иркутске по инициативе литературоведа и критика Е. Г. Раппопорта Восточно-Сибирским книжным издательством), «Малая библиотека сибирских писателей», «Библиотека сибирского романа», «Библиотека сибирской поэзии», «Литературное наследство Сибири», «Сибирью связанные судьбы» (книги Западно-Сибирского книжного издательства, затем переименованного в Новосибирское книжное издательство); также было издано собрание сочинений Г. А. Вяткина (см.: [Вяткин, 2005]). Благодаря работе исследователей и книгоиздателей стали доступны тексты самых ярких сибирских прозаиков, поэтов, журналистов: Г. Д. Гребенщикова, Г. А. Вяткина, И. В. Федорова-Омулевского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и многих других.

Поскольку большинство издательских проектов носит не только популяризаторский, но и научно-исследовательский характер, важной частью работы над ними является разработка справочного аппарата, включающего в себя предисловие и послесловие, указатели, комментарии. Последние требуют особого внимания; исследователи подчеркивают: в зависимости от поставленных задач издатели решают, какой вид комментариев должен быть использован: «...в современной практике, в зависимости от читательского назначения издания, комментариев бывает: библиографический (текстологический, источниковедческий), историко-литературный, реальный, лингвистический» [Щербакова, 2018, с. 104]. В рассматриваемых книгах представлен преимущественно историко-литературный комментарий, благодаря которому читатели получают возможность узнать об историческом контексте, в рамках которого создавалось произведение, о деталях, позволяющих полнее понять смысл произведения, связать его с биографическими данными или мировоззренческими установками автора и т. д.

Целью настоящего исследования является выяснение специфики работы над историко-литературным комментарием к произведениям известного поэта-народника, публициста Ф. В. Волховского, которые готовятся к публикации в формате малого собрания сочинений. Эта цель реализуется в результате анализа конкретного материала: отражения в фельетонах Волховского конфликта с Томской городской думой (1884 г.), получившего условное название «дело о медном пятак».

Цензурная подоплека конфликта раскрыта в нескольких исследованиях (см.: [Жилякова, 2020; Жилякова и др., 2022, с. 124–132]). Новизна заключается в том, что в статье впервые анализируется осмысление этого конфликта в фельетонном творчестве Волховского. Результаты исследования могут стать основой для историко-литературного комментария к издаваемым произведениям.

«Малое собрание сочинений Ф. В. Волховского»: общая концепция

Имя Феликса Вадимовича Волховского (1846–1914), поэта-народника, публициста, деятеля русского и международного революционного движения, довольно известно в исследовательских кругах, его политическая деятельность отражена в целом ряде работ (см.: [Роцевская, 1966; 1975; Доманский, 1997; Круссер, 1971, с. 107–135]). В бурной биографии Волховского, включавшей в себя

участие в народническом движении, ссылку, побег из Сибири, эмиграцию, жизнь в Лондоне, был также очень значимый для Волховского период активной литературной и журналистской деятельности во время пребывания в Томске в 1882–1888 гг. Попав сюда в статусе политического ссыльного, он нашел здесь единомышленников и друзей из среды сибирской интеллигенции, а также получил возможность публиковаться на страницах частной «Сибирской газеты», которую исследователи считают «феноменом литературного регионализма» [Жиликова, 2002].

Работу в Томске Волховский описывал так: «Приглашенный в литературные обозреватели “Сибирской газеты”, я с течением времени стал последовательно ее театральным рецензентом, фельетонистом и наконец принял участие во всех литературных и редакционных работах по изданию, отдавая ей все свое время» (см.: [«Сибирская газета»..., 2004, с. 140]). Этот значительный массив публикаций (только фельетонов было написано более 70) ни разу не переиздавался, он до сих пор остается рассеянным по страницам «Сибирской газеты» [Мазуров, 2020]. Это дало возможность исследовательскому коллективу реализовать идею малого собрания сочинений Ф. В. Волховского, включив в него все обнаруженные в томской газете произведения, написанные в жанрах фельетона, литературно-критического очерка, театральной рецензии, рассказа, стихотворения.

Важной частью издания является предисловие, в котором дается обзор биографии Волховского и его творческого наследия, оценивается значение томского периода для раскрытия творческого потенциала автора, анализируются особенности работы в разных жанрах. Помимо введения, сборник будет включать в себя следующие разделы: «Фельетоны» (76 материалов), «Литературно-критические материалы» (11), «Театральные обозрения» (4), «Стихотворения» (4) и «Очерки» (7). Разделы выстроены в соответствии с вкладом, внесенным публицистом в развитие тех или иных жанровых форм и традиций. Сборник будет начинаться с фельетонов как ключевых материалов для восприятия творчества Ф. В. Волховского. Внутри разделов материалы разделены по псевдонимам публициста и выстроены в хронологическом порядке, что обусловлено необходимостью сохранить целостность и преемственность текстов. Пересечения и отсылки материалов разных циклов обозначены в научном комментарии.

Историко-литературный комментарий в малом собрании сочинений выполняет роль «проводника» по условиям томской жизни конца XIX в.: издатели раскрывают содержание деятельности упоминаемых учреждений, топографические реалии, по возможности «расшифровывают» упоминаемые имена (в фельетонах, как правило, они давались в сокращенном виде либо переделывались для того, чтобы избежать цензурных репрессий), объясняют, с какими событиями связаны те или иные высказывания фельетониста, и т. д. Одним из сюжетов, который потребовал подробного раскрытия в комментарии, стало высказывание Волховского в «Сибирской газете» в 1884 г., которое привело к открытому противостоянию Томской городской думы и «Сибирской газеты», разрешившемуся благодаря вмешательству губернатора и Главного управления по делам печати. Рассмотрим этот сюжет подробнее.

«Дело о медном пятаке»

Начало конфликта было связано с тем, что «Сибирская газета», публикуя в № 11 за 1884 г. информацию о сборе пожертвований в пользу семьи недавно

умершего сибирского поэта И. В. Оммулевского, нелестно отозвалась о жителях Томска и сравнила город с «бездущным мешком с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятка».

Небольшая заметка в «Хронике», которая вызвала затяжной конфликт и привела к вмешательству в него Главного управления по делам печати, выглядела так:

По инициативе некоторых молодых писателей, в посту устраивается, как передает «Петербургский листок», литературно-музыкальный вечер, сбор с коего предназначен целиком в пользу семейства покойного И. В. Оммулевского.

Польская газета «Край» собрала в пользу семьи нашего поэта до 12 февраля 545 р. Иркутск, еще до объявления подписки в газете «Сибирь», собрал несколько сот рублей. – А черствый помешанный на наживе Томск, несмотря на давно открытую подписку, дал, стыдно сказать, всего 36 р. 30 к. – Здесь грош дорог; здесь за грош продадут что угодно – честь, совесть, человека, здесь и благотворительность-то проявляется только в том случае, если за отданный рубль имеется в виду сорвать четыре. Сибирь может гордиться, что не имеет более городов подобно Томску, этому бездущному мешку с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятика (СГ. 1884. № 11).

Подписка, действительно, была объявлена давно: еще в январе 1884 г., в № 4 «Сибирской газеты». В ней был опубликован некролог Иннокентия Василевича Федорова (Оммулевского), поэта и писателя, автора романа «Шаг за шагом» (действие которого происходило в Иркутске), а самое главное, подчеркивала «Сибирская газета», – сибиряка по происхождению. Газета высоко ценила его именно как «сибирского поэта-патриота»: «Как в романе, так и в стихотворениях И. В. Федоров является в высшей степени симпатичным, честным и необыкновенно стойким в убеждениях писателем и горячим патриотом, перед которым постоянно носился образ дорогой родины» (СГ. 1884. № 4). С января по март на первой полосе «Сибирской газеты» публиковалось объявление о подписке «в пользу семьи умершего писателя-сибиряка И. В. Федорова-Оммулевского»: всего за это время в редакцию поступило 90 р. 30 копеек, из которых томичи пожертвовали, как уже известно, чуть более 36 рублей.

Представители Томской городской думы во главе с томским головой посчитали этот отзыв «диффамацией» всего города и развили бурную деятельность, надеясь привлечь к ответственности как редакцию, так и цензора, пропустившего в печать статью. «Сибирская газета» писала в разделе «Хроника»:

Томская дума обнаружила в последнее время чистилищорачную деятельность и энергию в разыскании способов преследования «Сибирской газеты» за печатные разоблачения, касающиеся думских воротил. В пятницу дума постановила возбудить против нашей газеты новое преследование, на этот раз уже за оскорбление всего города выражением, что у томских горожан вместо сердца – медные пятики. Нечего делать, будем и на суде защищать наше наблюдение над сердцами Томских Кондратов; кто знает – быть может, суд и признает наши доказательства вескими. Теперь, впрочем, не об этом новом проявлении самообороны Томской думы от гласности думаем мы вести речь: судиться – так судиться! (СГ. 1884. № 18).

В «письме в редакцию» «Из думской залы» (подписано: «Один из публики») рассказывалось о заседании городской думы, на котором было решено возбудить дело о «диффамации “Сибирской газетой” города Томска». Необходимо отметить, что это было далеко не первое дело против «Сибирской газеты»: городская дума уже несколько раз жаловалась на редакцию, но о «диффамации» речь шла в первый раз. Как писал корреспондент газеты, «больше всего возмутила г. М[ихайл]ова фраза на счет благотворительности: несколько раз он повторил эту фразу на разные лады и тоны...» (Петр Васильевич Михайлов был городским головой в 1883–1887 гг.) (см.: [Разумов, 2004, с. 211]). В итоге, «из 35 гласных – 28 высказались за преследование и 7 гласных – против» (СГ. 1884. № 19).

Однако никакого «преследования» «Сибирской газеты» не последовало: на страницах издания в дальнейшем не было помещено ни опровержения, ни отчета о судебном заседании, ни информации о каком-либо наказании за «диффамацию». История выглядела неоконченной, и это не случайно. Дело в том, что ее «вторая часть» проходила на другом уровне – цензурном, скрытом от глаз большей части участников истории и всего общества. Исследование архивных документов РГИА позволяет узнать, к какому выводу пришла власть относительно «дела о медном пятаке»¹.

Что было скрыто

Из переписки томского губернатора И. И. Красовского (он возглавлял губернию с 1883 по 1885 г.) с Главным управлением по делам печати становится понятно, что в данном случае и губернатор, и высший орган цензурного надзора встали на сторону «Сибирской газеты» и ее цензора.

В письме на имя Господина Управляющего Министерством внутренних дел (от 7 июля 1884 г., № 4352; было получено 22 августа 1884 г.) И. И. Красовский обращал внимание на то, что он действует по «сигналу» от томской городской думы:

Томский городской голова, на основании постановления Городской Думы, просит привлечь председателя Томского губернского правления, статского советника Петухова, цензурирующего «Сибирскую газету», к ответственности по 1040 ст. Улож о ценз. за допущение к печати в № 11 этой газеты за текущий год статьи, заключающей в себе оскорбительный о жителях города Томска отзыв².

К письму, действительно, прилагались «Прошение» городского головы к губернатору³ и копия протокола заседания городской думы 27 апреля 1884 г., в котором рассматривался вопрос «О диффамации города Томска заметкой, помещенной в № 1 “Сибирской газеты”, страница 279»⁴. В них подробно описывались соображения П. В. Михайлова и членов городской думы о том, почему они сочли отзыв о Томске «безусловно оскорбительным», заключающим в себе «злословие и брань, оскорбительные для всего томского городского сообщества»:

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71 «По изданию в г. Томске “Сибирской газеты”».

² Там же. Л. 145.

³ Там же. Л. 147–149.

⁴ Там же. Л. 150.

Томская городская дума, представляя собою по ст. 54 ст. Город. Полож, 1870 г. все городское общество, входит в обсуждение дел, волнующих все городское общество, и потому от нее и зависит, если она признает опозоренной часть городского общества, возбудить преследование за диффамацию⁵.

В протоколе также пояснялось, почему дума не выступила с опровержением на страницах «Сибирской газеты»:

Существует закон, что опровержение не должно размерами превышать вызвавшую его заметку.

Можно в двух строках оскорбить и унижить, но опровергнуть это в двух словах невозможно.

Мало того, Городская дума должна быть причислена к числу официальных установлений, которым предписывается при опровержениях держаться только фактов, не вдаваясь ни в какую полемику. Фактов в заметке «Сибирской газеты» нет, поневоле опровержение ее должно принять полемический характер. Наконец редакция может отказать в помещении возражения⁶.

Кроме газеты, предполагалось «привлечь к ответственности» и цензора газеты – председателя томского губернского правления, коллежского асессора Н. Н. Петухова, пропустившего эту заметку в печать.

И. И. Красовский следующим образом комментировал сложившуюся ситуацию:

Представляя это ходатайство на благоусмотрение Вашего Превосходительства, имею честь доложить, что, по моему мнению, просьба Думы не находит себе подтверждения, ни в 54 ст. Город. Полож. Томска, ни в решении Правительствующего Сената по делу Артобольского. Оскорбительный отзыв о жителях Томска, напечатанный в «Сибирской газете», не относился к городскому обществу, в смысле юридического лица, представителем которого является, по 54 ст. Город. Положения, Городская Дума, и заключал в себе общую характеристику степени отзывчивости городских жителей, как отдельных частных лиц, на призыв к благотворительности, и потому Дума, как учреждение городского общественного управления, не имела и повода вмешиваться в настоящем случае в частные интересы городских жителей. Решение же Сената по делу Артобольского, разясняющее лишь порядок возбуждения преследования за оскорбление в печати должностных лиц, в данном деле не может иметь никакого руководящего значения, так как никто из должностных лиц городского управления упомянутой статьей «Сибирской газеты» не оскорблен⁷.

Изложив свое мнение, губернатор подчеркнул, что он «полагал бы ходатайство городского головы оставить без последствий», а также пояснил, почему эта ситуация вообще дошла до такой стадии:

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 147.

⁶ Там же. Л. 150.

⁷ Там же. Л. 146.

В заключение имею честь присовокупить, что помянутое постановление Думы пропущено без протеста управляющего губернией в отсутствие мое для обозрения нескольких округов ⁸.

Поездка Красовского носила не увеселительный характер: в мае 1884 г. в результате чудовищного пожара выгорела почти треть города Кузнецка, и губернатор поспешил на помощь жителям, везя с собой почти 4 тысячи рублей пожертвований, собранных им в пользу погорельцев (СГ. 1884. № 21). А в его отсутствие Дума, вместо того чтобы решать насущные городские дела, решила посвятить время борьбе с местной частной прессой.

Главное управление по делам печати, изучив все материалы дела – отзыв губернатора, прошение томского городского головы, аргументы членов томской городской думы, – встало на защиту цензора. В письме томскому губернатору за подписью министра внутренних дел графа Д. А. Толстого (от 13 сентября 1884 г., № 3593) сообщалось:

Вследствие представления за № 4352, по поводу ходатайства Томской городской думы о привлечении председателя томского губернского правления, статского советника Петухова, к ответственности по ст. 1040 Улож. о наказ. за допущение к печати в № 11 «Сибирской газеты», за текущий год, статьи, заключающей в себе оскорбительные отзывы о жителях г. Томска, считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство, что и с своей стороны, в виду изложенных Вами соображений и согласно ст. 84 прилож. к ст. 4 Уст. Ценз., Св. законов т. XIV, по прод. 1876, по сим коей «ответственность за содержание помещенных в повременных изданиях статей обращается, во всяком случае, как на главного виновника, на редактора издания», признаю означенное ходатайство не подлежащим удовлетворению. При этом считаю однако же необходимым поставить цензурирующему «Сибирскую газету» статскому советнику Петухову на вид неправильность пропуска им к печати указанной городским головой статьи ⁹.

Еще один неизвестный аспект этой ситуации связан с тем, что резкий отзыв «Сибирской газеты», который вызвал исследуемый конфликт, был замечен также наблюдающим за газетой петербургским цензором, коллежским ассессором Д. Менагиосом. В деле хранится его донесение от 15 мая 1884 г., следующего содержания:

В № 11 «Сибирской газеты», в отделе хроники помещена заметка, в которой, между прочим, высказаны неуместные суждения, оскорбительные для всех жителей Томска, по поводу открытия подписки в пользу семейства покойного поэта И. В. Омелевского ¹⁰.

Это донесение свидетельствует о том, что даже для столичной цензуры слова «Сибирской газеты» о томичах показались оскорбительными, и пропуск их Петуховым, вероятно, был просто случайностью. Но могло быть и так, что местный цензор согласился с позицией журналиста, опиравшегося на реальный, неоспоримый факт, а именно ничтожное количество денег, пожертвованных жителями

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. Л. 146.

⁹ Там же. Л. 151. (Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.)

¹⁰ Там же. Л. 125.

Томска в пользу семьи писателя-сибиряка. Несмотря на эмоциональность высказывания «Сибирской газеты», в действительности оно не имело конкретного адресата. Это позволило разрешить конфликт без применения наказаний – и прежде всего благодаря «заступничеству» губернской власти и Главного управления по делам печати.

Таким образом, рассмотрение цензурного «дела о медном пятаке», которое длилось с марта по сентябрь 1884 г., закончилось тем, что «Сибирскую газету» не стали привлекать к ответственности, посчитав аргументы томского головы и томской думы недостаточными для «преследования за диффамацию».

В фельетонном отражении

Конфликт «Сибирской газеты» и Томской городской думы освещался в нескольких фельетонах Волховского, все они входили в цикл «Сибирский музей» и не имели отдельных заголовков: упоминание «дела о медном пятаке» встречается в фельетонах 1884 г. трижды (СГ. 1884. № 15, 19, 22) и один раз в 1885 г. (СГ. 1885. № 3).

Фельетонист акцентировал внимание на нескольких аспектах этого конфликта. Прежде всего это реакция на выступление «Сибирской газеты» местных «кондратов»: как отмечают исследователи, это те же самые «щедринские» представители новой буржуазии в сибирских реалиях (см.: [Андреева, Петрова, 2013]). Типизированный образ «кондрата» был наиболее полно представлен в фельетонном творчестве Н. М. Ядринцева – это образ сибирского купца-воротилы, «фантастически разбогатевшего, фантастически осатаневшего» (см.: [Яновский, 1988]). Однако и в публицистике других сибирских авторов этот образ встречался довольно часто, в том числе в фельетонах Волховского.

Томские «кондраты», писал фельетонист, «всполошились»: «Правдивая заметка в 12 № “Сибирской газеты” произвела свое действие: кондраты озлобились, их черствые сердца затрепетали, из уст полились потоки сквернословия по адресу обличителей, в исступлении они выронили карты и у всех на руках оказались черви...» (СГ. 1884. № 15). Волховский здесь не только повторял уже высказанную мысль о «черствых сердцах» (фактически «пятаках» вместо сердец), но и буквально несколькими штрихами дополнял образ местных «кондратов» указанием на их обычное времяпровождение, порицаемое в обществе, – увлечение карточными играми, а также на процветающее в этой среде мошенничество («у всех на руках оказались черви»), которое проявлялось и в их действиях в социальной, общественной жизни.

Фельетонист подчеркивал, что от слов противники быстро перешли к делу: «сочиняются прошения, доношения; жалкие слова и страшные фразы пестрят бумагу, оплаченную 60-копеечным гербовым сбором», что позволяет сделать вывод: «кондраты» не делали секрета из того, что они начали обращаться в вышестоящие инстанции с официальными жалобами на действия газеты. Однако эта реакция оценивалась Волховским как подтверждение того, что «Сибирская газета» оказалась права в отношении истинных мотивов «кондратов», и они продолжают «саморазоблачаться» в этом «деле о медном пятаке»: «они, сами того не замечая, выносят на торжища, выставляют на публичное осмеяние. Если гоголевская слесарша сама себя высекла, то томские кондраты сами себя предали суду печати, суду общественному».

Волховский указывал на то, что в действительности в газетной заметке, надевавшей столько шума, не было обвинений конкретных персон. Он писал:

Вникните в суть дела: «Сибирская газета» не указывала ни на кого, она не упрекала ни в чем ни Иванова, ни Михайлова, ни Сидорова, ни Петрова; оставляя в стороне личности, она с горечью высказалась по поводу бросающегося в глаза факта, характеристичного для Томска, таким образом: «Сибирь может гордиться, что не имеет городов, подобных Томску, этому бездушному мешку с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятака». Почему же Ивановы, Михайловы, Сидоровы и вообще герои пятака забили в барабаны и затрубили в трубы – точно отечеству грозит нашествие иноплеменных? Не напоминает ли это пословицы: «на воре шапка горит»? (СГ. 1884. № 15).

Сложившаяся ситуация, по мнению фельетониста, вскрыла истинное отношение местных «воротил» не только к «Сибирской газете», но и к печатному слову вообще, к гласности, которая опасна для них:

Да, кондраты обнаружились воочию! Они сняли с себя маски смиренного мудрия, терпения и любви. Выражая открыто ненависть к печатному слову, они страшатся гласности и чувствуют перед этим врагом свою несостоятельность нравственную: они привыкли на рынке общественной жизни покупать и продавать все, потребное для спокойного жития, а тут вдруг появляется какая-то сила, которая *не продается и не покупается* и в то же время грозит нарушить их безмятежный покой, обнаруживает их бездушие, разоблачает лицемерие и пустосвятство, оценивает по надлежащему курсу их благодеяния (СГ. 1884. № 15).

Вторым аспектом «дела о медном пятаке», получившим освещение в фельетонах Волховского, была критика действий Томской городской думы, постановившей привлечь «Сибирскую газету» за «диффамацию» города. Фельетонист писал:

Одним из интересных вопросов, поставленных управой для разрешения думы, был вопрос о привлечении к суду «Сибирской газеты», суду за... за что бы вы думали? за «диффамацию города Т-ска» (!!), усмотренную в заметке № 11 «Сибирской газеты» о «мешках с деньгами» (СГ. 1884. № 19).

Волховского возмутило даже не то, что Дума приняла решение наказать газету. Гораздо больше его поразило то, что Дума открыто встала на защиту своих интересов, игнорируя нужды бедных жителей города:

Однако, как чувствительны гласные Т-ской думы к *нравственным* интересам некоторых из своих избирателей! Как счастливы и довольны должны быть жители Татарской слободки, Болота, Кирпичей и другие бедняки, зная, что их представители, заседающие в думе, не дадут в обиду местной печати их благодетелей, обладающих перворазрядным цензом, каменными хоромы, перворазрядным состоянием! Что же касается до требований местной печати от представителей города дарового лечения бедных, оздоровления городских улиц и рек, канализации, мостовых, правильного ведения городского хозяйства и проч., то это, конечно не заслуги, на это не следует обращать внимания – была бы тонкость, и деликатность чувств наших благодетелей соблюдена! (СГ. 1884. № 19).

Волховский обращал внимание на то, что Томск показал свою провинциальную «дремучесть» в отношении свободы прессы. Он иронически замечал:

...кроме деликатности и тонкости чувств, гласные обнаружили много ума и юридических знаний: они создали важный прецедент для всех городских дум Российской Империи. Подумайте сами, мы перещеголяли в этом направлении даже и столицы: там и большая, и мелкая пресса в самых резких выражениях порицает деятельность дум, неумение городских голов вести прения, неуместность вопросов, предлагаемых на обсуждение, а главные и головы только отписываются. Никому из них и в голову не придет тащить редакторов в кутузку, требовать закрытия газет, а все потому, что они не выработали тонкости чувств! (СГ. 1884. № 19).

При этом фельетонист считал добрым знаком, что даже в самой Думе далеко не все депутаты поддержали идею преследования газеты, было известно, что семеро из них голосовали против:

– Положим, вам и теперь приходится краснеть и не одним вам, а всем 7, которые, совершенно справедливо, не сочли себя оскорбленными заметкой «Сибирской газеты» и не приняли на свой счет и своих избирателей: ни мешков, ни пятаков, а потому и протестовали против преследования «Сибирской газеты».

– Сознаюсь, стыжусь и краснею! Но курьез обвинения «Сибирской газеты» в *диффамации целого города Томска* усугубляется еще тем обстоятельством, что половина жителей города избирательного ценза не имеет, никого в думу не выбрала, никому не поручала обижаться и не выдавала доверенностей на преследование газеты судом (СГ. 1884. № 19).

Еще один сатирический отклик на «дело о медном пятаке» появился в фельетоне в 1884 г. в форме «песни», которая должна была исполняться «на мотив “Любовь, любовь – что такое любовь?!..”». «Песня», в которой повторялись строчки «Пятак, пятак, / Что такое пятак?», объявляла, что Дума защищала «кулаков», обиженных на то, что их называли «пятаками»:

О, как горько, как обидно!
Но не больше-ль то постыдно
Распостылейший Кондрат,
Что не правдой ты богат?!

Пятак, пятак –
Что такое пятак?
Это слово не простое –
Вот собранье городское
Порешило так,
Что кулак,
Был обозван пятаком
Стал обиженным кругом
И что даже по сему
Жить тошнехонько ему
(СГ. 1884. № 22).

В фельетонах 1885 г. можно было обнаружить только косвенный отклик на это событие в отдельных фразах, таких, как, например: «Автор этого письма только

что перед этим подал на “*достопочтенную*” газету жалобу, в которой обрушился на нее не за диффамацию и клевету, а за *направление (!)* и этим совсем сбил с толку следователя, ибо последний недоумевает, чего хочет истец? чем он обижен! какого возмездия требует и за что!» (СГ. 1885. № 3). Упоминание о «диффамации» должно было воскресить в памяти читателей только что случившийся конфликт, связанный с газетой.

Выводы

Таким образом, переиздание фельетонов и других произведений Волховского, опубликованных в 1880-х гг. в «Сибирской газете», требует подробного комментирования отдельных сюжетов, что было показано на примере «дела о медном пятаке». Но какова должна быть «глубина погружения»? Скажем, в конкретном случае – важно ли для читателей раскрытие «цензурной подоплеки» этого сюжета?

Представляется, что в этом и есть главная ценность предпринятого издания: попробовать разъяснить (в том случае, если это возможно) обстоятельства, о которых упоминается в фельетонах, раскрыть значение и смысл деталей, понятных современникам. Переиздаваемые тексты могут быть дополнены газетными материалами, о которых идет речь, выдержками из архивных документов и т. д. В таком случае запланированное издание малого собрания сочинений Волховского станет не только републикацией текстов почти столетней давности, но и своеобразным «путеводителем» по томской и сибирской жизни конца XIX в.

Без понимания читателями сюжета, связанного с «делом о медном пятаке», теряется смысл значительной части материалов, опубликованных Ф. В. Волховским в 1884 г. Именно «цензурная подоплека» в значительной мере расширяет данный сюжет, дополняя освещенные в нескольких заметках факты подробностями. В том числе необходимость подробного комментирования материалов вызвана жанровыми особенностями содержания сборника (публикация 76 фельетонов). Несмотря на свою художественность, фельетон как жанр в первую очередь основан на документальном факте и ориентируется на понимание читателем тех или иных отсылок.

Список литературы

- Андреева А. А., Петрова О. А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929): Учеб. пособие. Тюмень: ТюмГУ, 2013. 487 с.
- Вяткин Г. А. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. Т. Г. Зубарева, А. Е. Зубарев; гл. ред. М. С. Штерн. Омск: Ом. кн. изд-во, 2005.
- Доманский В. А. Сибирь в рецепции Ф. В. Волховского // Американские исследования в Сибири. Томск, 1997. С. 229–233.
- Жилякова Н. В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 270 с.
- Жилякова Н. В. «Дело о медном пятаке»: Главное управление по делам печати в роли защитника «Сибирской газеты» // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 6–8 февраля 2020 г. М.: Фак. журн. МГУ, 2020. С. 357–359.
- Жилякова Н. В., Есипова В. А., Шевцов В. В. «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 374 с.

Круссер Р. Г. Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 78–89. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-78-89

Разумов О. Н. Михайлов Петр Васильевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 211.

Рощевская Л. П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.

Рощевская Л. П. Ф. В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. 1975. № 14. С. 84–95.

«Сибирская газета» в воспоминаниях современников / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Жиликовой; науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.

Щербакова М. И. Проблемы подготовки научного издания эпистолярных источников: датировка, атрибуция, комментарий // Феофановские чтения. 2018. Рязань, 2018. Вып. 11. С. 100–104.

Яновский Н. Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. М., 1988. 494 с.

References

Andreeva A. A., Petrova O. A. *Istoriya zhurnalistiki Tyumenskogo regiona (1789–1929): Ucheb. posobie* [History of journalism in the Tyumen region (1789–1929): Study guide]. Tyumen: Tyumen State University, 2013, 487 p.

Domankiy V. A. Sibir v recepcii F. V. Volkhovskogo [Siberia in the reception of F. V. Volkhovsky]. In: *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri* [American studies in Siberia]. Tomsk, 1997, pp. 229–233.

Krusser R. G. *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol' narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov 19 veka)* [Socio-political and scientific and educational role of populist exile in Siberia (70s – early 90s of the 19 century)]. Cand. hist. sci. diss. Tomsk, 1971, 359 p.

Mazurov A. E. Fel'etony F. V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v "Sibirskoy gazete" [Feuilletons by F. V. Volkhovsky (Ivan Brut) in "Sibirskaya Gazeta"]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2020, no. 2, pp. 78–89. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-78-89

Razumov O. N. Mikhailov Pyotr Vasilyevich. In: *Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: Brief encyclopedia of the city]. Tomsk, 2004, pp. 211.

Roshchevskaya L. P. Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of free press in Siberian exile (to the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovsky)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Problems of studying and teaching literature]. Tyumen, TSPI, 1966, pp. 51–69.

Roshevskaya L. P. F. V. Volhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F. V. Volkhovsky – employee of the Siberian Newspaper]. In: *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauch. tr. Tyumen. gos. univ.* [Questions of the history and theory of literature. Sci. works of Tyumen State University]. Tyumen, 1975, vol. 14, pp. 84–95.

“Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov [“Sibirskaya Gazeta” in the memoirs of contemporaries]. N. V. Zhilyakov (Intr. art., text, and comment.); N. M. Dmitrienko (Ed.). Tomsk, NTL, 2004, 200 p.

Sherbakova M. I. Problemi podgotovki nauchnogo izdaniya epistolyarnih istochnikov: datirovka, atribuciya, kommentariya [Problems of preparing a scientific edition of epistolary sources: dating, attribution, commentary]. In: *Feofanovskie chteniya* [Theophanous Readings]. Ryazan, 2018, iss. 11, pp. 100–104.

Vyatkin G. A. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works in 5 volumes]. T. G. Zubareva, A. E. Zubarev (Comps.); M. S. Shtern (Ed.). Omsk, Om. kn. izd., 2005.

Yanovki N. N. *Pisateli v sibiri: Izbranie stat'i* [Writers in Siberia: Selected articles]. Moscow, Sovremennik, 1988, 494 p.

Zhilyakova N. V. “Delo o mednom pyatake”: Glavnoe upravlenie po delam pechati v roli zashchitnika “Sibirskoy gazety” [“The case of the copper penny”: the Main Directorate for Press in the role of the defender of the “Sibirskaya Gazeta”]. In: *Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moskva, 6–8 fevralya 2020 g.* [Journalism in 2019: creativity, profession, industry: Proceedings of the Intern. sci. and pract. conf. Moscow, February 6–8, 2020. February 8]. Moscow, Faculty of Journalism, MSU, 2020, pp. 357–359.

Zhilyakova N. V., Esipova V. A., Shevtsov V. V. “*Sekretno. Konfidentsial'no*”: *tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v.)* [“Secret. Confidential”: censored history of journalism in the Tomsk province (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk, TSU, 2022, 374 p.

Zhilyakova N. V. “Sibirskaya gazeta” (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya Gazeta” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 270 p.

Информация об авторах

Наталья Вениаминовна Жиликова, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Александр Евгеньевич Мазуров, лаборант лаборатории аналитического медиадизайна факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Nataliya V. Zhilyakova, Doctor of Philology, Head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Alexandr E. Mazurov, Laboratory Assistant, Department of Analytical and Media Design, Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 22.12.2022;

одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 30.01.2023

The article was submitted on 22.12.2022;

approved after reviewing on 30.01.2023; accepted for publication on 30.01.2023

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/85/7

Повесть А. Клягина «Клад Мама»: приключенческий сюжет и евразийский подтекст

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Представлен обзор повести А. П. Клягина «Клад Мама», вышедшей в Париже в 1948 г. и с тех пор не переиздававшейся. Во время Второй мировой войны, в Грассе, А. П. Клягин сдружился с И. А. Буниным и под его влиянием создал две автобиографические книги. Повесть «Клад Мама» историческая, автор излагает в ней свою интерпретацию истории России от древности до современности. В статье анализируются близкие евразийству исторические идеи Клягина, а в качестве источника этих идей указываются отдельные работы евразийцев – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого. Но повесть нельзя назвать художественной иллюстрацией теории евразийства, в ней привлекает и напряженный приключенческий сюжет с фольклорными преданиями о кладах в подтексте.

Ключевые слова

А. П. Клягин, «Клад Мама», забытая книга, И. А. Бунин, литература русской эмиграции, евразийство, повесть о кладоискателях, предания о кладах, приключенческая повесть, автобиографическое повествование

Для цитирования

Капинос Е. В. Повесть А. Клягина «Клад Мама»: приключенческий сюжет и евразийский подтекст // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 90–104. DOI 10.17223/18137083/85/7

© Капинос Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 90–104

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 90–104

The novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. Klyagin: adventure plot and Eurasian undertone

Elena V. Kapinos

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

The paper reviews the novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. P. Klyagin, published in Paris in 1948 and not republished since then. In Grasse, during the Second World War, A. P. Klyagin became friends with I. A. Bunin, whose creative work inspired him to compose two autobiographical books, with “The Land of Extraordinary Opportunities” being the first and “The Mamai’s Treasure Trove” the second one. Similar to “The Life of Arseniev” by I. A. Bunin, the novel under review is a historiosophical work, with its protagonist being an emigrant who recalls his youth spent in Russia. Klyagin provides his personal interpretation of the history of Russia from antiquity to the present time. The action of the novel unfolds in the Caspian steppe, on Lake Elton, where the construction of the Astrakhan railroad is underway, accounting for a very profound Eurasian undertone of the work. This paper analyzes Klyagin’s historiosophical ideas that relate to Eurasianism, pointing to some works written by the Eurasians (P. N. Savitsky and S. N. Trubetskoy) as the sources of these ideas. However, the novel concerned cannot be regarded as an artistic illustration of the theory of Eurasianism. Of interest is the adventure plot that was designed in folklore style based on folk tales about treasures, most probably not without the influence of Bunin.

Keywords

A. P. Klyagin, Mamai’s Treasure Trove, forgotten book, I. A. Bunin, literature of the Russian emigration, Eurasianism, tale on treasure-hunters, legends on treasure troves, adventure tale, autobiographic narration

For citation

Kapinos E. V. The novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. Klyagin: adventure plot and Eurasian undertone. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 90–104. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/7

Эта статья посвящена редкой книге – повести «Клад Мамай» [Клягин, 1948], одной из двух автобиографических книг Александра Клягина. Она вышла в Париже в 1948 г. вслед за его первым сборником рассказов о Сибири «Страна возможностей необычайных» [Клягин, 1947]¹, в оформлении эти книги перекликаются между собой: похожи их обложки и формат, но указаний на то, кто их оформил, нет. Примечательно, что первую книгу А. П. Клягина и ее автора представил читателям сам И. А. Бунин, написав к «Стране возможностей...» небольшое предисловие. Отметим, что не так давно эта книга, с послесловием А. В. Блюма, была переиздана в Новосибирске [Клягин, 2010], вторая никогда не переиздавалась.

А. П. Клягин, известный в эмигрантской среде инженер и предприниматель, не был профессиональным писателем, но прожил жизнь, вызывающую к созданию

¹ Год издания «Страны возможностей необычайных» не обозначен, но А. В. Блюм устанавливает его по предисловию Бунина, датированному 7 января 1947 г. См.: [Блюм, 2010, с. 354].

мемуаров. Импульсом для написания автобиографической прозы, по всей видимости, послужило его желание сохранить память о пережитом, однако эти книги – не нон-фикшн, а увлекательные приключенческие истории, где биографическое перемешано с вымышленным, а дореволюционное прошлое России XX в. преобразовано и переосмыслено.

Краткая биография Клягина изложена А. В. Блюмом в послесловии к переизданию «Страны возможностей...», биографическая справка имеется также на сайте, посвященном истории масонской ложи «Северное сияние»² (Клягин был ее основателем и состоял в ней до 1936 г.).

Писатель родился в 1884 г. в Орловской губернии, в тех местах, откуда вышли многие русские классики, в том числе И. А. Бунин, с которым Клягин познакомится гораздо позже, во время Второй мировой войны, уже во Франции, в Грассе, где они жили по соседству, о чем и рассказывает Бунин в предисловии к «Стране возможностей»:

...Английская вилла, на которой я жил, оказалась в ближайшем соседстве с его собственной великолепной виллой, и мы часто коротали на ней время в наших долгих беседах, делились газетными вестями, тайком от врагов, повсюду сидевших вокруг нас в оккупированном Грассе, слушали радио [Клягин, 2010, с. 5–6].

О том, что знакомство продолжалось и позже, уже в Париже, где Клягин бывал у Бунина на улице Оффенбаха³, можно судить по одному беглому, несколько презрительно-небрежному воспоминанию Н. Берберовой:

В последний раз я пришла к нему (И. А. Бунину. – *Е. К.*) в 1947 или 1948 году, после моих поездок в Швецию, где я исполнила некоторые его поручения к переводчику и издателю его шведских переводов <...>. Сидел он за столом в кухне, а с ним сидел некто Клягин, состоятельный человек, владелец огромного отеля на площади Этуаль. Клягин только что был выпущен из тюрьмы, где отбывал наказание за сотрудничество с немцами. Он не то писал, не то уже издал книгу о своем детстве (кажется, он был сибириак), и теперь они оба сидели и говорили друг другу, как прекрасно они оба пишут. Возможно, что Клягин помогал Бунину в эти годы вновь наставшей для него бедности (Нобелевская премия была давно прожита), возможно, что Клягин добивался от Бунина предисловия к своей книге или рецензии о ней, но когда я увидела грязную кухню, двух слегка подвыпивших старых людей, которые обнимались и со слезами на глазах говорили друг другу: «ты – гениальный, ты – наш светоч», «ты – первый», «мне у тебя учиться надо», на меня нашло молчание, которое я никак не могла сломать. Посидев минут десять, я вышла в переднюю. Бунин сказал:

– Это – Клягин, друг мой единственный. Великий писатель земли русской. Всем вам у него учиться надо [Берберова, 1996, с. 298].

² См.: Клягин Александр Павлович. URL: <https://mason.ru/%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87/> (дата обращения 01.06.2023).

³ А Бунин бывал на русских литературных вечерах во «Дворце Золушки» – отеле «Наполеон», который Клягин подарил своей второй жене Клэр Робан [Блюм, 2010, с. 353].

Вероятнее всего, послушав устные рассказы Клягина в Грассе, именно Бунин и сподвиг его на написание двух книг, на которые очевидно повлияла поэтика Бунина. Красочные пейзажи, в том числе и экзотические (сибирские и прикаспийские), колоритные персонажи, любовная интрига с трагическим концом – всё это в «Кладе Мамае» ориентировано на Бунина и придает «Стране возможностей необычайных» и «Кладу Мамае» дополнительную ценность.

Клягин стал не только свидетелем, но и активным участником истории России первой половины XX в. Будучи на 14 лет младше Бунина, он успел многое увидеть в России, погруженной, начиная с 1905 г., в пучину народных бунтов, а затем разоренной Первой мировой войной. После окончания Орловской гимназии Клягин уехал в столицу, где получил образование инженера-путейца, блестяще окончив Санкт-Петербургский технологический институт, со студенческих лет работал на строительстве железных дорог: ведущей к озеру Эльтон Приволжской (Красный Кут – Астрахань) и затем, уже после окончания института, Амурской, уводящей из Сибири на Дальний Восток. Обе книги написаны об инженерепутейце и посвящены Прикаспийской степи («Клад Мамае»), Сибири и Дальнему Востоку («Страна возможностей необычайных»). На поприще железнодорожного строительства Клягин благодаря личной предприимчивости сделал удачную карьеру и навсегда перебрался во Францию, где накануне Первой мировой войны служил представителем Мурманской железной дороги при военном атташе, параллельно осуществляя собственные коммерческие проекты. О том, как ему удалось сделать карьеру и разбогатеть, в эмигрантской среде, где он был известен как меценат и благотворитель, позже ходили легенды. Его необычайно богатая событиями биография, ее отражение в творчестве и знакомство с Буниным – это темы, каждая из которых требует самостоятельного исследования, а здесь хотелось бы представить лишь общий обзор одной из его книг, вышедшей в издательстве «Editions du scribe».

«Клад Мамае» имеет подзаголовок «Каспийская быль», и одно из назначений этого подзаголовка – утверждение, что всё произошедшее действительно пережи-то автором. Книга разделена на небольшие пронумерованные главки, каждая из них являет собой завершённый сюжет или диалог, и это похоже на разрозненные эпизоды воспоминаний (так же построена и первая его книга), но последовательность небольших фрагментов постепенно начинает восприниматься как цельная, законченная вещь, объединенная общей интонацией и авантюрным сюжетом с поисками кладов, ярким историческим фоном, весомым литературным и фольклорным подтекстом. А в центре композиции – совершенно в духе Бунина – история незабываемой неосуществившейся любви.

Главный герой повести – молодой инженер Зорин, еще не закончивший университетского курса и отправившийся работать на Каспий. При этом лишь в финале романа читатель узнает, что всё описанное произошло с героем много лет назад, поскольку о развязке одного из степных сюжетов постаревший герой узнаёт лишь в эмиграции. Волне вероятно, что Клягин, подолгу беседуя с Буниным в Грассе, захотел написать повествование о своей жизни наподобие «Жизни Арсеньева», с героем-эмигрантом, который вспоминает далекую юность, жизнь в России и первую любовь. Но он не рискнул подражать сложной лирической поэтике Бунина, изображающей природу памяти и сознания с их наплывами, прерывистостью и сменой повествовательных модусов. Клягин как будто бы удерживает себя в рамках традиционного повествования от третьего лица, и всё же текст получился «я-центричным»: все линии сходятся на одном герое, остальные рас-

сказывают ему то историю своей жизни, то свою версию истории России, то откровенничают со столичным юношей, то, напротив, разыгрывают и пытаются обмануть неискушенного юнца. Все они не только старше и опытнее его, но и хорошо знают, в отличие от него, Прикаспийскую степь, и им есть что о ней рассказать.

«Клад Мама» – в некотором роде *bildungsroman*: в Прикаспийской пустыне молодой студент осваивает новый для себя уклад жизни, взрослеет, набирается мудрости, переживает трагедию смерти возлюбленной и сколачивает собственный капитал. Но всё это слегка отодвигается на второй план приключенческим сюжетом: несколько героев повести, с которыми Зорин знакомится на Эльтоне, ищут клады, оставшиеся после монголо-татарского нашествия, а для этого разбирают старинные карты, на которых указаны места захоронения кладов, расшифровывают древние легенды Золотой Орды, «пытают» свидетелей и прибегают к помощи шаманов. Зорин вроде бы и не дает вовлечь себя в эти поиски: он одновременно и верит, и не верит в молву о кладах, опасаясь при этом и закона, запрещающего такие поиски, и «всем известного» возмездия, наступающего кладоискателей, но внимательно слушает то, что ему рассказывают, и увлеченно наблюдает за всем, что происходит в эльтонской пустыне.

Сюжет с поисками сокровищ Мама» сопровождают рассказы об истории Астраханского ханства, Прикаспийских земель, Эльтона, и они явно противоречат «школьной» истории, связывающей прогрессивное в ней начало с петровским западничеством. Этот традиционный вариант русской истории Зорин (как, вероятно, и сам Клягин) усвоил, обучаясь в гимназии, но, оказавшись в выжженной солнцем солончаковой степи, почти непригодной для жизни из-за отсутствия пресной воды (ее заготавливают в период дождей либо привозят из других мест), он сразу же знакомится с другой ее интерпретацией. Сначала местные жители, не жалея красок и гипербола, рисуют ему картину процветавшей здесь шесть столетий назад Золотой Орды:

Раньше то было дно Каспийского моря, но вода, под действием солнца, испарилась и обнажила огромную поверхность. Теперь Каспийское море занимает немного меньше пятисот тысяч квадратных метров, а когда-то оно было чуть не в три раза больше <...> Вся эта огромнейшая поверхность никогда не была покрыта лесами, нет у нее настоящей степной растительности, так как почва ее, солончак, еще сплошь пропитана морскими солями [Клягин, 1948, с. 14–15].

Рядом с Эльтоном, в низовьях Волги и располагаются обитаемые места, где сохранилась память древней истории:

– Почему вы называете сад Ханским? – спрашивает Зорин у ямщика, везущего его на Эльтон, – Хан его сажал что ли? Не знаете, кто и когда? <...>

– Кому ж больше? Понятно, хан. А какой – пес его знает. Не сам хан, понятно, а персюки и китаезы, – те по этим делам собаку съели... В голой степи, где деревьев и помину нет, – да, почитай, никогда и не было, – целый лес, сукины коты, развели! Торгун перегородили, видел, какую плотину устроили? – да так, что ни одна весенняя вода ее не одолела, – озеро верст в пять сделали. На его берегу развели сад для какой-то из ханских жен, которой, вынь да положь, сад потребовался! Там и дворец стоял летний, говорят, разборный. Был он из дерева в золоте да в зеркалах [Там же, с. 7–8].

Всё, что знает молодой инженер об истории этих мест из гимназического курса, сводится к представлениям о монголо-татарском нашествии как крайне неблагоприятном для России периоде разобщенности русских князей, а также о культурном отстранении охваченной монголо-татарским игом России от Европы, от Запада, а значит, и от развитой цивилизации. Но на Каспии по рассказам местных жителей герой знакомится с другими представлениями о монголо-татарском иге.

Очевидно, что историософский план повести «Клад Мамаю» определяется не юношескими воззрениями Клягина, а влиянием, оказанным на зрелого Клягина-эмигранта философией евразийства, и обе повести можно считать художественными иллюстрациями на эту тему. Не случайно в «Кладе Мамаю» пропущены годы учения, проведенные в Петербурге, становление героя начинается на окраинах России, в тот момент, когда он приступает к работе на строительстве железной дороги. И в «Стране возможностей...», и в «Кладе Мамаю» описываются окраинные степи, тайга, приморье, а к окраинам, к отдаленной от центра провинции были особенно внимательны евразийцы. «Окраинная», «степная» и приморская периферия отождествлялась ими с исконной Россией, обращенной к востоку и свободной от западных, учрежденных петровскими реформами, влияний. Созерцающая разрушенную революцией Россию, евразийцы искали причины наступившего упадка не в современности, а в исторических глубинах, полагая, что революция уничтожила лишь городское и столичное западничество, обнажив древнюю, сильную, народную Россию, не способную усваивать западный опыт, зато способную успешно адаптировать опыт восточный. За четверть века до появления повести Клягина евразийцы в своих манифестах настойчиво переформулировали привычные постулаты русской истории:

Примыкание русского интеллигентского сознания к западно-европейской культуре основывалось, между прочим, на созданном русскими подражательными усилиями тождестве или сходстве «быта» <...> Ныне «быт» рухнул; русские интеллигенты воистину поставлены вне быта; они ведут «загробное существование». Если в смысле экономическом России дореволюционную можно сопоставлять с «Европой», ныне она оказывается в иной исторической плоскости. <...> Но возможно также, что смена «поздних» экономических форм строем более «раннего» склада выступит в определенный момент потенцией положительной: можно думать, что смена эта – не только знак разрушения, но выявление дремавших энергий... [Савицкий, 1993а, с. 116–117].

Очень похожи на историософию Клягина, изложенную в «Кладе Мамаю», и евразийские размышления П. Н. Савицкого о том, что русская отсталость – не следствие татарского ига, она возникла прежде нашествия монголо-татар, а оно как раз позволило его преодолеть:

Прежде всего укажем на следующее: без «*татарщины*» не было бы России <...> Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, давать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости, они дали ей качество становиться могущественной «ордой» <...> Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии; Россия – часть особого «окраинно-приморского» мира, носительница

углубленной культурной традиции. В ней сочетается одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия [Савицкий, 1993б, с. 124–125].

Теоретики евразийства критиковали большевиков, но, тем не менее, приблизились к компромиссу с ними, оценивая революцию как позитивный опыт, заодно евразийство создало романтический образ обновленной страны, обладающей огромным, ранее скрытым потенциалом, «возможностями», заложенными в глубокой древности и коренящимися на периферии. Даже заглавия обеих книг Клягина созвучны евразийству. Такой подход, конечно, не был близок Бунину, не склонному ни к компромиссам с большевиками, ни к апологетике «азиатчины» в русской общественной жизни. Вчитываясь в предисловие Бунина к «Стране возможностей...», А. В. Блюм отметил: «Сам Бунин, как видно из предисловия, обычно резко и непримиримо осуждавший большевизм, ни словом не обмолвился о нем... Книга посвящена предреволюционному времени: Александр Клягин, покинувший родину накануне революции, говорит о большевистской России вполне лояльно. Более того: немногие места, в которых говорится о современном ее состоянии, свидетельствуют, что автор, умный и проницательный инженер-предприниматель, скорее с сочувствием и одобрением относится к некоторым техническим и хозяйственным достижениям эпохи НЭПа и начала 30-х годов» [Блюм, 2010, с. 355]. Если представить себе предисловие Бунина ко второй повести Клягина, то оно тоже было бы полно умолчаний, «азиатчина» для Бунина связывалась не с возрождением России, а с ее революционным упадком.

Однако «Клад Мамаев» совсем не прямолинейная иллюстрация евразийских теорий, восточная, степная тема подается здесь в увлекательной авантурной форме. Познакомившись на Эльтоне с несколькими кладоискателями, Зорин сначала узнаёт легенды сразу о множестве монгольских кладов, а потом в тексте постепенно развертывается евразийская историософия. Для повествования о прикаспийской степи Клягин выбирает чрезвычайно распространенный именно в волжском регионе мифогенный сюжет: легенды и сказания о кладах Золотой Орды – одни из самых древних в Заволжье. Золотые кони хана Батыя, с которыми он якобы похоронен на холмах Актубы, но которых никто не может отыскать, Мамаев курган и множество преданий о небольших монголо-татарских кладах, которыми якобы усыпана степь, стали той канвой, по которой позже на Волге складывались легенды об упрятанных сокровищах Стеньки Разина, Емельяна Пугачева, о сказочном разбойнике Кудеяре. Предания о татарских кладах – это целый самостоятельный раздел русского фольклора: «...связывались клады с войнами, с вражескими нападениями, когда надо было спасать имущество, или теснимые враги бросали и прятали то, что забрали. Так, в южной полосе России сохранились воспоминания о татарском нашествии, когда говорили о спрятанных в это время богатствах» [Соколова, 1970, с. 197].

На Эльтоне Зорин тесно сходится со старшим рабочим Хассимовым, давно живущим в пустыне и занимающимся разведкой подземных ключей. Кладоискательство и поиск подземных вод придают фигуре этого персонажа загадочные черты: стремление к тайным знаниям, сокрытие правды, хитрость и умение в одиночку идти к цели отличают его характер. Кладоискательскую мудрость Зорин получает из уст татарина Хассимова. «Откуда же могут появиться здесь клады? В этой степи-то, где ни кола, ни двора, ни собаки!» – недоумевает Зорин.

– Молоды вы, Василь Васильич, потому так и говорите – Хассимов покачал головой. <...> Степь-то, по-вашему, всегда такая была? А?... Нет, Ва-

силь Василийч, не такая! Здесь когда-то жизнь ключом била. Народу здесь перебивало – непочатый край. <...>

– Возможно, а клады-то откуда?

– Откуда? Ну, посудите сами... Живем мы с вами, как в прежние времена, как монголы жили, в юрте. А получи вы, скажем, откуда-нибудь золото да камни драгоценные, – куда бы вы их дели? <...> В землю, другого хранилища нет!

– Откуда у монголов было золото? Много ли его было в те времена-то? Ни Америки, ни африканских золотых копий тогда не знали.

– Другие народы работали. Золото спокон веков известно, во всех странах оно есть. Монголы, правда, его не добывали, но зато они обобрали тогда почти весь мир: Азию ограбили, Россию, Польшу, Венгрию, Кавказ, и уж и не знаю кого! Иконы брали, священные сосуды, драгоценности, все тащили, что было ценного, да выкупи за пленных, да ежегодная дань... Но и этого мало. Живого золота у них было сколь угодно. Какого? Невольников да невольниц, рабов <...> Невольники и невольницы нужны были для продажи. Для этой торговли и засели тогда в Крыму генуэзцы, а на Азовском море – венецианцы. Эти и устроили там конторы, построили города на концессиях, которые получили от монголов, – и все для того, чтобы скупать невольников и переправлять их в Византию, в Рим, в Африку, куда угодно. А обратно, чтобы корабли не плыли пустыми, они везли на юг России европейские товары – оружие, провиант, строительные материалы [Клягин, 1948, с. 30–32].

Хассимов последовательно излагает Зорину легенды Золотой Орды, как будто воспроизводя евразийские размышления о неотъемлемой татарской составляющей русского языка, о кочевничестве и оседлости, подробно расспрашивает у образованного Зорина о гониометрии, космографии, просит научить пользоваться нивелиром, – всё это необходимо, чтобы расшифровывать неведомо откуда добытые старинные карты с астрономическими ориентирами, в которых зашифровано монголами местоположение кладов.

Зорин не верит, что монгольские племена обладали астрономическими, географическими и геометрическими знаниями, но Хассимов неумоимо убеждает Зорина в высочайшей точности монгольских манускриптов, посмеиваясь над представлениями Зорина о диких, бесписьменных племенах татар. Он утверждает, что, не имея собственной письменности, татаро-монголы свободно меняли языки и алфавиты, легко переходя от одного языка к другому. Кочевники связывали Азию, простирающуюся до Индии и Китая, с Европой, с Римом и поэтому не только постигли законы обоих, восточного и западного, укладов, но и умели преобразовывать полученные знания из одних научных и культурных парадигм в другие.

Татарину Хассимову вторит и начальник Зорина, инженер Кузьмич, пожилой строитель-железнодорожник, женатый на обрусевшей «монголке» Степановне, знаток Прикаспийской степи, любитель истории и археологии. Он рассказывает Зорину о Чингисхане и его потомках:

О Чингис-Хане говорить не буду, это слишком долго. Скажу только, что это был необычайный полководец и замечательный политик. Правда, временами он был безжалостен, кровожаден, но уж такое было время. Впрочем, люди с тех пор изменились мало, придумали только другие лозунги,

формы... Размеры созданной Чингис-Ханом империи – колоссальны, последствия ее для истории народов исключительны. Сам он, хоть и неграмотный, а понял значение прогресса, применил на благо подданных все лучшее, что было известно в те времена и чем другие страны воспользовались лишь много столетий позже. Добавьте к этому веротерпимость, справедливость, простоту и личное мужество <...> Русские князья подчинялись власти ханов, платили им дань, поставляли невольников, доносили, подкапывались друг под друга. Даже Александр Невский целовал стремя хана, испрашивал его позволения на войну со шведами <...>

Расцветом Золотой Орды надо считать ханство Узбека, отца Джаныбека, – 1312–1340 г. Этот хан почти не воевал, не думая о расширении владений. Он приглашал к себе ученых Китая и Запада, докторов теологии, позволил всем проповедовать беспрепятственно свои вероучения, вербовать приверженцев. Не вмешивался он и в запутанное положение Европы, особенно в ее увлечение крестовыми походами, кончившимися полным крахом. Не раз папские послы (например, легат де-Мариньола) пытались вовлечь его, совместно с католиками, в борьбу с магометанами, но это им не удавалось <...>

Сын Узбека Джаныбек продолжал политику отца, но под влиянием своей жены, гречанки, ее греческого окружения, поссорился с генуэзцами, поселившимися в Крыму, где они богатели. Он разбил итальянцев и изменил условия их концессий, но позволил им продолжать торговлю. Он-то, этот хан Джаныбек, и погребен в том месите, где будет теперь стоять станция астраханской дороги <...>

Европа тогда и понятия не имела о порядке, который Чингис-Хан установил в Азии. Кстати, дорогой мой, знаете ли вы, что монголы ввели тогда же ассигнации, позаимствовав эту идею от китайцев на много столетий раньше Джона Лоу? <...> Почта, передвижение на подставных лошадях, выборное местное управление и многое другое, все это введено было ими <...> Что же до письменного языка, то у кого в те времена он был? Монголы обходились замечательным письменным языком китайцев, языком трудным, разработанным до высокой точности, дипломатическим. Пользовались монголы и арабской письменностью, – она стояла тогда на очень высоком уровне [Клягин, 1948, с. 116–119].

Все эти рассуждения написаны как будто по канве брошюры «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», изданную Н. С. Трубецким в 1925 г. в Берлине под псевдонимом «И. Р.»⁴. В пространных монологах Хассимова и инженера Кузьмича А. Клягин как будто бы излагает тезисы Н. С. Трубецкого в художественной обработке. Приведем здесь для сравнения лишь несколько тезисов из этой брошюры:

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость [Трубецкой, 2023, с. 8];

⁴ О расшифровке псевдонима, которым подписана эта брошюра, см.: [Глебов, 2010, с. 290].

Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Европы и Азии, обеспечение безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавало для жителей монархии Чингисхана... благоприятные условия... [Трубецкой, 2023, с. 11];

В широкой веротерпимости известную историческую роль сыграло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т. е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неоформленную и не стремящуюся к прозелитизму [Там же, с. 14];

Домонгольская удельно-вечевая Русь находилась на самой низкой ступени развития. Но татары ввели Россию в общегосударственную сеть почтовых путей, и монгольская система организации почтовых сношений и путей сообщения, основанная на общегосударственной ямской повинности, сохранялась на Руси еще долго после татарского ига [Там же, с. 18];

Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период антинациональной монархии, когда и правительство, и общество стремилось к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдилась признать естественную связь с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии, – дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири – все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей Евразийского улуса Чингисхановой империи [Там же, с. 57].

Думается, что пространные теоретические монологи героев на евразийские темы внутри художественной повести Клягина требовали какого-то сюжетного дополнения, иначе повесть переросла бы в теоретический трактат, а герои потеряли бы привлекательность, став проводниками евразийских идей. Но в тексте есть эпизоды, дополняющие теоретическую историософию Хассимова и Кузьмича любопытным вымышленным историческим сюжетом. Однажды Кузьмич приглашает Зорина съездить в гости к хану, который в повести назван «хан Букеев», повелитель остатков Золотой Орды Каспийской степи. «Хан Букеев» означает хан «Бекей Ордасы», Букеевской Орды – полуавтономного государственного образования в составе Российской империи, которое существовало до 1845 г. и входило в Астраханскую губернию. Последний хан Букеевской орды, прямой потомок Чингисхана, хан Джангир умер в 1845 г., с его смертью перестало существовать и ханство. И Клягин, специально не называя имени хана, описывает как быль историю более чем полувековой давности, углубляясь в те времена, когда Букеевская Орда еще существовала и управлялась ханом, хотя к 1905 г. (а именно к этому времени – 1905–1906 гг. – относятся события повести) все документы и свидетельства о существовании ханства стали уже предметом истории. Чисто художественный, собирательный образ Хана Букеева – это живописный анахронизм:

Хан Букеев, прямой потомок и наследник Чингис-Хана, пожилой толстый киргиз, в шести или семи ватных халатах (чем жарче, тем киргизы теплее одеваются), встретил приглашенных радушно, широко. В железнодо-

рожных чинах он не разбирался: ожидал, видимо, большого, важного начальника. Приготовления к приему были богатые: зажарили нескольких баранов, целого быка, кумыс подавали в больших чанах, разной крепости, на разные вкусы.

По-русски хан говорил, но плоховато; по образованию, по развитию остался монголом на уровне тринадцатого века, времен Батые, и от культурной жизни сторонился. Теоретически ему подчинялась вся Золотая Орда, он был в чине русского генерала и серьезно верил, что русский император – ниже его, он-то еще полковник!

На самом деле хан Букеев, по имени которого называлась орда каспийской степи, не смел вмешиваться в управление своими поданными: киргизы выполняли требования Петербурга, которые, в сущности, были направлены к стеснению вольностей кочевой жизни и к уничтожению монголов, как особенного народа. Букеев сохранил, однако, в глазах киргизов, моральный вес: разбирал по обычаям предков тяжбы своих поданных между собой, как наследник великого Чингис-Хана.

<...>

Несколько дней спустя, разговорившись с Хассимовым, Зорин упомянул о наследнике Мамай, Хане Букееве.

– Каждое лето тут кочует, – подтвердил татарин. – Ищет, говорят киргизы... Да ему не найти!

– Он имеет право, его же наследство.

– Верно. Да давность вышла. А теперь – все права правительству или тому, который словчится... [Клягин, 1948, с. 63, 66].

Слова Хассимова подводят печальный итог жизни вымышленного «хана Букеева», но одновременно напоминают о реальной трагической судьбе кочевых народов и их вождей, к примеру, о судьбе современника Александра Клягина Алихана Букейханова, прямого потомка хана Букея, главу не осуществившей своего предназначения партии «Алаш» и первого казахского правительства, ученого-энциклопедиста, борца с русской колонизацией казахской степи, репрессированного в 1937 г.

Современная и новаторская евразийская историософия у Клягина не только украшена фигурами вымышленных исторических персонажей, но и обрамлена фольклорными мотивами, что придает ей убедительную тональность. Все рассуждения о монголо-татарском субстрате «Русского царства», перемежаясь с русскими историческими преданиями, перестают ощущаться как новация евразийцев и начинают казаться закономерными, традиционными. Идею ввести в повесть насыщенный фольклорный подтекст Клягин тоже мог получить от Бунина, в рассказах и романах которого, даже если речь идет о современности, растворено множество легенд, преданий, стилизована народная молва. Но если Бунин как бы невзначай, едва заметно «подкрашивает» фольклором повествование о современности, то в повести Клягина собрана целая коллекция исторических преданий, среди которых особо выделяются фольклорные истории о «злых» кладах. По-видимому, Клягин хорошо изучил эту, актуальную для своего поколения, на долю которого выпала революция и эмиграция, тему. В то время, когда в эмигрантском кругу складываются предания о «золоте Колчака», Клягин пишет о кладах более древних, вокруг которых уже давно сложились свои предания и легенды. Но независимо от эпохи клады, которые прятались в смутные времена, когда нужно было

сохранить от врагов свое или унести награбленное, считались чаще всего «злыми». По народным преданиям, «такими кладами овладевал черт и приставлял к ним своих хранителей, поэтому взять их очень трудно» [Соколова, 1970, с. 189]. Клады нередко являлись даром покойных, даже заложных покойников, поэтому в фольклоре, и не только в русском, кладоискательство было сопряжено с темными, дьявольскими силами и множеством опасностей: кладоискатель должен отвоевать сокровище у «того света», «нечистой силы», «все клады оказывались заклятыми и взять их не удавалось, а если кто-то и брал их, то впрок они, как правило, не шли – человек заболел или умирал, умирала жена и т. п., или же взятые деньги оказывались черепком, мусором» [Там же, с. 191]. Будучи надежно защищенными потусторонними силами, клады, тем не менее, манят искателей; любой, даже самый хитрый тайник, рано или поздно, будет открыт, распознан, «было и поверье, что клады, как только бог даст, выйдут сами наружу» [Там же]. В сказаниях клады одушевлялись, сами указывали дорогу к себе, например светились во тьме огнями, разными способами приводили к тайникам⁵. Извлечение кладов из тайников предполагало сложные, часто многофазовые фантастические повороты: что-то всегда мешало извлечь уже обнаруженные богатства. В преданиях нередко повторяется одна и та же ситуация, когда «что-то звенело, показывался сундук, горшок и т. п., но появлялись всевозможные страсти, и кладоискатели в страхе и даже беспамятстве разбегались, а клад после этого уже нельзя было найти» [Там же, с. 193].

Все перечисленные черты фольклорных преданий о злых кладах можно обнаружить и в повести Клягина. Даже неискушенный Зорин, разрабатывая каменный карьер, становится свидетелем знаменательного случая:

Штабеля готового для отправки камня были переполнены... змеями! Гады эти заполонили рано утром ямы, расщелины, трещины в карьере – подойти нельзя! Отовсюду – змеиные головы, пасти раскрыты, раздвоенные языки, змеи извиваются, шипят... Били их палками, ломами, кирками. Истребляли гадов целый день, забыв о работе, истребили тысячи, завалили целую яму трупам змей всяких окрасов и размеров...

На следующий день оставшиеся змеи, – количество их было невероятное, не уничтожили и половины, – покинули карьер и больше не возвращались. Зорин думал, что змеи искали тепла на камнях, пригретых осенним солнцем. Рабочие из русских сомнительно покачивали головами <...> Степняки же верили скорее киргизам: змеи-де стерегли клад и хотели припугнуть людей, как те же злые духи Танги напугали когда-то казаков обвалом камня. Поэтому киргизы советовали позвать шамана, снять заговор [Клягин, 1948, с. 236–237].

В соответствии с фольклорными законами каждый из героев-кладоискателей Клягина, независимо от того, чем закончились его поиски, оказывается наказан за свою причастность к кладоискательству. Никому не удается избежать расплаты за овладение сокровищами Мамаю, и варианты расплаты разнообразны. Сначала читателя знакомят с историей «вшивого деда» Суслика, старого приживальщика в доме молоканина Ржаного. В степи рассказывают, что полвека назад Суслик

⁵ См., например, сюжеты о кладах в книге «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», где клады олицетворяются, указывают сами на себя, мстят тем, кто их открывает [Мифологические рассказы..., 1987, с. 287–290].

нашел кубышку, но, не тронув богатств, вновь схоронил ее в степи. Ржаной прирел старика в надежде выведать тайну клада, но дед не спешил делиться этой тайной, предпочитая рассказывать о проклятиях, наложенных на тайники:

– Клады, клады, что в них? что хорошего-то? В чужом добру? Золото, говоришь? На что оно? что даст-то? Молодости прибавит, здоровья? счастья? Зависть даст только, да злобу людскую. Люди, вишь ты, – как волки лютые. Один у другого изо рта вырывает. Набросятся – клоками шерсть полетит. Вот оно, золото-то, да клады [Клягин, 1948, с. 160].

Судьба старика подтверждает его же слова: работники Ржаного, шутя, сталкивают деда в яму с никотином, где собираются купать овец, дед умирает страшной смертью, так никому и не поведав тайну спрятанной им кубышки. Зато кубышку деда, вместо великого клада Мамаю, находит Хассимов и, ничего никому не сказав, покидает Эльтонскую пустыню. Продолжение истории о кладах Зорин узнает по прошествии многих лет, уже в эмиграции, где случайно знакомится с сыном Хассимова, который и рассказывает Зорину, как сложилась судьба его отца. Интрига повествования состоит в том, что сын Хассимова ничего не знает ни об Эльтоне, ни о найденном отцом клада, а сообщает Зорину, что отца убил без всяких на то причин какой-то сумасшедший русский, с коим тут же, на месте преступления сразу же расправились люди, прибежавшие спасать Хассимова, и лишь один только Зорин, слушающий этот рассказ, понимает, что таинственный убийца татарина – это молоканин Ржаной, догадавшийся по оброненным в степи вещам из тайника, что Хассимов нашел кубышку. Ржаной настигает удачливого татарина за границей, в Персии, поскольку считает, что по справедливости клад должен был достаться тому, кто дал кров вшивому деду. Судьба Хассимова, конечно, символична: страсть к прошлому помогла ему найти клад в степи, но одновременно привела к гибели, она же, эта страсть, но в другой форме перешла к его сыну: Хассимов-младший служит адъютантом персидского принца, а свободное время посвящает изучению археологических трудов. Рассказом Хассимова-младшего о смерти отца и завершается приключенческая линия повести, в которой довольно искусно переплетены между собой историософия, археология и историческая фантастика, пропитанная фольклором.

Небольшая по объему повесть Клягина оказывается довольно насыщенным сюжетно многофигурным повествованием, в которое вмещена евразийская историософия. Повесть испытала очевидное влияние Бунина, но ее тема продиктована не литературой воспоминаний. Она озаглавлена «Клад Мамаю», и смысл этого заглавия шире, чем прямое, конкретное значение слова «клад», в метафорическом смысле, если следовать философии повести, кладом можно назвать всё наследие Востока в русской и европейской жизни. Повесть держит читателя в напряжении, чему способствует не только приключенческий сюжет, но и композиция. Текст построен как воспоминание, в чем Клягин очевидно подражает «Жизни Арсеньева» и другим эмигрантским романам, где герой-эмигрант вспоминает свою юность в России. Такой тип повествования позволяет держать двойной фокус: пережитое в юности видится зрелому герою иначе, нежели в далеком прошлом в России, но острота юношеских переживаний не нивелируется, они вызывают особую ностальгию, особый интерес в силу неповторимости того давнего опыта, который, может, даже будучи былью, в эмиграции постепенно рассеивается, превращается в легенду, в сказку о необычайной, далекой, полуфантастической стране, в грезе об Азии потерявших родину и поселившихся в Европе эмигрантов.

Список литературы

- Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 736 с.
- Блюм А. В. Литературный крестник И. А. Бунина (вместо послесловия) // Клягин А. П. Страна возможностей необычайных. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010. С. 347–361.
- Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с.
- Клягин А. Страна возможностей необычайных. Париж, 1947.
- Клягин А. Клад Мамаю. Paris: Editions du scribe, 1948. 278 с.
- Клягин А. П. Страна возможностей необычайных. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010. 376 с.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 402 с.
- Савицкий П. Н. Два мира // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993а. С. 114–122.
- Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993б. С. 123–130.
- Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Инфра, 2023. 276 с.

References

- Berberova N. *Kursiv moy. Avtobiografiya* [The italics are mine. The autobiography]. Moscow, Soglasie, 1996, 736 p.
- Blyum A. V. Literaturnyy krestnik I.A. Bunina (vmesto poslesloviya) [Literary godson of I.A. Bunin (instead of an afterword)]. In: Klyagin A. P. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Novosibirsk, Svin' in i synov' ya, 2010, pp. 347–361.
- Glebov S. *Evraziystvo mezhdu imperiey i modernom: Istoriya v dokumentakh* [Russian eurasianism between empire and modernity: The history in documents]. Moscow, Novoe izdatel' stvo, 2010, 632 p.
- Klyagin A. *Klad Mamaya* [Mamaia's treasure]. Paris, Editions du scribe, 1948, 278 p.
- Klyagin A. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Paris, 1947.
- Klyagin A. P. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Novosibirsk, Svin' in i synov' ya, 2010, 376 p.
- Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [The mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 402 p.
- Savitskiy P. N. Dva mira [Two worlds]. In: *Rossiia mezhdu Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 114–122.
- Savitskiy P. N. Step' i osedlost' [Steppe and settled life]. In: *Rossiia mezhdu Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 123–130.
- Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [The Russian historical legends]. Moscow, Nauka, 1970, 288 p.

Trubetskoy N. S. *Nasledie Chingiskhana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow, Infra, 2023, 276 p.

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6534-2017

Information about author

Elena V. Kapinos, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6534-2017

*Статья поступила в редакцию 08.09.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 08.09.2023;
approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*

Научная статья

УДК 82(090)

DOI 10.17223/18137083/85/8

**«Темный Шукшин»:
контексты и подтексты рассказа «Шире шаг, маэстро!»**

Александр Иванович Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия
iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

Цель исследования – определить ключевые проблемы, по которым писатели-традиционалисты вели полемику с представителями молодежной прозы. Признанный лидер молодежной прозы Аксёнов был убежден в необходимости стереть границу между городом и селом. Писатели-традиционалисты занимали по этим вопросам противоположные позиции. В ходе анализа рассказа Шукшина «Шире шаг, маэстро!» автору удалось доказать, что сюжет рассказа, а также целый ряд мелких деталей отсылают к повести Аксёнова «Коллеги». В статье впервые выявлен пародийно-полемический пласт шукшинского произведения. Кроме того, в тексте обнаружены скрытые отсылки к некоторым фактам биографии Аксёнова.

Ключевые слова

В. Шукшин, В. Аксёнов, контекст, подтекст, сюжет, пародия, реминисценция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Для цитирования

Куляпин А. И. «Темный Шукшин»: контексты и подтексты рассказа «Шире шаг, маэстро!» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 105–115. DOI 10.17223/18137083/85/8

© Куляпин А. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 105–115
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 105–115

“Dark Shukshin”: contexts and subtexts of the story “Shire shag, maestro!”

Alexandr I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

The study aims to identify the key issues of debates between traditionalist writers and youth prose representatives. Vasily Aksyonov, a recognized leader of youth prose, believed it necessary to erase the boundary between city and village. Thus, one character in his story “Kollegi” speaks enthusiastically about the upcoming transformation of the Kruglogorsk settlement into a city. Furthermore, his story “Zatovarennaya bochkotara” quotes a phrase from the “Manifesto of the Communist Party” by Marx and Engels about the “idiocy of village life.” Traditionalist writers had the opposite position on these issues. Vasily Shukshin argued against the Party’s guidelines in the manuscript version of the article “Vopros samomu sebe” by insisting that there was not and still is not such a thing as the “idiocy of village life.” The analysis of Shukshin’s story “Shire shag, maestro!” has proved that the main plot of the story and several small details refer to Aksyonov’s story “Kollegi.” For the first time, this study has revealed the parodic-polemical layer of Shukshin’s work. In addition, hidden references to some facts of Aksyonov’s biography were found. Shukshin is seen to highlight the inconsistency of Aksyonov’s worldview principles by indicating the gap between his words and deeds. Pathetically calling for “great deeds in the rural field,” Aksyonov prefers to abandon medicine for the sake of fiction. So does the protagonist of the story “Shire shag, maestro!”

Keywords

V. Shukshin, V. Aksyonov, context, subtext, plot, parody, reminiscence

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

For citation

Kulyapin A. I. “Dark Shukshin”: contexts and subtexts of the story “Shire shag, maestro!”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 105–115. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/8

Евгений Попов, назвавший себя учеником двух Василиев – Шукшина и Аксёнова, – засвидетельствовал (в очень политкорректной форме), что между его учителями «искры приязни не бегали» [Кабаков, Попов, 2011, с. 259]. Аксёнов, если верить Попову, считал Шукшина «замечательным писателем, но темным человеком» (цит. по: [Гундарин, 2021, с. 150]). В свою очередь Шукшин Аксёнова тоже не жаловал, но, похоже, читал достаточно внимательно.

Литературоведы и критики, сопоставляя творчество Шукшина и Аксёнова, обычно делают акцент на расхождении мировоззрения и поэтики писателей. «С появлением “деревешников”, – отметил Е. Вертлиб, – выявилось два направления в нынешнем рассказе: традиционное и с западным уклоном. Первое – Солженицын, Шукшин, Казаков, второе – Битов, Аксёнов» [Вертелиб, 1990, с. 73]. Но порой, как ни парадоксально, критики даже находят некие точки соприкосно-

вения между произведениями Шукшина и Аксёнова. Так, польские литературоведы Анджей Дравич, Ежи Слизовски, Эдвард Павляк склоняются к тому, чтобы вывести Шукшина «за рамки “деревенской прозы”». А. Дравич предпочитает рассматривать творчество Шукшина в русле исповедальной прозы. Еще дальше идет Э. Павляк, усматривая в Пашке Колокольникове из фильма «Живет такой парень» родство с героями Василия Аксёнова [Нефагина, 2016, с. 501].

На самом деле по отношению к прозе Аксёнова Шукшин явно испытывал преувеличенный «страх влияния» (по Г. Блуму), который, в частности, сказался при обсуждении рассказа «Случай в ресторане» с редакцией журнала «Москва». Шукшин в последний момент зачем-то попросил заменить слово «спокойно» в двух репликах главных героев:

«– Спокойно, – сказал детина. – Мы все понимаем.

– С вас получить можно? – обратилась официантка к старичку.

– Спокойно, – сказал старичок. – Продолжайте заниматься своим делом» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 75).

В письме в редакцию журнала (февраль 1967 г.) Шукшин поясняет необходимость правки текста так: «Слово “спокойно” заменено вот почему: я встретил его почти в такой же ситуации (герой разговаривает) у В. Аксёнова. Не надо бы повторяться» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 262). Объяснение было настолько странным и неубедительным, что исправлять ничего не стали.

В том же тысяча девятьсот шестьдесят седьмом Шукшин развернуто выскажется о языке прозы Аксёнова. В анкете журнала «Вопросы литературы», присланной Шукшину, был вопрос: «Считаете ли Вы, что передача речи героя-современника во всей ее характерности (профессиональный жаргон, например студенческий, терминологические штампы, газетные обороты, канцеляризмы и т. д.) противопоставлена языку художественного произведения?» – «Тут – странное дело: в литературе стало модой, в жизни все не так, – ответил Шукшин. – В литературе запестрели “предки”, “чуваки”, “чувихи”, “хаты”, “лабухи” – и пошла писать губерния: критики и пенсионеры ополчились на это, модные писатели упорствуют; целое дело! А “дела” нет – “за отсутствием состава преступления”. Поумериться бы с этим. Правда, из мухи слона раздули» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 90).

Показательно, что все отобранные Шукшиным словечки молодежного сленга встречаются в романе Аксёнова «Звездный билет» (1961): «Конь – это значит отец. Великая радость, когда уходит конь. Ребята бросаются к телефонам: “Хата есть!”»; «Ах ты, подлая чувиха! – заорал он и бросился на Галку»; «Да это же тот лабух из Малаховки! – воскликнул Алик»; «Стоп, стоп, чуваки!» и др. (Аксёнов, 2006, с. 198, 250, 262, 277).

Среди писателей, ответивших на анкету журнала «Вопросы литературы», был и В. Аксёнов. Его позиция по проблеме языка современной литературы противоположна шукшинской: «Терпеть не могу псевдонародной стилизации, коллекционирования редчайших, не употребляемых уже нигде словечек, всяких там “гутень”, “мольва”, “фисонь”. Нужно ли писать «скоко», показывая простонародность героя? Все мы говорим “скоко” в своей торопливости, а пишем “сколько”. Это почти не отличается от английского “рашен”, которое пишется как “руссиан”. Безусловно, можно сказать “очинно” вместо “очень”, но только если этого требуют интонация, музыкальность фразы.

Не понимаю пуристов, ратующих за изгнание жаргона и прочих современных словообразований и оборотов из языка литературного произведения. Это все равно, что в быту перейти на дистиллированную воду и презирать суп. Ироническая

интонация в современной прозе неизбежно приводит к использованию канцеляризованных и прочих штампов.

Что касается “засорения русского языка”, то здесь я должен высказать свое категорическое мнение. В засорении языка, в формировании жаргона и штампов литературе принадлежит последняя роль. Все это возникает вследствие совсем других общественных процессов, и литература в данном случае лишь фиксирует это, как чуткий воспринимающий организм» (Аксёнов, 1967).

Если при столь радикальных отличиях во взглядах писателей реминисценции из произведений антагониста всё же появляются в тексте, то, разумеется, только с пародийно-полемической установкой.

В повести Аксёнова «Коллеги» (1960) ветеран войны Егоров, характеризуя вечернюю толпу на Невском, несколько неожиданно переходит на французский, привычным «вульгарный» или «пошлый» он предпочитает «vulgarité»: «Здоровые, веселые люди, молодежь, девушки, стройные, смелые, ну и вульгаритэ, конечно, попадают, юнцы какие-то развинченные косяками ходят» (Аксёнов, 1969, с. 84).

Шукшин дважды употребляет это псевдофранцузское «вульгаритэ», добиваясь более тонкого, чем у Аксёнова, эффекта. В повести-сказке «До третьих петухов» (1975) «не то Онегин, не то Чацкий» говорит о библиотекарше Галке: «Вульгаритэ». На что Обломов неодобрительно замечает: «Вам всё французенек подавай» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 194). Герой другого шукшинского произведения Солодовников («Шире шаг, маэстро!», 1970) определяет всё тем же словечком «курносенькую хохотушку, учительницу немецкого языка»: «Малость, она, правда, вульгаритэ: носик. К тридцати годам носик этот самый на лоб полезет. Курносые предрасположены к полноте» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 70). По странноватому мнению «молодого донжуана», вульгарной девушку делает форма носа. Портрет учительницы немецкого языка («курносая») и противопоставление библиотекарши Галки французенкам не оставляет сомнений, что за обилием иностранного скрывается пренебрежительное отношение героев к русскому.

Д. Быков^{*} охарактеризовал Аксёнова всего двумя словами: «западник и гедонист» [Быков, 2019, с. 333]. И то, и другое Шукшину абсолютно чуждо, поэтому не удивительно, что личность и некоторые детали биографии автора «Звездного билета» он сделал объектом пародирования.

Евгений Попов не без иронии поведал о первой публикации Аксёнова – стихах, посланных в газету «Комсомолец Татарии», «когда он еще был студентом Казанского меда. Сюжет: как студент, окончив университет, уехал по велению сердца на одну из строек Дальнего Востока (!). Ну, типа “Едем мы, друзья, в дальние края”. В дальние лагерные края... Василий рассказывал, что занял на конкурсе какое-то там место и даже получил за это гонорар неплохой, который тут же пропил с товарищами и подругами. То есть вот и такая судьба могла быть. Мог бы быть советский поэт казанского происхождения Василий Аксёнов» [Гундарин, 2021, с. 89].

Свой первый литературный успех Аксёнов развил, используя с небольшими вариациями сюжет дебютного стихотворения в повести «Коллеги», где главный герой Александр Зеленин после окончания Ленинградского мединститута добровольно уезжает в северный поселок Круглогорье.

^{*} Минюстом РФ Д. Л. Быков включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

Для Шукшина писательская карьера началась с рассказа «Двое на телеге» (1958), который «напоминает отчасти аксёновских “Коллег”» [Быков, 2019, с. 308]. И хотя, по мнению Д. Быкова *, «рассказ замечательный» [Там же], Шукшин ни разу не включал его в свои сборники. Возможно, как раз из-за того, что он «напоминает аксёновских “Коллег”». Только спустя десять лет Шукшин в рассказе «Шире шаг, маэстро!» вернется к сюжету «молодой врач в сельской больнице».

В разговоре с Е. Поповым А. Кабаков вспомнил, как один молодой писатель спросил у него: «...я сейчас в своем поколении... я такой же, как Аксёнов был в своем?» Его интересовало «маэстро ли он», – пояснил суть вопроса А. Кабаков. – А если маэстро – то тут возникает Аксёнов...» Интересна реакция Е. Попова: «Очень хорошо. А почему не Шукшин своего поколения?» [Кабаков, Попов, 2011, с. 120].

Названием рассказа Шукшина стала реплика главного героя Георгия Солодовникова, дважды мысленно именующего себя «маэстро». В его призыве «шире шаг», обращенном к самому себе, тоже вполне возможно отыскать аксёновский след. «Как всегда в ногу» шагают по шоссе трое друзей в повести «Коллеги»: «Шире шаг! – командует Карпов. – Шумно в строю» (Аксёнов, 1969, с. 22). Совпадение мелких деталей лишь оттеняет разницу в освещении принципиальных проблем.

По точному наблюдению Ю. Л. Слезкина, «фундамент социализма покоился на скалистом дне, очищенном от идиотизма деревенской жизни» [2019, с. 432]. В «Манифесте Коммунистической партии» в качестве одной из важных задач провозглашалось «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» [Маркс, Энгельс, 1950, с. 56]. В. Аксёнов, как и многие его современники, тоже был убежден в необходимости стереть границу между городом и селом. Александра Зеленина невозможно назвать сельским жителем, так как «его мир не замыкается бревенчатыми домиками Круглогорья, <...> он живет во второй половине двадцатого века, во всем огромном современном мире» (Аксёнов, 1969, с. 51). К тому же дни старого Круглогорья сочтены. Председатель поселкового совета Егоров с энтузиазмом говорит о грядущих переменах: «Проложим шоссе по берегу озера, вдоль него построим дома, пустим автобус. Поселок и стройка сольются, и будет город Круглогорск» (Аксёнов, 1969, с. 77). Маркс и Энгельс позитивно оценивали тот факт, что «буржуазия подчинила деревню господству города», ведь это позволило вырвать «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [Маркс, Энгельс, 1950, с. 37]. В. Аксёнов процитировал «Манифест Коммунистической партии» в повести «Затоваренная бочкотара» (1968). Потомственный рабочий Телескопов рассуждает на первой странице повести: «Сюда, к идиотизму сельской жизни, возвращаемся на заслуженный отдых, лишь только когда соль в коленях снижает квалификацию» (Аксёнов, 1968, с. 37).

Совершенно очевидно, что вопрос об отношениях между городом и деревней для Шукшина ключевой. Он даже осмелился публично оспорить партийные установки. В третьей «Программе КПСС», принятой на XXII съезде партии в 1961 г., было заявлено: «Ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней явится одним из величайших результатов строительства коммунизма» [Программа КПСС, 1986, с. 143]. Тезис этот ввиду особой значимости выделили в тексте курсивом. Шукшин же в статье «Вопрос самому себе» настаивал на противном: «...грань между городом и деревней нико-

гда не должна до конца стереться. Никакой это не агрогородок – деревня – даже в светлом будущем» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 18). В рукописи содержался еще и острый выпад в адрес основателей научного коммунизма, при публикации статьи в журнале «Сельская молодежь» (1966, № 11) и газете «Советская культура» (1966, 15 ноября) эти строки, естественно, вырезали: «...а куда девать известный идиотизм, оберегая “некую патриархальность?” А никуда. Его не будет. Его нет. Духовная потребность в деревне никогда не была меньше, ниже, чем в городе. Там нет мещанства» (Шукшин, 1981, с. 12).

Оставшийся неизвестным современникам фрагмент статьи «Вопрос самому себе» Шукшин использовал в рассказе «Шире шаг, маэстро!» Солодовников, перетрусивший во время стычки с хозяином сена, с досадой вспоминает: «В какой-то статье он прочитал у какого-то писателя, что “идиотизма деревенской жизни” никогда не было и, конечно же, нет и теперь. “Сам идиот, поэтому и идиотизма нет и не было”, – зло подумал он про писателя» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 67).

Слово «идиот» произошло от греческого «идиотес» «отдельный человек, отдельное лицо», «значение “умственно неполноценный человек”, “кретин” не первоначальное, а позднее, возникшее на западноевропейской почве» [Черных, 1994, с. 336]. Маркс и Энгельс, указывая в «Манифесте Коммунистической партии» на «идиотизм деревенской жизни», безусловно, учитывали исходный греческий смысл слова. Несколькими годами раньше оппозиция «город – деревня» была намечена в их книге «Немецкая идеология», но там философы обошлись без бранных выражений: «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт – изолированность и разобщенность» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 50]. По-своему закономерно, что в сталинский период радикальным способом преодоления «идиотизма деревенской жизни» стала коллективизация. «Победили колхозы – исчезает “идиотизм деревенской жизни”», – заметила в 1934 г. в письме из мест лишения свободы троцкистка Татьяна Мягкова (цит. по: [Слезкин, 2019, с. 525]).

К концу 1960-х гг. стало ясно, что изолированность и разобщенность – примета вовсе не сельской, а как раз городской жизни. Но даже если понимать под идиотизмом деревенской жизни темноту и культурную отсталость, то и это, по Шукшину, будет неправильно, поскольку «сельская культура создается в городе», и проблема том, что «ее придумал мещанин» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 19).

В повести Аксёнова «Коллеги» коренной ленинградец Зеленин не только врачует телесные недуги сельчан, но еще и содействует расцвету культурной жизни Круглогорья: «...он стал активным членом правления клуба и редколлегии устного журнала, <...> декламирует стихи на концертах самодеятельности и собирается поставить “Деревья умирают стоя”...» (Аксёнов, 1969, с. 115). Не так хорош Зеленин в роли лектора. Его доклад «Алкоголь – разрушитель здоровья» «никуда не годился» (Аксёнов, 1969, с. 104). Зато позже он успешно «по методу академика Павлова» излечит от алкоголизма местного кучера Филимона (Аксёнов, 1969, с. 112).

Мещанин, по Шукшину, – это «существо крайне напыщенное и самодовольное», «беспрерывно, судорожными движениями сокращающееся в сторону “сладкой жизни”» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 19). Главный герой рассказа «Шире шаг, маэстро!» полностью соответствует этой характеристике. Он потребитель и распространитель того самого «культурного суррогата», который город навязывает селу. В текст письма бывшему однокурснику Солодовников вставляет слегка от-

редактированную строчку из песни знаменитого барда-шестидесятника и по совместительству ученого-химика Александра Дулова (1931–2007): «Хучь бей меня, хучь режь меня – я актер» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 61). В песне «Ой-ё-ёй, я несчастная девчоночка» рефреном проходят строки: «Хошь режь меня, / Хошь ешь меня, / Уйду к нему опять!» Дулов, иногда называвший себя «теоретиком жанра», относил авторскую песню к «третьей культуре», занимающей нишу между профессиональным искусством и фольклором. Песня «Ой-ё-ёй, я несчастная девчоночка» – яркий образец псевдофольклора. Имитации такого рода неизменно вызвали у Шукшина раздражение. В статье «Монолог на лестнице» (1968) он высказался по этому вопросу достаточно определенно: «...современная русская народная песня! Подчеркнуто – народная. Современная. И – “Полюшко колхозное, мил на тракторе, а я на мотоцикле за ним...” Бросьте вы! Обыкновенная плохая стилизация» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 32).

Георгию Солодовникову, как и Александру Зеленину, предоставляется шанс поспособствовать подъему культурного уровня Образцовки – ему также предстоит прочитать лекцию о вреде алкоголя. В необходимости антиалкогольной пропаганды молодой врач мог убедиться лично. Выписывая листовое железо, директор совхоза, как о чем-то само собой разумеющемся, предупреждает: завскладом Морозов «небось с похмелья» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 68). Это действительно так, кладовщик настолько сильно хочет опохмелиться, что беззастенчиво требует у Солодовникова деньги на выпивку. От лекции шукшинский герой всё же уклоняется под предлогом занятости. На деле его ждет нечто прямо противоположное борьбе с пьянством: «Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка, винишко...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 70).

В начале дня Солодовников набрасывает для себя жизненную программу: «Работа, работа, работа. Изнуряющая. Радостная. Смелая. Подвижническая» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64). К вечеру от благих порывов не остается ничего, «сладкая жизнь» гораздо приятнее изнуряющей работы.

«Я актер», – аттестует себя Солодовников, склонный лгать и лицемерить на каждом шагу, в любой ситуации. Для героя повести Аксёнова «Коллеги» театр – это вообще «тайная страсть», он признается жене, «что с первого курса почему-то возомнил себя актером, стал шляться по театрам, был статистом, таскал декорации и даже одно время собирался бросить медицинский и поступить в театральный институт» (Аксёнов, 1969, с. 170). Вершина театральной деятельности Александра Зеленина в Круглогорье – планируемая постановка по пьесе Алехандро Касоны «Деревья умирают стоя» (1949).

Выбор произведения симптоматичен для характеристики не столько героя, сколько автора повести. Комедия Касоны построена на мотиве «ложь во спасение» (Касона, 1959, с. 26). Главный герой пьесы Маурисьо – директор агентства «Ариэль», занимающегося осуществлением мечты отчаявшихся людей, утверждает, что «искусство важнее, чем жизнь», а потому «сеять волнение или иллюзии – такое же достойное занятие, как сеять хлеб» (Касона, 1959, с. 47, 21). Александр Зеленин и его коллеги Владислав Карпов и Алексей Максимов, «пугаясь высоких слов», «экзамен на мужество и верность» выдерживают (Аксёнов, 1969, с. 83). Они доказывают свою профессиональную и человеческую состоятельность не словами, а поступками. У Аксёнова же, пафосно призывающего к «великим деяниям на сельской ниве» (Аксёнов, 1969, с. 84), налицо вопиющий разрыв между

словом и делом. Отказавшись от медицины ради литературы, он воистину предпочел сеять иллюзии вместо хлеба.

Шукшинский Солодовников тоже вспоминает псевдобиблейское выражение «ложь во спасение», правда, признавая, что притворство и лицедейство давно стало для него самоцелью: «Гадкая натура, – думал. – Главное, зачем? Ведь даже не во спасение, ведь не требуется!» Но при этом испытывал и некоторое приятное чувство, такое дорогое сердцу успокоение...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 61). Солодовников невольно саморазоблачается, неосмотрительно процитировав басню Крылова «Зеркало и Обезьяна» (1816): «Всё, – подумал он, – Хватит. Пора кончать эти... ужимки и прыжки» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64).

Обезьяна из басни Крылова не хочет узнавать себя в зеркале:

«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!

Что это там за рожа?

Какие у нее ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на нее хоть чуть была похожа».

«Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» – советует ей в ответ Медведь (Крылов, 1969, с. 101).

У главного героя рассказа «Шире шаг, маэстро!» несколько интертекстуальных двойников, но, как и крыловская Обезьяна, он не способен увидеть себя в этих «отражениях». Солодовникова раздражает примитивное остроумие главврача Анны Афанасьевны: «Господи – весь юмор: “бу сделано”, “лады”, – удивился Солодовников. – И не жалко времени – болтать! Тут теперь каждая минута дорога» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 63). В комментариях А. Г. Милуковой отмечено: «“Бу сделано!”, “Бу сде...!” – “Будет сделано!”. Фраза стала крылатой после включения ее в сценку Аркадия Райкина “Зависть” (“Завхоз Лызин”), которая была поставлена в Ленинградском театре миниатюр в 1960-х гг.» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 356).

Приято считать, что монопьеса «Зависть» продолжала «гоголевскую» линию в творчестве советского сатирика. Так, Е. Д. Уварова указывает на сходство лучших персонажей Райкина с гоголевскими – «вполне реальными, узнаваемыми и одновременно фантастичными» [Уварова, 2011, с. 168]. Завхоз Лызин из скетча В. Полякова – это своего рода «Хлестаков XX века». «Честолюбивые мечты Лызина поднимают его над унылой действительностью» [Там же, с. 171].

Солодовников с его бесплодными фантазиями о «кафедре в Москве, своре учеников и огромном числе работ» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 62) похож и на завхоза Лызина, и, особенно, на «сочинителя» Хлестакова, утверждавшего, что он «литературой существует». «Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутя», – говорит Хлестаков (Гоголь, 1960, с. 55). У Солодовникова, как и у гоголевского героя, стишки именно «выкидываются»: «Его поразило, что он написал стихи» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 63). Хлестаков после пережитых в провинциальном городе приключений делится со своим приятелем Тряпичкиным планами на будущее: «Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться» (Гоголь, 1960, с. 118). Солодовников тоже, причем неожиданно даже для самого себя, переключается с медицины на беллетристику: «Солодовников стал, подошел к окну, постоял, руки в карманы, чувствуя за собой удивленный взгляд главврача... Качнулся с носков на пятки. И соврал. Крупно. Неожиданно.

– Начал писать работу, Анна Афанасьевна. “Письма из глубинки. Записки врача”.

Это как-то случилось само собой – эти “Письма из глубинки”». – «Неужели начался неосознанный акт творчества?» – тешит себя надеждой Солодовников (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64). Он прав, говоря о «неосознанном акте», только это не акт творчества, а выражение беспочвенной амбиции встать в один ряд с Вересаевым и Булгаковым – авторами самых известных «Записок врача». Разумеется, такая цель для Солодовникова недостижима, так же как, впрочем, по Шукшину, и для еще одного врача, переквалифицировавшегося в писателя, – Василия Аксёнова.

Представителей «исповедальной» прозы (Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина) критики упрекали в том, что они любят «инфантильным, лишенным связей “с трудовыми классами” героем» [Разувалова, 2017, с. 187]. Судя по всему, Шукшин рассказом «Шире шаг, маэстро!» постарался подтвердить обоснованность этих упреков.

Список литературы

- Быков Д. Л. Шестидесятники: Литературные портреты. М.: Молодая гвардия, 2019. 375 с.
- Вертлиб Е. Василий Шукшин и русское духовное возрождение. New York: Effekt Publishing, 1990. 269 с.
- Гундарин М. Солнце всходит и заходит: Жизнь и удивительные приключения Евгения Попова, сибиряка, пьяницы, скандалиста и знаменитого писателя. СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2021. 460 с.
- Кабаков А. А., Попов Е. А. Аксёнов. М.: Астрель, 2011. 512 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1950. 72 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Нефагина Е. Л. Люди земли поймут друг друга: В. М. Шукшин в польских научных исследованиях и критике // Художественное произведение: структура, дискурс, медиа. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. С. 495–509.
- Программа КПСС – Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 10: 1961–1965. С. 81–185.
- Разувалова А. Свой среди чужих, чужой среди своих // Воспоминания о Шукшине. М.: Фонд «Формула успеха» имени В. М. Шукшина, 2017. С. 184–193.
- Слезкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 976 с.
- Уварова Е. Д. Аркадий Райкин. М.: Молодая гвардия, 2011. 383 с.: ил.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1. 623 с.

Список источников

- Аксёнов В. Ответы на вопросы анкеты «Литература и язык» // Вопросы литературы. 1967. № 6. С. 88–156. URL: <https://voplit.ru/article/literatura-i-yazyk/> (дата обращения 17.11.2022).

- Аксёнов В. Затоваренная бочкотара // Юность. 1968. № 3. С. 37–63.
- Аксёнов В. Коллеги // Аксёнов В. Жаль, что вас не было с нами. Повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1969. С. 5–201.
- Аксёнов В. Звездный билет // Аксёнов В. Апельсины из Марокко. М.: Эксмо, 2006. С. 193–354.
- Гоголь Н. В. Ревизор // Гоголь Н. В. Собр. худож. произведений: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4: Драматические произведения. С. 5–122.
- Касона А. Деревья умирают стоя. Л.; М.: Искусство, 1959. 66 с.
- Крылов И. А. Зеркало и Обезьяна // Крылов И. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2: Басни. Стихотворения. Пьесы. С. 101.
- Шукиин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.
- Шукиин В. М. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.

References

- Bykov D. L. *Shestidesyatniki: Literaturnyye portrety* [The men of the sixties: Literary portraits]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2019, 375 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 1994, vol. 1, 623 p.
- Gundarin M. *Solntse vskhodit i zakhodit: Zhizn' i udivitel'nyye priklyucheniya Yevgeniya Popova, sibiryaka, p'yanitsy, skandalista i znamenitogo pisatelya* [The sun rises and sets: The life and amazing adventures of Evgeny Popov, a Siberian, drunkard, brawler and famous writer]. St. Petersburg, Moscow, RUGRAM Pal'mira, 2021, 460 p.
- Kabakov A. A., Popov Ye. A. Aksonov [Aksenov]. Moscow, Astrel', 2011, 512 p.
- Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Politizdat, 1950, 72 p.
- Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In: K. Marx and F. Engels. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 7–544.
- Nefagina E. L. Lyudi zemli poymut drug druga: V. M. Shukshin v pol'skikh nauchnykh issledovaniyakh i kritike [People of the earth will understand each other: V. M. Shukshin in Polish scientific research and criticism]. In: *Khudozhestvennoye proizvedeniye: struktura, diskurs, media* [Work of art: structure, discourse, media]. Barnaul, AltSU, 2016, pp. 495–509.
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TSK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1986, vol. 10: 1961–1965, pp. 81–185.
- Razuvalova A. Svoy sredi chuzhikh, chuzhoy sredi svoikh [A friend among strangers, a stranger among friends]. In: *Vospominaniya o Shukshine* [Memories of Shukshin]. Moscow, Fond "Formula uspekha" imeni V. M. Shukshina, 2017, pp. 184–193.
- Slezkin Yu. L. *Dom pravitel'stva. Saga o russkoy revolyutsii* [Government House. Saga of the Russian Revolution]. Moscow, ACT: CORPUS, 2019, 976 p.
- Uvarova E. D. *Arkadiy Raykin* [Arkady Raikin]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011, 383 p.: il.
- Vertlib E. *Vasiliy Shukshin i russkoye dukhovnoye vrozozhdeniye* [Vasily Shukshin and the Russian spiritual revival]. New York, Effekt Publishing, 1990, 269 p.

List of sources

- Aksenov V. Otvery na voprosy ankety "Literatura i yazyk" [Answers to the questions of the "Literature and Language Questionnaire"]. *Voprosy literatury*. 1967, no. 6, pp. 88–156. URL: <https://voplit.ru/article/literatura-i-yazyk/> (accessed 17.11.2022).
- Aksenov V. Kollegi [Colleagues]. In: Aksenov V. *Zhal', chto vas ne bylo s nami. Povest' i rasskazy* [It is a pity that you were not with us. Story and stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1969, pp. 5–201.
- Aksenov V. Zatovarennaya bochkotara [Surplussed barrelware]. *Yunost'*. 1968, no. 3, pp. 37–63.
- Aksenov V. Zvezdnyy bilet [Star ticket]. In: Aksenov V. *Apel'siny iz Marokko* [Oranges from Morocco]. Moscow, Eksmo, 2006, pp. 193–354.
- Gogol N. V. Revizor [Inspector]. In: Gogol N. V. *Sobraniye khudozhestvennykh proizvedeniy: v 5 t.* [Collection of works of art: in 5 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1960, vol. 4: Dramaticheskie proizvedeniya [Dramatic works]. pp. 5–122.
- Kasona A. *Derev'ya umirayut stoya* [Trees die standing]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo, 1959, 66 p.
- Krylov I. A. Zerkalo i Obez'yana [Mirror and Monkey]. In: Krylov I. A. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1969, vol. 2. Basni. Stikhotvoreniya. P'esy [Fables. Poems. Plays], p. 101.
- Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols.]. Barnaul, ID "Barnaul," 2014.
- Shukshin V. M. *Voprosy samomu sebe* [Questions to myself]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1981, 256 p.

Информация об авторе

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия).

Information about the author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted on 28.11.2022;
approved after reviewing on 11.01.2023; accepted for publication on 11.01.2023*

Научная статья

УДК 821.111.0

DOI 10.17223/18137083/85/9

Образ «ultima Thule» (край света) в семиозисе знака *Сибирь*

Мария Александровна Кайгородова

Горно-Алтайский государственный университет
Горно-Алтайск, Россия

kaigorodova426@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3134>

Аннотация

На материале путевых дневников британских путешественников по Сибири XVIII–XIX вв. реконструируется содержание знака *Сибирь*. Проанализированный массив травелогов позволяет выделить понятие «ultima Thule» (край света), постепенно закрепившееся в сознании британцев за образом Сибири. В работе изучается содержательная сторона образа Сибири, в котором выявляются признаки «дикого», «первобытного», «глухого» и в то же время «сказочного», «чудесного», «эдемского» и «божественного». Понимание наивного в англоязычных текстах сравнивается с видением наивного авторами-сибиряками. Утверждается, что выявление признаков «свое» и «чужое» при восприятии объектов географического и этнокультурного пространства Сибири ведет к культурному родству.

Ключевые слова

Сибирь, Алтай, британский травелог, *ultima Thule*, наивная картина мира, периферия цивилизации, культурное сроднение

Для цитирования

Кайгородова М. А. Образ «ultima Thule» (край света) в семиозисе знака *Сибирь* // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 116–127. DOI 10.17223/18137083/85/9

The image of “ultima Thule” in the semiosis of the *Siberia* sign

Maria A. Kaigorodova

Gorno-Altai State University
Gorno-Altai, Russian Federation

kaigorodova426@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3134>

Abstract

The paper reconstructs the semantic components of the *Siberia* sign by studying the travel diaries of British explorers and travelers to Siberia from the 18th to the 19th centuries. The fo-

© Кайгородова М. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 116–127

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 116–127

cus is on the works of J. Bell, Ch. Cotrell, T. and L. Atkinson, H. Lansdell, W. H. Adams, and others. The analysis of English and Russian literature describing Siberian territories of that period allows the concept of “ultima Thule” (the edge of the world) to be identified that gradually got fixed to the image of Siberia. The image of Siberia is considered through its features of being wild, primitive, deaf, and, at the same time, fabulous, wonderful, heavenly, and divine. Lukomorie and Eldorado are mentioned as features highlighting the exoticism and attractiveness of Siberia by its natural wealth. The perception of the primitive and the naïve in the British texts about Siberia is compared with the perception of these notions by the Russian authors. The paper reveals the Russian words—pereferia, okraina, and glubinka—decoding the properties of “ultima Thule” in Siberia as a sign, though with the author’s respect to the natural wilderness. The identification of the signs of “own” and “foreign” in the perception of objects of geographical and ethnocultural space of Siberia is regarded as subjective and leading to cultural convergence. A conclusion is made that even in the modern period, the European reading of the *Siberia* sign still has a component of the exotic, and Siberia itself has been calling to be “rediscovered”.

Keywords

Siberia, Altai, British travelogue, ultima Thule, naïve picture of the world, periphery of civilization, cultural convergence

For citation

Kaigorodova M. A. The image of “ultima Thule” in the semiosis of the *Siberia* sign. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 116–127. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/9

В период освоения Сибири в описательных отчетах исследователей и путешественников о неизученном колонизированном зауральском пространстве предстают следующие художественные образы: неизведанного и полного тайн пространства, дикого ледяного сибирского царства, окраины цивилизации, глухой страны с чертами исконно русского диковинного Лукоморья.

В европейском сознании на образ «сибирского» накладывается сформированный в позднее средневековье образ Тартарии (Tartary) – места проживания тюркских народов «татаров» (Tartars / Tatars). Тартария и Сибирь, или Азиатская Россия, – прилегающие друг к другу земли (из определений в [Encyclopedia Britannica, 1771, p. 599, 887]). В сообщении для журнала «Вестник Европы» А. Н. Пыпин пишет, что на венецианской карте 1457 г. представлена Средняя Азия и даже указан Алтай, но Сибирь, по словам ученого, «изображена в виде узкой полосы между Алтаем и Северным океаном» [Пыпин, 1888, с. 701]. Активное создание англоязычных текстов начиная с XVIII в., посвященных описанию Сибири, «зажатой» на карте между границ России, Китая и Монголии, является началом ввода данного трансграничного пространства в обиход не только британской, но и других европейских культур. Дальнейшее литературное знакомство с сибирским пространством в более поздних работах путешественников и исследователей происходит в рамках сформированной культурной традиции ее ранних исследователей.

Сибирь привлекала путешественников как отдельный географический и этнокультурный объект, и под их пристальным изучением становилась местом экзотики. Среди европейцев большой энтузиазм в посещении Зауралья проявили британцы. В ранних путевых дневниках появляются карты Сибири как отдельной страны, а описания ландшафтов Сибири и народов, ее населяющих, делают каждого британского путешественника первооткрывателем в подтверждение британского национального культа завоевателя.

Важно отметить, что слабая изученность Сибири самими русскими в период ее колонизации является фактом подлинным, на что часто указывают путешественники в дневниках. Так, британец Ч. Котрелл в предисловии к своему «сибирскому» травелогу не без иронии пишет, что «Россия сама так же мало знает о Сибири, как и Англия» [Cottrell, 1842, p. iii].

В нашем исследовании анализируются материалы научных трудов и путевых дневников о Сибири XVIII–XIX вв. зарубежных и российских авторов. Среди травелогов это работы Дж. Белла, Дж. Кокрена, Ч. Котрелла, Э. Турнерелли, Т. Аткинсона, Л. Аткинсона, Г. Лансделла, Г. Флеминга, А. Мичи и др. На материале работ этих авторов воссоздаются свойства *Сибири* как текстового знака с применением методики имагологических и метагеографических исследований. Особое внимание в статье уделяется оригинальному британскому травелогу, как одному из самых популярных жанров в литературе Британии в XVIII–XIX столетиях.

Среди работ, посвященных исследованию путешествий британцев в России, в статье учитываются результаты трудов А. В. Оксенова, С. Марусина, Н. Д. Анучина, А. Н. Пыпина, А. П. Мюллер, О. Я. Ноздрина, У. Тука, Э. Кросса, Н. Филдинга, Т. А. Богумил, П. В. Алексеева, Е. А. Кулаковой, Т. П. Шастиной и др.

В исследовании мы исходим из теории Ч. Морриса о том, что знак относительно образа выполняет функцию замещения реальности и является средством передачи информации. Под семиозисом, вслед за Ч. Моррисом [2001, р. 47–48], понимается процесс интерпретации знака и наделение этого знака интерпретатором десигнификативными свойствами.

В задачи исследования входит выявление специфики построения образа Сибири через понятие «ultima Thule» (ульима Туле / Фуле¹), что в переносном смысле означает ‘край света’. Мы исходим из того, что знак *Сибирь* порождает образ, формируемый с помощью знака «ultima Thule». Иерархия знаков обусловлена наличием их соподчинительных связей. В работе используются семантический, когнитивный (Е. С. Кубрякова, Р. М. Фрумкина, Т. А. Комова), лингвокультурологический (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Телия), описательный и сравнительный методы.

Все представленные в работе переводы с английского сделаны автором статьи.

При исследовании европейцами неизведанных земель начиная с самых ранних времен два латинских выражения – «terra incognita» и «ultima Thule» – вводятся в публицистический и научный дискурсы. Образ Сибири как «земли неизведанной» рассматривается в современных работах российских ученых довольно часто. Через призму понятия «ultima Thule» образ Сибири в научном анализе метагеографии сибирского пространства не рассматривался.

Термин «ultima Thule» – дословно с латинского ‘далекая Туле’ – еще к XIX в. подвергся десемантизации и стал означать ‘край света’, ‘крайний предел’. Как показывает исследование А. А. Беляковой, значение понятия «ultima Thule» от райского острова на севере в использовании древнегреческими и римскими авторами сменилось в британской литературе на обозначение труднодостижимого духовного центра, места паломничества [Белякова, 2004, с. 40]. Появление в литературном контексте названия Сибири и наделение ее образа определяющими свойствами является началом семиозиса знака *Сибирь*. В путевых заметках о дальних землях, цивилизационных окраинах, британские путешественники применяют понятие о далекой Туле для описания глухих сибирских земель. С точки зрения топонимики это понятие не имеет географической привязки, а создает некий собирательный образ. Рассмотрим далее в работе подробнее интерпретацию знака *Сибирь*.

¹ Далее в статье используется фонетический вариант *Туле*. В разных источниках на русском языке также встречаются *Тула*, *Фуле* и *Фула*.

К концу XIX в. травелоги британцев о России и Сибири уже составили большую коллекцию работ. Этому послужили отношения между ведущими империями в геополитике. Хотя Н. Филдинг отмечает, что Британская империя решила не вмешиваться в процессы освоения и управления территорией Сибири, а сами британцы придерживались с середины XIX в. «неписанного правила не переходить границу Амударьи или посещать земли севернее Каракорума» [Fielding, 2018, p. 29], в Россию регулярно прибывают британцы, ставя своей целью описать строящуюся экономику этого края, народы, проживающие в Сибири, их быт, нравы и культуру. Исходя из приведенных сведений в работе Э. Кросса «Россия глазами иностранцев»² Сибирь европейцев очень интересовала: ученый перечисляет 250 работ о Сибири. Уже в заглавиях книг авторы старались подчеркнуть экзотичность своих маршрутов. Отдельные работы указывают на географические части Сибири (западная, южная, восточная), ландшафты (степь, высокогорья), делают отсылки к народам (сибирская Тартария, жизнь с транссибирскими дикими племенами), обращаются к социальным и политическим проблемам (описание со слов заключенного, Сибирь и ссылка, система тюрем), даже описывают «все России» (европейская, финская, кавказская, сибирская и среднеазиатская). Путешественники используют броские заголовки для своих дневников – о Сибири современной, настоящей, по Сибири на сани, верхом, пешком, в разгар зимы, жизнь в Сибири без удобств, жизнь в юрте. Сибирь – популярное место для долгого и сложного путешествия.

Ступивший в 1717 г. на зауральскую землю Дж. Белл употребляет для Сибири, соседствующей с Тартарией, слово *province* ‘провинция’. Из национального словаря английского языка следует, что *province* – ‘завоеванная земля, находящаяся под правлением завоевателей’ [NDEL, 1858, p. 634]³. Читаем у Дж. Белла, что столица этой обширной «провинции» и место резиденции губернатора – Тобольск (*Tobolsky*) [Bell, 1763, p. 184].

Английский историк У. Тук пишет: до 1762 г. Россия была для остального мира «terra incognita» [Tooke, 1799, p. iii], очевидно, имея в виду год издания «Белловых заметок» – 1763-й год. Вместо России отныне такой статус получает Сибирь.

В структуре образа «неизвестной земли», формируемого в материалах британских травелогов, мы находим целый набор инвариантных свойств, к которым относим «малоизвестное пространство», «неизученное пространство», «нетронутая природа», «девственная страна», «глухое место». В научном дискурсе Сибирь – «terra incognita» и в XIX в.

К сожалению, недостаточная изученность какого-либо пространства часто вызвала выдумки и преувеличения. Замечание А. Н. Пыпина в журнале «Вестник Европы» (1888) о Зауралье как сибирском Лукоморье связано с темой правдоподобности сведений о Сибири в устном и письменном дискурсах, а точнее – с искажением этих данных. Следует отметить, что формированию признаков «завораживающего», «колдовского» и «земли мрака» относительно пространства Сибирского царства способствовали самые ранние сведения как русских летописцев, так и европейских исследователей. Анализируя историю ознакомления с Сибирью через древние русские сказания, Д. Н. Анучин упоминает работу И. И. Тыжнова⁴, в которой автор пишет, что русские люди жаловали разные допотопные рассказы о северных частях страны, «где живут люди у коих рты на

² Cross A. Russia through the Eyes of Foreigners. URL: http://www.brill.com/sites/default/files/ftp/downloads/32011_Titlelist.pdf (дата обращения 26.11.2017).

³ В английском языке конца XX в. данное значение для слова *province* уже не отмечается.

⁴ Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой половины XVI в. 1887.

темени». Д. Н. Анучин также отмечает, что даже в сочинениях Витсена научным сведениям сопутствуют «разные небылицы» [Анучин, 1890, с. 15].

В более активный этап переселения в Сибирь в ходе колонизации региона во второй половине XIX в. скорее пугающий образ Зауралья, сложившийся в устном дискурсе, должен был смениться образом привлекательным. По словам К. В. Скобелева, «без слухов о Сибири была бы не возможна никакая колонизация этого региона», ибо именно благоприятное мифическое представление могло послужить стимулом для миграции сюда крестьян [Скобелев, 2009, с. 18–19]. В этот период идеализируются богатства восточной стороны, изобилие животного мира, плодородие сибирской земли («благое, изобильное, эдемское пространство» колониальной Сибири [Богумил, 2017, с. 19]). В научном дискурсе Европы относительно богатых рудных мест в предгорьях Алтая наблюдается и образ «вновь открытого Эльдорадо»⁵.

Еще в XIX в. А. Оксенов делил причины появления искажений в рассказах о народах за Уралом (Камнем) на три типа: первый тип связан с искажением информации ради устрашения и устранения конкурентов-торговцев; второй тип объясняется желанием похвастать воинскими успехами, удаляю и невероятными подвигами; третий же тип был вызван отсутствием способности относиться критически к различным слухам, что приводило к передаче сведений в их извращенном виде (см.: [Анучин, 1890, с. 15]).

В качестве примера «преувеличений и баснословности», возникающих от желания подчеркнуть исключительность собственного подвига, можно вспомнить слова английского путешественника и художника Томаса У. Аткинсона. Возвышенный стиль описания проделанного им маршрута (иногда с привкусом гротеска) был перенят его соотечественником, писателем и журналистом У. Адамсом, пожелавшим подвести итог величию открытий, сделанных западными путешественниками за несколько столетий в книге «Некоторые герои путешествий». О поездке Т. Аткинсона в Сибирь спустя 19 лет после смерти смелого англичанина У. Адамс напишет, что Томас на протяжении нескольких лет «часто страдал от голода и жажды», «в нескольких случаях был поставлен в самые критические ситуации, встречаясь с племенами Центральной Азии», «не один раз получал он вызов, глядя в глаза неминуемой смерти», но «вооруженный паспортом Царя Всея Руси», который наделил его полномочиями, подобно Али Бабе, кто открывал двери, лишь сказав *Сезам, откройся!*, Томас покинул Москву шестого марта 1848 года с намерением исследовать «дикую страну – зѣмли Сибири» [Adams, 1880, р. 158–159]. Можно сказать, что само путешествие на край света в Сибирь воспринимается У. Адамсом как событие, несомненно, заслуживающее быть причисленным к разряду «геройских».

Обращаясь к содержанию образа «ultima Thule» в англоязычных текстах, отметим, что ему присущи такие признаки, как «праздная жизнь», «некультурные, дикие народы», «первобытные традиции». Эти признаки объединены общей идеей недостаточности развитого общества с низкой культурой и экономически неразвитым ведением хозяйства.

Образ Сибири-*Thule* мрачен. Наш следующий пример связан с аллюзией на строки британского поэта Джеймса Томсона в романе Ш. Бронте (1847). Образ

⁵ *Pumtner* К. Землеведение Азии / Пер. П. Семенова. СПб., 1859. Т. 2: Горная система Небесного хребта; Пространство между Тянь-Шанем и Алтаем; Алтайская система с китайской стороны; История открытия и заселения Южной Сибири, с. 290.

далекой Тулы, воспеваемый поэтом, навевает мысли главной героине романа «Джейн Эйр» о крайних северных даях – Лапландии, Шпицбергене, Исландии, Гренландии. В один ряд с этими названиями мест помещено и название *Сибирь*. Вместе все эти земли для Джейн – «пустынные территории тоскливых пространств» (forlorn regions of dreary space), «хранилище холода и снега» (reservoirs of frost and snow), «скопище столетий зим» (accumulation of centuries of winters)⁶ – историческое течение здесь застыло в ледяной памяти времен.

Художественный образ Сибири как далекой Туле у Ш. Бронте близок к образу Сибири-*Thule* в путевых заметках британцев. Сибирские топонимы, упоминаемые в англоязычных травелогах, обозначают места самые далекие от центра цивилизации и культурной жизни мира, они также маркируются в метагеографии Сибири как «край / предел неизведанной земли». Англоязычный травелог формирует национальную традицию восприятия сибирских земель в едином русле.

Книги супругов Томаса и Люси Аткинсонов добавляют к образу Сибири целую россыпь впервые упоминаемых для европейцев ее отличительных признаков. Особенно значима здесь топонимика Алтая, а сам Алтай становится, пожалуй, самой привлекательной частью Западной Сибири для британцев: Барнаул (культурная столица Сибири), многочисленные названия озер рудного Алтая, озеро Алтын-Кель⁷ (самое красивое озеро среди горных круч). Сегодня картина акварелью Т. Аткинсона «Алтын-Кель» (1848), с ярко выраженной «готикой» скал, выбрана для обложки нового британского издания книги Л. Аткинсон 2021 г. На интернет-странице издательства книга «Воспоминаний» анонсируется (спустя 158 лет после первого выхода в свет книги Люси) так, как если бы она издавалась при жизни автора в XIX в. Издательство рекламирует травелог под лозунгом «затерянного» путешествия в землю-*incognito* – «в неизведанную пустоту Сибири и Центральной Азии» (unknown wastes of Siberia and Central Asia)⁸. По мнению Т. П. Шастиной, за период более чем в сто лет образ Сибири как «terra incognita» для европейцев актуален и ныне (см.: [Шастина, 2019, с. 66]).

Многие путешественники в предисловиях к своим путевым описаниям стремятся указать на то, что посещенные ими места не были знакомы до них никому другому в Европе. Идея «открытия» и «первооткрытия» Сибири в XIX в. витает в воздухе. И, тем не менее, неисследованными уголками Сибири остаются сотни удивительных мест, с которыми знакомятся европейцы – Ялуторовск, озеро Алтын-Кель, гора Белуха, бурятская тайга, сотни сибирских деревень. Среди названий мест находим и такие диковинно звучащие для современного жителя Алтая топонимы, как *Katootonia / Katunga* и *Ouemonia*⁹. Благодаря живописным зеленым панорамам за названием *Semipolatsinsk* в работах закрепляется представление о «садах Сибири».

Гора Белуха, самая высокая вершина Сибири¹⁰, находится где-то на краю света, на пограничье, где, по словам Л. Аткинсон, жители не ведают ни о самой Англии, ни об «английских леди». Здесь, среди ледников Алтая, Белуха воспринимается как совершенное творение мира. В унисон звучат восхищенные голоса британки Л. Аткинсон и местного мастера кисти и слова Г. И. Чорос-Гуркина алтайским горам и этой царице. Оба автора описывают Белуху через внутреннее ощущение света драгоценных камней. Из «Воспоминаний» англичанки: «Там воз-

⁶ Bronte Ch. Jane Eyre. Puffin Books, 2011, p. 3.

⁷ В написании Т. и Л. Аткинсонов – *Altin-Kool*, современное название – озеро Телецкое (Республика Алтай).

⁸ Книгу анонсирует издательство *Signal Books*. URL: <https://www.signalbooks.co.uk/2021/04/recollections-of-tartar-steppes-and-their-inhabitants/> (дата обращения 11.02.2022).

⁹ Река Катунь и село Уймон (Республика Алтай).

¹⁰ Высшая точка Алтайских гор – 4506 м. Из окрестностей вершины берет начало р. Катунь. Местное название горы – Кадын-Бажы ‘исток, начало Катунь’.

вышалась Белуха во всем своем великолепии, солнце отбрасывало свои последние лучи на этого великана Алтая, среди всех окружающих гор он предстал, возвышаясь, так гордо, выглядя, словно рубин, в окружении алмазов, в которых аккуратно отражались его краски» [Atkinson, 1863, p. 74]. Из очерка «Алтай и Катунь» Г. И. Чорос-Гуркина: «Всюду нависли хмурые скалы, готовые обрушиться обвалами над темными зияющими безднами. За ними уступами к облакам высятся исполинские гребни утесов. А дальше и выше, над голубою гранью неба, в прозрачной синеве, как рать сказочных богатырей, стоят великаны – цари гор; кругом раскинувши свои шатры, гордо подняли они свои снежные вершины и сияют ими в высоте. На громадных шлемах их, как драгоценные камни, рубины-изумруды, блестят ледники. Они окаймлены вокруг узором причудливых скал и мощными пластами снега. Все вокруг первобытно, грандиозно и величаво; могучим кольцом раскинулось и ушло в беспредельную даль» [ГиГА, 2019, с. 37].

Анализ литературного очерка «Алтай и Катунь» (1915) писателя и художника Г. И. Чорос-Гуркина также выявляет в структуре художественного образа реки Катунь – начала реки Оби – признак «первобытного». Представление о «первобытном» у Г. И. Чорос-Гуркина связано с понятием о происхождении мира – в этот комплекс идей вплетается и мифологическое алтайского этноса: волны Катуни, текущей «по золотому дну Алтая», – отголоски времени мироздания, они – «биение жизни» со времен начала «бодрствования духа вселенной» [Там же, с. 37–38].

Декодирование признаков знака «ultima Thule» показывает, что признак «первобытного» составляет важную часть содержания знака *Сибирь*. В образе Сибири он выступает в качестве художественного штампа. Клиширование данного признака относительно разных объектов и явлений сибирского пространства становится традицией британского травелога на протяжении нескольких столетий, начиная с работы Дж. Белла 1763 г. Признак «первобытного» в этих текстах актуализируется в языковых знаках, которые мы делим на следующие группы: 1) *дикий, свирепый, опасный, страшный*; 2) *глухой, пустынный, мрачный*; 3) *грязный, нечистоплотный*; 4) *дикий, дивный, чудный, сказочный, таинственный*; 5) *древний, архаический, примитивный, доисторический, докультурный, первозданный*; 6) *мифический*; 7) *божественный, потусторонний, эдемский*; 8) *красивый, эстетический, царственный*. Каждая из лексем детализирует содержание знака *Сибирь* на уровне текста.

Приведем пример, как слова-коды используются в тексте. Данный отрывок иллюстрирует комплекс ощущений великолепия, дикой глухости и потусторонней «могильной» тишины при встрече путешественника-иностранца с лесным пространством: «Я пошел один на прогулку вдоль берега Иртыша. Пейзаж на этой стороне реки очень красивый и виднелся с особым эффектом под влиянием живописного лунного света, который погрузил те горы, что ниже, в глубокую тень, в то время как высокие снежные вершины были тонко подкрашены серебряным светом, который заметно создает мрак, окутывающий глубокую долину. Я чувствовал, как бесконечно мал при виде этих могущественных масс, пока я бродил в одиночестве! За исключением меня самого, кругом не было ни души – кругом тишина как в могиле. Я перевалил через несколько скал, которые отделяли мою картину от казачьего стана, и вошел в долину, протянувшуюся в горы, что лежали под пеленой сумрачной тени. Два белых пика возвышались на фоне холодного серого неба, яркий свет луны проливался на них и значительно добавлял внушительного величия этой мрачной сцене. В воображении начинали рисоваться при-

зраки, приведения и гоблины в зловещем облиии. Для полноты картины не хватало воя волков, чтобы оживить все представленное» [Atkinson, 1858, p. 232–233].

Образ Сибири-*Thule* связан с ощущением остановившегося времени, где пространство «глухо» и «пустынно». В британских травелогах о сибиряках говорится, что для них «дни мало что значат» [Lansdell, 1880, p. 118], и к внешнему миру эти люди относятся с полным безразличием [Cotrell, 1842, p. 218]. И если, по словам Свинтона, «заунывность» русской песни и «глухие» звуки природы европейской России «питают меланхолию и наводят на размышления» (см.: [Мюллер, 1927, с. 62]), то Сибирь – «место, где заканчиваются мечты» [Fielding, 2018, p. 29].

Интересное наблюдение можно сделать относительно взгляда автора-сибиряка на родное пространство – взгляд изнутри. Десигнификативные свойства знака *Сибирь* в сибирском тексте сродни содержанию понятия «ultima Thule», но мрачная тональность восприятия у сибирского писателя сменяется восхищением. В русскоязычном тексте они декодируются через такие словесные коды, как *периферия*, *окраина* и *глубинка*. В работах писателей-сибиряков отношение к родной глубинке трепетное и уважительное. Как преклонение перед наивысшей ценностью в жизни слышится в обращении Г. И. Чорос-Гуркина к родному горному краю: «Это ты, заколдованный, угрюмый, царственный Алтай!» [ГиГА, 2019, с. 37].

Для сибирской интеллигенции Сибирь как глубинка, крайняя Туле, дает возможность быть ближе к природе. По этому поводу М. М. Далькевич отмечает следующее: жизнь городская «условно культурна», где «атрофирована» связь между человеком и природой¹¹ [Там же, с. 56]. Близка эта идея и Г. Н. Потанину, который напоминает в своих текстах об Алтае о том, что «величественному спокойствию и тишине белков соответствует только чистое непорочное мышление»¹² [Там же, с. 48]. В своих работах Г. Н. Потанин поднимает проблему этического отношения к объектам природы. Искренность этого «народного наивного чувства» – единственный верный путь к созиданию эстетического. Подобной оценки сибирских далей в англоязычном травелоге мы не находим.

Отметим одну из общих традиций британских путевых дневников – измерять посещаемые земли количеством Англий, которое могло бы разместиться на той или иной территории. В этом подходе лежит принцип сравнения «своего» и «чужого». Однако поиск границ между «своим» и «чужим» в сознании представителей разных культур не всегда объективен. На примере географических признаков Н. Филдинг подмечает: «Часть территории США и большая часть территории Канады похожи (на Сибирь. – М. К.) в плане климата и физической географии, и все же они воспринимаются совершенно по-разному» [Fielding, 2018, p. 29].

Тем временем закрепление признаков «новое» и «неродное» за объектами географических и этнокультурных пространств является фактом сближения с чужой окружающей действительностью. Яркий пример «культурного сроднения» находим в травелоге Т. Аткинсона, когда пейзаж с «лабиринтом каменных изваяний» под горой Белухой переносит автора в Солсберийские равнины Англии к объекту национальной гордости – Стоунхенджу [Atkinson, 1858, p. 169].

Идея Г. Н. Потанина о «непорочности мышления» чужда путешественникам особого типа, лишенным благоговения к природной красоте, относящимся с недоверием к народному наивному знанию. Неприятие «наивного» в картине мира коренных народов наблюдается нами, к примеру, тогда, когда в текстах развива-

¹¹ Далькевич М. М. Г. И. Гуркин // Нива. 1908. № 49. См.: [ГиГА, 2019].

¹² Потанин Г. Н. Этнографическая часть Г. Гуркина // Сибирская жизнь. 1907. № 198. См.: [ГиГА, 2019].

ется тема шаманизма¹³. Таким образом, имеет место семиотический «перекос» – зону ядра в образе Сибири могут занимать признаки «эстетической убогости» и «культурного вакуума». Например, в центре внимания метатекста У. Адамса – самая крайняя деревня Алтая¹⁴ – деревня Поперечная. У. Адамс цитирует фрагмент текста Т. Аткинсона, преследуя цель продемонстрировать нецивилизованное пограничье: «Еще двадцать верст пути, и он (Т. Аткинсон. – М. К.) достиг Поперечной¹⁵, последней деревни в этой части Алтая. В ней разместилось лишь восемнадцать семей, которые живут в уединении горной долины, с величественными белыми вершинами вокруг, они несведущи о событиях, которые ежедневно составляют историю эпохи, в которую они родились, – не ведают об интеллектуальных упражнениях, которые заставляют работать умы и которые заполняют мысли людей. Странная, вероятно, бесполезная жизнь! Жизнь без действия, без надежды, без цели! Без сомнения, десять лет нашей свободной, активной, прогрессивной английской жизни предпочтительнее века в этой одинокой сибирской дикой природе» [Adams, 1880, p. 170].

Образ «ultima Thule» используется при репрезентации сибирского пространства в разных типах дискурса: публицистическом и художественном. Анализ литературы, посвященной описанию путешествий и исследованию Сибири в период ее освоения Россией, показал, что в публицистических текстах сибирское пространство традиционно рассматривается как довольно привлекательное в плане его исследования. Положивший начало регулярным выпускам книг о «дикой» Сибири двухтомный труд Дж. Белла в 1763 г. и последующие путевые дневники формируют британскую культурную традицию описания Сибири. Материалы исследования показали, что образ неисследованной зауральской земли, расположенной на далекой периферии окультуренных пространств, выстраивается через смысловую доминанту «ultima Thule». В рамках большого пласта британских травелогов эти понятия отмечаются как культурно значимые единицы в традиции изучения Сибири как географического, так и этнокультурного пространства.

В британских текстах XIX в. путешествия в Сибирь представляются читателю как дорога на «край света». Сами работы вводят в европейский культурный и научный обиход топонимию зауральского пространства, делают признаки знака *Сибирь* – дикие горные и равнинные пейзажи, культурные ландшафты – узнаваемыми. Детализация устройства юрты, названия национальных продуктов питания, топонимы из травелогов проникают и в литературу разных жанров. «Жемчужиной» среди британских травелогов остается, по нашему мнению, «трикнижье» сибирских приключений супругов Аткинсонов. Три тома дополняют друг друга, но главное их достоинство – рука автора-пейзажиста Томаса, самого смелого и авантюрного путешественника XIX в. среди англичан.

В заключение следует сказать, что тяга к путешествию среди британцев является неотъемлемой частью их культурного духа. Любознательность, стремление к изучению новых земель, к географическим открытиям, более того, к первооткрытиям – константа британской культуры. Сибирь как будто открывается заново и снова описывается в каждом последующем путевом дневнике очередного путешественника из Британии, ее образ интерпретируется с сохранением ранее сло-

¹³ Ср. отношение Дж. Белла к шаманам как к «фокусникам» (Bell, 1763, p. 206) и нескрываемый сарказм Л. Аткинсона при пересказе ее встречи с шаманом в Ябаганской степи (Atkinson, 1863, p. 80).

¹⁴ Настоящий «медвежий угол» (образ, развиваемый в работах Т. П. Шастиной).

¹⁵ Название деревни в тексте загрязнено – *Poperechwaia*.

жившихся традиций. Нельзя не заметить, что литература о преодолении пути в глухую сибирскую страну транслирует в другие культуры британский подход к пониманию данного локуса. Наше исследование также показывает, что сравнение отдельных признаков дикой сибирской глубинки – «первобытной», «заброшенной», «царственной» – на материале английских и русских текстов демонстрирует национальное своеобразие в понимании того, что есть «окраина» цивилизованного мира.

Список литературы

- Анучин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в восточней стране». М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. 89 с.
- Белякова А. А.* Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2004. 181 с.
- Богумил Т. А.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул: Учеб. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2017. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения 31.01.2022).
- ГиГА – Г. И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место: Антология / Под ред. Т. П. Шастиной. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 192 с.
- Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Академ. проект; Деловая книга, 2001. С. 45–97.
- Мюллер А. П.* Быт иностранных художников в России. Л.: Academia, 1927. 157 с.
- Пыпин А. Н.* Сибирь и изслѣдованія ея // Вестник Европы. СПб.: 1888. Т. 2, кн. 4, апрель. С. 684–724. URL: <https://www.prilib.ru/item/323445> (дата обращения 20.01.2020).
- Скобелев К. В.* Роль слухов в формировании у российских крестьян идеалистического представления о Сибири (1861–1917 гг.) // Сибирское юридическое обозрение. 2009. № 11. С. 15–19.
- Шастина Т. П.* «В горах Алтая» – формула представления пространства в текстах XIX – начала XX века // Материалы Первого Международного алтаистического форума «Тюркомонгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул – Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019. С. 65–66.
- Adams W. H.* Some heroes of travel; or, Chapters from the history of geographical discovery & enterprise. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1880. 408 p.
- Atkinson L.* Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. London: J. Murray, 1863. 356 p.
- Atkinson T. W.* Oriental and Western Siberia: a narrative of seven years' explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and part of Central Asia. London: Hurst and Blackett, 1858. VIII, 611 p.
- Bell J.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: In 2 vols. Glasgow: Foulis, 1763. Vol. 1. A journey to Ispahan in Persia, in the years 1715, 1716, 1717, and 1718. Part of a journey to Pekin in China, through Siberia, in the years 1719, 1720, and 1721. 357 p.
- Cotrell C. H.* Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. London: J. Parker, 1842. 410 p.
- Encyclopedia Britannica. Edinburgh, 1771. Vol. 3: M–Z. URL: <https://digital.nls.uk/encyclopaedia-britannica/archive/144133903> (дата обращения 02.01.2022).
- Fielding N.* Thomas and Lucy Atkinson: Pioneering explorers of the Steppe. *Asian Affairs*. 2018. Vol. 49, no. 1. P. 27–47.

Lansdell H. *Through Siberia*: In 2 vols. Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1882. Vol. 1. 391 p.

NDEL – A new dictionary of the English language, combining explanation with etymology. Ch. Richardson (ed.). London: Bell and Daldy, 1858.

Tooke W. *View of the Russian empire during the reign of Catharine the Second and to the close of the present century*. In 3 vols. London, 1799. Vol. 1. 564 p.

References

A new dictionary of the English language, combining explanation with etymology. Ch. Richardson (Ed.). London, Bell and Daldy, 1858.

Adams W. H. *Some heroes of travel; or, Chapters from the history of geographical discovery & enterprise*. London, Society for Promoting Christian Knowledge, 1880, 408 p.

Anuchin D. N. *K istorii oznakomleniya s Sibir'yu do Ermaka: Drevnee russkoe skazanie "O chelovetsekh neznaemykh v vostochnykh strane"* [To history of learning about Siberia before Yermak: Old Russian narration "About unknown people in the eastern country"]. Moscow, tip. i slovolit. O.O. Gerbek, 1890, 89 p.

Atkinson L. *Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants*. London, J. Murray, 1863, 356 p.

Atkinson T. W. *Oriental and Western Siberia: a narrative of seven years' explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and part of Central Asia*. London, Hurst and Blackett, 1858, VIII, 611 p.

Bell J. *Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: In 2 vols*. Glasgow, Foulis, 1763, vol. 1: A journey to Ispahan in Persia, in the years 1715, 1716, 1717, and 1718. Part of a journey to Pekin in China, through Siberia, in the years 1719, 1720, and 1721. 357 p.

Belyakova A. A. *Vospriyatie kontsepta "puteshestvie" v dinamike ego stanovleniya v angloyazychnoy kul'ture* [Perception of the concept of "travel" in dynamics of its forming in the English-language culture]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, MSU, 2004, 181 p.

Bogumil T. A. *Regional'naya literatura: Sibir', Altay, Barnaul* [Regional literature: Siberia, Altai, Barnaul]. Barnaul, AltSPU, 2017. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (accessed 31.01.2022).

Cotrell C. H. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841*. London, J. Parker, 1842, 410 p.

Encyclopedia Britannica. Edinburgh, 1771, vol. 3: M–Z. URL: <https://digital.nls.uk/encyclopaedia-britannica/archive/144133903> (accessed 02.01.2022).

Fielding N. Thomas and Lucy Atkinson: Pioneering explorers of the Steppe. *Asian Affairs*, vol. 49, no. 1, 2018, pp. 27–47.

G. I. Gurkin i Gornyy Altay – geniy i mesto: antologiya [G. I. Gurkin and Gornyy Altay – genius and place: anthology]. T. P. Shastina (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu Pub Co, 2019, 192 p.

Lansdell H. *Through Siberia: in 2 vols*. Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1882, vol. 1, 391 p.

Morris Ch. *Osnovaniya teorii znakov* [Foundations of the theory of signs]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Stepanov Yu. S. (Ed.). Moscow, Akadem. Proekt, Delovaya kniga, 2001, pp. 45–97.

Myuller A. P. *Byt inostrannykh khudozhnikov v Rossii* [Life of foreign artists in Russia]. Leningrad, Academia, 1927, 157 p.

Pypin A. N. *Sibir' i issledovaniya eya* [Siberia and its explorations]. In: *Vestnik Evropy*. [Herald of Europe]. St. Petersburg, 1888, vol. 2, bk. 4, April, pp. 684–724. URL: <https://www.prilib.ru/item/323445> (accessed 20.01.2020).

Shastina T. P. “V gorakh Altaya” – formula predstavleniya prostranstva v tekstakh 19 – nachala 20 vekov [“In the Altai mountains” – a formula of representation of space in texts of 19th – the beginning of 20th centuries]. In: *Materials of the First International altaistic forum “Turkomongolian world of the Big Altai: historical and cultural heritage and modern times”*. Barnaul – Gorno-Altaysk, 12–14 September 2019 [Materials of the First International Altaic Forum “The Turkic-Mongol world of the Great Altai: historical and cultural heritage and modernity.” Barnaul – Gorno-Altaysk, September 12–14 2019]. Barnaul, AltSU, 2019, pp. 65–66.

Skobelev K. V. Rol' slukhov v formirovanii u rossiyskikh krest'yan idealisticheskogo predstavleniya o Sibiri (1861–1917 gg.) [Role of rumours in development of idealistic perception of Siberia in Russian peasantry (1861–1917 gg.)]. *Siberian Legal Review*. 2009, no. 11, pp. 15–19.

Tooke W. *View of the Russian empire during the reign of Catharine the Second and to the close of the present century*. In 3 vols. London, 1799, vol. 1, 564 p. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc2.ark:/13960/t4qj7981c&view=1up&seq=7> (accessed 18.11.2020).

Информация об авторе

Мария Александровна Кайгородова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

Information about the author

Maria A. Kaigorodova, Candidate of Philology, Associate Professor, senior lecturer, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.02.2022;

одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 03.04.2022

The article was submitted on 21.02.2022;

approved after reviewing on 03.04.2022; accepted for publication on 03.04.2022

Научная статья

УДК 82-313.2

DOI 10.17223/18137083/85/10

Корреляция утопического и антиутопического и конститутивные основы жанровой формы романа

**Алексей Аширович Казаков ¹
Дмитрий Леонидович Быстренков ²**

^{1, 2} Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ Akaz75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9074-231X>

² inkisback@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0653-8245>

Аннотация

История эволюции антиутопических исканий XIX–XX вв. (от Ф. М. Достоевского до Г. Гессе или Р. Бредбери) демонстрирует, что антиутопия всегда остается в неразрывной коррелятивной связи с утопией. В статье предлагается искать причины этого не только в свойствах самой антиутопии, но и в общих законах художественного миромоделирования и жанрообразования, которым подчиняется в том числе утопическое. В данной работе корреляция утопического и антиутопического связывается с принципом «романного равновесия», который был описан в «Теории романа» Д. Лукача.

Ключевые слова

роман-антиутопия, теория романа, корреляция утопического и антиутопического, Д. Лукач, романное равновесие

Для цитирования

Казаков А. А., Быстренков Д. Л. Корреляция утопического и антиутопического и конститутивные основы жанровой формы романа // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 128–137. DOI 10.17223/18137083/85/10

© Казаков А. А., Быстренков Д. Л., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 128–137

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 128–137

Correlation between utopian and anti-utopian and the constitutive foundations of the genre form of a novel

Alexey A. Kazakov¹, Dmitry L. Bystrenkov²

^{1,2} National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ Akaz75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9074-231X>

² inkisback@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0653-8245>

Abstract

Anti-utopia has always been in an indissoluble correlation with utopia in the life searches of a writer, in the very material of literary works, and in receptive history. This paper combines two components of György Lukács's theory (the step that the scholar did not take himself but that was probably assumed by default). First, the subjective insecurity of the novel world implies that it is only in a utopian vein that one can search for meaningfulness and value security. Second, the novel is based on the equilibrium of the author's and protagonist's opposing aspirations. Combining these two components may conceptualize the novel as the equilibrium of utopian and anti-utopian. Complementing Lukács's concept with Hegel's antithesis of the heroic and prosaic model of the world allows the architectonics of the novel (and utopian as its aspect) to be determined by the very semantic structure of human existence in modern reality. In other words, we live like novel heroes in a situation of value insecurity, as cogs of a prosaic world, with our existence irrelevant to the axiological structure of the world. Lukács demonstrated how the insecurity and projectivity of the novel person generate the dynamical "novel equilibrium" of the contexts of hero and author, pathos and irony, pride and humility, imaginary and real. To conclude, the correlation between utopian and anti-utopian can be identified as a part of the architectonic collision.

Keywords

anti-utopian novel, theory of the novel, correlation of utopian and anti-utopian, D. Lukács, novel equilibrium

For citation

Kazakov A. A., Bystrenkov D. L. Correlation between utopian and anti-utopian and the constitutive foundations of the genre form of a novel. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 128–137. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/10

Если обратиться к наследию крупнейших представителей антиутопических исканий XIX–XX вв. (Ф. М. Достоевский, Г. Уэллс, Е. И. Замятин, А. П. Платонов, Дж. Оруэлл, О. Хаксли и др.), можно видеть, что антиутопия всегда остается в неразрывной коррелятивной связи с утопией: и в жизненных исканиях писателя, и в самой ткани художественных произведений, и в рецептивной истории. Этот эффект действует и в текстах с памфлетным социально-политическим содержанием (наподобие романов и повестей Дж. Оруэлла), и в духовных утопиях-антиутопиях (для примера вспомним «Игру в бисер» Г. Гессе), и в других возможных вариациях этой субжанровой модели.

Одним из авторов, наиболее близко показавших родство утопии и антиутопии, был О. Хаксли. Ярким примером из творчества автора является использование наркотиков как в утопическом, так и в антиутопическом обществе. В антиутопии «О дивный новый мир» это наркотик сома, который помогал людям забыть о душевных терзаниях. В утопии «Остров» это наркотик мокша – проявитель реаль-

ности, пиллюля красоты и истины, как сказано в романе, т. е. та же сома, только описанная другими словами.

Закономерно, что современная наука всё больше приходит к мысли о глубинном амбивалентном единстве утопического и антиутопического. О связи двух противоположных жанров исследователи говорили еще в 80-е гг. XX в.: «Два мира (положительный и отрицательный) традиционной утопии в антиутопии одновременно несут негативный заряд» [Сабина, 1989, с. 53]. Исследователи отмечают, что еще до зарождения антиутопии как жанра детали, которые мы теперь отмечаем как антиутопические, «содержались уже в классической утопии, поскольку критика реального, современного автору общества всегда была вторым планом в любой утопии» [Чернышева, 1984, с. 324]. И, конечно же, социальная направленность является одной из основополагающих причин такого родства: «устремленность утопий-антиутопий к постановке прежде всего социальных проблем порождает такое их качество, как экстенсивность. Перед читателем разворачиваются проспекты с изображением самых различных сторон будущего...» [Ланин, Боришанская, 1994, с. 35].

Как представляется, общей констатации такого родства этих противоборствующих субжанров недостаточно. Необходимость нестрогой и отдаленной связи заложена в саму природу любой антиномии, противопоставление возможно только на основе общего знаменателя (как говорил Н. Трубецкой, один из создателей теории оппозиции в структурализме, полностью чуждые вещи, например чернильницу и свободу духа, нельзя противопоставить).

Можно признать насущную необходимость раскрыть связь утопического и антиутопического более системно и содержательно, не как отдаленное родство элементов антиномии (в этом случае совмещение противоположностей возможно, например, как проявление кризисного расколотого сознания эпохи – обычно к этому всё и сводится), но как более глубокое и принципиальное единство внутри корреляции. Нам в этом может помочь общая теория романа. В литературе утопическое и антиутопическое тяготеет по преимуществу к форме романа. Нет сонетов-утопий или лирических комедий-антиутопий. Эта жанровая привязка свидетельствует о родстве романного и (анти)утопического.

Один из крупнейших теоретиков романа XX столетия Д. Лукач считает утопическое основополагающим элементом романной жанровой картины мира. Последняя сформировалась, по мнению ученого, после крушения эпической жанровой модели реальности, для которой характерно представление о тотальной наполненности самой действительности смыслом и оправданностью, аксиологической значимостью. Автор, герой и слушатель эпоса находят свое существенное место в уже осмысленной реальности родового мира, им не надо искать ценностное оправдание себя или каких-то элементов мира, не надо сомневаться, не надо бороться – всё необходимое уже есть в наличии. В том числе поэтому, как считает Лукач, эпос может произвольно начинаться и заканчиваться, возможно свободно менять и комбинировать элементы эпического сюжета – ведь сама отображенная реальность на всем ее протяжении обладает аксиологической полнотой и завершенностью. Обрыв сюжета в любом месте, добавление и убавление эпизодов ничего не меняют, не работает иерархия «важного» и «неважного» (описание маленького фрагмента рисунка на щите Ахилла может занять столько же места, что и один из важнейших поединков Троянской войны), потому что любой элемент реальности содержит в себе общую смысловую оправданность реальности.

Поэтому, как считает Лукач, эпос по своей природе противоположен утопическому так же, как и фантастическому (даже в случае прямого включения в повествование заведомо сказочных чудовищ, как у Гомера, – автор ничего не придумывает, а пересказывает то, что ему пришло из традиции): «Любая попытка создания действительно утопической эпики будет обречена на провал, потому что она должна будет субъективно или объективно выйти за пределы эмпиризма и потому перейти в лирическую или драматическую сферу. А такой переход никогда не окажется плодотворным для эпики. Были, по-видимому, времена – некоторые сказки донесли до нас фрагменты тех исчезнувших миров, – когда те цели, достижение которых ныне воспринимается только как утопия, составляли визионерскую явь; и эпическим творцам тех времен не было нужды покидать почву непосредственной действительности, чтобы изобразить трансцендентальную действительность как единственно сущую; более того, они могли просто повествовать о событиях, подобно тому как в древней Ассирии скульпторы, ваявшие крылатых быков, конечно же, причисляли себя – и притом с полным правом – к натуралистам» [Лукач, 1994, с. 27].

Иначе в романном мире. Между автором, героем и читателем больше нет родового единства мнения о том, что правильно и что неправильно, о том, как ценностно организована реальность.

Теперь всё строится в координатах поиска, сомнения, борьбы. Действительность и ее фрагменты больше не обладают тотальной оправданностью и осмысленностью, наоборот, в мире много бессмысленного, пошлого, обесцененного, пустого. В том числе поэтому теперь важно, чем закончить произведение, какие элементы добавить или убавить, что масштабно, а что мелко. Осмысленность реальности теперь не дана, а становится проектом, субъективной устремленностью, *утопией*.

Таким образом, по мысли Лукача, романная структура всегда *утопична* (если понимать этот термин максимально широко). «Элементы романа полностью абстрактны в гегелевском значении этого слова: абстрактна страсть людей, направленная лишь на утопическое завершение и не воспринимающая как подлинную реальность ничего, кроме себя и собственных вожделений; абстрактны социальные структуры, опирающиеся лишь на свою фактическую силу; абстрактен творческий подход, который не устраняет, а оставляет нетронутой дистанцию между обеими абстрактными группами структурных элементов, не преодолевает ее, а делает ощутимой в качестве переживания романного героя и, превратив ее в орудие композиции, использует для объединения обеих групп» [Там же, с. 38–39]. Иначе говоря, это свойство присуще и утопиям в узком смысле, и антиутопиям, и романам, по видимости не связанным с социально-философским или историософским пониманием утопического.

Например, для толстовских Пьера Безухова или Константина Левина достижение идеала крестьянской простоты – утопический проект, к которому они лишь могут стремиться. Это же мы видим в стремлении тургеневского Рудина нести миру возвышенное слово. Но точно так же всё происходит и у Базарова, его служение обществу в сугубо практической области – это тоже проект, задание, а не уже обретенная данность.

Вектор научного интереса другого крупнейшего теоретика романа, М. Бахтина, в основном связан с иными проблемными контекстами. Нужные нам вопросы он затрагивает лишь косвенно, когда описывает природу мениппеи, в которой видит важнейший исток романа Нового времени, более важный, чем греческий

или рыцарский роман [Бахтин, 2002, с. 115–202]. Ученый пишет о том, что именно в этом жанре в литературе побеждает принцип художественного вымысла (вопрос о том, что фантастичность некоторых моментов, например «Одиссеи», не предполагает вымышленности, мы уже комментировали). Кроме того, Бахтин указывает на то, что в основе мениппеи – эксперимент над человеком и законами мироздания (эту задачу и обслуживает субъективный вымысел или даже прямая фантастика этого жанра).

Наконец, ученый пишет об утопичности мениппеи. В предложенной им жанровой модели мениппеи и романа как ее продолжения утопичность неразрывно связана с принципами вымысла и эксперимента. То же роднит и антиутопию с утопией, им необходим не только вымысел, но, что важнее, эксперимент. Роман подразумевает эксперимент над человеком, персонажем, который помещается в определенную ситуацию, которая в итоге характеризует прожитую жизнь. Утопия, как и антиутопия, – это эксперимент, прежде всего социальный, где вымысел призван смоделировать общество, которого нет, никогда не было и, скорее всего, не будет. Оно гротескное, удаленное во времени и пространстве (далекое прошлое или далекое будущее, остров или город за стеной), но герой вписан туда, он вынужден прожить там жизнь, а читатель должен наблюдать за этим экспериментом.

Но основной вектор бахтинской мысли пошел по пути изучения романного многоязычия, его концепция этой жанровой формы поможет нам только выборочно.

Теория романа Д. Лукача, напротив, поможет нам сделать еще один шаг. Субъективная незавершенность поисков романного героя (он ищет возможность осмысленности и оправданности реальности или хотя бы каких-то ее элементов, но либо не находит, либо находит, но не может сам себе подтвердить окончательность результата) требует компенсации, восполнения фундаментальной неполноты. По мысли ученого, это достигается при помощи *романного равновесия*. Бесконечная и незавершимая субъективность героя динамически уравнивается движущейся ей навстречу бесконечностью автора.

Субъективная устремленность компенсируется объективными ограничениями реальности, пафос героя уравнивается иронией автора, дерзновение персонажа вступает в корреляцию со смирением повествовательной интонации. На основе разных вариантов такого взаимодействия (столкновение моноидеи героя и разнообразия действительности у Сервантеса, несовместимость бесконечного богатства внутреннего мира и пошлого одномерного прозаического мира у Тургенева и Гончарова и т. д.) ученый выделяет разные подвиды романа.

Соединим два компонента теории Лукача (ученый не делает этого шага сам, но, возможно, это предполагается по умолчанию). Во-первых, субъективная необеспеченность романного мира предполагает, что поиск осмысленности и ценностной обеспеченности возможен только в утопическом ключе. Во-вторых, роман строится на равновесии противоположных устремленностей автора и героя. Если это соединить вместе, роман можно представить как *равновесие утопического и антиутопического*.

Предположим также, что на основе романа-антиутопии в узком смысле слова можно выделить особый подвид романного равновесия, не указанный Лукачем.

Решая задачу содержательного и системного понимания утопического и антиутопического измерения как художественного феномена, можно привлечь также некоторые идеи Гегеля. У немецкого философа нет собственной теории романа

(Гегель вообще считал этот жанр уродливым порождением пошлой современности и не признавал его художественного значения), но у него есть важные рамочные модели, на основе которых создается разнообразие эстетических форм – они легко применяются и к романному или утопическому. Эти модели нельзя считать полностью совместимыми с идеями Лукача, но между ними есть существенное методологическое родство, венгерский ученый был в значительной степени гегельянцем.

Речь идет об антитезе героической и прозаической модели мира у Гегеля. Соавторы данной статьи уже применяли эти идеи к роману-антиутопии XX в. [Казаков, 2002; Быстренков, 2020].

Героическая модель мира по Гегелю предполагает, что сверхчеловеческие ценности воплощает в реальности конкретный человек («герой» в узком смысле слова, человек, значимый в масштабах действительности), и без него их существование невозможно. Прозаическое состояние мира строится иначе: ценности отчуждаются от человека и существуют в виде безликих социальных структур (например, справедливость теперь существует не в виде героя-защитника, а в виде суда и закона); человек же теряет свою значимость в структуре реальности и живет частной жизнью, в пределе становится маленьким человеком.

Роман-антиутопия в узком смысле строится именно на противостоянии героя огромному механизму отчужденной прозаической социальности. Причем герои Платонова, Оруэлла и других пытаются противопоставить враждебной бесчеловечной социальности именно героическую модель поведения. Сохранение героем романа «1984» воспоминаний о старой газетной вырезке не способно победить громадное антиутопическое государство, но благодаря этому в реальности *существует* хотя бы один человек, который знает *правду*, герой обеспечивает наличие этой ценности в строе действительности, и без него ее не будет. Для Уинстона воспоминания о газетной вырезке с фотографией имеют экзистенциальный смысл, он с точностью помнит момент, когда увидел ее: «Лет через пять после этого, в 1973-м, разворачивая материалы, только что выпавшие на стол из пневматической трубы, Уинстон обнаружил случайный обрывок газеты. Значение обрывка он понял сразу, как только расправил его на столе» [Оруэлл, 1989, с. 66]. Он описывает свое открытие такими словами: «Но тут было точное доказательство, обломок отмененного прошлого: так, одна ископаемая кость, найденная не в том слое отложений, разрушает целую геологическую теорию» [Там же, с. 67]. Тем не менее, Уинстон понимает опасность такого открытия и тут же избавляется от газеты: «Затем, уже не открывая фотографию, он сунул ее вместе с ненужными листками в гнездо памяти. И через минуту она, наверное, превратилась в пепел. Это было десять-одиннадцать лет назад. Сегодня он эту фотографию скорее всего сохранил» [Там же]. Но даже после стольких лет память об этой фотографии остается с Уинстоном, несмотря на то что даже Джулия не видит в этом смысла: «Он рассказал ей о Джонсе, Аронсоне и Резерфорде, о том, как в руки ему попал клочок газеты, потрясающая улика. На Джулию и это не произвело впечатления. Она даже не сразу поняла смысл рассказа» [Там же, с. 111]. Символично и то, что именно этот обрывок газеты показывает Уинстону О'Брайен, уничтожая представления героя о правде: «На миг он даже забыл о шкале. Сейчас он хотел одного: снова подержать фотографию в руке, хотя бы разглядеть ее.

– Она существует! – крикнул он.

– Нет, – сказал О'Брайен.

Он отошел. В стене напротив было гнездо памяти. О'Брайен поднял проволочное забрало. Невидимый легкий клочок бумаги уносился прочь с потоком теплого воздуха; он исчезал в ярком пламени. О'Брайен отвернулся от стены.

– Пепел, – сказал он. – Да и пепла не разглядишь. Прах. Фотография не существует. Никогда не существовала.

– Но она существовала! Существует! Она существует в памяти. Я ее помню. Вы ее помните.

– Я ее не помню, – сказал О'Брайен» [Там же, с. 168].

Прозаический принцип обеспечения ценности обезличенной структурой помимо человека хорошо показан у Кафки: «Тут ошибок не бывает. Наше ведомство – насколько оно мне знакомо, хотя мне там знакомы только низшие чины, – никогда, по моим сведениям, само среди населения виновных не ищет: вина, как сказано в законе, сама притягивает к себе правосудие, и тогда властям приходится посылать нас, то есть стражу. Таков закон. Где же тут могут быть ошибки?» [Кафка, 2016, с. 11].

Не будем поддаваться искушению говорить о «равновесии прозаического и героического», как бы это красиво ни звучало. Корреляции пафоса и иронии, гордости и смирения, субъективного и объективного, к слову, тоже не могут создавать «равновесие» сами по себе. У Лукача речь идет лишь о том, что всё это – возможные содержательные наполнения интенций автора и героя, а вот они уже могут образовать событийное равновесие.

Гегелевская модель нам нужна для смысловой конкретизации утопического и того, в чем суть борьбы против него героев-диссидентов. Но в полном виде героическое здесь не может быть реализовано. Такая модель мира характерна для родового, архаического, в том числе, например, эпического существования. Романский мир современности – прозаический.

Персонажи Платонова или Оруэлла пытаются сохранить ценности в героическом формате, но сама возможность этого под большим вопросом, это своего рода «утопия» героического (в этом случае – проект, задание, которое вряд ли можно осуществить, сделать данностью).

Может быть, это значит, что нужно отказаться от использования гегелевской модели? Нет, можно увидеть, что такая коллизия противопоставления героического персонализма и обезличенной прозаичности пронизывает всю литературную эпоху, частью которой были Оруэлл и Платонов.

Достаточно ли того, что существуют выставки с прекрасными произведениями искусства и библиотеки с умными книгами, для того чтобы в реальности действовали такие ценности, как красота и мудрость, спрашивает Пруст. Прикасаемся ли мы к красоте или мудрости по умолчанию, в обязательном порядке, увидев картину или прочитав книгу? Нет, это не так, если мы не проделаем лично какую-то духовную работу понимания, мы с этими ценностями не соприкоснемся. Ценностное, человеческое, культурное возможно только как результат нашего духовного труда, если его не совершать, всё это исчезает, всё это не способно само себя воспроизводить помимо человека. Воспроизводит себя только обезличенная культурная система выставок и библиотек, но этого критически недостаточно.

Хватает ли того, что о любви, красоте, вере, идеале давно исчерпывающе всё сказано в творчестве великих предшественников, например Шекспира или Данте, спрашивает Т. С. Элиот. Нет, их уже нет с нами, а значит, нет героического обеспечения своей жизнью и деятельностью возможности существования высших ценностей в реальности. Результаты чужой духовной работы к нам приходят

в обезличено-стертом виде, в виде пустых оболочек былых смыслов. Нам нужно проделать эту духовную работу заново для себя, для нашего времени, даже если у нас всё будет получаться хуже, чем у великих предшественников. И если мы не будем этого делать, наступит время «Бесплодной земли» и «Полых людей» (названия поэм Т. С. Элиота).

Этот же комплекс проблем подхватывает и Г. Гессе, реализующий такую духовно-смысловую проблематику в «Игре в бисер» прямо в форме романа-антиутопии, только тут этот жанр применен не к социальной, а к духовной утопии Касталии, которой противопоставляется персоналистический выбор главного героя в финале его пути (героическая модель аксиологии представлена и в эпиграфе к роману, где говорится, что ценности возможны только благодаря людям, которые относятся к ним, как к чему-то реально существующему) [Гессе, 1994, т. 5, с. 7].

Но во всех этих случаях героически обретаемая ценность не стоит твердо на ногах, как в архаическом, родовом, эпическом мире, в современном противостоянии прозаическому не происходит обретения тотальной осмысленности и оправданности реальности эпического типа. Герои Пруста, Элиота или Гессе – как и герои Платонова, Оруэлла или Хаксли – борются за живую человеческую осмысленность действительности и при этом *не знают, получается ли у них хоть что-то*, удалось ли достичь красоты и мудрости, вышло ли отстоять ценностную наполненность, человечность, культурность реальности. Это тоже своего рода утопия героического.

* * *

Глубинная и неразрывная связь утопического и антиутопического подталкивает нас искать причины этого не только в свойствах самой антиутопии, но и в общих законах художественного миромоделирования и жанрообразования, которым подчиняется в том числе утопическое. Архитектоника романного (и утопического как его аспекта) определяется самой смысловой структурой существования человека в современной реальности: мы живем, как романские герои, в ситуации ценностной необеспеченности (в противовес эпической родовой модели), как винтики прозаического мира, в котором наше существование несущественно для аксиологического строя мира (в противоположность героической ситуации). Эта архитектурная особенность экзистенциальной ситуации и романной формы не является изолированным фактом, а вписана в соответствующие структурные коллизии. Д. Лукач показал, как необеспеченность и проектность романного человека порождает динамическое «романное равновесие» контекстов героя и автора, пафоса и иронии, гордыни и смирения, воображаемого и реального. Как показано в этой работе, корреляция утопического и антиутопического может быть опознана как часть этой архитектурной коллизии.

В данной работе корреляция утопического и антиутопического связывается с принципом «романного равновесия», который был описан в «Теории романа» Д. Лукача.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.

Быстреньков Д. Л. Типологические аспекты мотива смерти в романе-антиутопии XX века: Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл // Актуальные проблемы лин-

гвистики и литературоведения: Сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.). Томск, 2020. Вып. 21. С. 309–312.

Гессе Г. Игра в бисер // Гессе Г. Собр. соч.: В 8 т. М.: Прогресс – Литера; Харьков: Фолио, 1994. Т. 5. 480 с.

Казаков А. А. Прозаическая модель мира в истории романа XIX–XX вв. // Проблемы литературных жанров: Материалы X Междунар. конф. (15–17 октября 2001 г.). Томск: ТГУ, 2002. Ч. 1. С. 411–415.

Кафка Ф. Процесс: Роман. Замок: Роман. Новеллы: Пер. с нем. М.: Мартин, 2016. 544 с.

Ланин Б. А., Боришанская М. М. Русская антиутопия XX века. М., 1994. 247 с.

Лукач Г. Теория романа (Опыт историко-философского исследования форм большой эпики) // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / Сост., подгот. текста В. С. Муравьев, А. М. Зверев, А. А. Файнгар и др. М.: Прогресс, 1989. 384 с.

Сабина О. Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30–50-х годов XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 153 с.

Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск, 1984. 336 с.

References

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Collected works: In 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari, LRC Publishing House, 2002, vol. 6, pp. 7–300.

Bystrenkov D. L. Tipologicheskie aspekty motiva smerti v romane-antiutopii 20 veka: E. Zamyatin, O. Huxley, J. Orwell [Typological aspects of the motive of death in the dystopian novel of the 20th century: E. Zamyatin, O. Huxley, J. Orwell]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: Sb. materialov 7 (21) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh (16–18 aprelya 2020 g.)* [Actual problems of linguistics and literary criticism: collection of materials 7 (21) of the International Scientific and practical conference of young scientists (April 16–18, 2020)]. Tomsk, 2020, iss. 21, pp. 309–312.

Chernysheva T. A. *Priroda fantastiki* [The nature of science fiction]. Irkutsk, 1984, 336 p.

Hesse G. *Igra v biser* [Bead Game]. In: Gesse G. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Moscow, Progress – Litera; Khar'kov, Folio, 1994, vol. 5, 480 p.

Kafka F. *Protsess: Roman. Zamok: Roman. Novelly: Per. s nem.* [Process: A novel. Castle: Roman. Novels: Transl. from German]. Moscow, Martin, 2016, 544 p.

Kazakov A. A. Prozaicheskaya model' mira v istorii romana 19–20 vv. [The prosaic model of the world in the history of the novel of the 19th–20th centuries]. In: *Problemy literaturnykh zhanrov: Materialy 10 Mezhdunar. konf. (15–17 oktyabrya 2001 g.)*. [Problems of literary genres: Proceedings of the 10th Intern. conf. (October 15–17, 2001)]. Tomsk, TSU, 2002, pt. 1, pp. 411–415.

Lanin B. A., Borishanskaya M. M. *Russkaya antiutopiya 20 veka* [Russian anti-utopia of the 20th century]. Moscow, 1994, 247 p.

Lukach G. *Teoriya romana (Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniya form bol'shoy epiki)* [The Theory of the Novel (An experience of the historical and philosophical study of the forms of a great epic)]. *New Literary Observer*. 1994, no. 9, pp. 19–78.

Orwell J. *i esse raznykh let. Roman i khudozhestvennaya publitsistika* [1984 and essays from different years. Novel and art journalism]. S. Murav'ev, A. M. Zverev, A. A. Fayngar et al. (Comps.). Moscow, Progress, 1989, 384 p.

Sabinina O. B. *Zhanr antiutopii v anglijskoj i amerikanskoj literature 30 – 50-kh godov XX veka* [Genre of dystopia in English and American literature of the 1930s – 1950s]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1989, 153 p.

Информация об авторах

Алексей Аширович Казаков, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия), профессор каф. русской литературы историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Дмитрий Леонидович Быстренков, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Aleksey A. Kazakov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Professor, Department of Russian Literature, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Dmitry L. Bystrenkov, Post-graduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 12.04.2023;

одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 08.06.2023

The article was submitted on 12.04.2023;

approved after reviewing on 08.06.2023; accepted for publication on 08.06.2023

Научная статья

УДК 811.512.15.1'342

DOI 10.17223/18137083/85/11

**Фонетические маркеры утраты аналитизма
глагольными конструкциями
(на материале хакасского эпоса)**

Ираида Яковлевна Селютина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

Аннотация

Аудитивный и инструментальный анализ способов реализации глагольных аналитических конструкций (ГАК) в звучащем тексте хакасского героического сказания «Ай-Хуучын» и сопоставление полученных результатов с данными исследования шорских и тувинских ГАК по параметрам речевой паузации и степени сохранности деепричастного форманта основного глагола конструкции свидетельствуют об общности характера фонотактических преобразований в звуковой цепи ГАК, обусловленной единым саяно-алтайским архетипом. Вместе с тем языки фольклора демонстрируют существенные различия в степени и скорости развития фонетических трансформаций, маркирующих процессы синтеза ГАК: от наиболее полной утраты прозрачности структуры глагольного комплекса в хакасском эпосе, через промежуточную стадию стяжения в шорском, до более ранних этапов потери лексическими компонентами самостоятельности – в тувинском.

Ключевые слова

тюркские языки Южной Сибири, хакасский эпос, глагольные аналитические конструкции, синтезация, сандхи, речевая паузация, деепричастный показатель, фонетические трансформации

Для цитирования

Селютина И. Я. Фонетические маркеры утраты аналитизма глагольными конструкциями (на материале хакасского эпоса) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 138–153. DOI 10.17223/18137083/85/11

© Селютина И. Я., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 138–153

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 138–153

Phonetic markers of the loss of analytism by verbal constructions (a case study of the Khakas epos)

Iraida Ya. Selyutina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

Abstract

The paper determines the specifics of phonetic transformations in the synthesis of verbal analytical constructions (VACs) in the Khakass folklore, compared to the Shor and Tuvan heroic tales. The implementation of VACs in the Khakass heroic tale “Ai-Нүүчүн” was analyzed using auditory and instrumental methods, with speech pausation as the dominant marker. The analysis reveals the complete loss of external interword pauses that historically delimited the components of a verbal complex and determined their independent status. The modern folklore language retains only strong and moderate internal inter-syllabic pauses. The prevalence of constructions with a strong internal pause separating the main verb from the auxiliary and genetically ascending to the external interword pause indicates the incompleteness of the conversion of VACs into secondary synthetic forms at the phonetic level. Whether an affix is present or absent in the adverbial part of the main verb is also an important indicator of phonetic transformations of the verbal cluster. The prevalence of analytical combinations with the full form of the adverbial participle in the heroic tale text (69.4 % of the entire sample) indicates that, despite the active processes of the VAC synthesis, the positions of analytism remain quite stable. The comparison of the results obtained with the data on the Shor and Tuvan VACs demonstrates the common nature of phonotactic transformations of VACs due to the common Sayano-Altaic archetype. However, folklore languages exhibit varying degrees and rates of phonetic transformations that mark the processes of VAC synthesis.

Keywords

Turkic languages of South Siberia, Khakas epic, verbal analytical constructions, synthesis, sandhi, speech pause, adverbial index, phonetic transformations

For citation

Selyutina I. Ya. Phonetic markers of the loss of analytism by verbal constructions (a case study of the Khakas epos). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 138–153. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/11

Введение

Цель исследования – выявление специфики фонетических преобразований в процессе синтеза глагольных аналитических конструкций в языке хакасского фольклора в сопоставлении с языками героических сказаний шорцев и тувинцев, определение общности и уникальности этих трансформаций как компонентов культурного кода южносибирских тюркских этносов.

Состояние изученности проблемы. Особенности реализации фонико-фонологических трансформаций, детерминирующих изменения закономерностей сочетания манифестаций фонем и правил организации их в цепочки, необходимо учитывать как при изучении современного языкового состояния, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии.

Фонотактика как языковая универсалия является одним из доминантных параметров артикуляционно-акустической базы (ААБ), определяющих принципы линейного порядка следования фонологических единиц: допустимую структуру слога, алгоритмы сочетаемости гласных и согласных звуков в потоке речи, позиционные ограничения, закономерности комбинаторики, фонотаксисные правила, имеющие в каждом языке свою специфику и детерминирующие особенности фонологической адаптации заимствованных слов [Ахманова, 1966, с. 500; Baranov et al., 1996, p. 446; Pearce, 2007]. Законы фонотактики не являются неизменными, они подвергаются различным диверсификациям в процессе исторического развития языка, в частности его фонико-фонологической системы. Поскольку фонологическая структура языка определяется не только составом фонем, но и инвентарем фонотактических цепочек, необходимо учитывать и те «мутации групп фонем... такие звуковые изменения, которые меняют не состав фонем данного языка, а лишь состав групп фонем» [Якобсон, 1985, с. 125]. Трансформации алгоритмов сочетаемости звуков речи в процессе исторического развития конкретных языков оказывают в их системах различное влияние на перестройку парадигматики фонем, на алломорфное варьирование, структуру морфологических моделей.

Одним из значимых объектов исследования в фонотактике являются звуковые модификации на стыке слов и морфем, особенности фонации звуков в сандхальных позициях. Вместе с тем позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи, и на стыке морфем – внутреннее сандхи [Ахманова, 1966, с. 394], на материале южносибирских тюркских аналитических глагольных форм до недавнего времени рассматривались лишь фрагментарно.

Если общие и частные вопросы изучения глагольных аналитических конструкций в тюркских языках вообще и в южносибирских тюркских языках в частности получили освещение в литературе (А. А. Юлдашев (1965), В. Г. Карпов (1980), М. И. Черемисина (1995), И. В. Шенцова (1997), А. А. Озонова, А. Р. Тазранова (2004), А. Р. Тазранова (2005), А. А. Озонова (2006), Е. В. Тютешева, О. Ю. Шагдурова (2010), Л. А. Шамина (2010), В. А. Боргояков (2011), О. Ю. Шагдурова (2013)), то в экспериментально-фонетических работах проблема звуковых изменений, в том числе и в условиях сандхи, как своеобразных маркеров степени синтеза ГАК в тюркских языках алтае-саянского региона [Курпешко, Широбокова, 1991, с. 8] впервые была поставлена В. В. Субраковой на материале хакасского языка [Субракова, 2005, с. 11–14; 2017, с. 29–67]. Позднее исследования были продолжены и развиты коллективом авторов на инструментальных данных по трем южносибирским тюркским языкам – чалканскому, шорскому и тувинскому [Селютина, Уртегешев, 2017], и на озвученных текстах героического эпоса – шорского [Уртегешев и др., 2020] и тувинского [Селютина и др., 2021].

Результаты исследования свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов. В основе инновационных модификаций звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, обуславливает устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей во вновь сформировавшемся фонетическом контексте [Селютина, Уртегешев,

2017, с. 153]. На современном этапе развития идиомов фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК – от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в результате стяжения в языке чалканцев до более ранних этапов их упрощения по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинском языке. Специфика звуковых изменений в языках обусловлена особенностями артикуляционно-акустических баз как неотъемлемых составляющих исторической памяти этносов, кардинальных маркеров самоидентификации.

Исследование особенностей протекания процессов синтеза ГАК в языке хакасских героических сказаний позволит выявить не только общие для Алтае-Саянского региона фонетические закономерности и тенденции, свидетельствующие о степени утраты аналитизма хакасскими глагольными комплексами, но и выявить языковые уникалии, сформировавшиеся в процессе разновременных и разнохарактерных этнолингвистических взаимодействий.

Объектом исследования в данной статье являются фонетические паттерны бивербальных деепричастных аналитических конструкций, реализующихся в хакасском эпосе; **предметом** – модификации звукового облика ГАК и их специфика на фоне шорской и тувинской фольклорных традиций.

Материалом для исследования послужило хакасское героическое сказание «Ай-Хуучын», опубликованное в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997, т. 16, с. 62–423) и озвученное носителем хакасского языка. В фольклорном тексте выявлено 1 775 предложений, включающих ГАК различных структурно-семантических типов.

Методы. Озвученный эпический текст был конвертирован для аудитивного анализа в формат wav. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащее произведение, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие выявленные ГАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 было затранскрибировано 50 высказываний, репрезентирующих двенадцать наиболее употребительных типов ГАК. Отобранный материал систематизирован, описан и обобщен.

Для точной передачи звучания исследуемых ГАК используется традиционная **транскрипционная система** Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Наделяевым [1960], с уточнениями и дополнениями, внесенными сотрудниками лаборатории экспериментально-фонетических исследований сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

1. Хакасские ГАК в языке эпоса

Автор статьи не ставил целью выявить все типы хакасских глагольных аналитических конструкций и представить исчерпывающее описание модификаций их звуковых оболочек. Задачей нашего исследования является фиксация на современном синхронном срезе процессов фонетических изменений, позволяющих судить о степени синтеза ГАК в хакасском эпическом произведении, и их интерпретация в сопоставлении с языками шорского и тувинского фольклора.

1.1. Инвентарь хакасских ГАК в языке эпоса

Конструкции, выражающие аспектуальные значения, а также служащие для выражения способов глагольного действия, довольно полно описаны в отдельных тюркских языках. Проблема исследования функционально-семантических харак-

теристик глагольных аналитических образований в хакасском языке также получила освещение в специальной литературе (В. Г. Карпов (1980), О. Ю. Кокошников (2004), В. В. Субракова (2007), Е. В. Тюттешева, О. Ю. Шагдурова (2010), В. А. Боргояков (2011), И. Л. Кызласова (2011), А. Н. Чугунекова (2012), О. Д. Абумова (2013), О. Ю. Шагдурова (2013), М. Д. Чертыкова (2014), К. Н. Бурнакова, Т. Н. Боргоякова (2019, 2020)). Отмечается, что в системе глагольных категорий выявлена «высокая активность бытийных и иных глаголов, используемых для выражения аспектуального значения недлительности действия. Для объективной оценки семантики и функций глагольных аналитических конструкций важно учитывать роль глагольных аналитических образований, перешедших в разряд формантов, а некоторые, грамматикализуясь, становятся вторичными синтетическими формами – подвергаются стяжению» [Бурнакова, Боргоякова, 2019, с. 20].

Анализ текста эпического сказания «Ай-Хуучын» позволил выявить 39 типов глагольных аналитических конструкций. Инвентарь хакасских ГАК, зафиксированных в фольклорном произведении, представлен ниже в формульной записи (Tv= – основа глагола):

Tv=n+мур, Tv=n+пар, Tv=n+кил, Tv=n+хал, Tv=n+пол, Tv=n+мүс, Tv=n+сал, Tv=n+чөр, Tv=n+одыр, Tv=n+сых, Tv=n+чат, Tv=n+мур, Tv=n+ал, Tv=n+тан, Tv=n+көр, Tv=n+паста, Tv=a+мүс, Tv=a+тарт, Tv=a+сегір, Tv=a+мен, Tv=a+хал, Tv=a+пас, Tv=a+пар, Tv=a+одыр, Tv=a+ойла, Tv=a+мут, Tv=a+кан, Tv=a+мур, Tv=a+кил, Tv=a+сых, Tv=a+чөр, Tv=a+сан, Tv=a+хон, Tv=арга+мур, Tv=арга+чөр, Tv=тин+мур, Tv=бин+пол, Tv=бин+чат, Tv=месче+пол.

1.2. Абсолютная и относительная частотность основных типов ГАК в героическом эпосе хакасов

Результаты статистического анализа, цель которого – определить частоту встречаемости (абсолютную (АЧ) и относительную (ОЧ)) различных структурно-семантических типов хакасских бивербальных аналитических конструкций в тексте эпоса «Ай-Хуучын», приведены в таблице.

Максимально частотными являются конструкции трех типов со вспомогательными глаголами *мур*= ‘стоять’, *пар*= ‘идти’, *кил*= ‘приходить’: Tv=n+мур (464 примера из 1 775, что составляет 26,14 % всей выборки), Tv=n+пар (417 примеров – 23,5 %), Tv=n+кил (350 примеров – 19,72 %). ГАК указанных типов составляют 69,36 % всего массива выявленных высказываний (см. рисунок).

Частотность ГАК в хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучын»
Frequency of VACs in the Khakass heroic epic “Ai-Huuchyn”

№	Аналитическая конструкция	Абсолютная частотность	Относительная частотность, %
1	Tv=n+мур	464	26,14
2	Tv=n+пар	417	23,50
3	Tv=n+кил	350	19,72
4	Tv=n+хал	90	5,07
5	Tv=n+пол	85	4,79
6	Tv=n+мүс	63	3,55
7	Tv=n+сал	56	3,15

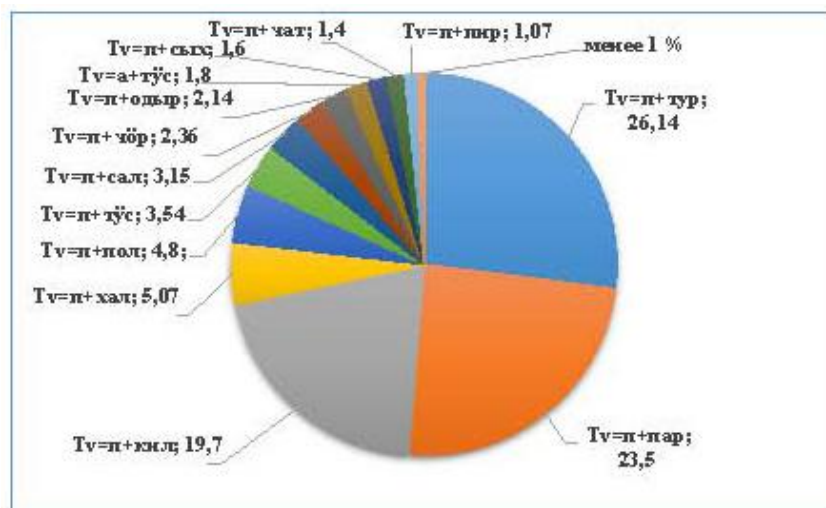
Окончание таблицы

№	Аналитическая конструкция	Абсолютная частотность	Относительная частотность, %
8	$Tv=n+ч\ddot{o}p$	42	2,37
9	$Tv=n+oдыp$	38	2,14
10	$Tv=a+m\ddot{y}c$	32	1,80
11	$Tv=n+cых$	28	1,58
12	$Tv=n+чат$	25	1,41
13	$Tv=n+nup$	19	1,07
14	$Tv=n+ал$	12	0,67
15	$Tv=a+тарт$	9	0,51
16	$Tv=n+тап$	8	0,45
17	$Tv=a+ceгip$	5	0,28
18	$Tv=n+к\ddot{o}p$	3	0,17
19	$Tv=a+теп$	3	0,17
20	$Tv=apгa+тup$	3	0,17
21	$Tv=a+хал$	2	0,11
22	$Tv=n+n+тup$	2	0,11
23	$Tv=a+nac$	2	0,11
24	$Tv=a+nar$	2	0,11
25	$Tv=бин+чат$	1	0,06
26	$Tv=месче+пол$	1	0,06
27	$Tv=a+oдыp$	1	0,06
28	$Tv=a+ойла$	1	0,06
29	$Tv=a+тут$	1	0,06
30	$Tv=a+кап$	1	0,06
31	$Tv=a+тup$	1	0,06
32	$Tv=a+кил$	1	0,06
33	$Tv=a+cых$	1	0,06
34	$Tv=a+ч\ddot{o}p$	1	0,06
35	$Tv=apгa+ч\ddot{o}p$	1	0,06
36	$Tv=a+can$	1	0,06
37	$Tv=n+nacта$	1	0,06
38	$Tv=бин+пол$	1	0,06
39	$Tv=a+xон$	1	0,06
Всего		1 775	100,00

Вторая группа конструкций, на которые приходится 26,93 % всех случаев функционирования ГАК в тексте рассматриваемого произведения, представлена значительно менее употребительными десятью конструкциями, относительная частотность которых констатируется в диапазоне 5,07–1,07 % всей выборки (АЧ составляет от 90 до 19 примеров): $Tv=n+хал$, $Tv=n+пол$, $Tv=n+m\ddot{y}c$, $Tv=n+сал$, $Tv=n+ч\ddot{o}p$, $Tv=n+oдыp$, $Tv=a+m\ddot{y}c$, $Tv=n+cых$, $Tv=n+чат$, $Tv=n+nup$.

Третья группа включает конструкции, ОЧ которых составляет менее 1,0 % (0,67–0,06 %) всего массива примеров (АЧ от 12 до 1 употребления): $Tv=n+ал$, $Tv=a+тарт$, $Tv=n+тап$, $Tv=a+ceгip$, $Tv=n+к\ddot{o}p$, $Tv=a+теп$, $Tv=apгa+тup$,

$Tv=a+хал$, $Tv=n+n+тур$, $Tv=a+nac$, $Tv=a+nar$, $Tv=бин+чат$, $Tv=месче+пол$, $Tv=a+одыр$, $Tv=a+ойла$, $Tv=a+тут$, $Tv=a+кан$, $Tv=a+тур$, $Tv=a+кил$, $Tv=a+сых$, $Tv=a+чөр$, $Tv=арга+чөр$, $Tv=a+can$, $Tv=n+наста$, $Tv=бин+пол$, $Tv=a+хон$. Доля ГАК указанных типов минимальна и составляет 3,71 % всей выборки.

Круговая диаграмма частотности хакасских ГАК
в эпосе «Ай-Хуучын»
Pie chart of the frequency of Khakass VACs
in the epic "Ai-Huuchyn"

Если первая и вторая группы представлены бивербальными аналитическими конструкциями, функцию основного глагола в которых выполняет форма деепричастия с аффиксом *-n* (за исключением ГАК типа $Tv=a+mүс$), то в третью группу из 26 типов конструкций входят 16 структур ГАК с деепричастием на *-a* ($Tv=a+mapm$, $Tv=a+cezip$, $Tv=a+men$, $Tv=a+хал$, $Tv=a+nac$, $Tv=a+nar$, $Tv=a+одыр$, $Tv=a+ойла$, $Tv=a+тут$, $Tv=a+кан$, $Tv=a+тур$, $Tv=a+кил$, $Tv=a+сых$, $Tv=a+чөр$, $Tv=a+can$, $Tv=a+хон$), 4 типа ГАК с деепричастием на *-n* ($Tv=n+ал$, $Tv=n+man$, $Tv=n+көр$, $Tv=n+наста$) и 6 типов ГАК, основной глагол которых включает компоненты *=арга*, *=нин*, *=бин*, *=месче* ($Tv=арга+тур$, $Tv=нин+тур$, $Tv=бин+чат$, $Tv=месче+пол$, $Tv=арга+чөр$, $Tv=бин+пол$).

Таким образом, статистический анализ частотности глагольных аналитических конструкций в тексте хакасского эпического произведения «Ай-Хуучын» свидетельствует об абсолютном доминировании шестнадцати типов конструкций (из 39), функцию основного глагола в которых выполняют деепричастия с грамматическим показателем *-n*. В сумме они составляют 95,84 % выборки из 1 775 выявленных случаев употребления ГАК.

2. Фонетические трансформации ГАК в языке хакасского эпоса

Исследование фонетических преобразований, сопровождающих процессы син- тезации глагольных аналитических конструкций в южносибирских тюркских язы-

ках – чалканском, шорском и тувинском, а также в языках эпических сказаний шорцев и тувинцев, свидетельствует о том, что доминантными показателями утраты конструкциями аналитизма на фонетическом уровне являются изменения статуса внешних и внутренних пауз между компонентами глагольного сочетания и степень сохранности грамматического показателя основного глагола в форме деепричастия. Ниже рассматриваются особенности звуковой манифестации процесса стяжения глагольных комплексов в одно фонетическое слово на материале хакасского фольклора.

2.1. Речевая паузация как маркер утраты аналитизма хакасскими ГАК

Результаты анализа характера реализации глагольных аналитических конструкций, выявленных в языке хакасского героического эпоса, свидетельствуют о полной утрате внешней паузы: все ГАК демонстрируют стяжение компонентов конструкции в единое фонетическое слово, в котором позиция внешнего сандхи на стыке основного (ОГ) и вспомогательного (ВГ) глаголов трансформировалась во внутреннее сандхи, маркируемое сильной или умеренной межслоговой паузой.

При этом 24 ГАК (из 36) произносятся с сильной межслоговой паузой, разделяющей основной и вспомогательный глаголы, представляя девять конструкций различного типа:

Tv=n+тур – *нарслап турадыр* [^h{n·aɬs=ləφ/=t'ʊ=ɬaŋ=d'ɬ̥(ɬɬ')}:] 'рвавкнуть (как медведь)',

Tv=n+нар – *тут парган* [d'ɬ̥(ʊʊ):d'ɬ̥/=s'ɬ̥{ɬbɬ(ɬɬ')}=q'ä(n:n)] 'держал',

Tv=n+кил – *тапсап киледір* [^h{t'äβ=s'ɬ̥β/=ɬk'ɬ̥=l'ʔe=d'ɬ̥(ɬɬ')}:] 'говорит',

Tv=n+пол – *истип полбин* [i,zs'=t'ɬ̥ββ/=p'ɬ̥ɬ̥=β'i(n:n)] 'услышать не может',

Tv=n+сал – *ат салар* [ʔʔ(äɬ'ä):t/=s'ä=lä(ɬɬ')}:] 'застрелит',

Tv=n+чөр – *сых чөрибіскен* [^h{s'ɬ̥χ/=ɬ''æ=ɬ'ɬ̥=β'ɬ̥s=ɬk'ɬ̥(ɬɬ')}:] 'вышел',

Tv=n+одыр – *оңнап одырчададыр* [ʔ'ɬ̥ɬ̥=ɬ'ɬ̥βφ/=ɬ̥ɬ̥=d'ä(ɬɬ'):ɬ̥:ɬ̥'æ̥=d'ḁ̈=d'ḁ̈(ɬɬ')}:] 'понимает',

Tv=a+тарт – *пура тартып* [p'o=ɬ'(ä'ä·ä):/=t'ä(ɬɬ'):]=ʔt'ββ] 'повернув',

Tv=n+сал – *ат салар* [ʔʔ(äɬ'ä):t/=s'ä=lä(ɬɬ')}:] 'застрелит'.

Лишь в одном примере (из 24) сильная пауза зафиксирована не только после ОГ, но и внутри звуковой оболочки двуслогового ОГ после первого слога: **Tv=n+сал** – *хостап салган* [^h{χos/=t'ä·β̥/=s'ä{ä·=q}ɬ̥(n:n)}:] 'загнал'.

Следует отметить, что функционирование сильной паузы в качестве демаркационного показателя, сигнализирующего о стыке основного и вспомогательного глаголов конструкции, не коррелирует ни с наличием-отсутствием деепричастного показателя (т. е. с полнотой или усеченностью формы ОГ), ни с количеством слогов в структуре ОГ:

Tv=n+тур – *харлап турганын* [^h{χaɬɬ̥=lä·β̥/=t'ʊ/ɬ'o=q'ä=ɬ̥(ɬɬ')}:] 'рвавканье' – *көр турадыр* [^h{k'äɬ̥ɬ̥'=t:ḁ̈=ɬ̥(ä'ä):=ʔd'ɬ̥(ɬɬ')}:] 'смотрит',

tʰä(ɬɪʁ):} = ʔtʰɛβʰ]) ‘повернув’ представлены в выборке только примерами с сильной паузой после ОГ. В звуковом оформлении ГАК типов **Tv=n+xal** – *чатхлал халган* [ʰ{ʃʰ·χʔʔ=ʎβ=χα·ʎ=αʎ(n:ʔnʔn):}] ‘осталось’, **Tv=n+сых** – *хаалап сыххан* [ʰ{χä=ʎβʰ=ʔs·χä}(n:n):}] ‘стал доноситься’, **Tv=n+nur** – *чоохтап нирербин* [ʰ{ʃʰə:αʔʔ=ʔtʰä}β=pʰʰ=ʔʰɛ(ɬɪʁ):} = bʰʰ·ʔʰn·]) ‘назову’, **Tv=n+al** – *чин алын* [ʃʰɪʰ=bä:ʎβʰɪ]) ‘поев’ используются лишь умеренные межслоговые паузы.

Сильная пауза может локализоваться только после ОГ, в порядке исключения может дополнительно реализоваться внутри неоднослогового ОГ, отделяя составляющие его слоги. На вспомогательные глаголы сильная пауза не распространяется.

2.2. Деепричастный аффикс как маркер утраты аналитизма хакасскими ГАК

В хакасском героическом сказании «Ай-Хуучын» проанализированы 36 примеров ГАК с деепричастиями на *-n* (35 высказываний) и на *-a* (1 предложение) в функции основного глагола. Из них в 11 случаях (30,6 %) аффикс утрачен, в 25 высказываниях (69,4 %) сохранился.

В большинстве примеров с ГАК одного и того же типа основной глагол может использоваться как в полной форме деепричастия, сохранившего показатель *-n*, так и в усеченной форме (6 типов ГАК):

Tv=n+мур – *körin турза* [kʰö=ʔʰ·bʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ=ʎö,ʔʰ=(zʐ):}ʰɛ] ‘всматривается’ – *kör турадыр* [kʰöʰ(ɬɪʁ):} = ʔʰ·ʎ=ʔʰ(ʎ·ʎ·ʎ):} = dʰəʰ(ɬɪʁ):] ‘глядит’;

Tv=n+пар – *айнып парган* [ʔʰäʎ=nʰʰpʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):} = χʰäʎ(nʰn):] ‘далеко зашла’ – *тут парган* [dʰ(ʊʊ):dʰ/ʰʰ{ʂbʎ(ɬɪʁ):} = αʰäʎ(n:n):] ‘держал’;

Tv=n+кил – *ибирлеп килген* [ʰ{ʔʰɪʁʔʰ):} = bʰʰ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘поворачивает’ – *сых киледир* [sʰʰ(αχ)=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘вышел’;

Tv=n+сал – *хостап салган* [ʰ{χos/ʰʰ·ʎ·ʎ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):} = ʎ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘загнала’ – *ат салар* [ʔʰ(ʰäʔʰä):tʰ/ʰ·ʎ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘застрелит’;

Tv=n+чөр – *паарсап чөриңер* [ʰ{ʔʰpα·ʔʰ=(zʐ)·ʎ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):} = ʎ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘ласково обходитесь’ – *сых чөрибіскен* [ʰ{ʰ·ʎ·ʎ/ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):} = ʎ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘вышел’;

Tv=n+сых – *хаалап сыххан* [ʰ{χä=ʎβʰ=ʔs·χä}(n:n):] ‘стал доноситься’ – *чөр сыххан* [ʰ{ʃʰ·ʎ(ʐs):} = χʰäʎ(nʰn):] ‘поехал’.

По пяти типам конструкций вариантов функционирования ОГ в безаффиксальной форме – полной или редуцированной, не зафиксировано, во всех примерах предпочтение отдается паттерну, сохранившему деепричастный показатель:

Tv=n+xal – *чатхлал халган* [ʰ{ʃʰ·χʔʔ=ʎβ=χα·ʎ=αʎ(n:ʔnʔn):}] ‘осталось’;

Tv=n+пол – *izirtpin полбаан* [ʔʰɪʰ=(zʐ):}ʰɪʰ=tʰ·ʎβ=pʰ·ʎ(ʔʰɪ):} = βʰɪʎ(n:n):] ‘выпить не сумел её упротить’;

Tv=n+одыр – *айланьп одыр* [ʰäʎ=ʔʰ·ʎ=ʔʰ·ʎ(βɸ):} = (qʰ)·ʎ=ʔʰ·ʎ(ɬɪʁ):] ‘подвинься’;

Tv=n+nur – *чоохтап нирербин* [ʰ{ʃʰə:αʔʔ=ʔtʰä}β=pʰʰ=ʔʰɛ(ɬɪʁ):} = bʰʰ·ʔʰn·]) ‘назову’;

$Tv=n+al$ – *çin alyp* [$\int''_1=ba:=l\chi,\beta\int$] ‘поев’.

Выявлен лишь один пример ГАК с деепричастием на *-a*: $Tv=a+mart$ – *пура тартын* [$\int\{p'o=\int('^{fi}\dot{\lambda}:\underline{\lambda}):/=t^{*}\ddot{a}(\underline{m})\}=\int t^{*}\ddot{\beta}\}$] ‘повернув’.

Анализ примеров с ГАК, выявленных в тексте хакасского эпического произведения «Ай-Хуучын», не дает оснований для констатации корреляции между частотностью конструкции в речи и степенью утраты деепричастного форманта: сопоставление произносительных паттернов наиболее употребительных типов конструкций $Tv=n+myp$ и $Tv=n+nar$ показало преобладание в списке примеров ГАК $Tv=n+myp$ случаев использования деепричастия на *-n* в полной форме (7 из 10), и, напротив, для конструкций типа $Tv=n+nar$ предпочтительнее употребление усеченных деепричастных форм (4 из 6).

Таким образом, анализ выявленных в тексте хакасского героического эпоса высказываний с глагольными аналитическими конструкциями по параметрам речевой паузации – доминантного маркера синтеза ГАК – свидетельствует о полной утрате внешних межсловных пауз, исторически разграничивавших компоненты вербального комплекса и указывавших на их статус самостоятельных единиц – фонетических, грамматических, семантических, функциональных.

В современном языке фольклора в структуре ГАК сохранились лишь внутренние межсловные паузы – сильные и умеренные. Превалирование конструкций с сильной внутренней паузой, отделяющей ОГ от ВГ и генетически восходящей к внешней межсловной паузе, свидетельствует на фонетическом уровне о незавершенности процесса преобразования ГАК во вторичные синтетические формы, неполноте стяжения компонентов конструкции в одно фонетическое слово и его грамматикализации.

Наличие или отсутствие аффикса в составе деепричастия, выступающего в функции основного глагола в структуре ГАК, также является важным показателем фонетических трансформаций материальной оболочки вербального кластера. Превалирование в тексте героического сказания аналитических сочетаний с полной формой деепричастия (69,4 % всей выборки) в функции основного глагола свидетельствует о том, что, несмотря на активные процессы синтеза ГАК, позиции аналитизма остаются довольно устойчивыми. Сохранение деепричастных формантов *-n* и *-a*, в целом не зависящее от типа конструкции и её частотности в звучащей фольклорной речи, препятствует стяжению ГАК в единую ритмическую группу, включающую основной глагол и примыкающие к нему служебные элементы, не имеющие самостоятельного значения.

Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формульности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции [Кузьмина, 2019].

3. Общность и специфика процессов синтеза ГАК в южносибирском тюркском эпосе

Для выявления общих тенденций в характере протекания фонетических модификаций, сопровождающих процессы синтеза деепричастных аналитических конструкций в эпических произведениях тюркских народов Алтае-Саянского региона, а также для определения на этом фоне специфических фонотактических особенностей, присущих языку хакасского фольклора, были привлечены результаты выполненных ранее исследований звучащих текстов героических сказаний

шорцев и тувинцев [Уртегешев и др., 2020; Селютина и др., 2021]. Материалом для сопоставления послужили шорское сказание «Күннү көргөн Күн Кёк» (Солнце увидевшая Кюн Кёк) в исполнении яркого носителя шорской эпической традиции В. Е. Таннагашева (2015), представителя мрасской сказительской школы, а также тувинские эпические произведения «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997, т. 12) и озвученные носителем тувинского языка.

Как показано выше, в хакасском эпосе наиболее частотными являются ГАК трех структурно-семантических типов со вспомогательными глаголами *тур* = 'стоять' (26,14 %), *нар* = 'идти' (23,5 %), *кил* = 'приходить' (19,72 %), составляющие в сумме 69,36 % выборки. В шорском фольклоре максимально употребительны конструкции со вспомогательными глаголами движения *кел* = 'приходить' (39,56 %) и *нар* = 'идти' (11,54 %), на которые приходится более половины (51,1 %) всех рассматриваемых ГАК. Деепричастные конструкции со ВГ *тур* =, занимающие высшую позицию на шкале частотности в фольклоре хакасов, в шорском эпосе минимально употребительны (0,77 %). Тувинские же тривербальные аналитические конструкции, соответствующие бивербальным хакасским и шорским, отличаются не только более сложной лексико-грамматической структурой, но и набором наиболее частотных ГАК: в текстах эпических произведений основной массив ГАК составляют структуры четырех типов: {Tv=п + ЧОРуп} олур = (17,86 %), {Tv=п + ЧОРуй} бар = (16,96 %), {Tv=a + СОП/ТЫРТ/ШАП} ал = (16,07 %), {Tv=п+ ЧОРуп} каг (10,71 %), составляющие в сумме 61,6 % всей выборки.

Сопоставительный анализ результатов исследования глагольных аналитических конструкций в текстах хакасских, шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического маркера синтеза ГАК – речевой паузации, показал, что в эпосе во всех типах конструкций внешняя делимитативная словесная пауза между глагольными компонентами полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов в единое фонетическое слово. В южносибирских фольклорных культурах глагольные аналитические конструкции реализуются лишь с внутренними межслоговыми паузами.

Если в хакасском эпосе сильная межслоговая пауза разделяет основной и вспомогательные глаголы ГАК в 66,7 % выборки, в шорском эпосе – в 70,6 %, то в тувинском – в 96,2 %, т. е. фактически на всем массиве предложений с ГАК. Сильная межслоговая пауза как рудимент межсловной значительно сохраннее у тувинцев. Специфика более сложных в структурно-семантическом плане тувинских тривербальных конструкций проявляется в большей устойчивости – по сравнению с хакасским и шорским фольклором – паузальности как маркера стадии утраты аналитизма.

Деепричастный аффикс *-(ы)п* как один из ведущих показателей степени синтеза глагольных аналитических конструкций в хакасской, шорской и тувинской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую свою специфику в каждой из них.

В хакасском эпосе формант деепричастия, выступающего в функции основного глагола, сохранился в 69,4 % примеров с ГАК. Шорские глагольные аналитические конструкции, зафиксированные в фольклорном произведении, сохранили деепричастный показатель в 47,1 % высказываний. В тувинских героических сказаниях деепричастный аффикс реализуется в 95,4 % выборки.

Как показывает сопоставительный анализ, тувинские трехглагольные конструкции, используемые в фольклорных произведениях, демонстрируют более высокую степень устойчивости аналитизма по сравнению с хакасской и шорской вербальными традициями – как по параметрам речевой паузации, так и по степени сохранности деепричастного показателя основного глагола. Глагольные аналитические конструкции в хакасской и шорской фольклорных традициях в большей степени подвержены инновационным преобразованиям по сравнению с тувинской.

Таким образом, результаты аудитивного и аппаратного анализа бивербальных конструкций хакасского и шорского языков эпических произведений, а также соответствующих им тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций позволили выявить, с одной стороны, общность направленности фонетических преобразований, сопровождающих процессы стяжения аналитических конструкций, с другой – существенные различия в степени и скорости развития этих трансформаций.

Если в языке фольклора хакасов во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в бивербальных комплексах, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами ГАК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же эпосе процесс упрощения ГАК находится на более ранних этапах, уже пережитых контактными южносибирскими тюркскими вербальными традициями – хакасской и шорской.

Исследование фонетических преобразований глагольных аналитических конструкций в языках фольклорных эпических произведений хакасов, шорцев и тувинцев свидетельствует, с одной стороны, об общих фонотактических особенностях южносибирской лингвокультуры, определяемых заложенным в генетической памяти этносов единым региональным архетипом, с другой стороны, выявляет уникальные характеристики фонетических процессов, обусловленные спецификой артикуляционно-акустических баз этносов и являющиеся маркерами принадлежности к тому или иному коммуникативному сообществу, неотъемлемыми компонентами культурного кода этносов.

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

Бурнакова К. Н., Боргоякова Т. Н. Исследование глагольных аналитических образований в тюркских языках // Программа и тезисы XXVII Междунар. науч. конф. «Дмитриевские чтения». М., 2019. С. 20.

Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.

Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово: Кузбасский политехнический институт, 1991. 75 с.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С. Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 136–158.

Субракова В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Субракова В. В. Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: Кн. изд-во «Бригантина», 2017. 172 с.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 138–169.

Якобсон Р. О. Принципы исторической фонологии // Роман Якобсон. Избранные работы / Под ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 116–132.

Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., Michailov M. N., Paršin P. B., Romanova O. I. English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics / Ed. by A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky. Moscow: Pomowski & Partner, 1996. Vol. 1. 656 p.

Pearce M. The Routledge Dictionary of English Language Studies. Routledge: Taylor & Francis Group, 2007. 211 p.

Список источников

Ай-Хуучин // Хакасский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1997. С. 62–423. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16)

Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1997. С. 298–527. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Хунан Кара // Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1997. С. 54–297. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Шорское героическое сказание «Күннү көргөн Күн Көөк» // Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. С. 53–143.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. entsikl., 1966, 608 p.

Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., Michailov M. N., Paršin P. B., Romanova O. I. *English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics*. A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky (Eds.). Moscow, Pomowski & Partner, 1996, vol. 1, 656 p.

Burnakova K. N., Borgoyakova T. N. Issledovanie glagol'nykh analiticheskikh obrazovaniy v tyurkskikh yazykakh [The study of verbal analytical formations in the Turkic languages]. In: *Programma i tezisy 27 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Dmitrievskie chteniya"* [Program and abstracts of the 27th International Scientific Conference "Dmitriev Readings"]. Moscow, 2019, p. 20.

Kurpeshko N. N., Shirobokova N. N. *Biverbal'nye konstruksii s glagolami bytiya v shorskom yazyke* [Biverbal constructions with verbs of being in the Shor language]. Kemerovo, Kuzbasskiy politekhnicheskii institut, 1991, 75 p.

Kuzmina E. N. Otrazhenie arkhetypicheskikh modeley v "loci communes" geroicheskikh skazaniy narodov Sibiri [Reflection of archetypal models in "loci communes" of heroic tales of the peoples of Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 18–26.

Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p.

Pearce Michael. *The Routledge Dictionary of English Language Studies*. Routledge, Taylor & Francis Group, 2007, 211 p.

Selyutina I. Ya., Bayyr-ool A. V., Dobrinina A. A. Glagol'nye analiticheskie konstruksii v tuvinskom fol'klоре: spetsifika foneticheskikh transformatsiy [Verbal analytical constructions in Tuvan Folklore: the specifics of phonetic transformations]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 181–198.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S. Foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi v analiticheskikh formakh tyurkskogo glagola kak fenomen istoricheskoy pamyati etnosa [Phonetic changes in the positions of sandhi in the analytical forms of the Turkic verb as a phenomenon of historical memory of the ethnos]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 2, pp. 136–158.

Subrakova V. V. *Konsonantizm kyzyl'skogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abakan, Kn. izd. "Brigantina," 2017, 172 p.

Subrakova V. V. *Konsonantizm nizhne-teyskogo govora sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Lower Tei dialect of the Sagai dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. Glagol'nye analiticheskie konstrukcii v shorskom fol'klоре: spetsifika foneticheskikh transformatsiy [Verbal analytical constructions in Shor folklore: the specifics of phonetic transformations]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020, no. 68, pp. 138–169.

Yakobson R. O. Printsipy istoricheskoy fonologii [Principles of historical phonology]. In: Roman Yakobson. *Izbrannye raboty* [Roman Yakobson. Selected works]. V. A. Zvegintsev (Ed.). Moscow, Progress, 1985, pp. 116–132.

List of sources

Ay-Khuuchin. In: *Khakasskiy geroicheskii epos* [Khakass heroic epic]. Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 62–423. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 16)).

Boktug-Kirish, Bora-Sheeley. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Tuvan heroic tales]. Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 298–527. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)).

Khunan Kara. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Tuvan heroic tales]. Novosibirsk, Nauka, 1997, vol. 12, pp. 54–297. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)).

Shorskoe geroicheskoe skazanie “Kÿnnÿ kÿrgen Kÿn Kÿök” [Shor heroic tale “Kÿnnÿ kÿrgen Kÿn Kÿök”]. In: *Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagasheva* [Tales of the Shorian kaichi V. E. Tannagashev]. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of NSU, 2015, pp. 53–143.

Информация об авторе

Ираида Яковлевна Селютинa, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Российская Федерация)

Information about the Author

Iraida Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.09.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 06.09.2023;
approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.17223/18137083/85/12

Заметки о происхождении и истории слов (говѣть, кутх, зóска)

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

Статья посвящена истории и происхождению трех русских слов, рассматриваемых в трех частях. В первой части рассматриваются этимологические связи и коррелирующие с ними аспекты семантики глагола *говѣть*, послужившие основой для тезиса о том, что в праславянской культуре существовала стадия «безмолвного почитания богов или... безымянных сил природы» (О. Н. Трубачев). Доказывается, что данный тезис нуждается в пересмотре. Во второй части в связи с русским диалектным (Камчатка) обозначением ворона *кутх* идет речь о зафиксированных в ряде сибирских традиций междометиях-подражаниях крику ворона, составляющих часть ритуалов, совершавшихся после добычи медведя и восходящих, по всей видимости, к глубокой древности. Третья часть посвящена происхождению названий игры *зóска*, *жóска* (известной по преимуществу в Сибири), состоящей в подбрасывании ногой самодельного волана (свинцового кружка, монеты и т. п.). Констатируется заимствование из монгольских языков.

Ключевые слова

этимология и история слов, культурологические импликации, безмолвное почитание, охотничьи ритуалы, игры

Для цитирования

Аникин А. Е. Заметки о происхождении и истории слов (*говѣть*, *кутх*, *зóска*) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 154–168. DOI 10.17223/18137083/85/12

Notes on the origin and history of words (*govét', kuth, zóska*)

Alexander E. Anikin

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

This paper is a continuation of the series of publications entitled “From the History of Words” that focuses on the historical and etymological aspects of Russian words, encompassing both

© Аникин А. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 154–168

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 154–168

literary and dialectal forms. Some cultural aspects are taken into consideration. The first part provides some considerations of the etymological connections and correlating aspects of the semantics of the verb *govét'*, leading to the thesis about a stage of "silent veneration of gods or nameless forces of nature" in Proto-Slavic culture (O. N. Trubachev). It is evident that this thesis requires a substantial revision. The second part, related to the Russian dialectal (Kamchatka) designation of a *kutkh* (raven), discusses the interjections-imitations of the raven's cry recorded in a number of Siberian traditions forming part of the rituals performed after the successful murder of a bear and apparently dating back to ancient times. The third part is devoted to the origin of the names of the game *zóska* / *zhóska* (known mainly in Siberia), which involves tossing a homemade shuttlecock (a lead mug, coin, and others) with the foot. An assumption is made about borrowings from Mongolian languages.

Keywords

etymology and history of words, cultural implications, silent veneration, hunting rituals, games

For citation

Anikin A. E. Notes on the origin and history of words (*govét'*, *kutkh*, *zóska*). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 154–168. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/12

Статья продолжает ранее начатую серию статей¹, посвященных истории и происхождению русских слов (литературных и диалектных), вошедших или планируемых к включению в «Русский этимологический словарь» (РЭС). Этот труд, как и «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, идет путем максимального охвата лексического материала, т. е., в идеале, по пути создания этимологического тезауруса русского языка (до этой цели, однако, еще очень и очень далеко). Отличие данной статьи в том, что она включает более обширные экскурсы в область культуры. Речь идет о словах *говѣть*, диал. *кутх* и *зósка*, *жósка*, каждому из которых посвящена отдельная часть публикации. Стимулом для написания статьи послужили труды О. Н. Трубачева, посвященные теме «Славянская этимология и праславянская культура».

1. Рус. *говѣть*, праслав. **gověti*

Реконструируя основы праславянской культуры, О. Н. Трубачев опирался кроме прочего на несколько латинско-славянских этимологических сближений, игравших в его концепции праславянского языка значительную роль. В данной статье речь идет о сближении праслав. **gověti* и лат. *favēre*, которое необходимо рассмотреть подробнее. Это сближение не раз рассматривалось критически (в том числе в недавней работе А. Б. Страхова [2023]²), настоящая статья претендует лишь на некоторое суммирование и обобщение имеющихся данных, а также уточнение деталей.

Речь идет о следующем славянском материале (дается в сокращенном объеме):

рус. *говѣть*, *говѣю* 'благоговеть, уважать, почитать в высшей степени', 'готовиться к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь', диал. *говѣть* 'совершать церковную службу во время поста' арх. (СГРС, вып. 3, с. 57), *говѣть (-ти)*

¹ Последняя из этой серии статей (с указанием предшествующих): [Аникин, 2023].

² Настоящая статья уже была готова к сдаче в печать, когда автор получил благодаря любезности А. П. Майорова опубликованное после смерти А. Б. Страхова (2021 г.) собрание части его трудов в двух последних томах журнала *Palaeoslavica*. Одна из статей этого собрания [Страхов, 2023] цитируется в настоящей публикации.

также ‘долго не есть, голодать’ (СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 147), *говѣти, говѣю* и *говлю* (XI в.) ‘благоговеть’, ‘воздерживаться’, ‘поститься’ (Срезневский, т. 1, с. 533), укр. *говіти, говію* ‘постом и хождением в церковь готовиться к причастию’, блр. *гавэць, гавэю* ‘то же’, ст.-слав. *говѣти, говѣѣж* и *говѣѣж* ‘быть набожным, богобоязненным’, болг. *говѣя* ‘поститься’, ‘хранить почтительное молчание’, макед. *гувее* ‘выполнять обычай почитания старших (о молодой жене)’, с.-хорв. *gòvjeti, gòvĭjet* и *gòvĭt* ‘окружать почтением, вниманием’, словен. диал. *goveti, govjet* ‘молчать от обиды’, чеш. *hověti, hovím* (ст.-чеш. *hověju*) ‘удовлетворять, устраивать’, ‘потворствовать’, *hověti si* ‘отдыхать’, ‘благоприятствовать’, словц. *hovjet* ‘благоприятствовать’, ‘удовлетворять’, *hovjet sa* ‘отдыхать, пребывать в праздности’, польск. диал. *goyić* (< *gowi(e)ć*) ‘недомогать’, *zgȳońić* ‘угодить, создать удобства’, *ууȳońić* ‘то же’ и др. (см. у В. Борыся, ниже), в.-луж. *howić, howju* ‘способствовать, благоприятствовать’.

Праславянский источник этих слов реконструируется в виде **gověti, *govjo* (затем **govějjo*) ‘относиться с уважением, боязнью, хранить молчание’, ‘способствовать, благоприятствовать’, (вост. и южн.) ‘воздерживаться (от еды, питья)’. Речь идет о глаголе состояния на *-ěti*, близкородственном, как стали считать после одной из работ К. Бругманна (1889), лат. *faveō, favēre* (возможно исходное **fovēre*) ‘благоприятствовать, быть милостивым, хранить молчание’, умбр. *foner* ‘faventēs’, также др.-сев. *gá* (< **gawōn*), претерит *gáda* (< **gáwiđō*) ‘обращать внимание, следить, искать’, из и.-е. **ghou(ē)* ‘замечать, обращать внимание’; некоторые предполагают и.-е. **g^hhou-* (Berneker, Bd. 1, S. 338–339; Фасмер, т. 1, 423–424; Черных, т. 1, с. 197; Derksen, p. 181; SP, t. 8, s. 154–155). Для латинского слова имеются и другие варианты объяснения, для праславянского сравнение с *favēre* считается наилучшим и надежным решением.

Не касаясь всего круга связей латинского и праславянского глагола, следует констатировать, что О. Н. Трубачев выделил в древней истории (до)праславянской культуры особую и древнейшую «стадию *favēre*» – стадию «безмолвного почитания богов или... безымянных сил природы» [Трубачев, 1988, с. 319; 2003, с. 201, 425–426]; см. также (ЭССЯ, вып. 7, с. 72–73). Особенно эксплицитны следующие определения рассматриваемого сближения: «выдающаяся эксклюзивная славяно-латинская изоглосса из области древнейшей религиозной практики <...> В начале всякой культовой и именотворческой деятельности была неизреченность, табу и различные запреты» [Трубачев, 1995, с. 222–223].

Между тем, к принятой многими этимологической близости славянского и латинского глаголов имеются серьезные оговорки, подробно описанные в классическом этимологическом словаре латинского языка и заключающиеся в констатации недоказуемости точных соответствий в фонетическом аспекте сближения (ЕМ, р. 221). Новейший итальянский этимологический словарь вообще его не упоминает: лат. *faveō* выводится (не без сомнений) из и.-е. **b^hh₂u-eh₁-*, ср. др.-инд. *bhū-* и *bhūs-* (de Vaan, p. 205–206). Еще в 1941 г. подобную этимологию для латинского слова (к др.-инд. *bhū-*, *bhāvayati*) предложил Я. Гонда, стремившийся развести **gověti* и *favēre* также на семантических основаниях (цит. по: [Страхов, 2023, с. 1]). Сам А. Б. Страхов предложил объяснение **gověti* на славянской почве (что исключает сравнение с латынью): родство с **gojiti* (*se*) ‘исцелять(ся), вылечивать(ся)’, ‘питать(ся)’, ‘заботиться, ухаживать’, у которого предполагается вариант **goviti* (откуда **gověti*), реконструируемый на основе рус. *гóвить / гóить* ‘мыть, чистить’, блр. диал. *гавіцца / гаіцца* ‘заживать’ и т. п. [Там же, с. 2]. Прав-

да, древность форм с *в* / *у* вызывает сомнения, как и возможность реконструкции **goviti*.

Из сказанного следует, что сближение **gověti* и *favēre* как минимум нельзя считать наиболее вероятным объяснением для обоих слов. Тем самым подрывается и основание для сравнения древнерусского имени *Говѣнь* (например, в НГБ № 867, XII в.)³ < праслав. **gověнь*, производного от *gověti*, с лат. *Faunus* 'Фавн (собственное имя доброго италийского духа гор, лугов, стад и т. п.)' ([Зализняк, 2004, с. 324, 347] – с принятием реконструкции ЭССЯ, в том числе семантической). Естественно, это сравнение также отсутствует в (de Vaan, p. 205), где, однако, говорится о связи *favēre* и *Faunus*.

На фоне сказанного еще более уязвимым выглядит тезис О. Н. Трубачева о том, что у предков славян и италийцев существовала некая стадия безмолвного почитания, которую следует называть стадией *favēre*.

Собственно, нет сомнений, что праславяне и их предки могли в каких-то ситуациях замолкать, выражая тем самым почтение богам или силам природы. Показательной типологической параллелью такого рода поведения может служить следующая сцена из «Ифигении в Авлиде» Еврипида (перевод И. Ф. Анненского). Дочь главы греков Агамемнона, Ифигения, добровольно отдает себя в жертву ради успеха морского похода греков на Трою. Вестник царя Агамемнона, Талфибий, призывает их к благоговейному молчанию, которое должно служить фоном для действий жреца Калханта, готовящегося нанести царевне смертельный удар:

....словам
Ее тогда все шумно удивлялись:
Великою и смелою душой
Пленила всех царевна. И Талфибий-
Глашатай нас среди толпы густой
К священному молчанью призывает⁴.
И вот Калхант-провидец вынул нож,
Что лезвие таил в суровой коже.
И в россыпь круп его он погрузил
Средь золотой корзины, а царевне
Венком чело увил.

Ифигения была спасена Артемидой и на облаке перенесена в Тавриду (Крым), где стала жрицей храма Артемиды. Тема молчаливой, безмолвной молитвы возникает в «Ифигении в Тавриде», в словах хора, где звучит призыв

Молча молитесь!
Сурового моря и
Врат Скалистых соседи!⁵

³ Имеется также др.-новг. собственное имя *Говѣша* (НГБ № 851, XII в.) гипокоризм от *Говѣнь* [Зализняк, 2004, с. 327].

⁴ *στάς δ' ἐν μέσῳ Ταλθύβιος, ὃ τόδ' ἦν μέλον, / εὐφημίαν ἀνείπε καὶ σιγὴν στρατῷ*. Более близкий к оригиналу французский прозаический перевод Леконта де Лиль (который был хорошо известен И. Ф. Анненскому): Et Talthybios, debout au milieu, commanda à l'armée, car ce soin le concernait, le silence et les présages favorables.

⁵ *εὐφαιεῖτ', ὃ πόντου διστάς συγχωρούσας / πέτρας Ἀξείνου ναίοντες*. В переводе Леконта де Лиль: Faites silence, ô habitants des deux Roches jumelles du Pontos Euxéinos!

Не касаясь других примеров типологии безмолвного почитания, священного трепета и под. у разных народов и соглашаясь с возможным наличием у праславян и их предков проявлений (едва ли «стадии», по О. Н. Трубачеву) безмолвного почитания, следует изложить соображения семантического характера против того, что такое почитание могло обозначаться именно глаголом *favēre* или его индоевропейским предшественником.

По справедливому возражению А. Б. Страхова, «ритуальному молчанию предшествует ритуальное (или “профанное”) говорение, а табуизации – называние, впоследствии показавшееся излишним и опрометчивым» [Страхов, 2023, с. 2]. Он уточняет, что религиозное значение *favēre* вторично и сначала имело смысл ‘говорить добрые слова’ = ‘избегать дурных слов’, откуда ‘хранить спокойствие, молчать’, что весьма близко семантической эволюции греч. εὐφημέω ‘произношу благие речи’ (букв. ‘доброглаголю’), т. е. ‘воздерживаюсь от неподобающих речей’ [Там же], откуда императив εὐφραεῖτε ‘замолчите’, переведенный И. Ф. Анненским как ‘молча молитесь!’ в цитированном отрывке из «Ифигении в Тавриде». Священное молчание русского перевода в приведенном отрывке «Ифигении в Авлиде» передает греч. εὐφραῖα (букв. ‘доброглаголанье’) ‘воздержание от неподобающих слов’ > ‘благоговейное молчание’. На вторичность значения ‘хранить (благоговейное) молчание’ у лат *favēre* и на наличие у него значения ‘выражать одобрение криками, рукоплескать’ обращали внимание и другие специалисты [Oguibénine, 2016, p. 77].

К данной теме специально обращался польский этимолог В. Борысь. Рассматривая соположение **gověti* и лат. *favēre*, он по традиции исходил из его правомерности (что, как сказано выше, весьма спорно), но продемонстрировал, что исходным для **gověti* является не связанное с древней религией славян значение ‘благоприятствовать, способствовать’, ‘поступать по чьей-либо воле’, ‘угодить в целях почтения, уважения’, откуда ‘читать, почитать’ > ‘хранить благоговейное молчание’. Семантика ст.-слав. **говѣти** ‘быть богобоязненным’ обусловлена тем, что тому же слову, известному в живой речи в значении ‘читать, почитать’, религиозный смысл был придан при переводе греч. εὐλαβεῖσθαι ‘читать, почитать и др.’ [Bogus, 1986, s. 33–37].

Уместно привести рус.-цслав. *благоговѣти* ‘поклоняться, преклоняться, благоговейно почитать, боготворить’, также *благоговѣини* ‘полный страха, уважения, смирения, покорности’, ‘набожный’ – из ст.-слав. **благоговѣинѣ**, калькирующего греч. εὐλαβής. Из префиксальных дериватов др.-рус., рус.-цслав. *говѣти* наиболее известно *разговѣтися, разговѣтѣся* (итератив *разговѣйтѣся*) ‘разрешить себе скоромную пищу; впервые поесть, после поста, скоромного’ (ср. праслав. **orzgověti* в (ЭССЯ, вып. 33, с. 107–108), «праславянскость» которого как минимум не очевидна).

«Церковная» семантика могла проникать в живую речь. Значение ‘поститься’, возникшее из ‘почитать бога’, – поздняя инновация, связанная с православием. В свою очередь, значение ‘почитать Бога’ имеет в славянских языках книжный

Тема *сурового* моря (Черного) как двойника неумолимого убийцы-жреца (или жрицы, которой становится спасенная Ифигения), хранящего в *суровой коже* нож для жертвоприношений, возникает в стихотворении Анненского «Черное море», где есть стихи *Суровым отблеском ножа Сверкнешь ли, пеной обдавая* (см. [Аникин, 2013]). Уместно напомнить, что *суровый* как эпитет моря соответствует греческому Ἀξείνοϛ, букв. ‘негостеприимный’, в названии Черного моря πόντος Ἀξείνοϛ, которое, как показал М. Фасмер, является эвфемистическим переосмыслением иран. **axšaēna* ‘темный’.

характер, в народном языке оно отсутствует или появляется под церковным влиянием.

В качестве вывода можно заметить, что для обозначения ритуального и т. п. молчания (при агонии умирающего, при грозе, затмении и проч.⁶) у праславян вполне подходит глагол **mьlčati* ‘молчать’, который, по правдоподобной реконструкции ЭССЯ (вып. 21, с. 103), имел исходное (или одно из ранних) значение ‘говорить тихо, вполголоса, хрипло и под.’

2. Рус. диал. *кутх*

Речь идет о слове *кутх* ‘черный большой ворон, живущий отдельно от стаи’ камч. (СРНГ, вып. 16, с. 170). Есть сомнения в том, что оно является реальным диалектизмом, а не транспозицией иноязычного (ительменского) лексического элемента в русский диалектный словарь. Но, поскольку проверить это затруднительно, приходится считать его аутентичным и происходящим из ительм. *kutx* ‘ворон’. Это слово идентично имени центрального героя ительменской мифологии, трикстера идемиурга – создателя Камчатки, приводившегося С. П. Крашенинниковым [1949, с. 444] в формах *Кут*, *Кутхай*, *Кутха*, которое входит в ряд других персонажей чукотско-камчатского «вороньего» эпоса: чук. *Куркыль* (букв. ‘каркающий’), коряк. *Куйкыняку*, *Куткыняку*⁷. В литературе выдвигались ономастические этимологии чукотско-камчатских слов, в частности сравнение с приводимыми ниже междометиями-подражаниями крику ворона (связанными с эвен. *кок-* ‘каркать’ (ТМС, т. 1, с. 117)) типа якут. *куох* (ЭСРДС, с. 338), что едва ли доказуемо [Аникин, Хелимский, 2007, с. 169]. Можно, однако, предположить, что название Ворона-демиурга, выступавшее как знак палеоазиатского этнического коллектива [Мелетинский, 1979, с. 92], некогда использовалось в древнем ритуале, совершавшемся после удачной охоты на медведя (его убийства), сопровождавшемся определенными выкриками и включавшем также такие действия, как вытаскивание зверя из берлоги, снятие с него шкуры, разделка, варка мяса и т. п.

Под выкриками здесь имеются в виду следующие данные:

якут. *куох* ‘крик-подражание крику ворона’, *ках*, *хах* ‘то же’, ‘звук, трижды выкрикиваемый убившими медведя’, *ух* ‘междометие-подражание крику ворона (которое следовало трижды выкрикнуть, обращаясь к небу, по убийстве медведя)’ (Пекарский, с. 997–998, 3100, 3114), тоф. *kīk* ‘возглас, трижды выкрикиваемый при удачной охоте на медведя’: когда привозили мясо медведя в аил, все, кто были в аиле, кричали *ки-ик! ки-ик! ки-ик!* [Рассадин, 1973, с. 122–124; 1971, с. 94]). Тюркские факты связаны с эвенкийскими (возможно, происходят из эвенкийского): *кўк*, *кўк-кўк* ‘ритуальные выкрики при добыче медведя, разделке его туши, возвращении охотника домой после удачной охоты на медведя и прочих обстоятельствах, связанных с добычей медведя’, *кик-кик*, *кит-кит* ‘то же’ (ТМС, т. 1, с. 425). Во время охоты о медведе можно было говорить лишь иносказательно; «вороньи» выкрики должны были издаваться во время всех действий при охоте [Василевич 1969, с. 235]. Вытаскивая убитого медведя из берлоги, охотники-бураты каркали по-вороньи и извинялись перед убитым. Поедая его мясо, кусочки

⁶ См. [Агапкина, 2004].

⁷ Ср. реконструкции прачук.-камч. **kučkə-*, **kuškə-* в (Мудрак, с. 76).

мяса и жира бросали в огонь, говоря «Не мы тебя убили, а эвенк-урянха» [Жамбалова, 1991, с. 130–131].

По рассказам нарымских селькупов, их охотники исполняли в прошлом вокруг убитого медведя пляску, крича по-вороньи *кук-кук* [Прокофьева, 1976, с. 117]. Судя по географии вариантов слова (междометий), следует думать о заимствовании в селькупский из упомянутого эвенк. *кѹк, кѹк-кѹк*. За лексическим влиянием стоит, вероятно, и усвоение самого ритуала, включающего «птичьи» выкрики. Для селькупского речь идет, похоже, о маргинальном явлении⁸.

Подражание крику ворона выражает стремление охотника обмануть медведя, переложив на ворона ответственность за убийство внушающего страх зверя и этим обезопасить себя от мщения с его стороны. Показательно, что вина перекладывается иногда и на чужеродца (*русский убил!*), что довольно часто упоминается в этнографической и краеведческой, а также художественной литературе с выраженным местным колоритом. Подробное описание ритуала (с участием шаманки), связанного с добычей медведя, содержится, например, в романе В. Крюгера «Чита – Харбин». Эвенки кричат, обращаясь к убитому медведю: «Медведь, медведь... это не я тебя убил, а русские, Степка да Матвейка!».

«Вороньи» выкрики участников охоты на медведя составляют часть их «извинительных речей», когда охотники оправдываются перед зверем за его убийство. При подходе к берлоге охотники-эвенки обращались к медведю: «Дедушка (старик), тебя убивает ворон» [Василевич, 1969, с. 235].

Подняв зверя из берлоги, охотники-кеты говорили ему: «Ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!» – после чего убивали [Васильев, 1948, с. 84]. Кроме того, междометия типа *куох-куох* являются коррелятами множества подставных названий для медведя⁹, табуирования его имени¹⁰, частей его тела и т. п., которые фигурируют, например, в тофаларской молитве над убитым медведем, произносимой после криков *ки-ик, ки-ик, ки-ик* [Рассадин, 1973, с. 123]:

Милостивые боги горы отдали нечто,
Имеющее земляной дом и земляную подушку.

Высказывались соображения о том, что такие черты связанного с добычей медведя ритуала (праздника), как «извинительные речи», словесные запреты и подставные слова (к ним добавляются танцы-пантомимы, ритуальная варка и поедание медвежьего мяса и др.), являются очень архаичными. Они квалифицированы как евразийско-американские [Васильев, 1948, с. 103].

Типологической параллелью к поведению охотников в ритуале после убийства медведя может служить уловка хитроумного Одиссея¹¹, называющего себя име-

⁸ Нганасанское звукоподражание *küük-küük*, видимо, не имеет отношения к охоте на медведя (используется при игре в прятки – сообщение В. Ю. Гусева).

⁹ Наличие подставных названий и словесных запретов, конечно, является общим для языка охотников.

¹⁰ В типологическом отношении уместно привести известный пример табуирования индоевропейского названия медведя в праславянском, где появилось название **medvědъ*, букв. ‘медоед’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 66).

¹¹ Сопоставление далеких в пространстве и времени мифопоэтических традиций (например, античной буколической и ненецкой) правомерно, так как показывает «единство поэтического мировосприятия схожих процессов во внешнем мире» [Люблинская, 2013, с. 121].

нем *Никто*¹², что позволяет ему избежать смерти после ослепления одноглазого чудовища. Хитрость, состоящая в том, что субъект убийства перекладывает ответственность за него на кого-то (ворона, чужеродца¹³), в том числе, как в случае с Одиссеем, на человека по имени *Никто*, известна в разных традициях и может выражаться еще в перекладывании ответственности за убийство на его орудие. Т. В. Цивьян, обратившая внимание автора на универсальный характер подобного перекладывания, привела пример из сербской традиции: при ритуальном убийстве стариков бьют по хлебу, положенному на голову, приговаривая: «Не я убиваю, хлеб убивает».

В заключение несколько слов в качестве попутного замечания. Использование подставных слов в охотничьих ритуалах может служить типологической параллелью («стадиально» более ранней) к некоторым явлениям поэтического языка, в том числе к явлениям цитатных и центонных слоев в стихах разных авторов, формированию «поэзии загадок» (например, у И. Анненского в духе С. Малларме), а в более широком плане – к «зашифрованности», «извилистости» как осознанному принципу поэтической речи [Топоров, 1982, с. 141; Аникин, 1999, с. 256]. Он отражен в эпитете Аполлона Λοξίας (Локсий), букв. ‘извилистый (в своих вещаниях)’.

3. Рус. диал. *зоска, жбска, жбстка, жбшка*

Это диалектное название игры (в основном детско-подростковой), состоящей в подбрасывании ногой самодельного волана варьирующейся формы, встречается в литературных текстах. В данных НКРЯ встречаются три примера с этим словом, два из них в произведениях Е. Евтушенко. Один – в романе «Ягодные места» (1982): *...как будто косьбой занимался с детства, а не играл в «зоску» с марьянорожчинскими ребятами*. Второй – в мемуарном повествовании «Волчий паспорт» (1999): *...дворовая шпана играла на интерес или даже на деньги – кругленьким кусочком меха со свинцовой пластинкой посередине – это называлось «пушок» или «зоска»*. Данные НКРЯ могут быть дополнены, например, ссылкой на книгу музыканта и писателя А. Козлова «Козел на саксе» (1998): *Давно забыта и такая игра, как «жестка» или «пушок», во всяком случае так ее называли в нашем дворе. Но, оказывается, в разных районах Москвы она имела разные названия <...> Жестка представляла собой изделие из круглого кусочка меха с приделанным к нему грузом*.

В отраженное художественной литературой городское просторечие слово пришло из диалектной речи:

зоска ‘подбрасывание ногой куса кожи с длинной шерстью, к которой пришит свинцовый кружок (монета) – детская игра’ забайк., прибайк., вят., *жёска* ‘игрушка вроде нашего пернатого мяча, волана’ сиб., *жбска* ‘игра, занесенная из Китая, свинцовый кружок или клочок овчины, использующийся в этой игре’ сиб., забайк., *жбстка* ‘клочок овчины, к которой пришит тяжелый предмет’ свердл. (СРНГ, вып. 9, с. 145, 217; вып. 11, с. 346), *зоска* ‘круглая пластинка из

¹² Я называюсь Никто (Οὐτίς ἐμοί γ’ ὄνομα, см. «Одиссея» IX, 366).

¹³ Для охотников, отождествляющих себя с вороном, последний выступает как своего рода «козел отпущения» [Мелетинский, 1979, с. 92]. В православной традиции выражение *бес (черт) попутал!* используется совершившим преступление (проступок) человеком фактически для хотя бы частичного снятия с себя ответственности и перекладывания ее на зловерного духа.

свинца или монета, к которой прикреплен кусочек кожи с длинной шерстью, подобие волана' прибайк. (Прибайк. сл., вып. 1, с. 146), *жобшка* (= *зоска*) курск. (ЭСРДС, с. 214), *жоска*, *жобшка* 'детская игрушка, волан с перьями (играли, подбрасывая ногой)' (СлРусК XVIII–XIX, с. 165).

Слово *зоска* с вариантами известно в русском языке с XIX в. Его наличие в говорах Сибири (особенно в Забайкалье и Прибайкалье) позволяет довольно уверенно объяснить его как заимствование (адаптированное с помощью суффикса *-ка*) из бур. *зоос* 'монета' = калм. *zōs* 'мелкая китайская монета с четырехугольным отверстием в середине', монг. *зоос(он)*, ср. п.-монг. *ᠵоᠣᠰᠤᠨ* 'монета' (ЭСРДС, с. 206, 214; Ramstedt, S. 477; РЭС, вып. 17, с. 56)¹⁴.

Форма *жоска* возникла из *зоска* вследствие диссимилиации свистящих *з...с > ж...с* (> *ж...ш*), в форме *жостка* вторичная вставка *т*. Собственно бурятское название игры в *зоску* – *тэбэг* 'вид волана (подбрасываемого ногой при игре)' = монг. *тэвэг*, п.-монг. *tebeg*, из монгольских языков тув. *тевек*, алт. *тебек*. По всей видимости, игра происходит из Китая.

Очевидно, что в европейскую часть России (включая Москву¹⁵) слово *зоска* пришло из Сибири. Е. Евтушенко мог слышать его и в Москве и в Сибири, в городе Зима Иркутской области, где он родился и провел годы эвакуации. Интересно польск. *zośka*, которое могло быть заимствовано через польских ссыльных, возвращавшихся в Польшу из Сибири.

Под разными названиями игра в *зоску*¹⁶ довольно широко распространена в Азии, аналоги игры известны и за ее пределами. В СССР она считалась вредной для школьников и не поощрялась.

Список сокращений названий языков, диалектов и говоров

алт. – алтайский, блр. – белорусский; болг. – болгарский, бур. – бурятский, в.-луж. – верхнелужицкий, вост. – восточный, вят. – вятский, греч. – греческий, диал. – диалектный, др.-инд. – древнеиндийский, др.-новг. – древненовгородский, др.-рус. – древнерусский, др.-сев. – древнесеверный, забайк. – забайкальский, и.-е. – индоевропейский, иран. – иранский, ительм. – ительменский, калм. – калмыцкий, камч. – камчатский, коряк. – корякский, курск. – курский, лат. – латинский, макед. – македонский, монг. – монгольский, п.-монг. – письменный монгольский, польск. – польский, праслав. – праславянский; прачук.-камч. – прачукотско-камчатский, прачук.-кор. – прачукотско-корякский, прибайк. – прибайкальский, рус. – русский, рус.-цслав. – русско-церковнославянский, свердл. – свердловский, сиб. – сибирский, словц. – словацкий, словен. – словенский, ст.-рус. – старорусский, ст.-слав. – старославянский, ст.-чеш. – старочешский, с.-хорв. – сербохорватский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тюрк. – тюрк-

¹⁴ Через тюркское посредство прошли ст.-рус. *чес* 'китайская (маньчжурская) медная монета' (1568), *чосы* 'медные монеты' (1678), ср. тув. (< монг.) *чоос* 'медная монета' и под. (ЭСРДС, с. 658–659).

¹⁵ Более подробное представление о распространении игры в *зоску* (под разными названиями) дает сайт

[https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php/Лянга_-_жестка_%3D_сокс_\(проба\)](https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php/Лянга_-_жестка_%3D_сокс_(проба)).

¹⁶ На русском материале отмечались также названия *маялка*, *лянга*, *пушок*, *чеканка*, *покекушка*.

ский, узб. – узбекский, укр. – украинский, умбр. – умбрский, чеш. – чешский, чук. – чукотский, эвен. – эвенский, южн. – южный, якут. – якутский.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Молчание // Этнолингвистический словарь славянских древностей. М.: Индрик, 2004. Т. 3. С. 292–296.
- Аникин А. Е. К истолкованию одного имени собственного: псевдоним И. Ф. Анненского *Никто* – *Ник*. *Т-о* (несколько соображений) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик, 1999. С. 249–268.
- Аникин А. Е. Лексикон Иннокентия Анненского в историко-лингвистическом освещении // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 313–336.
- Аникин А. Е. Из истории слов V. Тюркизмы в русских говорах // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 243–256.
- Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: ЯСК, 2007. 255 с.
- Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78–104.
- Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 172 с.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 867 с.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. 9-е изд. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. (1-е изд.: СПб., 1755)
- Люблинская М. Д. Параллели «сельских поэм» Вергилия в ненецкой литературе // Лингвистический беспредел-2: Сб. науч. тр. к юбилею А. И. Кузнецова. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 121–130.
- Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М.: Наука, 1979. 229 с.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 251 с.
- Рассадин В. И. О культе медведя у тофаларов // Изв. СО РАН СССР. Серия общественных наук. 1973. № 11. С. 122–125.
- Страхов А. Б. Сакральная семантика и этимология: слав. **gověti* и **světъ* // Palaeoslavica. 2023. Vol. 31/2. P. 1–10.
- Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии II (1–3) // Этимология 1980. М., 1982. С. 134–156.
- Трубачев О. Н. Мысли по поводу новой книги: L. Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln, Weimar, Wien // Palaeoslavica. 1995. Vol. 3. С. 211–229.
- Трубачев О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // X Международный съезд славистов. М.: Наука, 1988. С. 292–346.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 495 с.

Boryś W. Semantyka prasłowiańskiego *gověti // Collectanea linguistica in honorem Adami Heinz. Wrocław etc., 1986. S. 33–38.

Oguibénine B. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer. Paris: Institut d'études slaves, 2016.

Список источников и словарей

Мудрак – Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000.

НГБ – новгородские грамоты на бересте (цит. по: [Зализняк, 2004]).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Пекарский – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. [Л.]: АН СССР, 1958.

Прибайк. сл. – Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986–1989. Вып. 1–4.

РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История, 2007–2023. Вып. 1–17. (Издание продолжается).

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–. Вып. 1– (Издание продолжается).

СлРусК XVIII–XIX – Байбури А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб.: Знак, Европейский дом, 2004.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С. Г. Бархударов, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. М.: Наука, 1975–2019. Вып. 1–31. (Издание продолжается)

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Ред. О. С. Сорокин, Л. Л. Кутина, А. А. Алексеев. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 1–22. (Издание продолжается)

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей (по изд. 1893–1903 гг.).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52. (Издание продолжается)

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1–2. Л.: Наука, 1975–1977.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1–2.

ЭСРДС – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 765 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2021. Вып. 1–42.

- Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg: Winter, 1908–1913.
- Derksen – *Derksen R.* Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- EM – *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3-ème éd. Paris: Klincksieck, 1951.
- Ramstedt – *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seura, 1935.
- SP – *Słownik prasłowiański.* Red. F. Sławski. Wrocław etc., 1974–2001. T. 1–8.
- de Vaan – *Vaan M. de.* Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.

References

- Agapkina T. A. Molchaniye [Silence]. In: *Etnolingvisticheskiy slovar' slavyanskikh drevnostey* [Ethnolinguistic dictionary of Slavic antiquities]. Moscow, Indrik, 2004, vol. 3, pp. 292–296.
- Anikin A. E. Iz istorii slov V. Tyurkizmy v russkikh govorakh [From the history of words V. Turkisms in Russian dialects]. *Siberian Journal of Philology.* 2023, no. 1, pp. 243–256.
- Anikin A. E., Khelinsky E. A. *Samodiysko–tunguso–man'chzhurskiye leksicheskiye svyazi* [Samoyed-Tungus-Manchu lexical connections]. Moscow, LRC Publishing House, 2007.
- Anikin A. E. K istolkovaniyu odnogo imeni sobstvennogo: psevdonim I. F. Annenskogo Nikto – Nik. T-o (neskol'ko soobrazheniy) [Towards the interpretation of one proper name: pseudonym I. F. Annensky Nobody – Nick. T-o]. In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan linguistics. Problems of lexicology and semantics. The word in the context of culture]. Moscow, Indrik, 1999, pp. 249–268.
- Anikin A. E. Leksikon Innokentiya Annenskogo v istoriko-lingvisticheskom osveshchenii [Lexicon of Innokenty Annensky in historical and linguistic light]. In: *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. 15 Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov. Doklady soverskoy delegatsii* [Writing, literature, folklore of the Slavic peoples. History of Slavic Studies 15 International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Indrik, 2013, pp. 313–336.
- Borys W. Semantyka prasłowiańskiego *govēti. In: *Collectanea linguistica in honorem Adami Heinz.* Wrocław etc., 1986, pp. 33–38.
- Krasheninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the Kamchatka Land]. 9nd ed. Moscow, Leningrad, Izd. Glavsevmorputi. 1949. (1st ed. St. Petersburg, 1755)
- Lyublinskaya M. D. Paralleli “sel'skikh poem” Vergiliya v nenetskoy literature [Parallels of Virgil's “rural poems” in Nenets literature]. In: *Lingvisticheskiy bespredel-2. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic chaos-2. Miscellany of scientific works for the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow, MSU, 2013, pp. 121–130.
- Meletinskiy E. M. *Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos. Tsikl vorona* [Paleo-Asian mythological epic. Raven cycle]. Moscow, Nauka, 1979, 229 p.

Oguibénine B. *L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer*. Paris, Institut d'études slaves, 2016.

Prokof'yeva E. D. Staryye predstavleniya sel'kupov o mire [Old Selkup ideas about the world]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v.)* [Nature and man in the religious ideas of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 106–128.

Rassadin V. I. *Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka* [Phonetics and vocabulary of the Tofalar language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1971, 251 p.

Rassadin V. I. O kul'te medvedya u tofalarov [About the cult of the bear among the Tofalars]. *Izvestiya SO RAN SSSR. Ser. obshchestvennykh nauk*. 1973, no. 11, pp. 122–125.

Strakhov A. B. Sakral'naya semantika i etimologiya: slav. *gověti i *svět' [Sacred semantics and etymology: slav. *gověti and *svět']. *Palaeoslavica*. 2023, vol. 31/2, pp. 1–10.

Toporov V. N. Iz indoevropeyskoy etimologii II (1–3) [From Indo-European etymology II (1–3)]. In: *Etimologiya 1980* [Etymology 1980]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 134–156.

Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research]. 2nd ed. rev. Moscow, Nauka, 2003, 495 p.

Trubachev O. N. Slavyanskaya etimologiya i praslavyanskaya kul'tura [Slavic etymology and proto-Slavic culture]. In: *10 Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov* [10th International Congress of Slavists]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 292–346.

Trubachev O. N. Mysli po povodu novoy knigi [Thoughts on the new book]: L. Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln, Weimar, Wien. *Palaeoslavica*. 1995, vol. 3, pp. 211–229.

Vasilevich G. M. *Evenki: Istoriko-etnograficheskiye ocherki (18 – nachalo 20 v.)* [Evenki: Historical and ethnographic essays (18th – early 20th century)]. Leningrad, Nauka, 1969.

Vasil'yev B. A. Medvezhiy prazdnik [Bear holiday]. *Sovetskaya etnografiya*. 1948, no. 4, pp. 78–104.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed., rev. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 867 p.

Zhambalova S. G. *Traditsionnaya okhota buryat* [Traditional hunting of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 172 p.

List of sources and dictionaries

Anikin A. E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 765 p.

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, Znak, Nestor-Istoriya, 2007–2022, iss. 1–17. (in progress).

- Bayburin A., Belovinskiy L., Kont F. *Poluzabytyye slova i znacheniya. Slovar' russkoy kul'tury 18–19 vv.* [Half-forgotten words and meanings. Dictionary of Russian culture of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg, Znak, Evropeyskiy dom, 2004.
- Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, Winter, 1908–1913, Bd. 1–2.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 1994, vols. 1–2.
- Derksen R. *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon.* Leiden, Boston, 2008.
- Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine.* 3-ème éd. Paris, Klincksieck, 1951.
- Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Trubachev O. N. (Ed.) Moscow, Nauka, 1974–2021, iss. 1–42.
- Mudrak O. A. *Etimologicheskiy slovar' chukotsko-kamchatskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Chukchi-Kamchatka languages]. Moscow, LRC Publishing House, 2000.
- Natsional'nyy korpus usskogo yazyka* [National Corpus of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/>
- Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod letters on birch bar] (cited according to: Zaliznyak 2004).
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, AN SSSR, 1958.
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch.* Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1935.
- Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Russian North]. Ekaterinburg, UrSU, 2001–, iss. 1– (in progress).
- Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Baikal region]. Irkutsk, ISU, 1986–1989, iss. 1–4.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov (Eds.). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021, vols. 1–52. (in progress)
- Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. S. G. Barkhudarov, D. N. Shmelev, G. A. Bogatova, V. B. Krysko, R. N. Krivko (Eds.). Moscow, Nauka, 1975–2019, iss. 1–31. (in progress)
- Slovar' russkogo yazyka 18 v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. O. S. Sorokin, L. L. Kutina, A. A. Alekseev (Eds.). Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–2019, iss. 1–22. (in progress).
- Słownik prasłowiański.* F. Sławski (Ed.). Wrocław etc., 1974–2001, vols. 1–8.
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative dictionary of the Tunguso-Manchurian languages]. Leningrad, Nauka, 1975–1977, vols. 1–2.
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for Old Russian Language dictionary: in 3 vols]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovary. (according to the editions of 1893–1903 gg.).
- Vaan de M. *Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages.* Leiden, Boston, Brill, 2008.
- Vasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German and suppl.), B. A. Larin (Ed. and pref.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия;
alexandr_anikin@mail.ru)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

*Статья поступила в редакцию 06.09.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted on 06.09.2023;
approved after reviewing on 10.09.2023; accepted for publication on 10.09.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/85/13

Наречия на -о с семантикой «тайность совершения действия» в истории русского языка

Евгений Юрьевич Шарихин

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

sharichan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9459-4126>

Аннотация

Исследуется история наречий образа действия на -о с семантикой тайности, конфиденциальности совершения действия, имеющих заимствованные и русские корни, которые обозначают помещение или пространство в доме или общественном месте: *закулисно*, *кабинетно*, *келейно*, *комнатно*, *кулуарно*, *подпольно* и др. На материале указанных наречий рассматривается процесс формирования такой лексики, её словообразовательные и семантические особенности (расширение семантики таких слов в направлении от прямого к переносному значению), а также современное состояние, связанное с употреблением исследуемых наречий в определенных литературных и публицистических жанрах.

Ключевые слова

русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие

Для цитирования

Шарихин Е. Ю. Наречия на -о с семантикой «тайность совершения действия» в истории русского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 169–182. DOI 10.17223/18137083/85/13

Adverbs in -o with the semantics of “secrecy of action” in the Russian language history

Evgeny Yu. Sharikhin

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

sharichan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9459-4126>

Abstract

The paper examines the history of adverbs of manner in -o conveying the semantics of secrecy and confidentiality of action. These adverbs have Russian and borrowed roots denoting a room or space in a house or public place: *zakulisno* (behind the scenes), *kabinetno* (in the

© Шарихин Е. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 169–182
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 169–182

office), *keleyno* (secretly), *komnatno* (roomly), *kuluarno* (behind the scenes), *podpol'no* (underground) and others. The process of formation of the vocabulary concerned is considered, with a focus on its word formation and semantic features (extension of the semantics from direct to figurative meaning). The analysis of the adverbs has revealed them to have been derived from both qualitative and relative adjectives. Meanwhile, one meaning acquired over time is invariably a qualitative or qualitative-relative meaning. The semantics of adverbs derived from relative adjectives tend to align with the qualitative meaning of the adjective. In some rare cases, however, they may develop a new qualitative meaning that is not explicitly listed in dictionaries. The meaning of adverbial vocabulary is chiefly influenced by the meaning of the motivating words, resulting in the derived words having more abstract semantics than the base words. In addition, attention is given to the current state of the adverbs under study. The paper shows the preservation of synonymic relations between some adverbs in the modern Russian language and their widespread use in certain genres. However, some are extremely rare in the language. The usages are revealed in fiction and memoirs, suggesting the writers' greater freedom to integrate their authors' vocabulary in their works.

Keywords

Russian language, historical lexicology and word formation, semantics, adverb

For citation

Sharikhin E. Yu. Adverbs in -o with the semantics of "secrecy of action" in the Russian language history. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 169–182. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/13

Введение

В современной русистике вопросы семантики наречий рассматривались в работах ряда отечественных лингвистов (см. [Апресян, 1997; Богуславская, 2000; Богуславский, Иомдин, 1999; Падучева, 1997; Пеньковский, 1988; 2004; Савелова, 2009; Урысон, 2006; Филипенко, 2003; Чурмаева, 1989; Шмелев, 1973] и др.). Несмотря на определенные успехи в изучении этой проблемы, наречие как часть лексико-семантической системы русского языка исследовано недостаточно. С одной стороны, как отмечает А. Б. Пеньковский, ученые всегда интересовались главным образом «устройством» наречий и их «деятельностью» и пренебрегали их «внутренним миром», их семантикой [Пеньковский, 1988, с. 53]. С другой стороны, большая часть работ, посвященных наречиям, касается их современного состояния. Однако глубокое изучение этого класса слов требует обращения к истории его формирования и развития. В современный момент исследовать лексические единицы в диахроническом аспекте позволяет обновление круга источников, появление электронных баз данных¹. Таким образом, актуальность статьи заключается в необходимости изучения динамических процессов, на протяжении нескольких веков происходивших в русском языке в области наречий на лексико-семантическом уровне (расширение или сужение значений, метафоризация значений, лексикализация конкретных форм языка и т. д.).

Несмотря на то, что в лингвистике наречие часто относят к формальной, вторичной категории², исследования этой группы слов показывают, что в XIX–XX вв. образование наречной лексики происходило не менее активно, чем слов

¹ Помимо оригинальных печатных изданий XIX в. в статье также были использованы данные «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru).

² Некоторые ученые подвергали критике мнение, что наречия по отношению к прилагательным вторичны с точки зрения формы и семантики [Пеньковский, 1988, с. 53; Кружкилина, 1993].

других частей речи³, причем отдельные ученые отмечают факт параллельной производности (кодеривации) наречий и однокорневых прилагательных [Пеньковский, 2004, с. 165]⁴. Словообразовательной базой для наречий являются главным образом как качественные, так и относительные прилагательные. Восходящие к ним наречия в основном приобретали одно из значений – качественное или качественно-относительное. Семантика наречий, образованных от относительных прилагательных, за редким исключением, соотносится с качественным значением прилагательного или развивает новое качественное значение, которое не фиксируется в словарных статьях, семантизирующих прилагательные. Семантика наречной лексики чаще всего зависит от значения мотивирующей леммы⁵, причем производное слово получает преимущественно более абстрактную семантику, чем производящая база.

В данной работе предпринята попытка обратиться к наречиям на -о с семантикой тайности, конфиденциальности совершения действия, которые имеют как заимствованные, так и русские корни, обозначающие помещение или пространство в доме или общественном месте: *закулисно, кабинетно, келейно, комнатно, кулуарно, подпольно* и др. На материале указанных наречий рассмотрим историю становления такой лексики, ее семантические особенности и современное состояние. Малоизученность⁶ наречий этой лексико-семантической группы, их ограниченная представленность в академических словарях русского языка определяют научную новизну статьи. Так, в числе прочих, в работе рассматриваются наречия, некоторые значения или оттенки которых не подвергались ранее лексикографической фиксации.

1. Наречия *кабинетно, комнатно и келейно*

В качестве яркого примера наречия, внутренняя форма которого связана с наименованием помещения, рассмотрим лемму *кабинетно*. Это слово восходит к прилагательному *кабинетный* (от фр. cabinet). В СлРЯ XVIII отмечено лишь основное значение – ‘отн. к кабинету’ (СлРЯ XVIII, т. 9, с. 184); оттенок значения выделяется в составе фразеологической единицы *кабинетная жизнь* – ‘уединенная, проводимая в занятиях’ (СлРЯ XVIII, т. 9, с. 184). Новое производное значение прилагательного, с которым семантически и словообразовательно связано наречие, в XIX в. получает дальнейшее развитие: новообразованное наречие передает другой оттенок значения. См.:

(1) [*Ягужинский, удерживая г-жу Шумахеръ*] – *Нѣтъ, нѣтъ, воля ваша, Софья Ивановна, намъ надобно подумать, придумать, уладить не спѣша, кабинетно...* (Н. И. Хмельницкий. Обер-кухмейстер Фельтен, 1849, с. 248)

³ В. Б. Евтюхин справедливо отмечает, что «по вкладу в номинативный фонд русского языка наречия занимают четвертое место среди частей речи, следуя сразу за именем существительным, глаголом и прилагательным» [Евтюхин, 1999, с. 3].

⁴ См. также: [Савелова, 2009, с. 21]

⁵ См.: [Толстая, 2002, с. 112]

⁶ Определенный вклад в исследование наречий как части лексико-семантической системы русского языка вносит диссертационное исследование автора статьи [Шарихин, 2019].

(2) *И вотъ, Д-на <Державина> нарочно вызываютъ и кабинетно передаютъ: писать онъ, пожалуй, можетъ, только пусть броситъ надежду, что ни будь выиграть черезъ это...* (П. Безсонов. Песня М. Л. Нарышкиной (1, 2) и ее значение, 1874, с. 390)

Если в примере (1) наречие *кабинетно* обладает следующей качественной семантикой: ‘без свидетелей, тайно; уединенно, спокойно <что-л. делать>’, то во фрагменте (2) оттенок значения наречия уже: ‘без свидетелей, конфиденциально’.

Между тем нами также выявлен другой пример, в котором наречие *кабинетно* имеет несколько иную семантику:

(3) *Существованіе огромной массы нашихъ городовъ, какъ извѣстно, обязано искусственнымъ мѣрамъ. Города эти созданы, можно сказать, кабинетно, административно-механически...* (Д. С-о. Городское устройство, 1873, с. 302)

В этом примере рассматриваемое наречие обладает качественно-относительной семантикой: ‘в кабинете; в отрыве от жизни, искусственно’. Наречие *кабинетно* в примере (3) находится в одном ряду с наречием *административно-механически*, что частично подтверждает отмеченную нами семантику (так, *механически* – ‘без участия сознания, искусственно’).

В связи с вышеприведенными примерами отметим также и единичный случай употребления наречия *комнатно* в следующем контексте:

(4) *Стала ваша собака, идите поближе, и наступивъ на веревку не велите трогать дичь (само собой, разумѣется, что она уже комнатно очень твердо выучила тубо).* (А. П. Ж. Курляндский ошейник, 1838, с. 106)

Наречие *комнатно* с латинской основой (от лат. (camera) *camīnāta* – ‘отапливаемая комната’ от *camīnus* (см. *комин*) (Фасмер, т. 2, с. 304)), не отмеченное в словарях русского языка, восходит к прилагательному *комнатный*, имеющему в качестве одного из оттенков в семантике следующий: ‘протекающий, происходящий в комнате’ (ССРЛЯ, т. 5, с. 1250). Новообразование *комнатно* в данном контексте обладает относительным значением и имеет семантику ‘в комнате, в помещении; в домашней обстановке’.

Примечательно, что наречие *комнатно*⁷, в отличие от лексемы *кабинетно*, не развило в русском языке качественного значения. Это может быть связано с тем, что в семантике существительного *кабинет*, вошедшего в русский язык в начале XVIII в., изначально была сема уединения, в то время как существительное *комната* этой семы не имело. Ср: *кабинет* – ‘комната в доме для уединения, ка-ких-л. занятий; специально оборудованное помещение для научной и др. работы’ (СлРЯ XVIII, т. 9, с. 183–184) и *комната* – 1) ‘отдельное помещение в доме’ и 2) ‘кабинет, помещение во дворце для государственных дел; личные покои царя, лиц царской семьи’ (СлРЯ XVIII, т. 10, с. 122).

⁷ Попутно отметим и наречие *квартирно*, которое, подобно наречию *комнатно*, встречается достаточно редко и лишь в относительном значении ‘о расположении войск в казармах или гражданских зданиях’: *На ночлегахъ отрядъ всегда располагался квартирно, никогда бивуакомъ.* (В. Имшенецкий. Воспоминание о переходе Скобелева через Балканы, 1879, с. 532)

В качестве другого примера наречия, корень которого относится к наименованию помещения, рассмотрим лексему **келейно**, которая по своему значению близка наречию *кабинетно*. Лексема восходит к прилагательному *келейный* (от сущ. *келья* – ‘отдельная комната или отдельное жилище монаха, монахини в монастыре’ (ССРЛЯ, т. 5, с. 923)), обладающему несколькими значениями, среди которых присутствуют следующие: 1) ‘относящийся к келье’; 2) ‘совершающийся в келье, наедине или отдельно от других’; 3) ‘тайный, секретный’ (Сл XI–XVII, т. 7, с. 110–111). Обратимся к одному из самых ранних употреблений наречия *келейно*.

(5) *О чем изъявя и вашего святейшества, в Духе Святом отца нашего и богомольца, просим, дабы за такое неизреченное Божие милосердие **соборно и келейно** молебное благодарение воздавали и о нашем здравии и всего воинства молили.* (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709))

Наречие *келейно* в примере (5) употреблено в церковно-религиозном контексте в устойчивом сочетании *соборно и келейно*, имеющем семантику ‘вместе со всеми и наедине’ (СлРЯ XVIII, т. 10, с. 31). Таким образом, наречие *келейно* изначально имело одно значение ‘наедине’. Между тем позднее производное значение наречия дополнилось семой тайности, приобретя качественность. См.:

(6) *ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде **келейно**.* (N. N. Ты охотник до ведомостей, 1775, с. 50)

(7) *Но учение мое происходило **келейно**, тайно отъ всехъ.* (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский, 1839, с. 48)

В данных фрагментах наречие *келейно* обладает качественной семантикой ‘тайно, секретно, без свидетелей’. Это подтверждается и значением, выделенным в СлРЯ XVIII – ‘тайно от посторонних’ (СлРЯ XVIII, т. 10, с. 31). Отметим, что в (Сл XI–XVII) данное наречие в форме *келейнѣ* сопровождается следующим толкованием: ‘лично; секретно, тайно’ (Сл XI–XVII, т. 7, с. 111).

Примечательно, что среди выявленных примеров достаточно много контекстов, в которых наречие *келейно* встречается в связке с глаголами, обозначающими телесные наказания: *наказать (высечь, выпороть) келейно*. См.:

(8) – ***Келейно** высьчь-сь? – спросилъ онъ <правитель канцеляріи>.*

– *Нѣтъ, не **келейно**, а какъ слѣдуетъ... по закону-сь!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Сомневающийся, 1891, с. 131)

Подобно отмеченному выше фрагменту (5) с церковно-религиозным выражением *соборно и келейно*, в примере (8), описывающем реалии светской жизни XIX в., присутствует антитеза *келейно* ↔ *как следует, по закону* (т. е. открыто, публично, а не тайно, без свидетелей). Приведенный ниже контекст (9) отчетливо демонстрирует это противопоставление и устойчивость выражения *келейно и публично*. См.:

(9) *Во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ – вводится тѣлесное наказаніе... **Келейно и публично** – смотря по проступкамъ.* (В. И. Немирович-Данченко. Женские портреты, 1892, с. 135)

Во фрагменте (9) наречия выступают в качестве антонимов: *келейно* – ‘тайно, секретно, без свидетелей’ и *публично* – ‘открыто, в присутствии людей’. Такие

лексемы характеризуют «степень публичности совершения действия» [Дегальцева, 2021, с. 269].

2. Наречия *кулуарно* и *закулисно*

Несколько иной путь семантического развития наблюдаем при анализе наречия *кулуарно*, имеющего схожую семантику, но иное происхождение. Эта лексема вошла в русский язык достаточно поздно, в первой половине XX в. Данное слово восходит к прилагательному *кулуарный*, имеющему в качестве внутренней формы существительное *кулуары*⁸ (от фр. *couloir* – ‘проход, коридор’) – ‘помещения, служащие для отдыха, неофициальных встреч, обмена мнениями и т. п. преимущественно во время работы парламента, конференций, съездов и т. п.’ (БАС, т. 8, с. 768). Прилагательное *кулуарный* имеет следующую семантику: ‘относящийся к кулуарам, связанный с ними; неофициальный, негласный, закулисный’ (БАС, т. 8, с. 768). Обратимся к примерам употребления наречия *кулуарно*. См.:

(10) (...) *аргументация Иосифа Волоцкого, приведенная в «Письме о нелюбках»* (...) *представляет собой не запись их официальных выступлений на соборе, а выражение тех мнений, которые высказывались обеими сторонами вне собора, кулуарно*. (С. Я. Лурье. Памятник идеологии раннего иосифлянства, 1956, с. 137)

(11) *Кого-то наказали, порядок восстановили, – к сожалению, кулуарно, без обсуждения и огласки*. (Л. Ш. Вильчек. Валентин Овечкин: жизнь и творчество, 1977, с. 100)

В приведенных фрагментах (10) и (11) лексема *кулуарно* обладает качественным значением ‘неофициально, тайно, закулисно, без свидетелей’. Обращает на себя внимание сходство контекстов с наречиями *кулуарно* и *келейно*. Так, например, во фрагментах (5) и (10) присутствуют противопоставления «соборно ↔ келейно» и «на соборе (т. е. соборно) ↔ кулуарно», а контексты (6), (8), (9) с наречием *келейно* и фрагмент (11) с наречием *кулуарно* имеют общую тему: речь идет о наказаниях. Это свидетельствует о том, что оба наречия в большой степени привязаны к тематически ограниченным контекстам и определенным семантическим группам глаголов. Отметим, что в языке XXI в. эти лексемы достаточно часто встречаются в текстах политической направленности в словосочетаниях: *принять решение, решить вопрос келейно // кулуарно* и т. п.

Примечательно, что следующее рассматриваемое нами наречие *закулисно* этимологически связано с лексемой *кулуарно*: внутренние формы этих слов – существительные *кулисы* и *кулуары* – имеют общее происхождение, у них один французский корень – глагол *couler* со значением ‘течь, бежать, литься, скользить’ (ср. *un couloir* и *une coulisse*) (Черных, 1999, т. 1, с. 452–453).

Наречие *закулисно* восходит к прилагательному *закулисный*, которое, в свою очередь, было образовано одновременно лексикализацией предложно-падежного сочетания *за кулисами* и аффиксацией (суффикс *-н-*). Прилагательное *закулисный* имеет следующее толкование: 1) ‘находящийся за кулисами’ // ‘происходящий за кулисами’ и 2) *перен.* ‘скрываемый, тайный’ (БАС, т. 6, с. 284). По-видимому, наречие *закулисно* вошло в русский язык во второй половине XIX в., поскольку самый

⁸ По данным словаря П. Я. Черных, слово *кулуары* вошло в русский язык в самом начале 1900-х гг. (Черных, 1999, т. 1, с. 453).

ранний выявленный пример употребления этой лексемы относится к 1864 году. Для определения семантики этого слова обратимся к примерам. См.:

(12) *Чуть только вносятъ новаго больнаго, какъ одинъ изъ ассистентовъ читаетъ уже прежде составленную, сжато и кратко написанную анамнестичку (...). Пульсъ, дыханіе, температура и весь наружный habitus уже определены (...). Все это совершается, такъ сказать, **закулисно**.* (Извлечение из отчета В. Стадиона, 1864, с. 310)

Вероятно, использование наречия *закулисно* в медицинском контексте связано с существованием такого исторического явления, как *анатомический театр*, что для современного человека значит ‘специально оборудованное помещение при медицинском научно-исследовательском учреждении или учебном заведении для вскрытия и препарирования трупов с целью изучения строения человеческого тела’ (БАС, т. 1, с. 194). Между тем в XVII в. публичные вскрытия происходили при свечах в сопровождении небольшого оркестра, а анатомы были одеты в парадные костюмы, что напоминало торжественные театральные представления. В приведенном примере (12) наречие *закулисно* можно семантизировать следующим образом: ‘без публики; предварительно’.

Можно предположить, что прилагательное *закулисный* и восходящее к нему наречие *закулисно* изначально обладали относительной семантикой и использовались в театральной и позже медицинской сферах в прямом значении, а впоследствии такая лексика распространилась и на другие области, развив переносное значение. См.:

(13) *Обнародовавъ свою брошюру, г. Черновъ совершилъ истинно хорошій, честный поступокъ. Онъ не могъ не знать, что скажутъ о ней – если не въ печати, то **закулисно** – единомышленники “Гражданина” и “Московскихъ Вѣдомостей”.* (Хроника. Внутреннее обозрение, 1895, с. 811–812)

(14) *Он <инженер Протасов> пользовался крепким уважением масс, хотя действовал всегда **закулисно**, скрытно.* (В. Я. Шишков. Угрюм-река, 1928–1933, с. 383)

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, наречие *закулисно* обладает значением ‘скрыто, тайно; непублично’, на что указывает и лексическое окружение, в котором находится рассматриваемая лексема: *не в печати* (т. е. *не публично* – пример 13), *скрытно* (пример 14). Интересно формирование у этой лексемы переносного значения ‘тайно, скрыто’: по-видимому, качественная семантика наречия формировалась под влиянием реалий театральной жизни, происходящей за кулисами храма искусства, т. е. там, где не присутствует публика, приходящая на спектакль (ср. *интриги закулисы*, *закулисные интриги*). В современном языке наречие *закулисно* используется при характеристике скрытой от большинства людей стороны, сферы какой-либо деятельности (часто о политике): *действовать закулисно*.

3. Наречия *подпольно* и *подземно*

Лексема *подпольно*, подобно наречию *закулисно*, восходит (опосредованно, через звено прилагательного) к предложно-падежному сочетанию. Изначально эта лексема встречалась главным образом в текстах, описывающих нелегальную дея-

тельность революционных народников, активно происходившую в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Самая ранняя выявленная фиксация этой лексемы относится к 1879–1881 гг. и встречается в дневнике русского хирурга Н. И. Пирогова. См.:

(15) *Не мало способствует силъ этой стороны и то, что принуждена действовать **подземно, подпольно**, изъ-за угла и втихомолку. Никакая государственная власть одна... не справится съ подпольною крамолою.* (Пирогов Н. И. Вопросы жизни, 1879–1881, с. 253)

Наречие *подпольно* образовано от прилагательного *подпольный*, которое, в свою очередь, появилось благодаря адвербиализации субстантивно-предложного сочетания *под полом*. Прилагательное *подпольный* сопровождается в БАС следующими значениями: 1) 'относящ. к подполью; расположенный под полом и 2) 'нелегальный' // разг. 'действующий тайно, в нарушение существующих законов' (БАС, т. 18, с. 129). Семантика наречия *подпольно* в контексте (15) коррелирует со вторым значением прилагательного и его оттенком: 'нелегально, действуя тайно, тайком'. Очевидно, лексическое окружение (*изъ-за угла и втихомолку*) добавляет рассматриваемому слову некоторые семы, имеющие отрицательную коннотацию. Кроме того, семантика наречия *тайком*, с помощью которого осуществляется семантизация лексемы *подпольно*, также это подтверждает: данное наречие предполагает сокрытие чего-то плохого, и в таком случае «говорящий оценивает поведение субъекта отрицательно» (НОССРЯ, 2003, с. 1141).

В примере (15) наречия *подпольно* и *подземно* выступают в роли однородных обстоятельств, находясь в одном синонимическом ряду. Эти лексемы не только образованы аналогичным способом (лексикализацией), но и обладают схожей семантикой. Так, наречие *подземно* имеет следующее переносное значение: 'нелегально; невидимо, тайно'.

Отдельный интерес вызывает окказиональное употребление наречия *подпольно* в языке М. М. Пришвина. Приведенный ниже фрагмент (16) показывает, что значение прилагательного *подпольный* не проливает свет на семантику наречия. См.:

(16) *По-моему, это сказано замечательно, и я, правда, что-то создал, если только не всякое эпическое повествование создается именно на этом пути, т. е. смотреть на себя как на постороннего и признавать реальность не только чужих «я», но и всяких вещей, как у Гомера, у Толстого и у всех подобных им писателей, созерцающих жизнь людей целостно, а не частично, **подпольно**.* (М. М. Пришвин. Дневники (1926–1927), с. 466)

В приведенном фрагменте наречие *подпольно* имеет тесную внутреннюю связь с предложно-падежным сочетанием *под полом* и обладает качественно-относительным значением 'узко, ограничено, односторонне, замкнуто, изолированно'. В данном примере располагающиеся в одной синтагме однородные члены (контекстуальный антоним *целостно* и синоним *частично*) способствуют определению значения лексемы за счет общего семантического фона, в который слово помещено и в котором оно функционирует. Возможно, употребление рассматриваемого наречия в таком значении связано с идеей повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864), в которой описывается одинокий безымянный герой, живущий замкнуто, обособлено от других людей и размышляющий о проти-

воречиях жизни сквозь призму своего внутреннего мира, в преломлении своей личности.

Проведенный нами анализ семантики наречий *кабинетно*, *келейно*, *кулуарно*, *закулисно*, *подпольно* и *подземно* показывает, что архисемой всех указанных слов является сема *тайно*. По данным ССРЛЯ, семантика наречия *тайно* соотносится с тремя следующими значениями и оттенками своей производящей базы – прилагательного *тайный*: 1) ‘намеренно скрываемый от других, представляющий собою тайну’ // ‘не подлежащий оглашению, секретный’ // ‘ещё не обнаруженный, скрытый, не явный’; 2) ‘не обнаруживаемый вовне, затаенный (о мыслях, чувствах, переживаниях)’ // ‘неясный, смутный, не вполне осознанный’ и 3) ‘не разрешаемый законом, подпольный, конспиративный’ (ССРЛЯ, т. 15, с. 39–40). В зависимости от контекста семантика наречий *кабинетно*, *келейно*, *кулуарно* и *закулисно* может коррелировать с первым и вторым значениями прилагательного *тайный*, в то время как семантика наречий *подпольно* и *подземно* соотносится с третьим значением этого прилагательного. Такая ситуация в целом соответствует двум кругам употребления наречия *тайно*, которые описываются в НОССРЯ: в первом случае это наречие используется «для описания ситуации, когда человек скрывает от других свою деятельность или отдельные поступки», а во втором – когда человек скрывает внутреннее состояние, чувства, мысли и т. п. (НОССРЯ, 2003, с. 1140).

Принимая во внимание описанную в статье семантику указанных наречий, можно сказать, что ближе всего к ядру лексико-семантической группы наречий с семантикой «тайность совершения действия» находятся лексемы *келейно*, *кулуарно*, *закулисно* и *подпольно*, в то время как лексемы *кабинетно* и *подземно* располагаются на периферии, что характеризуется невысокой частотностью (по данным НКРЯ) и их зависимостью от контекста. Помимо архисемы *тайно*, в семантике рассмотренных наречий присутствуют дополнительные семы, т. е. оттенки значения, которые проявляются за счет лексического окружения и контекстов, в которых эти слова функционируют.

Заключение

Рассмотренные в настоящей статье примеры с наречиями образа действия на *-о* показывают, что все лексемы с корнями, обозначающими какое-либо помещение или пространство в доме или общественном месте, пришли в русский язык в разное время и из разных сфер, относящихся к церкви (*келейно* или *келейнѣ* – XVII в.), дому (*комнатно* – 1 пол. XIX в., *подпольно* – XIX в.), деловой или научной жизни (*кабинетно* – XIX в.), театру (*закулисно* – 2 пол. XIX в.), политике (*кулуарно* – XX в.). Все указанные наречия, за исключением лексем *комнатно* и *квартирно*, с течением времени развили качественную семантику тайности, конфиденциальности совершения действия.

Наречия *кулуарно*, *закулисно* и *келейно* сохраняют отношения синонимии в современном русском языке и широко распространены главным образом в публицистических жанрах (в политических статьях, репортажах, заметках и т. п.). При этом лексема *кулуарно* обладает более широкой семантикой благодаря присутствию в значении наречия семы ‘неофициально’, что позволяет рассмотренному слову сочетаться с более широким кругом контекстов.

Наречия *кабинетно* и *комнатно* крайне редко встречаются в языке: несколько употреблений было выявлено в художественной прозе и мемуарах (XIX – 1 пол.

XX в.), что, по-видимому, обусловлено большей свободой в использовании писателями индивидуально-авторской лексики в своих произведениях.

Наречие *подпольно*, в отличие от приведенных выше лексем, имеет отрицательную коннотацию, что связано с наличием в значении слова семы 'нелегально', однако это наречие в качественном значении широко распространено в современном русском языке, главным образом в художественной прозе и публицистике.

Список литературы

Апресян В. Ю. Семантика и ее рефлексy наречий усилия и малой степени // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 16–34.

Богуславская О. Ю. Снаружи и извне // Русский язык сегодня: Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 367–374.

Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. Семантика быстроты // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 13–30.

Дегальцева А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021. 638 с.

Евтюхин В. Б. Наречие: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 46 с.

Кружилина М. В. Всегда ли семантика наречия повторяет семантику прилагательного? // Русский язык в школе. 1993. № 4. С. 80–84.

Падучева Е. В. Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 253–266.

Пеньковский А. Б. Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 53–59.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: ЯСК, 2004. 460 с.

Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2009. 46 с.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М.: ЯСК, 2002. С. 112–127.

Урысон Е. В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2006. С. 713–758.

Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 303 с.

Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М.: Наука, 1989. 174 с.

Шарихин Е. Ю. Лексические новообразования в области наречий в русском языке XIX века: словообразование, семантика, функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 29 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

Список источников и словарей

А. П. Ж. Курляндский ошейник // Журнал общеполезных сведений. СПб.: Тип. Журн. общепол. свед., 1838.

БАС – Большой академический словарь русского языка: В 25 т. / Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. М.; СПб.: Наука, 2004–2019.

- Безсонов П.* Песня М. Л. Нарышкиной (1, 2) и ее значение // Наш век в русских исторических песнях. Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: Катков и К^о, 1874.
- Вильчек Л. Ш.* Валентин Овечкин: жизнь и творчество. М.: Худож. лит., 1977.
- Достоевский Ф. М.* Записки из подполья // Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. СПб.: В тип. Ф. Стелловского, 1865. Т. 2. С. 193–228.
- Желябужский И. А.* Дневные записки (1682–1709). СПб.: Тип. Имп. Рос. Акад., 1840.
- Имшенецкий В.* Воспоминание о переход Скобелева через Балканы // Сборник военных рассказов (1877–1878). СПб.: Изд. кн. В. Мещерского, 1879. Т. 3. С. 531–553.
- Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Пан Халявский // Соч. Основьяненко. СПб.: Тип. Фишера, 1840.
- Лурье Я. С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 116–140.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.02.2022).
- Немирович-Данченко В. И.* Женские портреты (из записной книжки постороннего наблюдателя) // Ночи бессонные. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1892.
- Н. Н.* Ты охотник до ведомостей // Живописец, еженедельное сатирическое сочинение / Под ред. Н. И. Новикова. СПб., 1775. Ч. 1. С. 36–50.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2003.
- Пирогов Н. И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача // Сочинения Н. И. Пирогова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 1.
- Пришвин М. М.* Дневники (1926–1927). М.: Русская книга, 2003.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Сомневающийся (Помпадур и помпадурши) // Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. Т. 3.
- С-о, Д.* Городское устройство // Дело. Журнал литературно-политический. Год 7. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1873. № 5.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Т. 7.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Л., СПб.: Наука, 1984–2019. Т. 9, 10.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Стадион В.* Извлечение из отчетов лиц, отправленных за границу // Журнал МНП. СПб.: Тип. Рогальского и К^о, 1864. Ч. 122.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Хмельницкий Н. И.* Обер-кухмейстер Фельтен // Соч. Хмельницкого. СПб.: Изд. А. Смирдина, 1849. Т. 3.
- Хроника.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. Т. 5. С. 796–820.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 621 с.
- Шишков В. Я.* Угрюм-река // Шишков В. Я. Избр. соч. М.: Гослитиздат, 1946–1948. Т. 3.

References

- Apresyan V. Yu. Semantika i ee refleksy u narechiy usiliya i maloy stepeni [Semantics and its reflexes in adverbs of effort and small degree]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1997, no. 5, pp. 16–34.
- Boguslavskaya O. Yu. *Snaruzhi i izvne* [Outside and from outside]. In: *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow, Azbukovnik, 2000, iss. 1, pp. 367–374.
- Boguslavskiy I. M., Iomdin L. L. Semantika bystroty [The semantics of speed]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1999, no. 6, pp. 13–30.
- Churmaeva N. V. *Istoriya narechiy v russkom yazyke* [History of adverbs in Russian]. Moscow, Nauka, 1989, 174 p.
- Degal'tseva A. V. *Narechiya obraza deystviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla predlozheniya* [Adverbs of mode of action in different spheres of modern Russian communication: structural-semantic typology and role in the organization of the meaning of a sentence]. Dr. philol. sci. diss. Saratov, 2021, 638 p.
- Evtukhin V. B. *Narechie: uch. posobie* [Adverb: study guide]. St. Petersburg, SPbSU, 1999, 46 p.
- Filipenko M. V. *Semantika narechiy i adverbial'nykh vyrazheniy* [Semantics of adverbs and adverbial expressions]. Moscow, Azbukovnik, 2003, 303 p.
- Kruzhilina M. V. *Vsegda li semantika narechiya povtoryaet semantiku prilagatel'nogo?* [Does the semantics of the adverb always repeat the semantics of the adjective?]. *Russian language at school*. 1993, no. 4, pp. 80–84.
- Paducheva E. V. *Davno i dolgo* [Long time ago and for a long time]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of language. Language and time]. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko (Eds.). Moscow, Indrik, 1997, pp. 253–266.
- Pen'kovskiy A. B. *Semantika narechiya i ee otrazhenie v slovare* [The semantics of the adverb and its reflection in the dictionary]. In: *Slovarnye kategorii: Sb. st.* [Dictionary categories: coll. of art.]. Yu. N. Karaulov (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, pp. 53–59.
- Pen'kovskiy A. B. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 460 p.
- Savelova L. A. *Semantika i pragmatika russkogo narechiya* [Semantics and pragmatics of the Russian adverb]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Arkhangelsk, 2009, 46 p.
- Sharikhin E. Yu. *Leksicheskie novoobrazovaniya v oblasti narechiy v russkom yazyke 19 veka: slovoobrazovanie, semantika, funktsionirovanie* [Lexical innovations in the field of adverbs in the Russian language of the 19th century: word formation, semantics, functioning]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2021, 29 p.
- Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language)]. Moscow, Nauka, 1973, 280 p.
- Tolstaya S. M. *Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira* [Motivational semantic models and the picture of the world]. In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, pp. 112–127.

Uryson E. V. Semantika velichiny [Semantics of size] In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and system lexicography]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 2006, pp. 713–758.

List of sources and dictionaries

A. P. Zh. Kurlyandskiy osheynik [Courland collar]. In: *Zhurnal obshchepoleznykh svedeniy* [Journal of general information]. St. Petersburg, Tip. Zhurn. obshchepol. sved., 1838.

Bezsonov P. Pesnya M. L. Naryshkinoy (1, 2) i eyo znachenie [Song of M. L. Naryshkina (1, 2) and its meaning]. In: *Nash vek v russkikh istoricheskikh pesnyakh. Pesni sobrannyye P. V. Kireevskim* [Our century in Russian historical songs. The songs collected by P. V. Kireevskiy]. Moscow, Katkov i Ko, 1874.

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 25 t. [The large academic dictionary of the Russian language: In 25 vols.]. K. S. Gorbachevich, A. S. Gerd (Eds.). Moscow, Leningrad, Nauka, 2004–2019.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols.]. 3rd ed. Moscow, Rus. yaz., 1999, vol. 1, 621 p.

Dostoevskiy F. M. Zapiski iz podpol'ya [Notes from the Underground] In: *Poln. sobr. soch. F. M. Dostoevskogo* [Complete works of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Tip. F. Stellovskago, 1865, vol. 2, pp. 193–228.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. O. N. Trubachev (transl. from German and suppl.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987.

Imshenetskiy V. Vospominanie o perekhode Skobeleva cherez Balkany [Memories of Skobelev's crossing through the Balkans]. In: *Sbornik voennykh razskazov (1877–1878)* [Collection of military stories (1877–1878)]. St. Petersburg, Izd. kn. V. Meshcherskogo, 1879, vol. 3, pp. 531–553.

Khmel'nitskiy N. I. *Ober-Kukhmeyster Fel'ten* [Ober-Kuhmeister Felten]. In: *Soch. Khmel'nitskogo* [Works of Khmelnytsky]. St. Petersburg, Izd. Al. Smirdina, 1849, vol. 3.

Khronika. Vnutrennee obozrenie [Chronicle. Internal review]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1895, vol. 5, pp. 796–820.

Kvitka-Osnov'yanenko G. F. Pan Khalyavskiy [Pan Khalyavsky]. In: *Sochineniya Osnov'yanenko* [Works by Osnovyanenko]. St. Petersburg, Tip. Fishera, 1840.

Lur'e Ya. S. Kratkaya redaktsiya "Ustava" Iosifa Volotskogo – pamyatnik ideologii rannego iosiflyanstva [Brief edition of the "Charter" by Joseph Volotsky – a monument to the ideology of early Josephism]. In: *TODRL* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1956, vol. 12, pp. 116–140.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 10.02.2022).

Nemirovich-Danchenko V. I. Zhenskie portrety (iz zapisnoy knizhki postoronnyago nablyudatelya) [Portraits of women (from the notebook of an outside observer)]. In: *Nochi bessonnnyye* [Sleepless nights]. St. Petersburg, Izd. V. I. Gubinskago, 1892.

N. N. Ty okhotnik do vedomostey [You are a news seeker]. In: *Zhivopisets, ezhenedel'noe satiricheskoe sochinenie* [Painter, weekly satirical essay]. N. I. Novikov (Ed.). St. Petersburg, 1775, pt. 1, pp. 36–50.

Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory synonym dictionary of the Russian language]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 2003.

Pirogov N. I. Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha [Questions of life. Diary of an old doctor]. In: *Soch. N. I. Pirogova* [Works by N. I. Pirogov]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1887, vol. 1.

Prishvin M. M. *Dnevnik (1926–1927)* [Diaries (1926–1927)]. Moscow, Russkaya kniga, 2003.

Saltykov-Shchedrin M. E. Somnevayushchiysya (Pompadury i pompadurshi) [The Doubting (Pompadours and Pompadourshi)]. In: *Poln. sobr. soch. M. E. Saltykova* [Complete Works of Saltykov-Shchedrin M. E.]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1891, vol. 3.

Shishkov V. Ya. Ugryum-reka [Gloomy River]. In: *Izbrannye sochineniya* [Selected writings]. Moscow, Goslitizdat, 1946–1948, vol. 3.

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 7.

Slovar' russkogo yazyka 18 v. [Dictionary of the Russian language of the 18th cent.]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–2019, vols. 9, 10.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [The dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, 1950–1965.

S-o, D. *Gorodskoe ustroystvo* [Urban arrangement]. In: *Delo. Zhurnal literaturno-politicheskiy* [Business. Literary and political journal]. St. Petersburg, Tip. V. Tushnova, 1873, no. 5.

Stadion V. *Izvlechenie iz otchetov lits, otpravlennykh za granitsu* [Extract from the reports of persons sent abroad]. In: *Zhurnal MNP* [Journal of MPE]. St. Petersburg, Tip. Rogal'skago i Ko, 1864, pt. 122.

Vil'chek L. *Sh. Valentin Ovechkin: zhizn' i tvorchestvo* [Sh. Valentin Ovechkin: life and work]. Moscow, Khudozh. lit., 1977.

Zhelyabuzhskiy I. A. *Dnevnye zapiski (1682–1709)* [Day Notes (1682–1709)]. St. Petersburg, Tip. Imp. Ros. Akad., 1840.

Информация об авторе

Евгений Юрьевич Шарихин, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Evgeny Yu. Sharikhin, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language for the Faculties of Humanities and Natural Sciences, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;

одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 17.05.2022

The article was submitted on 03.02.2022;

approved after reviewing on 17.05.2022; accepted for publication on 17.05.2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI 10.17223/18137083/85/14

**Семантическая история слова
в свете динамизма языковой картины мира
(на примере слова *амбиция* и его дериватов)**

Людмила Ивановна Горбунова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Аннотация

Анализируется изменение семантики слова *амбиция* и его дериватов в течение всего времени функционирования этих единиц в русском языке как отражение содержания фрагмента русской языковой картины мира. На примере этой лексики демонстрируется смещение интереса носителей русской языковой картины мира с нравственных качеств человека на деловые. Отмечается аксиологическая стабильность описанного фрагмента картины мира, под влиянием которой переосмысливается понятие, заимствованное из другой культуры.

Ключевые слова

языковая картина мира, аксиология, *амбиция*, динамизм картины мира

Для цитирования

Горбунова Л. И. Семантическая история слова в свете динамизма языковой картины мира (на примере слова *амбиция* и его дериватов) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 183–196. DOI 10.17223/18137083/85/14

**Semantic history of the word
in the light of the dynamism of the linguistic picture of the world
(a case study of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives)**

Lyudmila I. Gorbunova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

ludgorbunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0854-1891>

Abstract

The correlation of dynamism and stability of the language picture of the world is considered by analyzing the changes in the semantics of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives. In the 19th century, the borrowed word *ambitsiya* had its meaning of “self-respect”

© Горбунова Л. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 183–196
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 183–196

complicated by the component “excessive.” It happens because much attention in the Russian picture of the world is paid to the degree and form of manifestation of self-respect). In the 19th and 20th centuries, the meaning of “exacerbated ego” dominated with a negative connotation. The original meaning of “self-respect” went to the periphery since focusing on oneself admiring one’s own merits is not the fundamental idea of the Russian world. Given the reorientation from the inner world of a person to business qualities, the middle of the 20th century witnessed the actualization of the meaning of “the main goal, the desire to get something.” However, *ambitsiya* and its derivatives still expressed stable value attitudes: the desire to become superior to others often does not correlate with the real merits of an individual, is “too much,” and is based on negative qualities. The new meaning of words indicates the borrowing of a concept from another culture. Nevertheless, this did not change the Russian linguistic picture of the world, with this (alien) concept being transformed under the influence of the value orientations of the Russian picture of the world without any transformations of the latter.

Keywords

language picture of the world, axiology, ambition, dynamism of the picture of the world

For citation

Gorbunova L. I. Semantic history of the word in the light of the dynamism of the linguistic picture of the world (a case study of the word *ambitsiya* (ambition) and its derivatives). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 183–196. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/14

Языковая картина мира (ЯКМ) – одно из важнейших понятий антропоцентрической парадигмы в языкознании, которое позволило описать многие факты языка адекватно их использованию в коммуникации. Как известно, ЯКМ фиксирует некоторую совокупность представлений о мире определенного языкового коллектива, сложившихся «на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира» [Корнилов, 2003, с. 15]. Именно поэтому она достаточно консервативна.

С другой стороны, отражая изменяющийся мир, ЯКМ динамична. Исследование характера и причин этой динамики в настоящее время представляется особо актуальным, тем более что во многих работах утверждается, что русская ЯКМ в последнее время активно изменяется под влиянием западных культур [Шмелев, 2009; Левонтина, 2016].

Продemonстрируем соотношение устойчивости и динамизма ЯКМ, а также аспекты проявления этих черт на примере истории функционирования в русском языке слова *амбиция* и его дериватов *амбициозный*, *амбициозно*, *амбициозность*.

Этот языковой материал неоднократно становился объектом изучения в связи с рассмотрением проблем заимствований [Бастриков, 2008; Сенько, Ленчина, 2020], семантики [Полковникова, 2008; Маринова, 2012; Лобковская, 2009], изменения ценностей [Маринова, 2012; Иванова, 2011; Носкова, 2017], формирования понятий и их отражения лексикой русского языка [Бастриков, 2008; Кузнецова, 2015; Петрова, 2014]. В нашей работе мы последовательно проследим семантическую историю слова и его дериватов в соотношении с характеристиками русской ЯКМ и установим факторы, взаимообуславливающие степень динамизма ЯКМ и вектор семантического развития лексических единиц. Источниками материала послужили контексты со словами *амбиция*, *амбициозный*, *амбициозно*, *амбициозность* из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также словарные дефиниции.

Слово *амбиция* было заимствовано в русский язык в XVIII в. В НКРЯ обнаруживается 6 документов, относящихся к XVIII в., незначительное количество употреблений этого периода в основном в текстах эпистолярного жанра приведено в [Бастриков, 2008]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [1986] отмечается, что анализируемое слово было заимствовано из польского, в свою очередь, польское слово *ambicja* восходит к латинскому *ambitio*, что значит 'честолюбие, тщеславие', и к глаголу *ambire* 'добиваться, домогаться'. По другим источникам, оно вошло в русский из французского в XVIII в., отражая процесс формирования этических понятий **честь, достоинство** [Бастриков, 2008]. Еще не освоенное семантически, в XVIII в. слово включается в сложные взаимоотношения с другими словами с близкими значениями, употребляясь то в значении 'домогательство чинов, власти, властолюбие' (пример 1), то 'честолюбие, славолюбие' (пример 2), то 'достоинство, чувство собственного достоинства' (пример 3), то 'высокомерие, заносчивость' (пример 4):

1) *Но удивляюсь, отчего наши губернаторы прочь пошли, а особливо Алексей В..., которого, как я знал, вся **амбиция** [...] в том, чтоб быть хорошим губернатором* (Д. И. Фонвизин),

2) *Ежели разсудив сие другия области для сохранения своей **амбиции** вздумают в политических делах обходиться с Французами..., то такой случай может их привести в немалое затруднение* (Я. Козельский);

3) *Еще тебя уведомляю о благодарной страсти, которую здесь называют **амбицею*** (Ф. А. Эмин);

4) *И я думаю, что сие происходит от чрезмерной ее **амбиции**, потому что она, будучи сильно заражена своею красотою и разумом, и думает, будто нет на свете одаренного от богов такими достоинствами человека, которого она могла бы удостоить быть своим супругом* (М. Комаров).

К началу XIX в. семантика слова стабилизируется, связывается с содержанием понятия **самоуважение**, которое понимается как гордость (пример 5), неприемлемость бесчестия (пример 6), желание общественного признания (пример 7), стремление сохранить о себе положительное мнение как о человеке благородного происхождения (пример 8):

5) *Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что тебе попадетса (кроме Онѣгина), если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. **амбиции**...* (А. С. Пушкин);

6) *Проезжий поколотил станционного смотрителя... Смотритель был с **амбицией**. Он приехал к начальству просить дозволения подать на обидчика жалобу и **взыскать с него бесчестье*** (П. А. Вяземский);

7) *Тожe пріятно, когда по головкѣ передъ всѣмъ обществомъ, передъ цѣлой, такъ сказать, Россіей глядятъ. Я, братъ, это чувствую. Тожe **амбиція** и у меня есть* (А. К. Шеллер-Михайлов);

8) *Боюсь зазору, молвы людской; вы знаете – я человек благородный, с **амбицією**; хочу, чтобы под меня нельзя было иголки подпустить; так и дорожу своей репутацией* (В. Ф. Одоевский).

При этом обнаруживаются две группы употреблений, демонстрирующих, что отношение к этому довольно широкому спектру представлений непростое. С одной стороны, амбиции и амбициозность ставятся в ряд с другими безоговорочно

положительными свойствами человека, что в ряде употреблений эксплицировано некоторыми элементами контекста:

9) *Вера Ивановна – девушка с амбицией, большая умница...* (П. Д. Бобрыкин);

10) *А то что было тогда обижать меня, Варенька, купно со врагами моими, на честь и амбицию честного человека посягающими!* (Ф. М. Достоевский);

11) *Сердце мое жаждало ласки, участия, сострадания; ум требовал советов и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называем амбицией¹)* (Ф. В. Булгарин).

Амбиции дается и открытая положительная оценка:

12) *Я часто сержусь на Рубинштейна, но, вспомнив, как много сделала его энергическая деятельность, я обезоружен. Положим, он более всего действовал ради удовлетворения своей амбиции, но ведь амбиция-то хорошая* (П. И. Чайковский).

Однако этот контекст, возможность такой сочетаемости, сама необходимость уточнения, что амбиция хорошая, говорит о том, что это качество интерпретируется неоднозначно.

Как представляется, важную роль в интерпретации этого качества как амбивалентного играет понятие нормы. А. В. Санников [2006] обращает внимание на то, что русским языковым коллективом нормой признаётся достаточно высокая самооценка, на это указывает наличие в русском языке слов, называющих подобные и при этом положительно воспринимающиеся свойства: *самоуважение, достоинство, честь, гордость*. Это отмечает и Н. Д. Арутюнова: «В отличие от параметрической лексики в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью» [1987, с. 12]. Таким образом, наличие самоуважения – норма, естественное положение дел, и носитель языка, как правило, относится к нему положительно, что мы видим и в контекстах:

13) *Народ говорит, что и у воробья, и у того есть амбиция, а человек, какой бы он ни был, если только мало-мальски самостоятелен, все-таки не хочет быть поставлен ниже всех* (Н. С. Лесков).

Когда же этих качеств в человеке меньше нормы, это осуждается, потому что «в случае низкой самооценки осуждение вызывает не её заниженность, а неискренность, притворство субъекта» [Там же, с. 9]. В контекстах, где говорится о реализации амбиции меньше нормы, это свойство всегда относится к отрицательной зоне аксиологической шкалы:

14) *Всем хорош, только одно: совсем он тюлень какой-то, и нет у него никакой амбиции, как у других* (К. М. Станюкович);

15) *Пошли в ход мелочные препирательства, соперничанья, столкновения разных мелких амбиций* (П. И. Чайковский).

¹ Следует обратить внимание на то, что в этом и целом ряде других контекстов пишущий поясняет слово *амбиция*, что говорит о новизне и семантической неустойчивости единицы, не окончательной сформированности его значения, его неосвоенности.

Здесь слово *амбиции* входит в ряд однородных членов предложения, которые, как и другие элементы контекста, позволяют говорить, что в норме самоуважение в человеке основывается на сущностных, значимых для человека вещах – на уважении в себе личности, свободы, самостоятельности суждений, независимости. Если же человек сосредоточен на требованиях соблюдать внешнее, формальное проявление уважения или обижается по незначительному поводу – это мелкие амбиции, и это также осуждается, что подчеркивается отрицательнооценочными или сниженными элементами контекста *интрижки* (фамильярн.), *каверзы* (фамильярн.), *самодурство* (неодобр.):

16) *Придется по горло окунуться в море театральных и чиновнических дразг, до тошноты надыхаться этой гнилой атмосферы мелких интрижек, микроскопических, но ядовитых амбиций, всякого рода каверз и проявлений грубого самодурства* (П. И. Чайковский).

К такого рода проявлениям самоуважения часто встречается ироническое отношение:

17) *Подлинно, на грош амуниции, а на рубль амбиции* (Ф. М. Достоевский);

18) *Напился бы чаю, да просить совестно: мы с амбицией!* (Ф. М. Достоевский).

Однако и «чрезмерно высокая самооценка осуждается русской наивной этикой» [Санников, 2006, с. 7], поэтому такие свойства, как гордыня, себялюбие, высокомерие, самодовольство считаются русским языковым коллективом отрицательными. Для обозначения проявления амбиции с превышением нормы в русском языке уже в XIX в. окончательно оформляется новое значение ‘чванство, спесь, обострённое самолюбие’. Именно сема ‘выше нормы’ определяет значения дериватов *амбициозный*, *амбициозно*, *амбициозность*:

19) *Он не ласкался ни к кому, не любил никого, но был спесив, горд и амбициозен до крайности* (Ф. М. Достоевский).

В этом примере амбивалентные свойства *амбициозность* и *гордость*, квалификация которых как положительного или отрицательного зависит от степени проявления, поставлены в ряд с качеством, однозначно относимым к негативным, – спесивостью². Для использования слова *амбиция* и его дериватов в этом новом значении характерна сочетаемость с интенсификаторами: *в высшей степени амбициозно оскорбился, слишком амбициозный человек, в высшей степени амбициозны, болезненно амбициозный характер, был спесив, горд и амбициозен до крайности*.

Стоит обратить внимание, что для обозначения указанного свойства в превышающем норму количестве в русском языке уже существует целый ряд синонимов. Но, видимо, для русского языкового коллектива очень важно номинировать то, как индивид ведет себя на фоне других членов общества. Поэтому и у слова *амбиция* появляется это новое значение: будучи заимствованным в значении ‘чувство собственного достоинства, самолюбие’, которое связано с внутренним миром человека, слово практически сразу начинает употребляться как номинация ‘обостренного самолюбия, чванства, спеси’, т. е. отражает ожидания индивида по по-

² Об амбивалентности понятия «гордость» см. [Кузнецова, 2015].

воду его места в социуме. Кроме того, слово *амбиция* используется также и во фразеологизме *вломиться (войти, удариться) в амбицию, заноситься в своей амбиции*, которое обозначает 'обидевшись, выразить неудовольствие', что также соотносит его семантику с номинацией взаимоотношений с миром, внешним по отношению к носителю названного качества.

Данный факт также подтверждает то, насколько значимым для русской ЯКМ является самоуважение и степень и формы его проявления: нехорошо ставить себя выше других, требовать к себе много внимания и проявления уважения, обладать завышенной самооценкой. В этом обнаруживается такая национально специфическая черта русской ЯКМ, как внимание к нюансам поведения личности в обществе и экспликации человеческих качеств.

Именно значение 'обостренное самолюбие' доминирует в контекстах XIX–XX вв., что отражают и словари. При этом в словарях В. И. Даля (XIX в.) [Даль, 1987] и Д. Н. Ушакова (первая половина XX в.) [Толковый словарь русского языка, 1935] значение 'самолюбие, честь' указывается в качестве первого. Сформированное уже в русском языке значение 'спесь' дается у В. И. Даля через точку с запятой, а у Д. Н. Ушакова – как оттенок первого значения, что ярко демонстрирует амбивалентность и синкретизм в восприятии и интерпретации этого качества. Такого рода подача в словарях весьма знаменательна, так как отчасти отражает как языковую рефлексивность авторов – носителей русской ЯКМ, так и фрагмент русской ЯКМ: самолюбие легко превращается в спесь, чванство.

В словарях второй половины XX в. [Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1995] значение 'самолюбие, честь' уже не указывается вовсе или помечается как устаревшее.

Уход на периферию значения 'самоуважение' объясняется несоответствием концепта, называемого заимствованным словом, системе взглядов, зафиксированных в ЯКМ коллектива-реципиента: сосредоточенность на себе, любование своими достоинствами нельзя отнести к ключевым идеям, отраженным в русской ЯКМ.

При этом уже у В. И. Даля в дефиниции отмечается смысл 'требование внешних знаков уважения, почта'. Но это значение в XIX в., видимо, находилось на периферии. В НКРЯ не нашлось ни одного подобного употребления. Ситуация изменилась в XX в., когда встречается всё больше контекстов со словом *амбиция* в данном значении. Более того, это значение получило грамматическую оформленность: слово в значении 'требование внешних знаков уважения, претензии, притязания на что-л.' стало употребляться исключительно во множественном числе.

Словари трактуют это значение как неодобрительное, данная оценочность подтверждается и контекстами: *амбициями политиканов; талантами пожиже, и амбициями побольше; обуревали имперские амбиции; высокомерные амбиции; одержимый гегемонистическими амбициями; разгула амбиций; честолюбивых амбиций; поумерить амбиции*. Видимо, стремление требовать внешнего проявления уважения к себе, добиваться признания за собой каких-либо достоинств, которые человек или сообщество себе приписывает, в русской ЯКМ трактуется чаще как одно из проявлений крайнего себялюбия, чванства, неуважения к окружающим. Отсюда и характерный иллюстративный материал в дефиниции («*ничем не обоснованные амбиции*» [Ожегов, Шведова, 1995]), что значит «требовать от окружающих внешних признаков уважения, поклонения может только человек, не обладающий настоящими достоинствами».

Однако нередки и контексты с нейтральным употреблением в более общем значении ‘стремление получить что-н., добиться чего-н.’ Здесь наблюдается определенная динамика. В подкорпусе 1900–1950 гг встретился только один пример:

20) *Особых амбиций я не имею: в Москве я был приват-доцентом, в Ростове, в виду отсутствия профессора по моей специальности, – штатным доцентом, замещающим вакантную кафедру* (Н. С. Трубецкой).

Но во второй половине XX в. их уже сотни.

Можно сказать, что начинает актуализироваться значение, которое эпизодически встречается еще в XIX в., ‘главная цель, цель развития, стремление получить что-л.’ (4 документа из 109).

Как зафиксировано в словаре Г. Н. Складневской [Толковый словарь русского языка начала XXI века, 2007], в значении ‘энергичное стремление осуществить честолюбивую цель, замысел, идею’ данное слово было заимствовано из английского языка. Однако для состояния ЯКМ в XIX в. концепт, называемый этим словом из английского, был пока чуждым. Как отмечает И. Б. Левонтина, «в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность» [Левонтина, 2016, с. 8], поэтому этот фрагмент действительности находился на периферии русской ЯКМ – для нее важны были прежде всего морально-нравственные качества человека.

В конце XX – начале XXI в. картина несколько меняется. Слово *амбиция* почти перестает выражать значение ‘чувство собственного достоинства’, недаром словари XXI в. либо вообще не указывают это значение, либо отмечают его как устаревшее. Кроме того, *амбиция* по-прежнему используется в значении ‘обостренное самолюбие’, это значение и закреплено во многих словарях как первое. Однако более частотным является значение ‘цель, то, чего добивается человек’. Именно оно приводится как первое в статье *амбициозный* в [Активный словарь русского языка, 2014].

Примечательно то, что в этом значении слово часто называет уже нейтрально, а часто и положительно оцениваемое качество:

21) *Разумеется, в истории про Корею герой совсем другой – честный, умный, скромный и очень амбициозный трудяга* (Д. Соколов-Митрич, В. Дятликович).

Таким образом, следует отметить, что описываемый фрагмент ЯКМ претерпел некоторые изменения. Однако основной характер этих изменений не в том, что слово приобрело положительные коннотации, как это отмечается в подавляющем большинстве статей, где анализируется функционирование *амбициозный* в русском языке XXI в. [Шмелев, 2009³; Полковникова, 2008; Маринова, 2012⁴; Лоб-

³ В статье А. Д. Шмелева после анализа нескольких слов, в ряду которых названо *амбициозный*, отмечается, что «русское слово (возможно, ранее заимствованное, но адаптированное к системе ценностей русской языковой картины мира) изменяет свое значение под влиянием “западного” аналога (имеет место своего рода семантическая калька). Это приводит к изменению соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, поскольку меняются именно неявные, оценочные компоненты, тогда как ядро значения остается тем же» [Шмелев, 2009, с. 20], с чем трудно согласиться.

⁴ Пример типичной квалификации семантической эволюции слова и номинируемого им качества: «То же касается этической оценки самого качества, следует говорить о том, что она изменилась – с отрицательной на нейтральную или даже положительную. Естествен-

ковская, 2009; Иванова, 2011], а в том, что амбиция – это другое качество человека по сравнению с тем, которое номинировало слово в XIX – первой половине XX в. Если ранее *амбиция* и его дериваты характеризовали человека с морально-нравственных позиций (гордый, уважает себя, ценит свои достоинства или считает себя лучше других, требует проявления уважения к себе), то теперь это констатация его стремления проявить свои деловые качества. Происходит переориентация с внутреннего мира человека на его экономически-деловые отношения с внешним миром. Важнейшим фактором, обуславливающим динамизм этого участка ЯКМ, является изменение ментальных установок, которое состоит не в изменении отношения к людям, считающим себя лучше других, а в смещении концептуальных доминант. Фрагмент ЯКМ, связанный с деловой активностью человека, стремлением достигать поставленных целей, проявлять свои возможности, перемещается с периферии ближе к центру.

Однако говорить о безоговорочной аксиологической переориентации этого фрагмента русской ЯКМ, как это утверждается в указанных выше работах, вряд ли можно.

Во-первых, стоит отметить, что в XX–XXI вв. сохраняется тип употребления слова *амбиция*, который был широко представлен и в контекстах XIX в. Речь идет о фразеологизме *вломиться* (*войти, удариться, упасть и др.*) *в амбицию*, значение которого толковыми словарями продолжает определяться как ‘обидевшись, выразить неудовольствие’ и называет негативное качество – преувеличение собственных достоинств.

Во-вторых, из 136 вхождений XXI в. *амбициозный* как характеристики делового человека, стремящегося добиться успеха, в 50 безоговорочно называется отрицательное свойство:

22) *В одиннадцать лет я, застенчивый тихоня, попал бы в Хаффлафф, а 20-летний уверенный юноша был бы скорее гриффиндорцем. Теперь? Я амбициозный карьерист – типичный слизерин* (Е. Михайлов)⁵;

23) *Сложившаяся среда производит для России не трудолюбивых рабочих и увлеченных интеллектуалов, а амбициозных приживал, мечтающих о теплом месте в муниципальной или государственной системе, оправдывающих собственный профессиональный примитивизм лояльностью* (коллективный. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы);

24) *Телевизионщик до мозга костей, человек скользящий, мыслящий картинками, со звериным чутьем, фантастически энергичный, амбициозный и циничный особым, молодым цинизмом без предела и ограничений* (М. Кучерская).

В приведенных примерах амбициозность как стремление добиться цели, успеха противопоставлена трудолюбию, профессионализму и интеллектуальности и связана со способностью идти по головам, мечтами о теплом месте, профессио-

но, это нашло отражение и в семантике самого слова, получившего в последнее десятилетие положительную коннотацию» [Маринова, 2012, с. 61].

⁵ В романах о Гарри Поттере *Хаффлафф* – факультет, где учатся студенты, для которых характерно упорство, трудолюбие, склонность к эмпатии, *гриффиндорец* – ‘честный, благородный и храбрый человек’, *слизерин* – ‘человек, который не боится идти по головам ради достижения своей цели’.

нальным примитивизмом, самоуверенностью, стремлением к неограниченной власти, цинизмом.

Показательно и то, что на запрос «амбициозный» в поисковой системе Google⁶ предлагаются картинки, связывающие амбициозность в основном с карьерным ростом, раскрываемым через метафору лестницы, которая во многих случаях представляет собой головы или спины других людей⁷. Запрос же «амбиция» наряду с высказываниями пользователей, где данное качество вписано в ряд тех, которые позволяют человеку развиваться, достигать целей (примеры 25–27), реализуется и в ответах, где амбиция и амбициозность трактуются как бесполезные, опасные для самого носителя амбиций и окружающих (примеры 28–33):

- 25) *Это качество помогает достичь успеха;*
- 26) *Это топливо, горючее, без которого даже самая совершенная ракета не оторвется от земли и на дюйм;*
- 27) *Где есть амбиции – там происходят чудеса;*
- 28) *Наши достижения всегда соответствуют нашим амбициям;*
- 29) *Это когда человек считает, что он стоит больше, чем написано на его ценнике;*
- 30) *Вроде круто, но абсолютно бесполезно;*
- 31) *Неспособность адекватно себя оценить;*
- 32) *Амбиции тебя сожрут первым;*
- 33) *Имея амбициозный характер, мы пытаемся прогнуть других под свои амбиции.*

Кроме того, при поиске синонимов к *амбиции* Google⁸ выдает 52 ответа, среди которых только однотипные наименования вроде *гордость, тщеславие, высокомерие, заносчивость*. При этом самыми частотными с большим отрывом от других слов являются *мания величия* и *звездная болезнь*, и нет ни одного слова, в значение которого входила бы сема «успех». Подобную картину дает и запрос синонимов к *амбициозный*. Поэтому представляется возможным сделать следующий вывод. Несмотря на то, что значение *амбициозный* «стремящийся к успеху» является более частотным в узусе, в языковом сознании носителей языка с этим словом прежде всего связывается значение «тщеславный». Анализ научных статей, посвященных этому слову, также позволяет отметить, что даже лингвисты, объектом исследований которых является семантика данного слова, после разграничения старого и нового значений соскальзывают с анализа нового значения на ана-

⁶ https://www.google.com/search?q=%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&rlz=1C1GCEA_enRU997RU999&sxsrf=AJOqlzXTxcvQ5W5d8HdaLAS1CZfZrVRF9g:1677245150902&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=2ahUKEwjpvq6Loa79AhVmxosKHXSrTA94Q_AUoAXoECAEQAw&biw=1366&bih=625&dpr=1 (дата обращения 24.02.2023).

⁷ На наш взгляд, показательным является и тот факт, что формирование ответов на запросы в Яндексe и Google происходит с участием именно той части нашего общества, которая наиболее активна в деловом смысле, то, что сейчас называют *продвинутой*, т. е. амбициозная – стремящаяся достичь результатов в своей деятельности. Поэтому предположения о расщеплении оценочности этого слова, расщепленной коннотации, связываемой с функционированием его у людей разных возрастных и социальных групп [Храмцова, 2017], также можно поставить под сомнение.

⁸ <https://sinonim.org/s/%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8> (дата обращения 24.02.2023).

лиз старого [Храмцова, 2017, с. 152–154]. Таким образом, говорить о том, что значение ‘преувеличенно высокое мнение человека о себе’ является в современном русском языке уходящим [Активный словарь русского языка, 2014], как минимум преждевременно.

Итак, следует констатировать, что описываемый фрагмент ЯКМ находится в движении, которое обнаруживается в том, что отражение ранее периферийного фрагмента действительности стало занимать важное место в ЯКМ, что проявляется в употреблении слова *амбиция* и его дериватов преимущественно в новом значении, называющем деловые качества человека.

При этом следует отметить ярко выраженную аксиологическую константу русской ЯКМ. С точки зрения языкового коллектива, амбициозность, характерная для внутреннего мира тщеславного, чванного, спесивого человека, как правило, не была обусловлена его достоинствами, а если таковые имелись, то они не давали права считать себя выше других. Расширив область денотации, слово *амбиция* и его дериваты по-прежнему выражают те же ценностные установки русской ЯКМ: стремление с помощью каких-либо действий стать выше других (теперь уже в социальном, экономическом, карьерном плане) часто не соотносится с реальными достоинствами деятельного индивида, результативностью его действий, бывает «чересчур» и подчас базируется на его негативных качествах.

Можно предположить, что дальнейшее функционирование *амбициозный* в значении ‘стремящийся достичь успеха’ под влиянием аксиологических констант русской ЯКМ будет развиваться в логике *амбициозный* в более раннем значении ‘тщеславный’: от наименования амбивалентно оцениваемого качества (чувства собственного достоинства, гордости / успешности) через мнение, что этого качества невозможно достичь этично, без нарушения прав окружающих, без ущерба для них, что на этом пути легко пересечь границу нормы, что порождает тщеславность / способность идти по головам, – к квалификации стремления к успеху исключительно как негативного свойства человека. Именно аксиологической устойчивостью ЯКМ можно объяснить то, что уже сейчас «на новое значение всё-таки падает тень старого»⁹, что «даже самые активные защитники нового значения среди интернет-коммуникантов при попытке прокомментировать способы достижения целей, которые ставит амбициозный человек, выходят на отрицательные черты характера личности, а слишком активная реализация амбиций вызывает чаще всего раздражение и неприятие»¹⁰.

Появление нового значения у слова *амбиция* и его дериватов, несомненно, свидетельствует о заимствовании понятия другой культуры, отражает изменения, происходящие в сознании носителей ЯКМ, состоящие в интересе к таким качествам личности, которые ранее ускользали от внимания русского человека. Однако встраивание в систему взглядов на окружающий мир, зафиксированную в ЯКМ, в данном случае приводит не к перестройке фрагмента русской ЯКМ [Шмелев, 2009; Урусова, 2022], а к преобразованию чуждого концепта, называемого словом, в описываемом случае к изменению его аксиологических смыслов.

⁹ Шмелева Т. В. Вы не амбициозны? Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/188> (дата обращения 22.02.2023)

¹⁰ Там же.

Список литературы

- Активный словарь русского языка. Т. 1. А—Б / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры. 2014. Т. 1. 408 с.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.
- Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
- Бастриков А. В. Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования наименований этических понятий) // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 2. С. 185–196.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз. 1989.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. 2310 с.
- Иванова А. Б. О сдвиге в оценочной семантике отдельных лексем // Наука и культура России: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та путей сообщения. 2011. С. 164–166.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Кузнецова О. А. История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке // Вестник Том. гос. ун-та. 2015. № 395. С. 10–17.
- Левонтина И. Б. О чем речь. М.: Corpus, 2016. 512 с.
- Лобковская Л. П. К проблеме изменения оценочной коннотации заимствований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2009. № 7 (41). С. 136–139.
- Маринова Е. В. Могут ли амбиции быть «здоровыми»? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 23.01.2023).
- Носкова Н. А. Трансформация ментальности в условиях мировых интеграционных процессов // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск: Изд-во Моск. гум.-экон. ин-та (Новороссийский филиал), 2017. С. 134–138.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
- Петрова Л. И. Лингвокультурная парадигма «тщеславия» // Иностраннный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Псков: Псков. гос. ун-т, 2014. Вып. 4. С. 73–85.
- Полковникова С. А. Амбиция и амбициозный в русском языке XXI в. // Русский язык в школе. 2008. № 1. С. 67–70.
- Санников А. В. Самооценка человека в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 170 с.
- Сенько Е. В., Ленчина М. Р. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 128–133.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1935. Т. 1. 832 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.

Урусова Н. В. О структуре концепта «амбициозный» в русском и английском языках. Современный ученый. 2022. № 6. С. 137–141.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1986. Т. 1. 577 с.

Храмцова Л. Н. Динамически процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова *амбициозный*) // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 143–160.

Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

References

Aktivnyy slovar' russkogo yazyka. T. 1. A—B [Active dictionary of the Russian language. Vol. 1. A—B]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 408 p.

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisanija [The image of a person according to language: an attempt at a systematic description]. *Topics in the study of language*. 1995, no. 1, pp. 37–68.

Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk (K probleme yazykovoy kartiny mira) [Anomalies and language (On the problem of the language picture of the world)]. *Topics in the study of language*. 1987, no. 3, pp. 3–19.

Bastrikov A. V. Popolnenie leksicheskogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 18 veka inoyazychnymi zaimstvovaniyami (na primere formirovaniya naimenovaniy eticheskikh ponyatii) [Replenishment of the lexical composition of the Russian literary language of the 18th century with foreign borrowings (on the example of the formation of the names of ethical concepts)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2008, vol. 150, bk. 2, pp. 185–196.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory-derivational]. Moscow, Rus. yaz., 2000, 2310 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986, vol. 1, 577 p.

Ivanova A. B. O sdvige v otsenochnoy semantike otel'nykh leksem [On the shift in the semantics of some lexemes]. In: *Nauka i kul'tura Rossii: Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury pamyati svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya* [Science and culture of Russia: Proceedings of the VIII International sci. and pract. conf. dedicated to the Day of Slavonic writing and culture in memory of St. Cyril and Methodius]. Samara, SSUC, 2011, pp. 164–166.

Khramtsova L. N. Dinamicheski protsessy v pragmaticheski marki-rovannoy leksike v russkom yazyke v nachale 21 veka (na primere slova *ambitsioznyi*) [Dynamic processes in the pragmatically marked vocabulary of the Russian language at the beginning of the 21st century (with the focus on the word ambitious)]. *The Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017, no. 2, pp. 143–160.

Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, CheRo, 2003, 349 p.

Kuznetsova O. A. Istoriya i motivatsionnaya struktura leksiko-semanticheskogo polya "gordost'" v russkom yazyke [History and motivational structure of the lexical and semantic field "gordost'" (pride) in the Russian language]. *Tomsk State University Journal*. 2015, no. 395, pp. 10–17.

Levontina I. B. *O chem rech'* [What is the speech about]. Moscow, Corpus, 2016, 512 p.

Lobkovskaya L. P. K probleme izmeneniya otsenочноy konnotatsii zaimstvovaniy [To the problem of changing the evaluative connotation of borrowings]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009, no. 7 (41), pp. 136–139.

Marinova E. V. Mogut li ambitsii byt' "zdorovymi"? [Can ambitions be "healthy"?]. *Russian Speech*. 2012, no. 5, pp. 57–63.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language] URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 23.01.2023).

Noskova N. A. Transformatsiya mental'nosti v usloviyakh mirovykh integratsionnykh protsessov [Transformation of mentality in the context of global integration processes]. In: *Nauka i znanie: konkurentosposobnost' obshchestva, nauki i biznesa v usloviyakh mirovykh integratsionnykh protsessov: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and knowledge: the competitiveness of society, science and business in the context of global integration processes: Proceedings of the Intern. sci. and pract. conf.]. Novorossiysk, Izd. Mosk. gum.-ekon. in-ta (Novorossiyskiy filial). 2017, pp. 134–138.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AZ", 1995, 928 p.

Petrova L. I. Lingvokul'turnaya paradigma "tshcheslaviya" [Linguistic and cultural paradigm of "tshcheslaviya" (vanity)]. In: *Inostranny yazyk i kul'tura v kontekste obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya* [Foreign language and culture in the context of education for sustainable development]. Pskov, PSU, 2014, iss. 4, pp. 73–85.

Polkovnikova S. A. Ambitsiya i ambitsioznyy v russkom yazyke 21 v. [Ambition and ambitious in the Russian language of the 21st century]. *Russian language at school*. 2008, no. 1, pp. 67–70.

Sannikov A. V. *Samootsenka cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Self-assessment of a person in the Russian language picture of the world]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006, 170 p.

Sen'ko E. V., Lenchina M. R. Kal'kirovanie v sovremennom russkom yazyke [Tracing in modern Russian]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 128–133.

Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnye sdvigi [Russian language picture of the world: system shift]. *The World of Russian Word*. 2009, no. 4, pp. 14–21.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. N. Ushakov Edited]. Moscow, Sov. entsikl., 2007, 1136 p.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala 21 veka. Aktual'naya leksika [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the 21st century. Actual vocabulary]. G. N. Sklyarevskaya (Ed.). Moscow, Eksmo, 2007, 1136 p.

Urusova N. V. O strukture kontsepta “ambitsioznyy” v russkom i angliyskom yazykakh [About the structure of the concept “ambitious” in Russian and English]. *Modern Scientist*. 2022, no. 6, pp. 137–141.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Горбунова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
Scopus Author ID 57195809386

Information about the author

Lyudmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57195809386

*Статья поступила в редакцию 16.05.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.06.2023
The article was submitted on 16.05.2023;
approved after reviewing on 28.06.2023; accepted for publication on 28.06.2023*

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373
DOI 10.17223/18137083/85/15

**Терминологические словосочетания,
обозначающие части тела скота, в якутском языке
(в сопоставлении с бурятским)**

**Надежда Ивановна Данилова¹
Федор Николаевич Дьячковский²**

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>
² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

Представлено описание структуры терминологических словосочетаний, относящихся к тематической группе «Части тела скота», в якутском и бурятском языках. Данные сочетания образованы способом аналитического словообразования и занимают особое место в лексике исследуемых языков как действенный путь создания терминов соответствующего тематического поля. Часть данной группы лексики в обоих языках составляют парные слова. Активным путем образования наименований сложной структуры в якутском языке является способ примыкания и изафета. Бурятские сложные имена, обозначающие части тела скота, образуются способом примыкания и сочетанием, в котором определитель в его составе стоит в родительном падеже. Анализ показал необходимость сравнительного исследования вторичных номинаций лексики указанной тематической группы в якутском и бурятском языках.

Ключевые слова

якутский язык, бурятский язык, сравнительно-сопоставительное исследование, словообразование, скот, части тела

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Терминологические словосочетания, обозначающие части тела скота, в якутском языке (в сопоставлении с бурятским) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 197–210. DOI 10.17223/18137083/85/15

© Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 197–210
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 197–210

Terms denoting livestock body parts in the Yakut language (in comparison with the Buryat language)

Nadezhda I. Danilova¹, Fedor N. Diachkovskiy²

^{1, 2} Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper presents a structural description of the terminological phrases relating to the thematic group “Livestock body parts” in the Yakut and Buryat languages. These lexical units refer to the folk terms reflecting the features of the material and spiritual culture of an ethnic group and are widely used in languages of very different typologies. Such phrases are formed analytically, representing non-single-word nominative units denoting one specific concept or real object. Their lexical meaning can be realized at the denotative and/or connotative levels. The terminological phrases under study occupy a special place in the lexicon of the languages in question as an effective way of creating terms. Word pairs are a part of this vocabulary group. An active way of compound word formation in Yakut and Buryat is the method of adjunction used to form attributive phrases with an adjective or a participle as an attribute. Both languages feature terminological phrases formed morphologically. Such phrases have an attributive function, designating a part of a whole object or a type of a generic concept, with the determining component occupying the pre-position. In Yakut, these phrases have their components connected by the possessive affix of the third person. Buryat terms denoting animal body parts are formed by a combination with the determining component in the genitive case. It is noteworthy that in Yakut nominal constructions, the indicator of the connection between the components is attached to the component being determined, while in Buryat, it is attached to the determining one.

Keywords

Yakut, Buryat, comparative-contrastive studies, word formation, livestock, body parts

Acknowledgments

The research was carried out as part of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00060 “Investigation of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect”

For citation

Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Terms denoting livestock body parts in the Yakut language (in comparison with the Buryat language). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 197–210. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/15

Необходимость анализа словарного состава языка с предварительной классификацией его по лексико-семантическим или тематическим группам всегда подчеркивается в исследованиях самой разной направленности, особенно в сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных. Так, особое внимание на роль этого подхода в алтаистике обратила В. И. Цинциус: «предварительный просмотр лексики по тематическим группам позволяет установить у сравниваемых слов одного разряда общность облика в семантико-морфологическом отношении, подметить определенную связь между значением и формой, констатировать единообразие направленности возможных этимологий» [1972, с. 6]. Лексико-семантические или тематические группы лексики служат веским обоснованием также

для общеалтайской этимологии. А. В. Дыбо при реконструкции алтайских соматических терминов подчеркнула, что «целесообразно рассматривать лексико-семантические группы» [1996, с. 17]. Этого же принципа предлагал придерживаться А. М. Щербак: «необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования, и все-сторонне оценить соотношения сходных и различающих слов» [1966, с. 23]. М. К. Мусаев в исследованиях, посвященных сравнительному анализу лексики тюркских языков, также отметил, что «проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков... имеет важное методологическое значение» [1984, с. 5].

Что же касается терминологической лексики, в особенности народных терминов (или протерминов), они традиционно включаются в тюркско-русские словари. Это делается по следующим причинам: «во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, это лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения ее принадлежности к литературной норме» [Юлдашев, 1972, с. 87].

Выявляя особенности представления терминологической лексики по степени известности носителям языка в монголоязычно-русских словарях, Б. Д. Цыренов [2014] выделяет народную терминологическую лексику, в которую входят названия растений и животных, различных реалий кочевого быта, юрточного жилья, национальной кухни, одежды, бытовой утвари и т. д.

Актуальность обращения к проблеме словообразования отдельной тематической группы терминологической лексики обусловлена тем, что «словообразование... можно рассматривать как механизм, порождающий новые слова, которые ранее не существовали в языке. Новые слова вступают во взаимодействие с существующими лексемами и способствуют обогащению лексического фонда любого языка» [Тараканова, 2008, с. 14].

Целью статьи является описание структуры якутских терминологических словосочетаний, обозначающих части тела скота, в сопоставлении с материалом бурятского языка. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: анализ изученности темы статьи, систематизация лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу «Части тела скота», выявление и классификация терминологических словосочетаний соответствующего содержания, сравнение полученных данных.

Выбор темы статьи продиктован прежде всего тем, что обсуждаемая тематическая группа входит в состав группы «Части тела животных» и «принадлежит к слою «базисной лексики», наименее проницаемой и наиболее устойчивой», а все слова данной ЛСГ «обладают четким предметным значением» [Дыбо, 1996, с. 30]. Кроме того, якутские и бурятские терминологические словосочетания, входящие в обсуждаемую ЛСГ, не служили объектом исследования в плане их сопоставления.

Статья основана на одном из постулатов, выдвинутых и обоснованных авторами коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика». Он гласит, что «из всех проявлений языка лексика имеет наибольшую объяснительную силу для исследования культуры и истории» [СИГТЯ,

2001, с. 6]. Для авторов важно мнение М. К. Мусаева о том, что «значительная часть якутских терминов скотоводства имеет монгольские параллели, а термины оседлого скотоводства почти целиком оказываются монгольскими» [1984, с. 13]. Придерживаясь такой точки зрения, авторы провели сравнительный анализ более 300 терминологических сочетаний якутского языка, входящих в анализируемую группу, с данными двуязычных словарей бурятского языка.

В статье использованы результаты исследования И. М. Таракановой [2008], труды по словообразованию в монгольских языках М. Н. Орловской [1961], У.-Ж. Ш. Дондукова [1964], В. И. Рассадина [2008], Д. Ш. Харанутовой [2012]. Используются также разделы о строении и классификации производных слов в академических грамматиках якутского и бурятского языков.

Материалом статьи послужили словари и данные сравнительно-исторических исследований в целом по алтайским, а также по тюркским и монгольским языкам: «Большой толковый словарь якутского языка» в 15-ти томах (2004–2018), «Бурятско-русский словарь» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова в двух томах (2006, 2008), «Русско-бурятский словарь» (1962), электронный «Русско-бурятский словарь» (www.buryat-lang.ru).

В исследовании применялись приемы и методы сплошной выборки из словарей разного типа, сравнительно-сопоставительного анализа, приемы лингвистического описания.

Тематические группы терминологической лексики якутского и бурятского языков к настоящему времени в известной мере проработаны. Так, в исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка» были проанализированы именные основы по коневодству, рыболовству, жилищам, государственному устройству, языческим верованиям. Глубокий сравнительно-исторический анализ получила лексика, относящаяся к группе «Части тела животных». Предметом анализа здесь послужили не только собственно термины, но и протермины, т. е. донаучные слова-термины (или народные термины). Работа в целом позволила автору получить данные об исторических связях якутского языка с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими (эвенским и эвенкийским). Так, было установлено, что «специфические названия (частей тела и др.) по рогатому скоту почти все являются исконными» [Антонов, 1971, с. 39], т. е. тюркскими. А большая часть обнаруженных параллелей объясняется как монгольское заимствование из тюркских языков.

Из тематических групп лексики бурятского языка рассмотрены названия диких животных, лексика, связанная с охотой и охотничьими обрядами, лексика духовной культуры, буддийская лексика, термины родства и свойства, лексика жилища, скотоводческая лексика и т. д. Огромный вклад в изучение тюрко-монгольских связей, отраженных в тематических группах лексики, внес В. И. Рассадин. Он посвятил отдельную статью бурятизмам в якутском языке, в которой отметил, что «довольно заметная группа якутских слов находит соответствие в бурятском языке. Причем этих слов нет в других тюркских и монгольских языках. Они представляют собой как бы общее достояние якутского и бурятского языков» [Рассадин, 2008, с. 227].

Анализ способов образования терминов выбранной тематической группы в представленной статье проведен с опорой на определение понятия «словообразование», изложенное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Согласно ему, словообразование понимается как «образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим

в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств» [ЛЭС, 1990, с. 467].

Как известно, именное аналитическое словообразование в тюркских языках относится к глубоко проработанной части их морфологического строя, и оно изучается на основе традиционно выделяемых трех типов изафета. Это определенным образом структурированные словосочетания, которые относятся «к числу специфических особенностей грамматического строя тюркских языков» [Майзель, 1957, с. 3]. Результаты исследования структурной и семантической организации изафетных словосочетаний позволяют констатировать, что «семантическая структура словосочетаний мотивирована лексико-семантическими свойствами их компонентов, поэтому при изучении словосочетаний не может быть оставлен в стороне вопрос о системных свойствах сочетающихся лексем» [Тугушева, 1976, с. 179]. Сказанное в полной мере относится и к анализируемым в статье терминологическим сочетаниям.

Важно замечание А. М. Щербака о том, что тюрко-монгольские языковые связи «проявляются в разных тюркских и монгольских языках неодинаково», при этом количество общих с монгольскими форм и элементов в тюркских языках «Сибири и Алтая несравненно больше, чем во всех других тюркских языках, а в тувинском и якутском настолько много, что они придают этим языкам совершенно своеобразный облик» [Щербак, 1977, с. 10]. Данное утверждение подкреплено результатами более поздних исследований на материале конкретных языков.

Способы именного аналитического словообразования: парные слова, сложные слова и композитные слова – на материале хакасского, турецкого, якутского языков в сравнительном аспекте подробно описаны в монографии И. М. Таракановой [2008, с. 145]. В исследовании А. В. Есиповой рассмотрены теоретические вопросы словообразования в тюркских языках. По наблюдению автора, «словообразование в тюркских языках представляет собой поддающуюся формализации (т. е. переводу языковой информации в схему) лингвистическую систему» [Есипова, 2011, с. 6]. Терминологические словосочетания здесь рассматриваются в рамках теории аналитических конструкций, согласно которой данные формы «образуют единую словоформу, выражающую морфологическую категорию» [ЛЭС, 1990, с. 31]. Аналитические морфологические конструкции, формируемые на базе глагольных основ, активно изучаются в рамках «теоретической концепции структурно-семантического моделирования простых предложений» (подробнее об этом см.: [Шамина, 2010]). Исследования в данном направлении получили существенные результаты усилиями представителей новосибирской научной школы.

Словосочетание, компоненты которого связаны между собой «способами примыкания, изафета, управления, согласования, которые имеют специальную систему средств выражения, обслуживающую как сочетание слов, так и предикативных частей сложноподчиненного предложения» [ГСЯЛЯ, 1995, с. 8], по праву признано конструктивной основой синтаксического строя якутского языка. Словосочетание является наиболее распространенным способом образования терминов в языках самой разной типологии. Терминологические словосочетания, которые принято относить к народной терминологии, как правило, представляют собой как свободные, так и изафетные именные словосочетания.

Теоретическое обобщение проблем якутской терминологической дериватологии и синтагматики было сделано в исследовании Е. И. Оконешникова. В монографии данного автора «выделено три разновидности якутской терминологиче-

ской синтагматики: а) сложные термины; б) составные термины; в) термины-словосочетания, состоящие из трех и более компонентов» [Оконешников, 2004, с. 127]. Каждая разновидность терминов-словосочетаний, в свою очередь, разделена на группы по способу связи слов в нем.

Тематические группы якутской диалектной лексики, в основном народных терминов, в словообразовательном аспекте рассмотрены в монографиях С. А. Иванова [2017; 2021]. В работе «Образование диалектной системы якутского языка» атрибутивные словосочетания определены как образованные лексико-синтаксическим способом [Иванов, 2021, с.196–208].

Что касается бурятского языка, то «в трудах монголоведов, в частности бурятских лингвистов, изучению сложных слов уделяется большое внимание» [Будажанова, 2018, с. 3]. Известно исследование В. И. Рассадина, в котором рассмотрены неаффиксальные способы словообразования: лексикализация переносных значений слов, лексико-морфологический и лексико-синтаксический. Последний из названных способов словообразования разделен, в свою очередь, на сложение равноправных основ (парные слова, полный повтор основы, частичная редупликация основы слов), лексикализация атрибутивных словосочетаний, лексикализация свободных словосочетаний, фонетические сращения словосочетаний [Рассадин, 2008, с. 221–224].

Первым специальным исследованием по словообразованию в бурятском языке является монография У-Ж. Ш. Дондукова «Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке» [1964]. В работе отмечено, что «в бурятском языке имеют место фонетический, морфологический (аффиксальный), синтаксический (словосложение) и лексико-семантический способы словообразования» [Там же, с. 9]. Исследованию образования сложных слов посвящена монография «Сложное слово в бурятском языке» Л. Д. Шагдарова, Д. Л. Шагдаровой [2015]. Здесь «установлены модели, по которым образованы многочисленные композитные глаголы, имена существительные, прилагательные, наречия и другие части речи» [Там же, с. 5].

Подробный анализ исследований по словообразованию в бурятском языке изложен в докторской диссертации Д. Ш. Харанутовой «Бурятское словообразование: структурно-семантическая организация» [2012]. В данном исследовании «подробно описаны способы образования дериватов на базе устойчивых словосочетаний: например, термины: бур. *сэхэ буланта* ‘прямоугольник’, *хара хусэн* ‘физическая сила’, *мориной хусэн* ‘лошадиная сила (единица мощности двигателя, равная 736 Вт.)’, *атомна хусэн* ‘атомная энергия’» [Там же, с. 20]. Для обоснования положений данной статьи важно замечание Д. Ш. Харанутовой о том, что «наибольшим деривационным потенциалом... обладают непроеизводные многозначные слова, во-первых, более длительного употребления в языке, во-вторых, исконные по происхождению (название частей тела, названия людей, связанных родственными узами, названия животных и птиц, некоторых растений и пищевых продуктов), в-третьих, наиболее частотные по употреблению и, в-четвертых, имеющие в структуре не менее трех лексико-семантических вариантов, включая и прямое значение» [Там же]. Как известно, наименования частей тела скота в якутском и бурятском языках относятся не только к исконным, но и во многих случаях к общеалтайским по происхождению лексическим группам.

Структурно-семантические особенности атрибутивных сложносоставных слов бурятского языка и критерии разграничения атрибутивных сложных слов и свободных синтаксических сочетаний рассмотрены в статье Л. Б. Будажановой.

В целом, «в трудах монголоведов, в частности бурятских лингвистов, изучению сложных слов уделяется большое внимание» [Будажанова, 2018, с. 3].

В представленной статье словообразование аналитического типа, тесно связанное с лексическим составом языка, рассматривается как механизм, порождающий новые слова, в том числе термины, и способствующий обогащению его лексического фонда.

Наиболее характерным аналитическим способом словообразования в якутском и бурятском языках считается словосложение, в результате которого образуются термины, а также парные словосочетания. В якутском языке парные образования состоят из корней с самостоятельным значением и считаются сочетаниями с сочинительной связью между компонентами [ГСЯЛЯ, 1982, с. 113]. Структурные особенности якутских парных слов в специальной статье рассмотрела Е. И. Убратова [2011]. Как правило, в якутском языке они имеют собирательно-обобщающее значение, например, *кус-хаас* 'водоплавающие', *хаар-самыыр* 'ненастье, непогода'. Многие из них могут содержать лексический компонент монгольского происхождения. Например, в якутском парном сочетании: *ыыс-быдаан* 'густая мгла, густой дым, туман' слово *быдаан* соответствует бур. *будан(г)* 'мгла, легкий туман' [БРС, 2006, с. 147]. Исследователи, вслед за Е. И. Убратовой, объясняют это явление возможным существованием «периода двуязычного состояния» якутов [ГСЯЛЯ, 1982, с. 114].

Особенностям структурно-семантической и номинативной организации парных слов в бурятском языке посвящена коллективная монография «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» [Дырхеева и др., 2014]. В работе дана характеристика изученности парных слов в тюркологии: «судя по большинству грамматик различных языков тюркской группы, очевидно, что парные слова и удвоения являются общепризнанным средством слово- и формообразования в этих языках. Большинство тюркологов они рассматриваются как особый тип сложных слов, имеющих одни и те же структурные и функциональные особенности» [Там же, с. 12].

В составе анализируемой тематической группы терминов парных существительных обнаружено немало, значительную часть из них составляют словосочетания, относящиеся к частям тела не только животных, но и всех живых существ: як. *илии-атах* 'конечности', *ис-уөс* 'внутренности', бур. *ара бэе (или нюрган) парн.* 'спина' [БРС, 2006, с. 74], бур. *үе мусэ* 'конечности' (букв. суставы, конечности) [Дырхеева и др., 2014, с. 123], бур. *хул гар* 'конечности' (*хул* 'нога', *гар* 'рука') [Там же, с. 43], бур. *һүүл дэлһэн собир.* 'конский волос' [БРС, 2008, с. 578], бур. *түбэнги хоолой парн.* 'горло, гортань, кадык' [Там же, с. 444], бур. *нооһо хөөбэри парн. собр.* 'шерсть' [БРС, 2006, с. 613], бур. *эльгэ уушхан парн.* 'печень и легкие' [БРС, 2008, с. 680] и т. д.

В целом парные слова в обоих языках имеют собирательное значение, в обсуждаемых конструкциях названия отдельных частей тела скота представлены как единое целое. В БРС такие сочетания подаются с пометой *парн.* или *собир.* Вопрос о принадлежности парных словосочетаний к терминам – ранее они были отнесены к протерминам, т. е. народным терминам-архаизмам.

Следующую группу составляют терминологические словосочетания, состоящие из двух и более компонентов, но представляющие семантически целостную лексическую единицу. К предмету данной статьи относятся структурные типы терминов, образованных способом примыкания и изафета.

В якутском языке «примыкание – один ведущих способов связи слов; он не имеет формальных средств выражения, а опирается на основной закон грамматического строя тюркских языков «определение + определяемое» [ГСЯЛЯ, 1995, с. 8]. Терминологические сочетания, построенные способом примыкания, представляют собой сочетания имен с отглагольными и именными формами без показателя связи между компонентами: як. *үөс тымыр* ‘аорта’, *аччатар былчын* ‘мышца отводящая’, *холбуур иншир* ‘соединяющие жилы’, *кэтэх мэйии* ‘мозжечок’, *былыт тараһа* ‘грудная мягкая часть (лошади)’.

Таким способом в якутском языке активно образуются термины разных отраслей знаний и традиционного хозяйствования. Как отметил Е. И. Оконешников, «отраслевые словари буквально изобилуют сложными терминами, построенными на примыкании. Такие термины обозначают в основном понятия животного, растительного мира, хозяйственной и культурной деятельности народа саха. В их образовании просматриваются четко очерченные структурные модели» [2004, с. 130].

Тематическую группу «Части тела скота», образованные способом примыкания, можно разделить на следующие группы:

- сочетания, образованные по модели сущ. + сущ.: як. *балдьаа өнүргэс* ‘черпаловидный хрящ’; *биһилэх өнүргэс* ‘перстневидный хрящ’; *буом оһоһос* ‘прямая кишка’; *бохто унуох* ‘предплечная кость (рогатого скота)’; *куйах өнүргэс* ‘щитовидный хрящ’; *куйах өнүргэс* ‘щитовидный хрящ’; *кыыс бэрбээкэй* ‘лодыжка кобылы’; *таас ойоһос* ‘ложные ребра’; *көтүрүөс ойоһос* ‘три первые ребра (от шеи)’; *кэтэх мэйии* ‘мозжечок’; *тойон арбас* ‘основная часть холки’; *унуох тангалай* ‘твердое нёбо’; *үөс тымыр* ‘аорта’; *эт тангалай* ‘мягкое нёбо’; *хоннуо ойоһос* ‘два ребра, следующие от көтүрүөс’ и т. д.;

- сочетания, образованные по модели прил. + сущ.: як. *илин атах* ‘передние конечности’; *кэлин атах* ‘задние конечности’; *көнө оһоһос* ‘прямая кишка’; *мунур оһоһос* ‘толстая кишка’; *сымнаһас тангалай* ‘мягкое нёбо’; *үрүҥ ис* ‘сердце, печень, почки, диафрагма’; *хара ис* ‘потроха – рубец, книжка, сетка, сычуг, кишечники’; *ханас нохто* ‘левое предсердие’ и т. д. Как правило, атрибутивным компонентом таких сочетаний служат качественные прилагательные разного содержания;

- сочетания, образованные по модели прич. + сущ.: як. *аччатар былчын* ‘мышца отводящая’; *холбуур иншир* ‘соединяющие жилы’; *такытар быччын* ‘мышца-сгибатель’. Сочетаний, образованных по этой модели и относящихся к обсуждаемой теме, в якутском языке обнаружено немного. В таких сочетаниях определяющую функцию несет причастная форма.

В якутском языке, как и во всех тюркских языках, изафет как способ образования аналитических конструкций разного уровня употребляется очень активно. Компоненты именных сочетаний данного типа связаны между собой при помощи аффикса принадлежности 3-го лица и строятся по модели N + NPOSS3SG. В анализируемой тематической группе лексики таких конструкций большинство. К примеру: як. *агдака көндөйө* ‘полость грудной клетки’; *арбас өнүргэһэ* ‘хребтовый хрящ’; *атах кэбэйэ* ‘мякоть под копытами’; *атах хантаһайа* ‘ступня’; *бүөр көндөйө* ‘почечная лоханка’; *иэн инширэ* ‘спинное сухожилие’; *кулгаах өнүргэһэ* ‘ушной хрящ’; *кулгаах сарыыта* ‘барабанная перепонка’; *күөмэй өнүргэһэ* ‘надгортанник, надгортанный хрящ’; *мурун көндөйө* ‘носовая полость’; *мэйии дьураата* ‘извилины (мозга)’; *самыы (сис) тоноһоһо* ‘крестцовый позвонок’; *куртах*

симэһинэ ‘желудочный сок’, *түөс сэриитэ* ‘ребра, отходящие к груди (у рога того скота)’ и т. д.

Такие сочетания, как правило, употребляются «для обозначения видового различия родового терминологического поля» [Оконешников, 2004, с. 39]. К примеру, конкретизатором терминологического поля як. *өнүргэс* ‘хрящ’ выступает первый компонент изафетного сочетания: *кулгаах өнүргэһэ* ‘ушной хрящ’, *күөмэй өнүргэһэ* ‘надгортанный хрящ’ и т. д.

Данный способ образования терминов активно используется в диалектах якутского языка, например, як. *арбас кэбэтэ* ‘первый спинной позвонок’ [ЯРС, 1972, с. 217], *атах бөтөбөтө* (анаб.) ‘пятка’, *атах бэгэлчэгэ* ‘щиколотка’ (верх., сакк.), или *сиһэ* (верх., кол.) ‘тыльная сторона руки’, *кабарга унуоба* ‘кадык, адамово яблоко’ [Там же, с. 204–205], *сүүс сүһүөбэ* (усть-алд.) ‘коленная чашечка’ [Иванов, 2017, с. 111–112] и т. д.

В бурятском языке также «продуктивным способом словообразования, посредством которого образуются составные сложные слова, является способ словосложения» [Будажапова, 2018, с. 7].

Такие аналитические термины, относящиеся к тематической группе «Части тела скота» бурятского языка, строятся по модели сущ. + сущ. При этом компоненты сочетания связаны между собой следующими способами.

- Примыкание: бур. *можсо сэмгэн* ‘бедренная кость’, *можсо яһан* ‘бедренная кость’, *урда мүсэ* ‘передние конечности’, *хойто мүсэ* ‘задние конечности’ [БРС, 2006, с. 570].

Здесь, правда, следует заметить, что в некоторых работах по бурятскому языку такие аналитические конструкции отнесены к парным словам. В таких конструкциях морфологический показатель связи между компонентами отсутствует.

- Способом связи между компонентами многих терминологических сочетаний служит форма родительного падежа. Как известно, «родительный падеж в бурятском языке – основное средство выражения синтаксических отношений между именами» [ГБЯ, 1961, с. 77]. К терминологическим словосочетаниям с такой формой связи можно отнести: бур. *аман хүзүүн* ‘второй позвонок’ (*хүзүү* ‘шея’), *бөөрын шээбэ һудал* ‘почечные лоханки’ [БРС, 2006, с. 145] от *бөөрэ* ‘почки’, *мориной толгой* ‘голова лошади’, *нюрганай* (или *хүзүүнэй*) *яһанууд* ‘позвонки’, *нюрганай үе* ‘позвоночный сустав’, *нюрганай нугарһан* ‘спинной мозг’ [БРС, 2008, с. 631], *сээжын хүнды* ‘грудная полость’ [БРС, 2006, с. 212], *шэхэнэй мэнгээрһэн* (или *дэльбэ*) ‘ушная раковина’ [БРС, 2008, с. 643], *гэдэһэнэй хүнды* ‘кишечная полость’ [БРС, 2006, с. 236], *һүүжын яһан* ‘кости таза (у человека и животных)’ [БРС, 2008, с. 578] и т. д.

По поводу сочетаний, построенных вышеназванным способом, важно замечание Л. Б. Будажаповой: «следует сказать, что формы существительных в родительном падеже являются определительными компонентами простых словосочетаний, ибо выражают значения: ‘предмет и его признак’, ‘целое и часть’» [2018, с. 7].

- Аналитические именные конструкции бурятского языка строятся также по модели прил. + сущ.: бур. *улаан хоолой* ‘пищевод’ (букв. ‘красное горло’) [БРС, 2008, с. 293], *охор һүүл* ‘копчик’ (букв. ‘короткий хвост’) [БРС, 2006, с. 576], *нарин гэдэһэн* ‘тонкие кишки’ [Там же, с. 236], *мухар гэдэһэн* ‘слепая кишка’, *хүхэ һудаһан* ‘вена’ [БРС, 2008, с. 564] (букв. ‘синий кровеносный сосуд’) и т. д.

В заключение можно отметить, что активным путем образования терминов сложной структуры в якутском и бурятском языках является способ примыкания.

В обоих языках широко распространены терминологические словосочетания, построенные морфологическим способом. Такие терминологические словосочетания, имеющие атрибутивное значение, обозначают часть целого или вид родового понятия, компонент «определение» в них занимает препозицию. В якутском языке компоненты словосочетаний данного типа связаны между собой при помощи аффикса принадлежности 3-го лица. Бурятские термины, обозначающие части тела скота, образуются сочетанием, в котором компонент-определитель стоит в родительном падеже. Примечательно, что показатель связи между компонентами якутских именных конструкций присоединяется к определяемому, а в бурятских – к определителю.

При дальнейшем исследовании данной группы лексики следует обратить внимание на то, что «в соответствии с известным принципом антропоморфизма, у соматических терминов тюркских языков обычна многозначность, связанная с переносами на названия деталей артефактов, а также на пространственные и ландшафтные термины» [СИГТЯ, 2001, с. 194]. В связи с этим предстоит сравнительное исследование вторичных номинаций лексики частей тела животных в якутском и бурятском языках как способа семантической трансформации.

Список сокращений

анаб. – анабарский говор якутского языка, бур. – бурятский, верх., сакк. – верхоянский, саккырыский говор якутского языка, верх., кол. – верхоянский, колымский говор якутского языка, сущ. – существительное, прил. – прилагательное, прич. – причастие, тюрк. – тюркский, усть-алд. – усть-алданский говор якутского языка, як. – якутский язык

Список литературы

- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 174 с.
- Будажанова Л. Б. К проблеме сложносоставных слов в бурятском языке (на материале буддийской лексики) // Вестник Бурят. гос. ун-та: Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2. С. 3–9.
- ГБЯ – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
- ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. М.: Наука, 1995. 324 с.
- Дондуков У.-Ж. III. Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1964. 230 с.
- Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой сустав). М., 1996. 386 с.
- Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 208 с.
- Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 50 с.

- Иванов С. А.* Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.
- Иванов С. А.* Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск: Наука, 2021. 256 с.
- Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 184 с.
- Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 226 с.
- Оконеишников Е. И.* Лингвистические аспекты терминологии языка саха. Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. 196 с.
- Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
- Рассадин В. И.* Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008. 232 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика.* М.: Наука, 2001. 822 с.
- Тараканова И. М.* Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хак. кн. изд-во, 2008. 174 с.
- Тугушева Л. Ю.* О лексико-семантической структуре субстантивно-атрибутивных словосочетаний в тюркских языках // *TURCOLOGICA*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 173–180.
- Убрятова Е. И.* Парные слова в якутском языке // *Убрятова Е. И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам.* Новосибирск: Наука, 2011. С. 184–210.
- Харанутова Д. Ш.* Бурятское словообразование: структурно-семантическая организация: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 48 с.
- Цинциус В. И.* Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков.* Л.: Наука, 1972. С. 3–14.
- Цыренов Б. Д.* Терминологическая лексика в монголоязычно-русских словарях // *Сибирский филологический журнал.* 2014. № 3. С. 211–217.
- Шагдаров Л. Д., Шагдарова Д. Л.* Сложное слово в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 265 с.
- Шамина Л. А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 240 с.
- Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // *Вопросы языкознания.* 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977. 182 с.
- Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972. 265 с.

Список источников и словарей

- БРС – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Электронный русско-бурятский словарь. www.buryat-lang.ru
- ЯРС – Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 605 с.

References

- Antonov N. K. *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1971, 174 p.
- Budazhapova L. B. K probleme slozhnosostavnykh slov v buryatskom yazyke (na materiale buddiyskoy leksiki) [On the problem of compound words in the Buryat language (based on Buddhist vocabulary)]. *Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 2018, iss. 2, pp. 3–9.
- Dondukov U.-Zh. Sh. *Slovoobrazovanie mongol'skikh yazykov* [Word formation of the Mongolic languages]. Ulan-Ude, 1964, 230 p.
- Dybo A. V. *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoy sustav)* [Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder joint)]. Moscow, 1996, 386 p.
- Dyrkheeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. *Parnye slova i parnoe slovoobrazovanie v buryatskom yazyke* [Word pairs and paired word formation in the Buryat language]. Ulan-Ude, SBU, 2014, 208 p.
- Esipova A. V. *Teoreticheskie problemy slovoobrazovaniya v tyurkskikh yazykakh (na materiale shorskogo yazyka)* [Theoretical problems of word formation in Turkic languages (based on the Shor language)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 50 p.
- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1962, 340 p.
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1982, 496 p.
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Sintaksis* [Grammar of the modern Yakut literary language. Syntax]. Moscow, Nauka, 1995, 324 p.
- Ivanov S. A. *Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka* [Lexical peculiarities of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2017, 392 p.
- Ivanov S. A. *Obrazovanie dialektnoy sistemy yakutskogo yazyka* [Formation of the dialect system of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 256 p.
- Kharanutova D. Sh. *Buryatskoe slovoobrazovanie: strukturno-semanticheskaya organizatsiya* [Buryat word formation: structural and semantic arrangement]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2012, 48 p.
- Mayzel' S. S. *Izafet v turetskom yazyke* [Isafet in Turkish]. Moscow, AN SSSR, 1957, 184 p.
- Musaev K. M. *Leksikologiya tyurkskikh yazykov* [Lexicology of Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1984, 226 p.
- Okoneshnikov E. I. *Lingvisticheskie aspekty terminologii yazyka Sakha* [Linguistic aspects of the terminology of the Sakha language]. Yakutsk, SB RAS Publ., 2004, 196 p.
- Orlovskaya M. N. *Imena sushchestvitel'nye i prilagatel'nye v sovremennom mongol'skom yazyke* [Nouns and adjectives in the modern Mongolian language]. Moscow, 1961.
- Rassadin V. I. *Ocherki po morfologii i slovoobrazovaniyu mongol'skikh yazykov* [Essays on the morphology and word formation of the Mongolic languages]. Elista, 2008, 232 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Lexis]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p.

Tarakanova I. M. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v khakasskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Word formation of nouns in the Khakass language (in a comparative aspect)]. Abakan, Khak. kn. izd., 2008, 174 p.

Tsintsius V. I. Zadachi sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov [Tasks of the comparative lexicology of the Altai languages]. In: *Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Altai languages.]. Leningrad, Nauka, 1972, pp. 3–14.

Tsyrenov B. D. Terminologicheskaya leksika v mongoloyazychno-russkikh slovaryakh [Terminological vocabulary in the Mongolian-Russian dictionaries]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 3, pp. 211–217.

Tugusheva L. Yu. O leksiko-semanticheskoy strukture substantivno-atributivnykh slovosochetaniy v tyurkskikh yazykakh [On the lexical-semantic structure of substantive-attributive phrases in Turkic languages]. In: *TURCOLOGICA. K semidesyatiletiyu akademika A. N. Kononova* [Turcologica. On the 70th anniversary of Academician A. N. Kononov]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otd., 1976, pp. 173–180.

Shagdarov L. D., Shagdarova D. L. *Slozhnoe slovo v buryatskom yazyke* [Compound word in the Buryat language]. Ulan-Ude, BSU, 2015, 265 p.

Shamina L. A. *Analiticheskie grammaticheskie formy i konstruksii v funktsii skazuemogo v tuvinskom yazyke* [Analytical grammatical forms and constructions as a predicate in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2010, 240 p.

Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Imya)* [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Name)]. Leningrad, Nauka, 1977, 182 p.

Shcherbak A. M. O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov [On the nature of the lexical relationships of the Turkic, Mongolic and Tungusic languages]. *Topics in the study of language*. 1966, no. 3, pp. 21–35.

Ubryatova E. I. Parnye slova v yakutskom yazyke [Paired words in the Yakut language]. In: Ubryatova E. I. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam* [Selected works. Studies on Turkic languages]. Novosibirsk, Nauka, 2011, pp. 184–210.

Yuldashev A. A. Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarey [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries.]. Moscow, 1972, 265 p.

List of sources and dictionaries

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar': V 2 t.* [Buryat-Russian dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2006, vol. 1: A–N, 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya, 708 p.

Elektronnyy russko-buryatskiy slovar' [Electronic Russian-Buryat dictionary]. www.buryat-lang.ru

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1998.

Yakutsko-russkiy slovar' [Yakut-Russian dictionary]. P. A. Sleptsov (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1972, 605 p.

Информация об авторах

Надежда Ивановна Данилова, доктор филологических наук, заведующий отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

Федор Николаевич Дьячковский, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

Information about the authors

Nadezhda I. Danilova, Doctor of Philology, Head of Department of the Yakut Language, the Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk, Russian Federation)

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Philology, Leading Researcher at the Department of the Yakut Language, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 06.04.2023
The article was submitted on 16.11.2022;
approved after reviewing on 06.04.2023; accepted for publication on 06.04.2023*

Научная статья

УДК 811.512.151'36

DOI 10.17223/18137083/85/16

Структура и семантика отрицательных бивербальных конструкций в алтайском языке

Алена Робертовна Тазранова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

atazranova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-9971>

Аннотация

Охарактеризованы типы отрицательных форм алтайского языка и формируемые ими аналитические конструкции. Рассмотрены вопросы, связанные с морфологическим глагольным отрицанием в составе бивербальных конструкций. В зависимости от расположения аффикса отрицания выделены два структурных типа отрицательных бивербальных конструкций: 1) с отрицательной формой знаменательного компонента: $Tv=NEG.CV + V^{AUX}=TEMP/MOD=PERS$; 2) с отрицательной формой вспомогательного компонента, при которой знаменательный компонент принимает одну из деепричастных форм: $Tv=CV + V^{AUX}=NEG=TEMP/MOD=PERS$. В конструкциях с отрицательной императивной формой 3-го л. $Tv=CV + V^{AUX}=NEG=IMP.3$ передается значение адмунитива – предостережение адресату относительно возможных негативных последствий.

Ключевые слова

глагольные аналитические конструкции, отрицательные бивербальные конструкции, аффикс отрицания, модальность, аспектуальность, акциональность, тюркские языки, алтайский язык, морфология

Для цитирования

Тазранова А. Р. Структура и семантика отрицательных бивербальных конструкций в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 211–228. DOI 10.17223/18137083/85/16

© Тазранова А. Р., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 211–228
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 211–228

Structure and semantics of negative biverbal constructions in the Altai language

Alena R. Tazranova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

atazranova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-9971>

Abstract

This paper considers the morphological verbal negation in biverbal constructions. Depending on the negation affix location, two structural types of negative biverbal constructions were identified. The first involves a negative form of the autosemantic component: $Tv=NEG.CV + VAUX=TEMP/MOD=PERS$. The second comprises a negative form of the auxiliary component, with the autosemantic component taking one of the adverbial forms: $Tv=CV + VAUX=NEG=TEMP/MOD=PERS$. The position of the negative affix is not a simple structural variation: it reveals the semantic differences manifested in the set of auxiliary verbs and meanings transmitted by the construction. When the negative marker is located on the significant component, the negation does not go beyond the limits of aspectuality, indicating the incompleteness of the perfective action and denying the corresponding aspectual semantics. When the second component is negated, various modal and evidential meanings, e.g., those of impossibility, firm statement of the speaker, and others, additionally appear. The specifics of using negative analytical constructions with auxiliary verbs is that they may not always have a semantic pair in positive constructions with the same verbs. Semantically, negative constructions express not only negation or absence but also various specific shades introduced by each auxiliary verb. For example, the verb *al=* is used in positive constructions as an auxiliary with the meaning of “doing something in your own interests, for yourself.” In negative constructions, the verb *al=* expresses the impossibility of action or state, with the auxiliary verb *bar=* expressing the termination of action, called a negative adverbial participle.

Keywords

verbal analytical constructions, negative biverbal constructions, negation affix, modality, aspectuality, actionality, Turkic languages, Altaic language, morphology

For citation

Tazranova A. R. Structure and semantics of negative biverbal constructions in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 211–228. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/16

Введение: история изучения категории отрицания в тюркских языках

Глагольная парадигма в тюркских языках Сибири включает особую синтетическую отрицательную форму, однако категория отрицания до сих пор остается недостаточно изученной. Во всех имеющихся грамматиках даются лишь краткие сведения об отрицании в разделе «Морфология». В некоторых грамматиках отдельные разделы по данному вопросу отсутствуют, в частности в «Грамматике хакасского языка» [ГХЯ, 1975], «Грамматике современного литературного якутского языка» [ГСЛЯЯ, 1982], «Грамматике современного алтайского языка» [ГСАЯ, 2017], хотя в первой «Грамматике алтайского языка» [ГАЯ, 1869, с. 218–220] и в «Грамматике тувинского языка» [ГТЯ, 1961, с. 294–296] содержатся отдельные параграфы, посвященные отрицательным формам глагола.

Лексические средства выражения отрицания на материале хакасского языка рассмотрены В. Г. Карповым [1987], на материале тувинского языка в сопоставительном аспекте – в диссертационном исследовании О. В. Дамбаа [2005].

Имеются специальные работы, посвященные отрицанию в несибирских тюркских языках (см. [Джафаров, 1965; Абдуллаев, 1968] и др.), в том числе и сопоставительные (см. [Рахимов, 1973; Хасанова, 1999] и др.). Грамматические средства выражения отрицания рассматриваются в них с морфологической, лексической и синтаксической точек зрения, устанавливаются различия между именным и глагольным отрицанием.

На материале алтайского языка специального исследования, посвященного отрицанию, не проводилось. Некоторые сведения содержатся в монографии А. Т. Тыбыковой [1991] по синтаксису простого предложения, в тех разделах, где речь идет об утвердительных и отрицательных предложениях. В сравнительном аспекте вопрос об отрицании в алтайском языке был поставлен М. И. Черемисиной в статьях «Отрицание как грамматическая категория предложения» [1995], «Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири» [1996]. Б. Б. Саналова в статье «К вопросу о глагольном отрицании в алтайском языке» [2019] в общем виде рассмотрела некоторые синтетические и аналитические формы, используемые в системе глагольного отрицания.

По мнению М. И. Черемисиной, категория отрицания для тюркских языков – это не только морфологическая категория глагола, но и синтаксическая категория предложения [Черемисина, 2004, с. 540]. Семантика отрицания и утверждения переплетается с разными значениями модальности. Отрицательные предложения описывают некоторые события, представляя их как не имеющие места в действительности [Там же, с. 538]. Негативное высказывание создается как выражение несоответствия между реальным положением дел и тем ожиданием, которое было у говорящего. Например, русскому выражению *Миша не заболел* в алтайском языке соответствует аналитическая конструкция *Миша оорыбаган туру не*, где в пресуппозиции находится представление о весьма вероятном Мишином заболевании (Миша должен был или мог заболеть), поэтому такое высказывание предполагает причинный вопрос или комментарий: почему так случилось? За утвердительным предложением *Миша заболел* подобной пресуппозиции не стоит. В рамках такого понимания отрицание влечет за собой оценку его как грамматической категории предложения или высказывания, куда вписывается морфологически выраженное тюркское глагольное отрицание – «бинарная грамматическая категория глагола как части речи» [Там же, с. 539].

1. Способы выражения отрицания в тюркских языках

Во всех тюркских языках для выражения глагольного отрицания используется аффикс =БА в разных морфонологических вариантах. Он охватывает всю систему глагола: все наклонения, финитные и инфинитные формы. Аффикс =БА занимает позицию между основой глагола и аффиксом времени-наклонения: *бар=ба=ган* ‘не пошел’ (букв.: пойти=NEG=PP). Такое положение М. И. Черемисина считает свидетельством «высокой грамматичности тюркского глагольного отрицания» [Там же, с. 535]. Отрицание будущего времени выражается аффиксом =БАс: *кел=бес* ‘не придет’, *айт=нас* ‘не будет говорить’ и др. Аффикс =БАй является

показателем отрицательной формы деепричастия и представляет собой сращение показателя отрицания =БА и деепричастия =й: *кел=ип* 'приходя' – *кел=бей* 'не приходя'; *эд=е* 'делая' – *эт=ней* 'не делая'.

В отличие от русского языка, для алтайского языка не характерно двойное отрицание, ср.: *Эртен кем де кел=бес* 'Завтра **никто не** придет' (букв.: кто-то придет=нет): «в предложении, находясь на глаголе, оно имеет все его члены в скопсе своего действия» [ГСАЯ, 2017, с. 218].

В алтайском языке, как и во многих тюркских языках, существуют поливербальные конструкции, состоящие из двух и более компонентов, где аффикс отрицания может стоять при любом из них, что зависит от разных факторов. Впервые на такие конструкции в тюркских языках Сибири обратила внимание М. И. Черемисина и поставила вопрос об их дальнейшем исследовании. Как показывает имеющийся материал алтайского языка, каждый компонент, принимая аффикс отрицания, несет свою смысловую нагрузку, и во всех случаях действует определенная закономерность.

В тюркских языках имеются также другие средства выражения отрицания: предикат отсутствия (алт. *жок*) и отрицательная частица (алт. *эмес* 'нет'), которые могут проникать и в сферу глагольных сказуемых, тогда как глагольное отрицание =БА в именную сферу отрицания не проникает. Когда предикаты отсутствия и отрицания используются в глагольном отрицании, формируются специфические типы высказываний с более сложной негативной и негативно-позитивной семантикой.

Таким образом, алтайский язык, как и многие другие языки, обладает разнообразными формальными средствами выражения отрицания, выполняющими разные функции.

Задача данной статьи – показать основные способы выражения отрицания в аналитических конструкциях (далее – АК) алтайского языка, включающих два глагольных компонента – знаменательный и вспомогательный, и охарактеризовать их семантику, провести классификацию отрицательных бивербальных конструкций и обсудить вопросы, связанные с морфологическим статусом глагольного отрицания.

В бивербальных АК аффикс отрицания может располагаться либо на знаменательном, либо на вспомогательном компоненте.

Аффикс =БА присоединяется только к вспомогательному, служебному компоненту (*эд=ип сал=ба=ды* 'не сделал'), =БАй – к знаменательному (*эт=ней тур=ды* 'не делал' (время от времени)), а в многокомпонентных конструкциях аффиксы =БАй и =БА, =БАС могут примыкать как к знаменательному глаголу (*эт=ней тур=ган болгон* 'не делал (в то время)'), так и к вспомогательному (*эд=ип тур=бас болгон* 'не делал (вообще)').

Соответственно, различаются следующие типы отрицательных бивербальных конструкций:

- 1) с отрицательной формой знаменательного компонента:
 $Tv = NEG.CV + V^{AUX} = TEMP/MOD = PERS;$
- 2) с отрицательной формой вспомогательного компонента:
 $Tv = CV + V^{AUX} = NEG = TEMP/MOD = PERS.$

2. Структурные типы отрицательных бивербальных конструкций в алтайском языке

Отрицательные бивербальные конструкции являются частным случаем глагольных АК, в которых лексическое значение передается линейно первым знаменательным компонентом, принимающим форму деепричастия. Аспектуальные, акциональные и модальные значения выражаются вспомогательным глаголом, словоизменительные аффиксы которого указывают на грамматические категории наклонения, времени, лица и числа.

Структурные типы отрицательных бивербальных конструкций в алтайском языке выделяются в зависимости от места отрицательного аффикса – в составе знаменательного или вспомогательного компонента.

2.1. Конструкция со знаменательным компонентом в отрицательной форме

Чаще всего в бивербальных АК отрицательный показатель =*БАй* принимает знаменательный компонент, вспомогательный глагол (далее – ВГ) обозначает аспектуальность, модальность и темпоральность события, а также указывает на лицо и число субъекта.

Структурная схема данной АК имеет вид: $Tv=NEG=CV + V^{AUX}=TEMP=PERS$, где к основе знаменательного компонента присоединяется аффикс =*БАй*.

В таких конструкциях в роли вспомогательного компонента используются глаголы длительной и недлительной семантики.

Длительность события передают глаголы положения в пространстве: *тур*= ‘стоять’, *јат*= ‘лежать’, *отур*= ‘сидеть’, *јүр*= ‘ходить’. Чаще других встречается глагол *јат*= ‘лежать’ со значением дуративности и глагол *тур*= ‘стоять’, реже *јүр*=, крайне редко используется глагол *отур*= ‘сидеть’.

К глаголам недлительной семантики относятся: *ал*= ‘брать’, *сал*= ‘класть’, *ий*= ‘посылать’, *кал*= ‘оставаться’, *бер*= ‘давать’, *кон*= ‘ночевать’, *кел*= ‘приходить’, *бар*= ‘уходить’ и др. Из них частотны конструкции с глаголами *бар*= ‘идти’, *ал*= ‘брать’ и *кал*= ‘оставаться’. Глагол *кел*= ‘приходить’ употребляется существенно реже, чем глагол *бар*= ‘уходить’. Это объясняется, скорее всего, расширением семантики глагола *бар*=, который не только имеет значение направленного движения, но и указывает на развитие какого-либо процесса, ср.: *јанып брааткан* ‘возвращался домой’, *карып брааткан* ‘старееет’.

Каждый вспомогательный глагол вносит дополнительные аспектуальные или модальные значения. Например, глагол *јат*= привносит значение хабитуальности:

(1) *Бистинг улус изүде резинка сопок кийбей јат!* (Эл-Алтай, 2020, с. 134)

бис=тинг	улус	изү=де	резинка сопок	кий=бей
мы=GEN	люди	жара=LOC	резинка сапог	надевать=NEG.CV
јат				

AUX:лежать

‘Наши люди в жару не носят (вообще) резиновые сапоги.’

Глагол *тур*= вносит дополнительную семантику периодичности (пример 2) и невозможности действия в силу каких-то обстоятельств (пример 3):

(2) *Мылтыктарынын үндери серибей турды.* (Төлөсов, 1987, с. 172)

мылтык=тар=ы=нын үн=дер=и сери=**бей**
ружье=PL=POSS.3=GEN голос=PL=POSS.3 перестать= **NEG.CV**
тур=ды

AUX:стоять=PAST

‘Залп их ружей не прекращался.’

(3) *Je куучын чек ле баишталбай турды.* (Маскина, 2020, с. 49)

je куучын чек ле баиштал=**бай**
но разговор совсем PTCL начинаться=**NEG.CV**

тур=ды

AUX:стоять=PAST

‘Но разговор никак не начинался.’

В примере (4) выражается отрицание названного действия вокруг определенного момента времени в прошлом.

(4) *Эјебей ичинде мендеп-мендеп, айылдарга көп отурбай да турган.* (Маскина, 2020, с. 155)

Эјебей ичинде менде=п айыл=дар=га көп
Эдьебей внутри торопиться=CV дом=PL=DAT много
отур=**бай** да **тур=ган**
сидеть=**NEG.CV** PTCL **AUX:стоять=PP**

‘Эдьебей, сама по себе сильно торопясь, даже в гостях (обычно) не засиживалась.’

Глагол *jür*= привносит в конструкцию значение постоянства, протяженности:

(5) *Эмдиге јетире энези канайда өлгөн билбей жүрген.* (Эл-Алтай, 2020, с. 83)

эмдиге јетире эне=зи канайда өл=гөн=ин
сейчас до мать=POSS.3 как умирать=PP=ACC
бил=**бей** **jür=ген**
знать=**NEG.CV** **AUX:жить=PP**

‘До сих пор она не знала, отчего умерла ее мама.’

Глагол *отур*= вносит значение длительности в определенный известный говорящему период:

(6) *Je Јалаа кемзинип, Павловтын сыйын албай отурды.* (Кокышев, 1980, с. 183)

je Јалаа кемзин=ип Павлов=тын сый=ы=н
но Дьалаа стесняться=CV Павлов=GEN подарок=POSS.3=ACC
ал=**бай** **отур=ды**
братъ=**NEG.CV** **AUX:сидеть=PAST**

‘Но Дьалаа, стесняясь, не брала подарок Павлова.’

Во всех приведенных примерах с разными ВГ передается специфическая акционсартная или аспектуальная семантика: в отрицательных конструкциях глаголы *јат*= и *jür*= указывают на отсутствие дуративности действия; *тур*= и *отур*= –

на имперфектность действия (в тот момент), и в то же время присутствует эвиденциальное значение экспериентива: говорящий воспринимает действие непосредственно (термин И. А. Мельчука [1998, с. 199]).

В бивербальных конструкциях, когда аффикс =*БАй* перемещается на второй, вспомогательный, компонент и функционирует как конечный показатель, он не выражает значения отрицания, а вносит в АК модальную семантику – уверенного утверждения ‘ведь’ или обозначает высокую степень уверенности говорящего ‘конечно’.

(7) *Андый ат бар ба? – Бар учун айдын турбай.* (Кокышев, 1980, с. 289)

андый ат бар ба бар учун айд=**ып**
такой имя есть Q есть POSTP говорить=**CV**

тур=бай

AUX: стоять=NEG.CV

‘Такое имя есть? – Я ведь говорю из-за того, что есть.’

(8) *Эдим эрий берерде, эргегим тартылып отурбай.* (Кокышев, 1980, с. 259)

эд=им эри=й бер=ер=де
мясо=POSS.1SG разморозить=**CV** AUX: дать=PrP=LOC

эргег=им тартыл=**ып** **отур=бай**

большой палец=POSS.1SG дергаться=**CV** **AUX: сидеть=NEG.CV**

‘Когда мое тело согрелось, дергается ведь мой большой палец.’

(9) *Эжигин кайра ачын салзан, ол бойы да курган калбай...* (Кокышев, 1980, с. 494)

эжиг=и=н кайра ач=ып сал=за=н
дверь=POSS.3=ACC назад открыть=**CV** AUX: класть=COND=2SG

ол бойы да курга=**п** **кал=бай**

он сам PTCL высухать=**CV** **AUX: оставаться=NEG.CV**

‘Если дверь оставишь открытой, то и сама [комната] высохнет ведь.’

(10) *Je мен бойым көктөгөн немени танып ийбей.* (Төлөсов, 1987, с. 9)

je мен бойы=м көктө=гөн неме=ни тан=**ып**
но я сам=POSS.1SG шить=PP вещь=ACC узнать=**CV**

ий=бей

AUX: посылать=NEG.CV

‘Но я ведь узнаю вещь, которую сама сшила.’

Глагол *бар=* в утвердительных бивербальных конструкциях употребляется в основном в стяженном виде с глаголом *јат=* со значением конкретного прошедшего времени, соотнесенного с тем или иным моментом речи, обозначающего действие-процесс, происходящее на глазах говорящего: *једиж=ип брат-кан < једиж=ип бар=ып јат=кан* ‘догонял’ (подробнее см.: [Тазранова, 2016, с. 52–53]).

В отрицательных конструкциях ВГ *бар=* вносит семантику прекращения действия или состояния, названного знаменательным компонентом: ‘перестать делать что-либо’ или ‘перейти в состояние остановки’. Значение таких конструкций можно охарактеризовать следующим образом: ‘регулярность или привычность

какого-то действия с момента речи прекращается, останавливается, заканчивается’.

В отрицательных конструкциях ВГ *бар=* обладает более широкой сочетаемостью со знаменательными глаголами, чем в утвердительных конструкциях, в приведенных примерах невозможно употребление ВГ *бар=* в положительных предложениях:

(11) *Кошту аттар арып, баспай барган.* (Маскина, 2020, с. 116)

кошту ат=тар ары=п **бас=пай**
навьюченный лошадь=PL устать=CV **ходить=NEG.CV**

бар=ган

AUX:уходить=PP

‘Навьюченные лошади, устав, остановились (букв.: перестали дальше идти).’

(12) *Ўйинен письмо узак келбей барган.* (Кокышев, 1980, с. 485)

ўй=и=нен письмо узак **кел=бей**
жена=POSS.3=ABL письмо долго **приходить=NEG.CV**

бар=ган

AUX:уходить=PP

‘От жены долго не было писем (букв.: перестали приходить письма).’

Аналогичное значение в алтайской устной речи выражается конструкцией $Tv=BAc=тA=й + V^{бар}$, где *=BAc* – это отрицательная форма будущего времени, *=тAй* – сложный аффикс, который образовался от стяжения какого-то вспомогательного глагола. М. И. Черемисина считает форму на *=BAcтA=й* сложной формой и приводит похожие тувинские примеры: *Ачам аңна-васта-й берди* ‘Мой отец перестал охотиться’ [Черемисина, 2004, с. 542].

(13) *Ол меге келбестей барган.*

ол меге **кел=бес=те=й** **бар=ган**
он я.DAT **приходить=NEG.PrP=LOC=AUX** **AUX:уходить=PP**

‘Он перестал ко мне приходить’.

Форма на *=BAcтA* обычно присоединяется к основе глагола, имея значение ‘перестать делать или не делать то, что названо отрицательным причастием’. В письменной речи эта форма используется в составе темпоральных полипредикативных конструкций (ср. примеры 13 и 14):

(14) *Јадатан квартира табылбаста, гостиницада јадарга келишти.* (Кокышев, 1980, с. 477)

јад=атан квартира табыл=**бас=та** гостиница=да
жить=PP квартира **найтись=NEG=LOC** гостиница=LOC

јад=арга келиш=ти

жить=INF приходится=PAST

‘Когда не нашлась квартира для снятия, пришлось жить в гостинице.’

Из тюркских языков Сибири форма на *=BAcтA* отмечена в тувинском языке, Ш. Ч. Сат назвал ее «прекратительным видом» [Сат, 1955].

Следующим по частотности в составе отрицательных бивербальных АК после глагола *бар*= является глагол *кал*= ‘оставаться’, который сочетается с глаголами состояния, изредка с глаголами действия и движения и указывает на отсутствие того или иного состояния, названного основой знаменательного компонента, а также на кратковременность и внезапность. ВГ *кал*= вносит в конструкцию семантику «недостигнутого состояния», а также значение нереализованного действия вопреки ожиданию:

- (15) *Эртен тура Тайгыл табылбай калган.* (Кокышев, 1980, с. 110)
 эртен тура Тайгыл табыл=**бай** кал=ган
 утро Тайгыл найтись=**NEG.CV** **AUX:оставаться=PP**
 ‘Утром пропал Тайгыл (кличка собаки).’

В примере (16) передается внезапное, неожиданное для самого субъекта состояние:

- (16) *Мен барбай калдым.*
 мен бар=**бай** кал=ды=м
 я уходить=**NEG.CV** **AUX:оставаться=PAST=PERS.1SG**
 ‘Я не пошел (вопреки ожиданиям).’

ВГ *сал*= обозначает несовершенство законченного действия, названного знаменательным компонентом:

- (17) *Мында Чөбчөйөк не деп айтпай, кыйгырбай турган, тен кезигин ол тушта айтпай салгам.* (Төлөсов, 1987, с. 132)
 мында Чөбчөйөк не деп айт=пай кыйгыр=**бай**
 тогда Чеечейек что CONJ говорить=**NEG** кричать=**NEG**
 тур=ган тен кезигин ол тушта айт=**пай**
 AUX:стоять=PP просто половина тот время говорить=**NEG**
сал=гам
AUX:класть=PP.1SG
 ‘Тогда Чеечейек что только ни говорил, что только ни кричал, в тот раз даже не стал говорить половину.’

Если бы отрицательный маркер стоял на самом глаголе *сал=ба=гам*, то значение поменялось бы: ‘должен был сказать, но не сказал’, ср.:

- (18) *Мен оны балдарыма айдып салбагам.*
 мен оны балдар=ым=а айд=**ып**
 я это.ACC дети=POSS.1SG=DAT говорить=**CV**
 сал=**ба**=гам
 AUX: класть=**NEG=PP.1SG**
 ‘Я это своим детям не сказала (должна была сказать, но не сказала).’

- (19) *А бир үйүр койлороорды не бектеп-шыктап салбанаар?* (Төлөсов, 1987, с. 29)
 а бир үйүр кой=лор=оор=ды не
 а один стадо овца=PL=POSS.2PL=ACC почему

бекте=п шыкта=п сал=ба-н-аар
 закрыть=CV запереть=CV AUX: класть=NEG-PP=2PL
 ‘А почему вы не заперли, не закрыли свое стадо овец? (Вы должны были это сделать, но не сделали)’.

2.2. Конструкции со вспомогательным компонентом в отрицательной форме

Показатель отрицания =БА может принимать также вспомогательный глагол. Знаменательный компонент при этом стоит в одной из деепричастных форм – на =(B/I)n или на =A/й.

По форме вспомогательного компонента выделяются следующие разновидности:

- 1) с индикативной формой вспомогательного глагола:
 $Tv = CV + V^{AUX} = NEG = TEMP = PERS$;
- 2) с хортативной¹ формой вспомогательного глагола:
 $Tv = CV + V^{AUX} = NEG = IMP$.

2.2.1. Конструкции с индикативной формой вспомогательного глагола

Варианты данной разновидности отрицательных бивербальных конструкций различаются в зависимости от того, какую форму принимает знаменательный компонент – деепричастия на =(B/I)n или деепричастия на =A/й. Структурную схему можно представить следующим образом: $Tv = CV + V^{AUX} = NEG = TEMP = PERS$.

Самыми частотными являются конструкции с глаголом ал= в отрицательной форме на =БА, в которых передается невозможность совершения действия, названного знаменательным глаголом:

(20) Балазынын үнин угуп ийеле, бажын өрө көдүрерге жүреле, же болуп албады.
 (Кокышев, 1980, с. 308)

бала=зы=нын	үн=и=н	уг=уп
ребенок=POSS.3=GEN	голос=POSS.3=ACC	слышать=CV
ий=еле	баж=ы=н	өрө көдүр=ерге
AUX:посылать=CV	голова=POSS.3=ACC	верх поднимать=INF
жүр=еле	же бол=уп	ал=ба=ды
AUX:жить=CV	но быть=CV	AUX:брат=NEG=PAST

‘Услышав голос своего ребёнка, хотела поднять голову, но не смогла.’

В утвердительных конструкциях ВГ ал= используется для выражения семантики «достижения цели в своих интересах» (ср. пример 21 с отрицательной формой ВГ и пример 22 с утвердительной).

¹ В грамматиках алтайского языка эта форма считается императивной. Императив понимается широко и включает, помимо форм 2-го л., также и формы 1-го и 3-го л. для выражения побудительности, которые часто называются хортативными или гортативными.

(21) *Кийдирбеген эмес, мен бойым кирип албадым.* (Маскина, 2020, с. 127)

кийдир=бе=ген эмес мен бойым кир=ип
запускать=NEG=PP нет я сам заходить=CV
ал=ба=ды=м

AUX:брать=NEG=PAST=1SG

‘Дело не в том, что не пустили, я сама не смогла зайти.’

(22) *Бу турага мен бойым кирип алдым.*

бу тура=га мен бойым кир=ип ал=ды=м
это дом=DAT я сам заходить=CV **AUX:брать=PAST=1SG**
‘В этот дом я сам заселился (в своих интересах).’

В некоторых случаях конструкция $Tv=n + ал=ба=$ выражает невозможность осуществления действия в силу субъективных причин.

(23) *Јакшы өдүк жок, эрезин өдүк база кийип албайтам.* (Маскина, 2020, с. 169)

јакшы өдүк јок эрезин өдүк база кий=ип
хороший обувь нет резиновый обувь тоже надевать=CV
ал=бай-га=м

AUX:брать=NEG-PP=1SG

‘Хорошей обуви нет, а резиновые сапоги не могу носить.’

(24) *Су-алтай тилге бичиген немени орус тилге көчүр албас.* (Эл-Алтай, 2020, с. 75)

су-алтай тил=ле бичи=ген неме=ни орус
чистый алтайский язык=INSTR писать=PP вещь=ACC русский
тил=ге көчүр↓ ал=бас
язык=DAT переводить=CV **AUX:брать=NEG.PrP**

‘То, что написали чисто по-алтайски, невозможно перевести на русский язык.’

Синонимом конструкции $Tv=n + ал=ба=$ является конструкция с глаголом *бол*= ‘быть’ – $Tv=n + бол=бо=$ ‘не мочь что-либо делать’ (ср. примеры 23 и 25; 24 и 26).

(25) *Мен де анда турушкам. Је јазый кижы учы-туркунын көрүп болбодым.* (Эл-Алтай, 2020, с. 117)

мен де анда туруш=кам је јазый кижы
я PTCL там участвовать=PP.1SG но нездоровый человек
учы-туркунын көр=үп бол=бо=ды=м
конец смотреть=CV **AUX:быть=NEG=PAST=1SG**

‘И я там участвовал. Но я, больной человек, не смог конец досмотреть.’

(26) *Кажы ла кижинин јүрүмин кем де анайда түңейлештире јүрүп болбос.* (Толёсов, 1987, с. 64)

кажы ла кижы=нин јүрүм=и=н кем де
каждый PTCL человек=GEN жизнь=POSS.3=ACC кто PTCL
анайда түңейлештире јүр=үп бол=бос
так одинаково жить=CV **AUX:быть=NEG.PrP**

‘Жизнь человека никто не сможет прожить точно так же.’

В таких фразах на первый план выводится модальная семантика невозможности.

В алтайских текстах представлены единичные случаи употребления конструкций с ВГ *ий*= ‘посылать’, *кел*= ‘приходить’.

Глагол *кел*=, как и в утвердительных предложениях, указывает на направленность в сторону говорящего.

(27) *Биске не айылдап келбейдин?* (Кокышев, 1980, с. 460)

бис=ке не айылда=п кел=бе=йд=ин
мы=DAT почему гостить=CV AUX:приходить=NEG=PRES=2SG
‘Почему ты к нам не приходишь в гости?’

ВГ *ий*= в отрицательной форме в сочетании с вопросительной частицей *БА* передает модальный смысл:

(28) *А эмеш сагышты сыр манга көчүрүп ийбес пе?* (Толёсов, 1987, с. 153)

а эмеш сагыш=ты сыр ман=га көчүр=ип
CONJ чуть ум=ACC очень бег=DAT переводить=CV
ий=бес пе
AUX:посылать=NEG.PrP Q
‘А нельзя ли думать чуть быстрее?’

Глаголы длительной семантики в данном типе конструкций почти не встречаются.

(29) *А сен дезе «мен база жүр күүним кел жат» деп, тоолонуп-тоолонуп огырып жатпазын ба.* (Толёсов, 1987, с. 196)

а сен дезе мен база жү=ир күүн=им
CONJ ты CONJ я тоже есть=PrP желание=POSS.1SG
кел жат деп тоолон=ып огыр=ып
приходить AUX:лежать CONJ кувыряться=CV орать=CV
жат=паз=ын ба
AUX:лежать=NEG.PrP=2SG Q
‘А ты не будешь ли орать, кувиркаясь и говоря: «Я тоже хочу есть»’.

ВГ *жүр*= с аффиксом отрицания встречается с частицей *эди* ‘бы’, формируя многокомпонентную конструкцию: *ойноп жүрбес эди* ‘играл бы’.

С деепричастной формой знаменательного глагола на =*А/й* сочетаются вспомогательные глаголы недлительной семантики *сал*= ‘класть’, *бер*= ‘давать’, *кон*= ‘ночевать’.

В отрицательных конструкциях с ВГ *сал*= и *кон*= сообщается о чуть было не совершившихся действиях, нередко они сопровождаются усилительными частицами *арай* ‘чуть’ и *арай ла* ‘чуть не’ (примеры 30 и 31).

(30) *Кыс байагызынан там ачынып, арай ийде салбады.* (Маскина, 2020, с. 150)

кыс байагы=зы=нан там ачын=ып арай
девушка тогда=POSS.3=ABL сильнее обижаться=CV чуть

ийд=е сал=ба=ды
толкать=CV AUX:класть=NEG=PAST
'Девушка, еще сильнее обидевшись, чем тогда, чуть не толкнула.'

(31) *Аттыг туйгагынын алдына кучыйак арай ла кире конбогон.* (Кокышев, 1980, с. 54)

ат=тын туйгаг=ы=нын алдына кучыйак арай
лошадь=GEN копыта=POSS.3=GEN под воробей чуть
ла кир=е кон=бо=гон
PTCL заходить=CV AUX:ночевать=NEG=PP
'Воробей чуть не попал под копыта лошади.'

В предложениях, где нет усилительной частицы, передается семантика 'не делать чего-то в тот момент' (пример 32).

(32) *Ротмир Шураны колтугынан тудуп ийерде, колын ийде салбады.* (Кокышев, 1980, с. 301)

Ротмир Шура=ны колтуг=ы=нан туд=уп
Ротмир Шура=ACC подмышка=POSS.3=ABL держать=CV
ий=ер=де кол=ы=н ийд=е
AUX:посылать=PrP=LOC рука=POSS.3=ACC толкать=CV
сал=ба=ды
AUX:класть=NEG=PAST
'Когда Ротмир дотронулся до Шуры, не стал отталкивать его руку.'

ВГ *сал=* может сочетаться с деепричастной формой как на *=(bI)n*, так и на *=A/й*, поэтому и с отрицательным показателем он может использоваться в обоих типах, но семантика неоднозначна, как и в утвердительных конструкциях. *Tv=(bI)n + сал=* обозначает результативность действия; *Tv=A/й + сал=* – внезапность, стремительность. В отрицательных конструкциях *Tv=BAй + сал=* – 'не начинать что-либо делать': *ичней салды* 'не стал пить'; *Tv=A/й + сал=NEG* – 'чуть не совершившееся действие'.

2.2.2. Конструкции с императивной формой вспомогательного глагола

В алтайских текстах встречаются бивербальные конструкции с хортативной формой 3-го л. в отрицательной форме на *=БА=зЫн*. Форма на *=Сын* в утвердительных предложениях передает семантику беспрекословного исполнения повеления говорящего [ГСАЯ, 2017, с. 335]: *бар=зын* 'пусть идет'. В конструкциях *Tv=CV + V^{AUX}=NEG=IMP* второй компонент, вспомогательный глагол, принимает отрицательный аффикс и хортативный показатель 3-го л., а знаменательный компонент может стоять в обеих деепричастных формах. В качестве вспомогательных глаголов в них используются в абсолютном большинстве случаев глаголы недлительной семантики (*бер=* 'дать', *ий=* 'посылать', *кел=* 'приходить', *кал=* 'оставаться', *ал=* 'брать' и др.). Эти ВГ используются редко и почти не встречаются в рассмотренных выше отрицательных конструкциях, в данных АК они высоко частотны.

Основным значением отрицательных конструкций с формой на *=БазЫн* является предостережение адресату относительно возможных негативных последствий, т. е. выражается значение адмонитива.

(33) *Ол кой-эчкилерди көрүп тур, айылдаш улустын малыла кожулыжа бербезин!* (Эл-Алтай, 2020, с. 167)

ол кой эчки=лер=ди көр=үп тур айылдаш
те овца коза=PL=ACC смотреть=CV AUX:стоять соседний
улус=тын мал=ы=ла кожулыж=а
люди=GEN скот=POSS.3=INSTR объединяться=CV

бер=бе=зин

AUX:дать=NEG=IMP.3

‘Смотри за теми овцами-козами, как бы не смешались с соседским скотом.’

(34) *Туку адам чыгып келбезин.* (Толёсов, 1987, с. 46)

туку ада=м чыг=ып
вон отец=POSS.1SG выходить=CV

кел=бе=зин

AUX:приходить=NEG=IMP.3

‘Вон мой папа как бы не вышел.’

(35) *Амыровичтин, Болойттын, адазы болуп калбазын!* (Эл-Алтай, 2020, с. 152)

Амырович=тин Болойт=тын ада=зы бол=уп
Амырович=GEN Володя=GEN отец=POSS.3 быть=CV

кал=ба=зын

AUX:оставаться=NEG=IMP.32

‘Как бы он не оказался отцом Амыровича, Володи.’

(36) *Солун кижжи карануйда мандайын ойып албазын, кудаймай.* (Кокышев, 1980, с. 129)

солун кижжи карануй=да мандай=ы=н ой=ып
неместный человек темнота=LOC лоб=POSS.3=ACC дырывать=CV
ал=ба=зын кудаймай

AUX:брат=NEG=IMP.3

боже мой
‘Неместный человек как бы в темноте не разбил себе лоб.’

Такая конструкция выражает значение предупреждения, предостережения от возможных нежелательных действий в будущем, по отдельности ни сам ВГ, ни форма на *=БазЫн* не имеют такой семантики. Выбор того или иного ВГ зависит от совместимости с семантикой знаменательного глагола. Во всех приведенных примерах ВГ не взаимозаменяемы.

Заключение

Таким образом, нами рассмотрены два структурных типа бивербальных отрицательных конструкций. Установлено, что местоположение отрицательного аффикса – это не простая структурная вариативность, за ней скрываются семантические различия, которые проявляются и в наборе вспомогательных глаголов,

и в передаваемых конструкцией значениях. Если отрицательный маркер располагается на знаменательном компоненте, то отрицание не выходит за пределы аспектуальности: обозначается незавершенность перфективного действия, отрицается соответствующая аспектуальная семантика. При отрицании на втором компоненте дополнительно появляются различные модальные и эвиденциальные значения (невозможности, уверенного утверждения говорящего и др.).

Спецификой употребления отрицательных аналитических конструкций со вспомогательными глаголами является то, что они не всегда имеют семантическую пару в утвердительных конструкциях с этими же глаголами. В семантическом отношении отрицательные конструкции выражают не только отрицание или отсутствие, но и разные специфические оттенки, вносимые каждым вспомогательным глаголом, например, глагол *ал*= в положительных конструкциях в качестве вспомогательного употребляется в значении 'делать что-либо в своих интересах, для себя', в отрицательных же конструкциях он выступает с модальным значением невозможности действия или состояния; ВГ *бар*= в утвердительных конструкциях обозначает развитие действия или процесса, в отрицательных АК выступает со значением прекращения действия, названного деепричастием.

Список условных обозначений и сокращений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **CONJ** – союз; **COND** – условное наклонение; **CV** – деепричастная форма; **GEN** – генитив; **DAT** – датив; **IMP** – форма императива; **INF** – инфинитив; **INSTR** – орудный падеж; **NEG** – отрицание; **LOC** – местный падеж; **MOD** – модальность; **PAST** – форма на *=ды* прошедшего времени; **PERS** – личные показатели; **PI** – множественное число; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **POSTP** – послелог; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRES** – показатель настоящего времени; **PrP** – причастие будущего времени на *=ap*; **PTCL** – частица; **Q** – вопросительная частица; **SG** – единственное число; **TEMP** – темпоральность; **Tv** – основа глагола; **V** – глагол; *=* – морфемный шов; ↓ – выпадение морфемы

Список литературы

- Абдуллаев С. А.* Вариативность утверждения и отрицания в разносистемных языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1988. 43 с.
- Дамбаа О. В.* Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркским языками: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
- Джафаров Д. А.* Способы выражения отрицания в современном азербайджанском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965. 21 с.
- ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. 296 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- ГТЯ – Грамматика тувинского языка. М., 1961. 472 с.
- ГХЯ – Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 419 с.
- ГСЛЯЯ – Грамматика современного литературного якутского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Е. И. Коркиной и др. М.: Наука, 1982. 495 с.

Карпов В. Г. Лексические средства выражения отрицания в современном хакасском языке // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987. С. 65–74.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена, 1998. Т. 2. 536 с.

Рахимов С. О. О месте единиц категории отрицания в системе языка на материале некоторых индоевропейских и тюркских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с.

Саналова Б. Б. К вопросу о глагольном отрицании в алтайском языке // Алтайское языкознание: проблемы и исследования: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Алтайское языкознание: проблемы и исследования», посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка». Горно-Алтайск, 2019. С. 75–82.

Сам Ш. Ч. Тувинский язык (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.

Тазранова А. Р. Основные пути грамматикализации аналитических конструкций в алтайском языке: с глаголами движения *бар=* и *кел=* // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития: Материалы Регион. науч.-практ. конф. «Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития» (5–9 июля 2016 г. Институт алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск, 2016. С. 50–56.

Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 224 с.

Хасанова Л. З. К вопросу о категории отрицания в башкирском языкознании // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 1999. С. 128–130.

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. 1995. Вып. 2. С. 3–22.

Черемисина М. И. Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. 1996. Вып. 3. С. 3–40.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004. 895 с.

Список источников

Кокышев Л. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980. 495 с.

Маскина Ж. Элес жүрүмнүн чалузы. Горно-Алтайск, 2020. 396 с.

Төлөсов К. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1987. 284 с.

Эл-Алтай. Горно-Алтайск, 2020. 176 с.

References

Abdullaev S. A. *Variativnost' utverzhdeniya i otritsaniya v raznosistemnykh yazykakh* [Variability of affirmation and negation in multi-system languages]. Abstract of Doct. philol. sci. diss. Tbilisi, 1988, 43 p.

Dambaa O. V. *Leksicheskie sredstva otritsaniya v tuvinskom yazyke v sopostavlenii s yuzhnosibirskimi tyurkskimi, mongol'skim i drevnetyurkskim yazykami* [Lexical means of negation in the Tuvan language in comparison with the South Siberian Turkic,

Mongolian and Ancient Turkic languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 20 p.

Dzhafarov D. A. *Sposoby vyrazheniya otritsaniya v sovremennom azerbaydzhan-skom literaturnom yazyke* [Ways of expressing negation in the modern Azerbaijani literary language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Baku, 1965, 21 p.

Cheremisina M. I. Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otritsaniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Analytical ways of expressing absence and negation in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1996, iss. 3, pp. 3–40.

Cheremisina M. I. Osnovnye tipy analiticheskikh konstruktsey skazuemogo v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [The main types of analytical predicate constructions in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 3–22.

Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, 2004, 895 p.

Grammatika altayskogo yazyka [Grammar of the Altai language]. Kazan, 1869, 296 p.

Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. N. A. Bas-kakov (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 219 p.

Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.

Grammatika sovremennogo literaturnogo yakutskogo yazyka. Fonetika i morfo-logiya [Grammar of the modern literary Yakut language. Phonetics and morphology]. E. I. Korkina et al. (Eds.). Moscow, Nauka, 1982, 495 p.

Grammatika tuvinskogo yazyka [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka, 1961, 472 p.

Karpov V. G. Leksicheskie sredstva vyrazheniya otritsaniya v sovremennom kha-kasskom yazyke [Lexical means of expressing negation in the modern Khakass language]. In: *Leksikologiya i slovoobrazovanie khakasskogo yazyka* [Lexicology and word formation of the Khakass language]. Abakan, 1987, pp. 65–74.

Khasanova L. Z. K voprosu o kategorii otritsaniya v bashkirskom yazykoznanii [On the question of the category of negation in Bashkir linguistics]. In: *Problemy izucheniya i prepodavaniya filologicheskikh nauk: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Problems of studying and teaching philological sciences. Materials of the All-Russian sci. and pract. conf.]. Sterlitamak, 1999, pp. 128–130.

Melchuk I. A. *Kurs obshchey morfologii* [Course of General morphology]. Moscow, Vienna, 1998, vol. 2, 536 p.

Rakhimov S. O. *O meste edinits kategorii otritsaniya v sisteme yazyka na materiale nekotorykh indoevropeyskikh i tyurkskikh yazykov* [On the place of negation category units in the language system based on the material of some Indo-European and Turkic languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1973, 20 p.

Sanalova B. B. K voprosu o glagol'nom otritsanii v altayskom yazyke [On the question of verbal negation in the Altai language]. In: *Altayskoe yazykoznanie: proble-my i issledovaniya. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem "Altayskoe yazykoznanie: problemy i issledovaniya," posvyashchennoy 150-letiyu pervoy "Grammatiki altayskogo yazyka"* [Altai linguistics: problems and research. Materials of the All-Russian sci. and pract. conf. with international participation "Altai

linguistics: problems and research” dedicated to the 150th anniversary of the first “Grammar of the Altai language”]. Gorno-Altaysk, 2019, pp. 75–82.

Sat Sh. Ch. *Tuvinskiy yazyk: (Kratkiy ocherk)* [Tuvan language: (A brief essay)]. In: *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, 1955, pp. 615–721.

Tazranova A. R. Osnovnye puti grammatikalizatsii analiticheskikh konstruktsiy v altayskom yazyke: s glagolami dvizheniya bar= i kel= [The main ways of grammaticalization of analytical constructions in the Altai language: with the verbs of movement bar = and kel=]. In: *Yazyk i kul'tura altaytsev: sovremennye tendentsii razvitiya: Materialy Region. nauch.-prakt. konf. "Yazyk i ku'tura altaytsev: sovremennye tendentsii razvitiya"* [Altaians' language and culture: modern development trends. Materials of the regional sci. and pract. conf. "Language and culture of Altaians: modern development trends"]. Gorno-Altaysk, 2016, pp. 50–56.

Tybykova A. T. *Issledovaniya po sintaksisu altayskogo yazyka* [Research on the syntax of the Altai language]. Novosibirsk, NSU Press, 1991, 224 p.

List of sources

El-Altaj. Gorno-Altajsk, 2020, 176 p.

Kokyshev L. *Altajdyn kystary*. Gorno-Altajsk, 1980, 494 p.

Maskina J. *Eles d'ürümniñ chaluzy*. Gorno-Altajsk, 2020, 396 p.

Telesov K. *Kadyn d'askyda*. Gorno-Altajsk, 1987, 284 p.

Информация об авторе

Алена Робертовна Тазранова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Alena R. Tazranova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 06.08.2023;

одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 16.09.2023

The article was submitted on 06.08.2023;

approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 16.09.2023

Научная статья

УДК 811.512.141'42

DOI 10.17223/18137083/85/17

**Особенности функционирования кодовых переключений
в башкирской устной речи: частеречный анализ
(на материале текстов восточного диалекта
башкирского языка)**

Лилия Айсовна Бускунбаева

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

buskl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Аннотация

Статья посвящена исследованию кодовых переключений в спонтанной речи башкир. Материалом для анализа послужили диалектные тексты, представленные в Текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (mfbl2.ru/mfbl/bashdial). Цель работы – анализ частеречных и прагматических особенностей кодовых переключений в спонтанной речи башкир восточного диалекта. Методом сплошной выборки из Текстологической базы данных были извлечены 2 208 случаев кодовых переключений, на основе которых был произведен подробный частеречный анализ исследуемых единиц. На базе диалектных текстов выявлены основные прагматические функции кодовых переключений.

Ключевые слова

башкирский язык, тюркские языки, билингвизм, кодовые переключения, диалект, часть речи

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>) «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)»

Для цитирования

Бускунбаева Л. А. Особенности функционирования кодовых переключений в башкирской устной речи: частеречный анализ (на материале текстов восточного диалекта башкирского языка) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 229–242. DOI 10.17223/18137083/85/17

© Бускунбаева Л. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 229–242
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 229–242

Features of the functioning of code-switching in Bashkir oral speech: partial analysis (a case study of the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language)

Liliya A. Buskunbaeva

Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

buskl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Abstract

This paper presents the study of the code-switching phenomenon in Bashkir-Russian spontaneous discourse. The analysis covered 323 eastern dialect texts taken from the Textual database of the dialectological sub-fund of the Machine fund of the Bashkir language (<http://mfb12.ru/mfb/bashdial>). This database documents only 2208 uses of code-switches, accounting for only 2.6 % of the total number of word-uses. Detailed consideration is given to the features of foreign-language units' functioning in the spontaneous speech of the Bashkirs. The analysis of the frequency statistics of code-switching by parts of speech allowed the percentage of code-switching by parts of speech to be identified. Given the structure diversity of the languages under study, special attention is paid to the cases of using formative and inflectional markers (matrix language or guest language) in code-switching. Code-switching structures are inclusions (single lexemes of the guest language) and insular switches (several lexical units or phrases of the guest language). The main pragmatic causes of code-switching are indicated. These are reference, subject-thematic, and citation factors. The texts under analysis feature code-switching patterns practically with all parts of speech, except for interjections, imitative, and vocative words. Of interest, the inclusion of code-switches in the morphosyntactic structure of the matrix language is not found to have a significant impact on the sentence word order. While adopting inflectional and formative markers of the matrix language, code-switches are integrated into a sentence without affecting the correct perception of information.

Keywords

Bashkir language, Turkic languages, bilingualism, code-switching, dialect, part of speech

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343>) "Bashkir-Russian code-switching (based on dialect discourses)"

For citation

Buskunbaeva L. A. Features of the functioning of code-switching in Bashkir oral speech: partial analysis (a case study of the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 229–242. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/17

Введение

В разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала, относящегося к неассимилированной лексике. Говорящие в процессе рече-производства могут употреблять не только иноязычные слова, но и морфемы,

словосочетания и целые предложения. Такие языковые единицы изучаются в аспекте билингвизма и переключения языковых кодов.

В рамках данного исследования анализируется одно из малоизученных в условиях билингвизма лингвистических явлений в башкирском языке – переключение языковых кодов в спонтанной речи башкир – представителей восточного диалекта.

На проблему переключения кодов (далее – КП) (англ. Code-switching) лингвисты обратили внимание в 70-е гг. XX в. в связи с возросшим интересом к проблемам языковых контактов. В работах зарубежных ученых У. Вайнрайха [2000], П. Ауэр [Auer, 1998], Ш. Поплак [Poplack, 1981], К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993] были сформулированы основные положения, направления и структурные типы КП.

В отечественной лингвистике проблема КП поднимается в последние десятилетия регулярно. Значительный вклад внесла монография Г. Н. Чиршевой «Двуязычная коммуникация» [2004], на результаты исследования которой опирается большинство последующих исследователей, изучающих структурные типы КП.

Поскольку билингвизм характерен для всех национальных регионов в России и стране в целом, то наблюдается повышенный научный интерес к данной проблеме. КП рассматривались на материале татарско-русского [Мордвинова, 2016], русско-татарского [Солнышкина, Хайруллина, 2015], бурятско-русского [Папинова, 2017], марийско-русского [Гаврилова, 2013] двуязычия.

В башкирской лингвистике в условиях башкирско-русского двуязычия проблема КП также является остроактуальной.

Республика Башкортостан является полиэтническим регионом, где в качестве языка межнационального общения выступает русский. Материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан показали высокий уровень владения русским языком среди башкирского населения – 96,4 %. В то время как родным языком владеют 67,4 % башкир [Итоги..., 2012, с. 84–86]. Для сравнения, в 2002 г. последний показатель был намного выше – 74,7 %.

В речи башкир, владеющих родным языком, всё чаще можно наблюдать иноязычные слова или выражения, иногда и целые фразы, относящиеся к неассимилированной лексике, несмотря на то, что в языке-реципиенте они имеют эквиваленты исконного происхождения.

Языковые переключения нуждаются в детальном исследовании, многостороннем анализе и систематизации имеющегося фактического материала. Эти задачи могут быть решены только при наличии представительной базы данных, отражающей всё многообразие исследуемых единиц. Таким источником для анализа КП в башкирском языке послужила Текстологическая база диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка¹ (см. рисунок), включающая диалектные тексты, собранные сотрудниками отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН во время

¹ См.: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>

Список используемых в Текстологической базе транскрипционных обозначений: / – знак сегментации синтагмы; // – знак сегментации повествовательного высказывания; !, ? – знак сегментации вопросительных и восклицательных фраз; # – переключение языковых кодов (с башкирского на русский); б* – билабиальный вариант согласного [б]; + – для указания языковых явлений, как элизия и ассимиляция (подробнее об этом см. [Бускунбаева, Сиразитдинов, 2020, с. 94]).

экспедиционных выездов в районы Республики Башкортостан (см. более подробно: [Бускунбаева, Сиразитдинов, 2020; Сиразитдинов и др., 2018]).

The screenshot shows a web application titled "Текстологическая база данных" (Textological Database). It features a search interface with various filters and a list of search results.

Search Filters:

- Диалект: восточный
- Говор: кызылский
- Пол: ж
- Возраст: 14
- Год записи: 2017
- Образование: среднее
- Национальность: башкир

Search Results:

Количество найденных текстов: 262

Text List:

Текст
Бер () башкир сактап уйнарга йаратабыр / берен тире () башкир клуб () ашма () (> >) башкир башкир да / ур башкир да / ишмен тиканитарем да б'ар / шуға без кил: һайван / был һайван / уйнарга сылабыр / футбол уйнабыр / восеббол / унда беги теве бирелер # площадь # / шуғада уйнабыр / (> >) ун ике тайға уйнабыр / (> >) шуғада уйналар уйнабыр \$ B / (> >) төрле уйналар уйнабыр / калк / бастырыш / йашенеш / уйналар төрле / ун ике тайға туралына һейлайен / (> >) ун ике тайға (> >) ун уйнаса кеше клуб бул / һайб'отерәк / күнелерәк бул / (> >) бер [но] [та] нейгә / тахтаға ун ике тайға / ней эзләб табыр һайб'отерәк / алаһар ға / ун ике тайға һайлар / һайлар һай () бер кеше уйнаса бул / ул [то] уйнарга тайға тотоб'от ала да / эзләб - йөрөйһе / (> >) унан башланса тине нифа / барыш / кешеләр # аяң # () сылаб катөб йашенештар / # йашенештар да / был кеше тайға тотоб'от эзләб б'аштай / эзләй да / кеше күрә / шуғада бораб'от кешеләр тайға менәй һуырга тейш / # если # (> >) һуырыһа / ул кеше # уяң # бада алай бул / (> >) бада алай бул / берейһе килеб сағыр / тахтаға баштаһа / унан йананан башлаһа / был кеше тағыл бер [не] (> >) йашенештарда # аяң # эзләб сығырга тейш бул / барыһа / калк / ул / калк / һар б'ерейһе / бер б'ерейһе калк һуырыһа уйналар / барыһа һуырыһа / һиндә () калк бул шул / # ты # # вода # тигеһе һамаһа русса ул / калк / ала \$ C \$ H / бараң да / калк тиб һуыһа / шул / ул кеше () # уяң # йәңеһе кешеһе калк тиб / калкте бирергә тейш / һуырга тейш / баштаһа [ба] был / бастырыһа \$ H / унан бейһе / \$ C бастырыһа тиб йөрөһе \$ C / Гүлшә Мәхмүтөва Сулейманова. д. Баймаҡово Бууалтйыш р-н РБ.

Search Filters (repeated):

- Диалект: восточный
- Говор: кызылский
- Пол: ж
- Возраст: 14
- Год записи: 2017
- Образование: среднее
- Национальность: башкир

Интерфейс Текстологической базы данных МФБЯ
Interface of the Text database, Machine fund of the Bashkir language

Для исследования было отобрано 323 текста, относящихся к восточному диалекту башкирского языка, в которых встречаются КП с башкирского на русский язык. Анализируемые тексты содержат 85 473 словоупотреблений, из них 2 208 случаев употребления КП, что составляет 2,6 %. Преобладающая часть исследуемых дискурсов является монологами на заданные темы (см. подробнее: [Бускунбаева, 2019, с. 3]).

В базе данных КП с обеих сторон выделены символом октоторп (#) для их разграничения с исконно башкирскими словами и заимствованиями, которые закрепились в лексической системе башкирского языка.

Результаты исследования

Переключение языкового кода представляет собой употребление в рамках одного коммуникативного акта языковых единиц, относящихся к разным языковым системам. Башкирский и русский языки, являясь контактирующими, относятся к разноструктурным языкам и отличаются друг от друга множеством дифференциальных признаков. Башкирский язык относится к агглютинативному типу языков, в которых формообразующие и словоизменительные аффиксы, характеризующиеся однозначностью, присоединяются к корню (основе) слова последовательно. В русском языке, относящемся к флективным языкам, доминирующим способом словоизменения является употребление флексии, которая может сочетать в себе несколько категориальных значений. В спонтанной речи

информанты часто переходят с башкирского языка на русский и наоборот, сочетая элементы двух разноструктурных языков.

Башкирский язык, являющийся для информантов родным и основным средством коммуникации, выступает матричным языком (МЯ)², в то время как русский, язык межнационального общения, речевые единицы (морфемы, слова, словосочетания, предложения) которого могут присутствовать в речи, гостевым языком (ГЯ). Включение в речь иноязычных слов преимущественно не влияет на морфосинтаксическую структуру высказывания: синтаксические конструкции строятся по моделям МЯ, порядок слов в предложении в большинстве случаев не подвергается изменениям.

Такие иноязычные элементы носителями языка воспринимаются как чужеродные и нарушающие чистоту речи. Употребление большого количества КП делает дискурс стилистически более сниженным. В то же время, нельзя не отметить тот факт, что они выполняют в речи и важные коммуникативно-прагматические функции.

Так, Г. Н. Чиршева, анализируя прагматические функции КП устного и письменного материала, в качестве основных указывает адресатную, цитатную, юмористическую, фатическую, эзотерическую, экономии речевых усилий, эмоциональную, самоидентификации, предметно-тематическую, металингвистическую и воздействующую функции [Чиршева, 2004, с. 37–47].

Ю. В. Балакина и А. В. Соснин отмечают референтную, адресную, экспрессивную, фатическую, металингвистическую, стилистическую функции [Балакина, Соснин, 2015, с. 6].

В анализируемом нами материале реализованы следующие прагматические функции КП:

- референтная (при возникновении затруднений в выборе нужной лексической или структурной единицы на родном языке). Переключение кодов может возникнуть в том случае, когда информант во время речепроизводства не может вспомнить нужное слово [Бускунбаева, 2021, с. 177], поэтому для предотвращения возникновения непреднамеренной длительной паузы воспроизводится лексическая единица русского языка: *Баймак районына #направление# алдым / йүнәлтмә инде//* лит. *Баймак районына #направление# алдым / йүнәлтмә инде//* 'Взял направление в Баймакский район/' (ж., 78, высш., кыз.)³; *#иван-чай# башкортса нисек булаләү? боланут//* лит. *#иван-чай# башкортса нисек була әле ул? боланут//* 'иван-чай по-башкирски как будет? иван-чай/' (ж., 70, высш., ай.);
- предметно-тематическая функция. Тема дискурса также оказывает большое влияние на выбор речевых средств. Высока частотность употребления КП в текстах с тематикой «работа, школа», «игры», «огород, сад», в то время как в текстах с тематикой «фольклор», «домашние животные», «свадьба» наблюдается редкое употребление КП;
- цитатная функция. Информанты при передаче чужой речи или использовании афоризмов переходят на русский язык: *укытыусыга рәхмәт инде / шул Идея Мардановнага// #расскажите# / #я# #понимаю# #по башкирски# тинел//* лит. *укытыусыга / Идея Марзановнага рәхмәт инде// һәйләгез / мин башкортса*

² На основе рамочной модели матричного языка, разработанной К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993].

³ В качестве метаданных в тексте указываются: пол (м. – мужской, ж. – женский), возраст, образование (нач. – начальное, ср. – среднее, высш. – высшее) и говор (айский – ай., кызыльский – кыз., учалинский – уч.) информанта.

аңлайым тине // ‘спасибо учительнице / Идее Мардановне// она сказала / расскажите / я понимаю по-башкирски//’ (ж., 78, высш., кыз.).

Частеречная принадлежность КП

Как показывает анализ диалектного материала, в спонтанных монологических дискурсах КП практически охватывают все части речи, за исключением междометий, подражательных и звательных слов (см. таблицу)⁴.

Частеречная принадлежность КП
Part-of-speech reference of code-switching

Часть речи	Количество КП	
	ед.	%
Имя существительное	881	40
Союз	403	18,2
Наречие	360	16,3
Имя прилагательное	187	8,5
Модальное слово	114	5,1
Местоимение	99	4,5
Глагол	97	4,4
Частица	53	2,4
Предлог	7	0,3
Имя числительное	7	0,3
Итого	2 208	100

Имена существительные. В башкирской спонтанной речи КП преимущественно представлены именами существительными (881 употр., 40 %). Превалирующее употребление существительных обусловлено прежде всего их синтаксической функцией в предложении, где они могут выступать:

- в функции подлежащего: *беззең #симйа# зур булды//* лит. *беззең гаилә зур булды//* ‘наша семья была большая//’ (м., 76, среднее, уч.); *#пакуда# ла насар б*улып китә кайы б*ерзә//* лит. *һауа торошо ла насар булып китә кайһы берзә//* ‘временами и погода ухудшается//’ (ж., 80, нач., кыз.);
- в функции дополнения: *без #симйала# биш бала үстек//* лит. *без гаиләлә биш бала үстек//* ‘в нашей семье было пятеро детей//’ (ж., 78, высш., кыз.); *был өйзән дә +зуррагитен #пристрой# эштәнек//* лит. *был өйзән дә зурйрак итен төкәтмә эштәнек//* ‘сделали пристрой даже больше этого дома//’ (ж., 58, высш., кыз.);
- в функции обстоятельства: *элек минең атайым #горотта# эштәгән ийе//* лит. *элек минең атайым калала эшләгәйне//* ‘раньше мой отец работал в городе//’ (м., 13, ср., уч.); *без уның менән #дескей саттан# алып дуслашабыз//* лит. *без уның менән балалар баксаһынан алып дуслашабыз//* ‘мы с ним дружим с детского сада//’ (ж., 12, ср., кыз.);
- в функции приименного определения: *#авраттың# өстөнә күб*ек утыра//* лит. *айырылган һөттөң өстөнә күбек ултыра//* ‘на поверхности обраты обра-

⁴ Распределение кодовых переключений с башкирского языка на русский по частям речи довольно разбросанно. В статье части речи приведены в порядке частоты употребления.

зуюса пена// (м., 76, ср., уч.); *диплом алаб*ыҙ #йаныварзың# азағында//* лит. *диплом алабыҙ ғынуарзың азағында//* 'в конце января получим диплом//' (ж., 54, высш., кыз.).

Зафиксированные в Текстологической базе КП, представленные именами существительными, можно распределить по следующим основным тематическим группам: **фауна и флора** (*бубыр* 'бобер', *шүкә* 'щука', *маркуф* 'морковь'); **блюда, продукты питания** (*пилмин* 'пельмень', *выпицка* 'выпечка'); **игры** (*гәрәткә* 'городки', *чирта* 'черта, классики'); **профессия, сфера деятельности** (*бчелавут* 'пчеловод', *тафаравит* 'товаровед'); **названия организаций, учреждений и отделов** (*адел абразования* 'отдел образования', *визывый служба* 'визовая служба'); **сфера образования, науки и культуры** (*абычий* 'обычай', *спитсәлис* 'специалист'); **предметы бытового назначения** (*стиральный машинка* 'стиральная машина', *чимадан* 'чемодан'); **жилище, дом** (*маласимейка* 'малосемейка', *трестинка* 'трехстенка') и т. д.

Надо отметить, что в исследуемых диалектных текстах абстрактные существительные, обозначающие состояние, настроение, чувства, эмоции человека, представлены только одним примером: *бәләкәс #абидам# бар//* лит. *бәләкәй үпкәм бар//* 'есть у меня небольшая обида' (м., 74, ср., кыз.).

Составные географические названия, названия административно-территориальных единиц, учреждений, организаций, научных, учебных и других заведений и объединений часто заимствуются в спонтанную речь без перевода на башкирский язык: *халыкта #Сынтральный статуправления# тип атала ине//* лит. *халыкта Үзәк статистика идаралыгы тип атала ине//* 'в народе называли Центральное статуправление//' (ж., 51, ср., ай.); *#Набережный Челныла# КАМАЗ тигән завутта инженер канструктор булып эштәй//* лит. *Яр Саллыла КАМАЗ тигән заводта инженер-конструктор булып эшләй//* 'работает инженером-конструктором в Набережных Челнах на заводе КАМАЗ//' (ж., 49, ср., кыз.). В башкирском литературном языке такие многокомпонентные выражения преимущественно представлены одним из наиболее применяемых способов передачи безэквивалентной лексики – калькированием. Надо признать, в башкирской устной речи преимущественно употребляются именно русские термины.

Союзы. Вторыми по частотности употребления в спонтанной речи башкир восточного диалекта являются союзы, заимствованные из русского языка (403 употр., 18,2 %).

В башкирском языке насчитывается небольшое количество союзов, многие из которых носят «факультативный» характер, наличие или отсутствие которых не влияет «ни на смысловую сторону, ни на структуру предложения» [Грамматика..., 1981, с. 351]. Части сложных предложений, компоненты простого предложения соединяются между собой интонационно или другими средствами выражения синтаксических отношений (например, аффиксы причастия и деепричастия, падежные аффиксы). Низкая частотность употребления союзов в спонтанной речи, возможно, связана с происхождением союзов, которые преимущественно являются заимствованиями из арабского и персидского языков: *әммә* 'но', *ләкин* 'но', *сөнки* 'потому что', *һәм* 'и' и т. д. Именно поэтому они характерны для письменного языка, в спонтанной же речи чаще заменяются русскими эквивалентами. На скудность союзов в башкирском языке в свое время указывал и Н. К. Дмитриев [1930, с. 76]. Для сравнения, в Текстологической базе зафиксировано всего 16 употреблений союза *ләкин*, при этом русского эквивалента *но* – 64.

Наречие. Многочисленны и довольно регулярны в употреблении в монологических диалектных текстах наречия русского языка (360 употр., 16,3 %).

Наречия в обоих языках представляют собой неизменяемую самостоятельную часть речи, единственной грамматической категорией которых является степень сравнения [Закирьянов, 2004, с. 80]. Следовательно, поэтому наречия русского языка, несмотря на то что в МЯ имеются эквиваленты, вводятся в спонтанную речь без какой-либо грамматической адаптации: *#уже# балдар + күб*эйепара//* лит. *инде балалар күбэйеп бара* ‘уже и количество детей растет//’ (ж., 82, ср., уч.); *өй эшләнем / #иңсо# #трисинкаһын# һуктым//* лит. *өй һалдым / тағы өс мөйөшлө төкәтмә һуктым//* ‘построил дом / еще и трехстенки пристроил’ (м., 74, ср., кыз.).

А. Р. Мордвинова, анализируя степень влияния русского языка на интернет-контент татар, также отмечает большую «внедряемость» наречий русского языка наряду с именами существительными [Мордвинова, 2016, с. 134]. Возможно, широкое употребление наречий русского языка связано с тем, что «наречие является одной из наименее устойчивых грамматических категорий» [Акберова, 1998, с. 3].

Имена прилагательные. В спонтанной речи функционируют всего 187 имен прилагательных из русского языка, что составляет 8,5 % от общего числа КП. Употребление таких прилагательных в речи имеет ряд особенностей.

Имена прилагательные в русском языке грамматически зависимы от имен существительных и вступают в связь с ними по способу согласования (совпадают в роде, числе и падеже): *интересная книга, осенним днем*.

В башкирском языке, как и во всех тюркских языках, «отсутствует категория грамматического рода, а также какое бы то ни было согласование определения с определяемым» [Резанова, Дыбо, 2019, с. 205]. Имена прилагательные не имеют формальных показателей, т. е. не изменяются по родам, числам и падежам. Прилагательные и существительные, выражая атрибутивные отношения, связаны при помощи именного примыкания: *кызык китап, көзгө көндә*.

Вышеуказанные различия находят отражение и при употреблении имен прилагательных, заимствованных из русского языка в башкирскую спонтанную речь. Имя прилагательное преимущественно употребляется в начальной (нулевой) форме, т. е. в мужском роде, единственном числе, именительном падеже, и связано с существительным по нормам башкирского языка, т. е. по способу примыкания независимо от того, к какому языку относится определяемое существительное – МЯ или ГЯ (182 употр., 98 %): *#дикаративный# һыуған сәсергә йаратам//* лит. *декоратив һуған сәсергә яратам//* ‘мне нравится выращивать декоративный лук//’ (ж., 49, ср., кыз.); *минәң каршындагына #двухэтажный# #здание#//* лит. *минәң каршындагына ике катлы бина//* ‘напротив меня находится двухэтажное здание’ (ж., 14, ср., кыз.).

Н. К. Дмитриев, рассматривая заимствованные в спонтанную речь прилагательные, отмечает, что поскольку башкирский язык за редким исключением формально не выражает рода, то «в результате неумения выделить русскую морфему башкирский язык заимствует русские прилагательные в той случайной форме, в какой они стоят» [1930, с. 78]. Однако в анализируемом нами материале выявлено всего 5 случаев употребления прилагательных русского языка с сохранением тех же категорий рода и / или числа существительного, что и в ГЯ. Падежные аффиксы прилагательных при этом не употребляются: *кыргазы ла б*ар / аккош та б*ар// #дикийе# коштарзан шулар инде//* лит. *кыр казы ла бар / аккош та*

бар// **кырагай** коштарзан шулар инде// ‘есть и дикие гуси / есть и лебеди// из диких птиц вот эти//’ (м., 74, ср., кыз.); *бешергәнем таб*ага гына ана шул #дружная# #семейкаларзы#* лит. *бешергәнем табага гына ана шул биш-улардызы*// ‘пеку на сковороде дружную семейку//’ (ж., 70, ср., кыз.).

Как показывает анализируемый материал, в спонтанной речи башкир восточного диалекта встречаются окказиональные случаи образования прилагательных, представляющих собой языковой гибрид – имя существительное ГЯ и аффикс МЯ.

Образование прилагательных от имен существительных русского языка происходит путем присоединения к иноязычной основе аффиксов *-лы*, выражающего значение обладания качеством, признаком или свойством, и *-һыз*, который «сводится к обозначению отсутствия свойства или качества, названного основой, реже – неполноты его проявления» [Грамматика..., 1981, с. 173]. В Текстологической базе зафиксировано 5 случаев употребления таких отсубстантивных прилагательных: *урожайһыз* вм. лит. *уңышһыз* ‘неурожайный’, *семйалы* (2) вм. лит. *ғаиләле* ‘семейный, имеющий семью’, *квартиралы* (2) вм. лит. *фатирлы* ‘имеющий квартиру’.

В башкирском литературном языке сравнительная степень имен прилагательных образуется путем присоединения аффикса *-рак / -рәк* к корню слова. В спонтанной речи башкир восточного диалекта наблюдается присоединение данного аффикса к нулевой форме русского прилагательного: *организованныйырак* ‘организованнее’, *безопасныйырак* ‘безопаснее’.

Модальное слово. В речи башкир восточного диалекта широко распространены и модальные слова русского языка (114 употр., 5,1 %). Наиболее частотным является модальное слово со значением возможности / вероятности *может / мужыт / можыт* ‘может’ вм. лит. *бәлки, ихтимал*: **#может#** *акса ла болмагандыр*// лит. *бәлки акса ла булмагандыр*// ‘может, и денег не было//’ (ж., 82, ср., уч.); **#можыт#** *шундай #закаленныйзар# б*улдык микән*// лит. *бәлки шундай сыныккан булдыкмы икән*// ‘может, были такими закалёнными//’ (ж., 40, ср., кыз.).

В спонтанную речь башкир восточного диалекта из русского языка активно проникают модальные слова в функции вводных (81 употр.), занимающие автономную позицию в предложении. Некоторые вкрапления в речи более частотны, чем исконные эквиваленты: *значит* (8) вм. лит. *тимәк* (6); *канишны / кәнишне / кәнишнә* ‘конечно’ (16) вм. лит. *әлбиттә* (6); *оказывается / аказывайса* ‘оказывается’ (6) вм. лит. *бакһаң, бактиһәң* (0).

Местоимение. В спонтанной речи башкир местоимения русского языка занимают значительное место (99 употр., 4,5 %). Большая доля приходится на определительное местоимение *вис / вес* ‘весь, все’ (82 употр.) вм. лит. *бөтә, барлык*, способное замещать в речи как существительное, так и прилагательное: **#вис#** *агастарға бәс төшһә бигрәк матур*// лит. *бөтә агастарға бәс төшһә бигерәк матур*// ‘если все деревья покрываются инеем / то очень красиво//’ (ж., 14, ср., кыз.); *ә көн йылы б*улдымы #вис# тышта йөрөйҙәр*// лит. *ә көн йылы булдымы бөтәһе тышта йөрөй*// ‘если стоят теплые дни / то все гуляют на улице//’ (ж., 40, ср., кыз.).

Остальные разряды местоимений русского языка имеют крайне ограниченное употребление в спонтанной речи. Так, личное местоимение *я* вм. лит. ‘мин’ встречается единожды в составе межфразового переключения при передаче чужой речи: **#я# #понимаю# #по башкирски# тине**// лит. **мин** *башкортса аңлайым тине*// ‘сказала / я понимаю по-башкирски//’ (ж., 78, высш., кыз.).

Указательное местоимение *это* в м. лит. 'ошо' используется в функции вербального хезитатива для заполнения паузы и построения последующей фразы: *#это#* ней / төп закон безең өйзөң / бер кемде лә *#абсждать#* итмәй торгайнык// лит. *теге* ни / төп закон безең өйзөң / бер кемде лә тикшермәй торгайнык// 'это самое / в нашем доме главным законом было никого не обсуждать/' (ж., 51, ср., ай.).

Глагол. В спонтанной речи башкир восточного диалекта активно употребляются иноязычные глаголы (97 употр., 4,4 %).

Анализируемый языковой материал из Текстологической базы позволяет выявить основные типы иноязычных глаголов в исследуемом диалекте.

Наиболее употребительной является неопределенная форма гостевого глагола (инфинитив) + вспомогательный глагол МЯ *ит-* (84 употр.): *здавать / ыздавать итеу* 'сдавать' в м. лит. 'тапшырыу'; *званиттеу / званишь итеу* 'звонить' в м. лит. *шылтыратыу*; *рикаминдоуать итеу* 'рекомендовать' в м. лит. *тәкдим итеу* и т. д.

В данном случае инфинитивная форма русского глагола остается неизменной, а второй компонент, выраженный спрягаемой формой глагола, принимает все формообразующие аффиксы: *ит #ыздавать# итеу б*уйынса алдыңғы колхоз ғына булды*// лит. *ит тапшырыу буйынса алдыңғы колхоз ғына булды*// 'по сдаче мяса был одним из передовых колхозов' (м., 76, ср., уч.); *картуф #жарит# итәб*ез*// лит. *картуф курабыз*// 'жарим картошку'// (ж., 40, ср., кыз.).

Путем присоединения продуктивных глаголообразующих аффиксов башкирского языка *-ла / -лан / -лаш* к русскому слову в спонтанной речи образуются глагольные лексемы: *давайлашыу* 'требовать' от слова *давай* в м. лит. *талап итеу*; *шутлау* 'считать' от слова 'счет' в м. лит. *һанау*.

Образованные таким образом глаголы принимают формообразующие, словоизменяющие аффиксы подобно исконным словам: *мин аны #шуттаб*# әйтәйемә?* лит. *мин уны һанап әйтәйемме?* 'мне все это нужно перечислять?' (ж., 49, ср., кыз.); *#шуттап# бөткөһөз сәскәләрем нык күп*// лит. *һанап бөткөһөз сәскәләрем нык күп*// 'цветов у меня много / не перечислить/' (ж., 49, ср., кыз.).

Частица. Частицы (53 употр., 2,4 %), являясь служебными словами, придают отдельным членам предложения или всему высказыванию дополнительные смысловые оттенки [Закирьянов, 2004, с. 94]. Помимо исконных частиц в спонтанной речи используются и вкрапления-частицы из русского языка: *даже / дэже* 'даже' (23) в м. лит. *хатта*; *тука / түлке / тока / түкә* 'только' (9) в м. лит. *бары, ни бары, ғына / генә*; *именно* 'именно' (8) в м. лит. *тап, нәк*.

Предлог. В башкирском языке отсутствуют предлоги, которые служат средством связи слов самостоятельных частей речи в русском языке. Эту функцию в башкирском языке выполняют послелоги и падежные аффиксы. В то же время в спонтанной речи башкир восточного диалекта встречаются русские предлоги в составе островных переключений (7 употр., 0,3 %): *әле эшкә гереп йөрөй / менежер #но# #продажам# булып*// лит. *әле эшкә инеп йөрөй / һатыу буйынса менежер булып*// 'сейчас устраивается на работу / менеджером по продажам'; *комитет #но# #управлению# #собственноска# райондың күстем* // лит. *райондың милек менән идара итеу комитетына күстем* // 'перешла на работу в районный комитет по управлению собственностью' (ж., 58, высш., кыз.).

Имена числительные. Употребление имен числительных русского языка в устной монологической речи башкир – явление редкое (7 употр., 0,3 %). В зафиксированных примерах такие числительные употребляются преимущественно

в названиях марок транспортных средств (*Иж Юпитер #три# люлькасы белән мотоцикл + алыбиреште*// лит. *Иж Юпитер Өс люлькаһы менән мотоцикл алып биреште*// 'помог купить Иж Юпитер 3 с люлькой/' (м., 76, ср., уч.)), в названиях компаний или адресного объекта (*Байым урта мәктәбендә укыйым / #Школьная# #двадцат# #семь# урамы*// лит. *Байым урта мәктәбендә укыйым / Мәктәп урамы егерме ете*// 'учусь в Баимовской средней школе / улица Школьная двадцать семь/' (ж., 14, ср., кыз.)).

Заключение

Анализируемый диалектный материал, размещенный в Текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка, показал сильное влияние русского языка на устную речь башкир. В данной базе выявлено 2 208 КП, зафиксированных в спонтанной речи башкир восточного диалекта.

Башкирский язык в исследуемых дискурсах имеет доминантную позицию матричного языка, определяя порядок слов в предложении, задавая морфосинтаксическую рамку высказывания и являясь источником основных лексических единиц. Русский язык выступает гостевым языком, речевые единицы которого (морфемы, слова, словосочетания, предложения) могут присутствовать в речи информантов.

Частеречный анализ башкирско-русского переключения кодов показал, что в исследуемых диалектных текстах КП охватывают практически все части речи, за исключением междометий, подражательных и звательных слов. В них преобладают имена существительные, что в первую очередь объясняется предметно-тематической функцией КП. Выявлено активное внедрение в разговорную речь союзов, наречий и имен прилагательных русского языка.

Незначительное количество КП среди местоимений и имен числительных, по нашему мнению, связано прежде всего с тем, что они имеют исконно тюркское происхождение и относятся к древнейшим пластам лексики. Предлоги, нехарактерные для башкирского языка, встречаются только в составе островных переключений.

В анализируемом материале все части речи, помимо нехарактерных для башкирского языка предлогов, встречаются в виде вкраплений (изолированно) или в составе островных переключений. Предлоги зафиксированы только в составе островов ГЯ.

В устном дискурсе КП оформляются преимущественно словоизменительными и формообразующими маркерами МЯ. В то же время немало примеров, где КП сохраняют соответствующие маркеры ГЯ.

Таким образом, внедрение в устную речь большого количества КП делает дискурс стилистически более сниженным. В то же время такие иноязычные элементы, несмотря на то что воспринимаются как чужеродные и нарушающие чистоту речи, понятны для большинства носителей языка, следовательно, не нарушают правильное восприятие передаваемой информации.

Список литературы

Акберова А. Г. Структура и семантика наречий в современном татарском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 19 с.

Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–11.

Бускунбаева Л. А. Принципы сбора полевых материалов для диалектного корпуса башкирского языка // Материалы II Междунар. науч. конф. «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы». Уфа, 2019. С. 3–6.

Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* 'это самое' в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 1. С. 172–185.

Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Изв. Уфим. науч. центра РАН. 2020. № 2. С. 90–97.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. 264 с.

Гаврилова В. Г. Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмурт. гос. ун-та. 2013. Вып. 2. С. 16–21.

Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.

Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 4. С. 73–105.

Закирьянов К. З. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа: Гилем, 2004. 228 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. М.: Статистика России, 2012. Т. 4, кн. 1. 2101 с.

Мордвинова А. Р. Степень влияния русского языка на интернет-дискурс татар (на материале групп ВКонтакте «Типичный татарин» и «Добрый татарин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63), ч. 3. С. 133–136.

Папинова Ж. Б. Лингвоструктурные характеристики переключения кодов в спонтанной речи бурят-билингвов // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2017. Вып. 6. С. 75–80.

Резанова З. И., Дыбо А. В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211.

Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Исмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г. Проблемы разработки диалектного корпуса башкирского языка // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 97–107.

Солнышкина М. И., Хайруллина А. И. Кодовые переключения русскоговорящих татар // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2015. № 1. С. 56–59.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 189 с.

Auer P. (ed.) Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. London: Routledge, 1998. 355 p.

Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

Poplack Sh. Syntactic structure and social function of code-switching // Latino Discourse and Communicative Behavior. Ed. by R. Duran. New Jersey, 1981. P. 169–184.

References

- Akberova A. G. *Struktura i semantika narechiy v sovremennom tatarskom literaturnom yazyke* [Structure and semantics of adverbs in the modern Tatar literary language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kazan, 1998, 19 p.
- Auer P. *Code-switching in Conversation: Language, interaction and identity*. London, Routledge, 1998, 355 p.
- Balakina Yu. V., Sosnin A. V. Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funktsionirovaniya zaimstvovaniy s pozitsiy kontaktnoy lingvistiki [Theoretical foundations of code-switching and the functioning of borrowings from the standpoint of contact linguistics]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015, no. 2, pp. 5–11.
- Buskunbaeva L. A. Funktsionirovanie verbal'nogo khezitativa ni/ney "eto samoe" v ustnoy monologicheskoy rechi bashkir (na materiale dialektnykh tekstov bashkirskogo yazyka) [The functioning of the verbal hesitation marker ni/ney "this very thing" in Oral Monologues of Bashkirs: A Case Study of Bashkir Dialectal Texts]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. (1), pp. 172–185.
- Buskunbaeva L. A. Principy sbora polevykh materialov dlya dialektного korpusa bashkirskogo yazyka [Principles of collecting field materials for the dialectal corpus of the Bashkir language]. In: *Materialy 2 Mezhdunar. nauch. konf. "Elektronnaya pis'mennost' narodov Rossiyskoy Federatsii: opyt, problemy i perspektivy"* [Proceedings of the 2nd International Scientific Conference "Electronic writing of the Russian Federation peoples: Experience, Problems and Prospects"]. Ufa, 2019, pp. 3–6.
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A. Razrabotka audiokorpusa vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka: problemy i perspektivy [Creating of the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects]. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Center*. 2021, no. 2, pp. 90–97.
- Chirsheva G. N. *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets, ChSU, 2004, 189 p.
- Dmitriev N. K. Varvarizmy v bashkirskoy rechi [Barbarisms in Bashkir language]. In: *Zap. Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, 1930, vol. 4, pp. 73–105.
- Gavrilova V. G. Mariysko-russkoe pereklyuchenie i smeshenie kodov [Mari-Russian code-switching and code-mixing]. *Bulletin of Udmurt University*. 2013, iss. 2, pp. 16–21.
- Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. Moscow, Nauka, 1981, 495 p.
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.: V 11 t.* [Results of the All-Russian Population Census: In 11 vols.]. Moscow, Statistics of Russia, 2012, vol. 4, bk. 1, 2101 p.
- Mordvinova A. R. Stepenn' vliyaniya russkogo yazyka na internet-diskurs tatar (na materiale grupp VKontakte "Tipichnyy tatarin" i "Dobryy tatarin") [The degree of influence of the Russian language in the Internet discourse of the Tatars (by the material of the groups VKontakte "Typical Tatar" and "Kind Tatar"). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 9 (63), pt. 3, pp. 133–136.
- Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford, Clarendon Press, 1993, 265 p.

Papinova Zh. B. Lingvostrukturnye kharakteristiki pereklyucheniya kodov v spon-tannoy rechi buryat-bilingvov [Linguostructural characteristics of code-switching in spontaneous speech of bilingual Buryats]. *Bulletin of Buryat State University*. 2017, iss. 6, pp. 75–80.

Poplack Sh. Syntactic structure and social function of code-switching. In: *Latino Discourse and Communicative Behavior*. R. Duran (Ed.). New Jersey, 1981, pp. 169–184.

Rezanova Z. I., Dybo A. V. Yazykovoe vzaimodeystvie v rechevykh praktikakh shorsko-russkikh bilingvov Yuzhnoy Sibiri [Language interaction in Shor-Russian bi-linguals' speech in Southern Siberia]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2019, vol. 21, no. 2 (187), pp.195–211.

Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G. Problemy razrabotki dialektного korpusa bashkirского yazyka [Problems of the de-velopment of the dialectal corpus of the Bashkir language]. *Problems of dialectology*. 2018, no. 1–2, pp. 97–107.

Solnyshkina M. I., Khairullina A. I. Kodovye pereklyucheniya russkogovoryashchih tatar [Code-switching of Russian-speaking Tatars]. *Cherepovets State University Bulle-tin*. 2015, no. 1, pp. 56–59.

Weinreich U. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Languages in contact: Findings and problems]. Blagoveshchensk, 2000, 264 p.

Zakiryanov K. Z. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i bashkirского yazykov* [Comparative grammar of Russian and Bashkir languages]. Ufa, Gilem, 2004, 228 p.

Информация об авторе

Лилия Айсовна Бускунбаева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Information about the author

Liliya A. Buskunbaeva, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (Ufa, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 08.10.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 11.04.2022
The article was submitted on 08.10.2021;
approved after reviewing on 11.04.2022; accepted for publication on 11.04.2022*

Научная статья

УДК 811.512.156 + 81'366.55 + 81'366.54
DOI 10.17223/18137083/85/18

Генитивные и аблативные посессивные конструкции как маркеры сравнения в тувинском языке

Людмила Алексеевна Шамина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shamina_la@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0539-7732>

Аннотация

Одним из средств выражения сравнительных отношений в тувинском языке являются неизосемические изафетные посессивные конструкции, посессивное отношение в которых кодируется генитивной группой {N=GEN N=POSS.3}, представляющей сочетание имен в генитиве и посессиве. Для выражения степеней сравнения используются аблативно-посессивные структуры, выраженные сочетаниями субстантивированного прилагательного в аблативе с тем же прилагательным в номинативе {ADJ=ABL ADJ}. Генитивно-аблативные посессивные структуры составляют компаративную модель, конститuentами которой являются: компараты (предмет и эталон сравнения) и параметр сравнения. Морфосинтаксические средства выражения сравнения включают еще один структурный вариант конструкции, где маркирование генитивом у первого компарата отсутствует, он оформляется показателем посессива, второй компарат принимает посессивный маркер =ны / =ни. Генитивно-посессивные, как и аблативно-посессивные, конструкции выражают в тувинском языке элативную и суперлативную семантику. Суперлативная семантика передается также двумя аналитическими конструкциями, в состав которых входят сравнительные частицы.

Ключевые слова

тувинский язык, сравнение, компаративная конструкция, посессивные конструкции, изафетная конструкция, генитив, аблатив

Для цитирования

Шамина Л. А. Генитивные и аблативные посессивные конструкции как маркеры сравнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 243–259. DOI 10.17223/18137083/85/18

© Шамина Л. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 243–259
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 243–259

Genitive and ablative possessive constructs as markers of comparison in the Tuvan language

Lyudmila A. Shamina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shamina_la@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0539-7732>

Abstract

Comparative relations in the Tuvan language are expressed by non-isosemic isafetal possessive constructions, with a possessive relation encoded by a genitive group: {N=GEN N=POSS.3}, i.e., the combination of names in the genitive and possessive. Furthermore, degrees of comparison are expressed by ablative-possessive structures, formed by combinations of a substantiated adjective in the ablative with the same adjective in the nominative {ADJ=ABL ADJ}. Genitive-ablative possessive structures represent a comparative model comprising two comparators: the object (1) and the standard (2) of comparison and the comparison parameter. Comparison can also be expressed by morphosyntactic means that constitute another structural variant of the construction, with comparator 1 not marked by the genitive but by the indicator of the possessive and the second by the possessive marker =nyy / =niy. In the Tuvan language, genitive-possessive and ablative-possessive constructions express relative and superlative semantics. Superlative semantics is also expressed by two analytic constructions, including comparative particles. In religious discourse texts, the superlative is a widely used means of comparison as a model of figurative thought. The non-isosemic use of a genitive-possessive (isaphet) construction for conveying singularity and imagery is associated with the interpretation of the semantic, syntactic, and stylistic plan of the text, the peculiarities of perception, the recreation of the textual strategy or manner, and the desire to understand the culture and spirituality of the people.

Keywords

Tuvan language, comparative, possessive constructions, genitive, ablative, isafet construction

For citation

Shamina L. A. Genitive and ablative possessive constructs as markers of comparison in the Tuvan language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 243–259. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/18

Введение

Сравнение понимается в специальной литературе как особая структура мысли. Ее специфика состоит в одновременном присутствии в сознании сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по другим основаниям, разным для различных типов сравнений. Эта содержательная, мыслительная специфика закономерно предполагает и определенные, специальные формы, способы выражения, которые очень разнообразны. Объединенные общим сравнительным смыслом, сравнительные средства языка можно представить как упорядоченное множество – синтаксическое «поле компаративных показателей» [Черемисина, 1976, с. 16], рассматриваемое как объект компаративного синтаксиса.

Компонентами полной сравнительной конструкции являются: слово, сочетание слов или предикативная единица, представляющая тот предмет или, реже, то событие, действие, состояние или признак, с которым сравнивается что-то другое.

Этот компонент сравнительной конструкции является главным в том смысле, что без него сравнение не было бы сравнением. Его называют *эталон* (*агентом*) *сравнения* [Черемисина, 1971, с. 75; 1976; Черемисина, Шамина, 1996, с. 66], *компаратом 2* (R2); в типологических исследованиях встречается термин *стандарт сравнения* [Невская, 2022, с. 289].

Мы используем термины и понятия, выработанные в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири. Список терминов дан в статье [Федина, Кошкарева, 2023, с. 55].

Первый компонент сравнительной конструкции – *компарат 1, предмет сравнения* (CMPR 1) – тот предмет или то событие, которое сравнивается, ради которого привлекается стандарт сравнения – *компарат 2* (CMPR 2).

Необходимым элементом сравнительной конструкции является также *показатель сравнения* (*компаратив*), который делает содержащий его компонент «компаративным компонентом, а всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [Черемисина, 1971, с. 57; 1976, с. 18, 21]. В этой роли в ряде случаев может выступать морфема в составе словоформы, представляющей *эталон сравнения* (CMPR 2), но чаще используется отдельное служебное слово; иногда эту роль выполняет и знаменательное слово, в частности сказуемое, выраженное лексемой, в семантике которой содержится сема ‘подобие’ (например, рус. *похож, подобен, напоминает*, тув. *хевирлеш, дүрзүлеш* ‘подобный’).

Кроме того, в состав простых сравнительных конструкций входит еще один компонент – *параметр* (PRM), называемый также *признак сравнения* [Летучий, 2017, с. 132; Невская, 2022, с. 289] или *модуль сравнения* [Черемисина, 1976, с. 6, 13], по которому *предмет сравнения* сближается с *эталон*ом.

Объект исследования – компаративные посессивные конструкции в тувинском языке.

Цель – выявление семантических разновидностей компаративных конструкций.

Предметом данной статьи является одно из средств выражения сравнения в тувинском языке, а именно посессивные конструкции, которые кодируются показателями генитива или аблатива.

Материалом для исследования послужили примеры из текстов разных жанров: от героических сказаний, мифов, сказок, до современных романов. Основной материал составили примеры из перевода текста Библии на тувинский язык.

Результаты и обсуждение

Тувинский язык, как и другие тюркские языки, располагает широким спектром средств для выражения сравнения: от аффиксов, лексем, сравнительных словосочетаний до бипредикативных конструкций. Компаративная модель состоит из трех конститuentов: *компарата 1*, *компарата 2* (*предмета* и *эталона сравнения*) и *параметра* – базы для сравнения. В них действует грамматический принцип оценки наличия качественного признака у предмета или явления действительности относительно некоей точки отсчета (одно и то же качество проявляется больше в одних формах и меньше в других).

В грамматике выделяют два типа сравнения: *конкретный* («сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов» [ГТЯ, 1961, с. 185]) и *абстрактный* («сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при по-

мощи подразумеваемой идеальной нормы» [ГТЯ, 1961, с. 185]). И абстрактные, и конкретные формы представляют собой степени сравнения в собственном смысле. Абстрактные формы, или формы ослабления и усиления качества, выражаются в тувинском языке как синтетическими морфологическими средствами, так и аналитическими. Ослабление качества передается аффиксами *-сымаар / -зымаар* и др., а также частицами. Усиление качества – аффиксами *-кыр / -гир* (*аккыр* ‘очень белый’), препозитивными частицами (*эң эки* ‘самый хороший’), наречиями (*дыка эки* ‘очень хороший’), редупликацией основы (*кап-кара* ‘черный-пречерный’).

Из средств абстрактного сравнения, выражаемых синтетически или аналитически, мы рассмотрим способы выражения превосходной степени – «усиления качества» [Там же, с. 185, 187], а именно посессивно-суперлативные конструкции. Эта семантика выражается в тувинском языке двумя синтаксическими структурами – аблативного и генитивного типа:

- 1) $N=NOM\ N=ABL\ ADJ, ADJ=ABL\ ADJ$, выражающие степень усиления качества;
- 2) $N=GEN\ N=POSS.3$ (так называемые *изафетные конструкции*), посредством которых обозначаются степени сравнения [Там же, с. 185–188].

1. Аблативно-посессивные конструкции

Сочетание двух компонентов, первый из которых выражен именем существительным в аблативе, а второй – прилагательным, представляет своего рода рамочную конструкцию и является основной моделью тувинского сравнения количественного типа [Черемисина, Шамина, 1996, с. 3]. Количественные сравнения могут идти по линии сравнения объектов по высоте, ширине, длине, росту, возрасту, оценке. Основанием параметра сравнения (PRM.FUND) может быть также ‘образ действия’ и др. Аблативно-посессивные конструкции выражают как элативную, так и суперлативную семантику.

1.1. Элатив (сравнительная степень)

Второй компарат аблативно-посессивной конструкции оформляется морфологическим показателем – аффиксом аблатива $=дан / =ден$.

(1) *Бистиң библиотекавыстың номнары өске библиотекаларныындан хөй.*
(TPC, 1968, с. 488)

бис=тиң	библиотека=выс=тың	ном=нар=ы	өске
мы=GEN	библиотека=POSS.1PL=GEN	книга=PL=POSS.3	другой
библиотека=лар=ныы=н=дан		хөй	
библиотека=PL=POSS.3=INFIX=ABL		много	

‘В нашей библиотеке **больше** книг, чем в других.’

Первый компарат (CMPR 1) – [книги нашей библиотеки] – выражен изафетной конструкцией $N=GEN\ N=POSS=GEN\ N=POSS$ *бистиң библиотекавыстың номнары* ‘нашей библиотеки книги’.

Второй компарат (CMPR 2) – [(книги) другой библиотеки] – представлен в редуцированном виде, общее основание для сравнения «книги» в нем не повторяется. Он выражен сочетанием, в состав которого входит имя в форме аблатива –

ADJ N=ABL: *өске библиотекаларындан* ‘по сравнению с другими библиотеками’ (букв.: от других библиотек).

Основание сравнения (PRM.FUND) – «количество» – лексически не выражено, на него указывает семантика слова *хөй* ‘много’, которое репрезентирует аспект сравнения (PRM.ASP) – «большое количество».

Показателем сравнения является падежный аффикс аблатива, который указывает на дифференциальные отношения.

Упрощенная структурная схема: N N=ABL ADJ.

Модель с указанием семантических ролей:

$$[N=\text{GEN } N=\text{POSS}]^{\text{CMPR1}} N^{\text{CMPR2}}=\text{ABL}^{\text{REL}} \text{ADJ}^{\text{PRM}}$$

Таким образом, данная конструкция представляет собой неизосемический способ выражения сравнительных отношений, при котором второй компарат частично редуцируется, лексические репрезентанты совмещают одновременно разные смысловые компоненты, обязательные для выражения сравнения: второй компарат включает синтетический показатель сравнения – падежный аффикс аблатива, количественное прилагательное *хөй* ‘много’ указывает на основание и аспект параметра одновременно. Посессивные конструкции в позициях первого и второго компаратов обеспечивают сравнение на уровне количественных признаков предметных компаратов: между собой сравнивается количество книг в «нашей» и в «других» библиотеках. Поэтому совпадающие компоненты сравнительного отношения («книги») во втором компарате редуцируются, а определения «нашей библиотеки» и «других библиотек» являются обязательными, так как на их основе устанавливается контраст.

Структурная схема: R1 {N=GEN N=POSS.3} R2 {N=ABL ADJ} PRM, где R1 {N=GEN N=POSS.3} – книги нашей библиотеки; R2 {N=ABL ADJ} – книги других библиотек. PRM – количество книг. Компаратив выражен наречием *хөй* ‘много’.

(2) *Сенден мен ажыг, каш янзы дылды билир мен – деп-тир.* (МЛПТ, 2010, с. 66)

сен=ден	мен	ажыг	каш	янзы	дыл=ды
ты=ABL	я	больше	сколько	тип	язык=ACC
бил=ир	мен	деп-тир			
знать=PrP	я.1Sg	говорить.CV-так			

‘Я лучше (букв.: от тебя больше) тебя, я знаю разные языки, – так сказал.’

Эта конструкция является основной в компаративной системе не только в тюркских языках Южной Сибири, но и в языках других тюркских ареалов [Гаджиева, 1973, с. 209].

1.2. Суперлатив (превосходная степень)

В суперлативных конструкциях, обозначающих, что компарат 1 превосходит всех остальных представителей данного класса по тому или иному признаку, позиции компаратов, как правило, лексически не выражаются, в состав конструкции входят только прилагательные, обозначающие параметр сравнения. Лексически в конструкции повторяются одни и те же прилагательные, первое из которых принимает показатель сравнения – падежный аффикс аблатива, например:

(3) *Кызылдан кызыл.*

кызыл=**дан** кызыл
красный=**ABL** красный
'Самый красный (букв.: от красного красный).'

(4) *Маадырдан маадыр.*

маадыр=**дан** маадыр
храбрый=**ABL** храбрый
'Самый храбрый (букв.: от храброго храбрый).'

Компараты в этих примерах событийные, а не предметные.

В первом компарате (CMPR 1) – [(некто) красный] – лексически выражена только предикатная часть «красный».

Аналогично и во втором компарате (CMPR 2) – [(все остальные представители данного денотативного класса) красные] – лексически выражен только предикат «красный» – прилагательное, оформленное показателем аблатива.

{(некто) красный / храбрый}^{CMPR1} ПО СРАВНЕНИЮ С
{(все другие) красные}^{CMPR2}

Основание сравнения (PRM.FUND) лексически не выражено. В примере (3) подразумевается признак «цвет», в примере (4) – признак «смелость».

Аспект сравнения (PRM.ASP) – выражен дублирующимися прилагательными, одно из которых принимает показатель сравнения – падежный аффикс аблатива.

Позиция первого компарата может быть выражена лексически – именем существительным:

(5) *Хоозундан хоозун чүве-дир, бүгү чүве хей-бус ышкаш!* (Экклесиаст 1:2, с. 912)

хоозун=**дан** хоозун чүве-дир бүгү чүве хей-бус ышкаш
пустой=**ABL** пустой вещь-ведь все вещь воздух-пар как
Букв.: от пустой пустая вещь.
'Суета сует – всё суета!'

Такие примеры строятся в соответствии со структурной схемой, в которой позиция первого компарата указывается в скобках, так как регулярно остается незаполненной. Позиция второго компарата регулярно редуцируется, так как подразумеваются все прочие носители того же самого признака в силу их всеобщности:

$ADJ^{PRM}=ABL^{REL} ADJ^{PRM} (N^{CMPR1}) (cop)$

В примере (5), в отличие от предыдущих, использовано прилагательное 'пустой': *Хоозун=дан хоозун чүве-дир* (букв.: Из пустой пустая вещь = Из пустого пустое-ведь, всё как пар).

(6) *Хаан олар-биле чугаалажып көөрге, бүгү оолдардан Даниилге, Ананияга, Мисаилге база Азарияга чедер улус чок болган.* (Даниил 1:19, с. 1212)

Хаан олар-биле чугаала=ж=ып кө=өр=ге
Царь они-с говоря=RECIP=CV смотреть=PrP=DAT
бүгү оол=дар=**дан** Даниил=**ge** Анания=**га** Мисаил=**ge**
все парень=**PL=ABL** Даниил=**DAT** Ананий=**DAT** Мисаил=**DAT**

база Азария=**га** **чедер** **улус** **чок** **бол=ган**
и Азарий=**DAT** **достигать** **люди** **нет** **быть=PP**

Букв.: из всех парней люди, достигающие Даниила, Анания, Мисаила, Азария, отсутствовали.

‘И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных (букв.: достигающих) Даниилу, Ананию, Мисаилу и Азарии.’

Здесь дательным падежом оформлены имена собственные по требованию управляющего глагола *чедер* ‘достигать’. Первый компарат «люди отсутствуют». Второй компарат «парни (имеются)». Основание сравнения – достигающие Даниила и др., не вербализовано.

(7) ...олар чурттуң бүгү илби-шидичилер болгаш караң көрнүрлеринден он каттап уганныг болган. (Даниил 1: 20, с. 1212)

олар чурт=туң бүгү илби-шидичи=лер болгаш
они страна=GEN все волшебник=PL и
караң көрнүр=лер=и=н=ден он каттап
предсказатель=PL=POSS.3=INFIX=ABL 10 раз
уганныг бол=ган
умный быть=PP

‘Они **из всех** тайноведцев и волхвов в 10 раз **выше**=умнее их.’

Первый компарат – «они умные». Второй компарат – «все волшебники и предсказатели (страны) умные». Основание параметра – «ум», аспект параметра – «наличие ума» («умный»), экспонента – «в 10 раз».

Показатель сравнения на втором компарате. Это разновидность первой конструкции. N N=ABL ADJ.

Превосходная степень зависит от способа заполнения позиции второго компарата: если она обозначает не конкретный предмет, а совокупность всех предметов, обладающих теми же самыми признаками, выражается сравнение со всеми.

Основанием параметра (PRM.FUND) является ‘ум’. Аспектом параметра (PRM.ASP) является положительный признак «умный».

Второй компарат представляют определительные местоимения: *бүгү, хамык* ‘все’.

Компарат 1 выделяет одного из множества субъектов, который сравнивается со всеми остальными (отроки, тайноведы, волхвы), проявляя высшую степень качества, свойственную для других сравниваемых субъектов.

2. Структура и семантика посессивных конструкций

Посессивность является одной из фундаментальных категорий, в основе которой лежит «когнитивная сопряженность концептов, являющаяся одним из важнейших свойств организации когнитивной структуры» [Брыкина, 2009, с. 6].

Понятие посессивной конструкции (ПК) подразумевает наличие двух имён, представляющих концепты некоторых объектов действительности, которые связаны тем или иным посессивным отношением.

Посессивные отношения выражаются множеством различных способов. Выбор конструкций изосемического или неизосемического типа в переводе текста Библии на тувинский язык связан с интерпретацией семантического, синтаксического и стилистического планов текста, сопряжен с особенностями восприятия и воссоздания текстовой стратегии, манеры и, в итоге, «образа автора» в иноязычной культуре. Неизосемическое использование посессивной изафетной

конструкции приводит к семантическому сдвигу – выражению степеней сравнения.

Посессивные конструкции как неканоническое средство выражения «элативно-суперлативной» семантики в тюркских языках рассмотрены в работе И. А. Невской [2022]. На тувинском материале такие конструкции рассматриваются нами впервые. В их структуре используются два падежа: аблатив (=дан / =тан) и генитив (=дын / =тын), оформляющие первый компонент изафетной структуры. Второй компонент генитивной конструкции может быть оформлен посессивным аффиксом 3-го л. (=ы).

Таким образом, *компарат 2 (эталон сравнения)* в анализируемом нами материале выражен либо аблативно-посессивными, либо генитивно-посессивными конструкциями.

2.1. Генитивно-посессивные (или элативно-суперлативные) конструкции

В них использована изафетная конструкция: *эргенги=ниң эрте=зи* ‘давным-давно’ (букв.: утреннего рано=его), посредством которой традиционно обозначаются степени сравнения [ГТЯ, 1961, с. 187–188]. Неизосемическая реализация изафетной конструкции, повлекла изменение прототипической посессивной семантики (обладания) на обозначение степеней сравнения.

Сравним классическую семантику принадлежности, выраженную изафетной конструкцией (пример 9). Здесь первый компонент изафетной конструкции (обладатель / посессор) выражен именем существительным в генитиве: *дээрниээр=нин Бурган=ы=н* ‘небо Бог=его’, *Ооң буян=ы* ‘милость Его’. Коррелят посессивного отношения (обладаемое) имеет посессивный показатель 3-го л. ед. ч. =ы.

(9) *Дээрниң Бурганын алдаржыдыңар, Ооң буяны кезээ мөңгедө.* (Пс. 135: 26)
 дээр=**НИН** Бурган=**Ы=Н** алдаржыд=**ЫНАР** ооң
 небо=**GEN** Бог=**POSS.3=ACC** славить=**IMPER.2PL** он.**GEN**
 буян=ы кезээ мөңгедө
 милость=**POSS.3** навеки
 ‘Славьте Бога небес, ибо вовек милость Его.’

Генитивно-посессивные конструкции, как и рассмотренные выше аблативно-посессивные конструкции, выражают элативную и суперлативную семантику.

2.2. Элативные конструкции

Такие конструкции выражают абстрактное сравнение: качество и количество объекта сравнения сравниваются с определенным эталоном. Некоторые из подобных конструкций рассмотрены нами ранее [Черемисина, Шамина, 1996, с. 65–84]. Здесь анализируем новые структуры, выражающие элативную семантику.

{N= GEN N=POSS.3} N дег

(10) *Дээрги-Чаяакчының холунга хаанның чүрээ – агым суг дег: Ол ону күзээн-не уг-шиинче аксыптар.* (Чугаалар 21:1, с. 895)
 Дээрги-Чаяакчы=**НЫН** холу=**Н=ГА** хаан=**НЫН** чүрээ=**Э**
 Бог-Творец=**GEN** рука=**INF=DAT** царь=**GEN** сердце=**POSS.3**
 агым суг **ДЕГ** Ол ону күзээн-не
 поток вода **COMP** Он его.**ACC** желанный-**PRTCL**

уг-ши=и=н=че аксы=пт=ар
 направление-POSS.3=INFIX=LAT струиться=PFV=PrP
 ‘Сердце царя в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его.’

В примере (10) компарат 1 (‘сердце царя’) маркирован генитивно-посессивной группой: {N=GEN N=POSS.3}.

Основание параметра (PRM.FUND): *агым суг* ‘потоки вод’=ширина /объем. Компаратив маркирован послелогом *дег* ‘как’.

Аспект параметра (PRM.ASP) ‘послушный, смиренный’

В следующем примере (11) средствами бессоюзного сложного предложения – соположением лексического наполнения частей через контекстуальные антонимы *чалгаа* ‘ленивый’ – *эки* ‘хороший’, ‘скромный’ передана сопоставительная семантика.

(11) *Чалгаа кижиниң оруунда тенниг-хараган үнген, а эки мөзүлүг улус оруктап бар чыдар.* (Чугаалар 15:19, с. 888)

чалгаа кижиниң ору=у=н=да
 лень человек=GEN путь=POSS.3=INFIX=LOC
 тен=ниг-хараган үн=ген а эки
 колючки=POSSV-караганник всходить=PP а хороший
 мөзү=лүг улус орукта=п бар↓
 нрав=POSSV люди по дороге идти=CV AUX^{вект}идти
 чыд=ар
 AUX.лежать=PrP

Букв.: Ленивого человека путь в пути с колючками караганник вырос, а с хорошим нравом люди по дороге идут.

‘Путь ленивого – (как) терновый плетень, а путь праведных – гладкий.’

Присутствует также фоновая сравнительная семантика: у ленивого в пути так, а у людей хороших по-другому.

Показатель компаратива не вербализован. Основание параметра (PRM.FUND) – ‘трудолюбие-праведность’.

Аспект параметра (PRM.ASP) – ‘ухабиственный, сорный, трудный, гладкий’.

В библейских текстах встречается еще один структурный вариант конструкции, выражающей элативную семантику: первый компонент оформляется показателем посессива, а у второго посессивный маркер =ныы / =нии. Маркирование генитивом у компарата 1 отсутствует. Такое оформление посессивным аффиксом =ныы / =нии отмечается в текстах, когда смысловое значение второго компонента изафетного сочетания известно из контекста, «тогда вместо полного изафетного сочетания употребляется только его первый компонент, который принимает особую форму: притяжательную форму существительного» [ГТЯ, 1961, с. 124].

Структурная схема NUM N / N=POSS.3 N=ныы / =нии представляет предложения характеристики. Конструкции со значением характеристики являются неизосемическим способом выражения сравнительных отношений, которые возникают за счет лексического наполнения позиции предиката.

(12) *Бир херувим-не дөрт арынныг болду: бирги арын – херувимниң, ийигизи – кижиниң, үшкүзү – арзылаңны, дөрткүзү – эзирниң.* (Иезекииль 10:14, с. 1149)

бир херувим-не дөрт арын=ныг бол=ду
 кто-то херувим-COMP.PRTCL четыре лицо=POSSV быть=PAST_{fin}

бирги	арын	херувим= нии	ийиги= зи	кижи= нии
первый	лицо	херувим=POSS.3	второе=POSS.3	человек=POSS.3
үшкү= зү		арзылаң= ныы	дөрткү= зү	эзир= нии
третье=POSS.3	лев=POSS.3	четвертый=POSS.3	орел=POSS.3	

‘И у каждого из животных четыре лица: первое лицо – лицо херувимово, второе лицо – лицо человеческое, третье лицо львиное и четвертое лицо орлиное.’

В древневосточной мифологии «лицо херувима» мыслилось не как человеческое, но как имеющее черты быка или тельца.

2.3. Суперлативные конструкции

Конструкции, выражающие превосходную степень – высшую степень качества. Компарат 2 маркирован генитивной группой {N=GEN N=POSS.3}.

В конструкциях с суперлативом CMPR 2 (стандарт сравнения) представляет (означает) целое множество субъектов-объектов. В нашем случае – это все известные степи, времена, герои, борцы, боги, цари, господа (см. пример 14 и следующие).

Суперлативная семантика в тувинском языке реализуется в двух структурах: отмечены конструкции, в которых компарат 1 (предмет сравнения) маркируется либо не маркируется аффиксом множественного числа. Суперлативную семантику передает сама конструкция, выделяя объект сравнения, указывая на высокую степень качества, которым тот обладает.

(13) *Экиниң экизи.* [ГТЯ, 1961, с. 187]

эки= ниң	эки= зи
хороший= GEN	хороший= POSS.3

‘Самый хороший.’

(14) *Ховунуң ховузу.*

хову= нуң	хову= зу
степь= GEN	степь= POSS.3

‘Самая широкая степь (букв.: степи степь=её).’

В текстах тувинских героических сказаний зачин реализуется в суперлативных конструкциях. В предложениях (15)–(16), соотносимых с русскими, ‘давным-давно, в незапамятные времена’, характеризуется давнее время, в рамках которого происходят или с которого начинаются события, описываемые в сказании. Такие зачины маркируют новый абзац сказания. Исследователи отмечают большую композиционно-организационную роль подобных структур: они нужны для того, чтобы «...сориентировать слушателя во времени и эпическом пространстве» [Орус-оол, 2001, с. 11].

(15) *Эртенгиниң эртезинде.* (ТУМТ-IV, с. 6)

эртенги= ниң	эрте= зи =н=де
утренний= GEN	рано= POSS.3 =INFIX=LOC

‘Раньше раннего.’

(16) *Бурунгунуң мурнунда.* (ТУМТ-IV, с. 6)

бурунгу= нуң	мурну= н =да
древний= GEN	перед= POSS.3 .INFIX=LOC

‘Древнее древнего (времени).’

Для текстов религиозного дискурса суперлатив является широко используемым средством сравнения как модели образной мысли. 'Господь господствующих', 'Царь царей', 'Бог богов', 'Владыка владык' означают 'самый главный над всеми господами, царями, владыками': так устроено общество. Значение 'лучший из государей, царей, богов' и др. передается самой генитивно-посессивной конструкцией.

(17) *Соломоннуң өндүр бедик ырызы.* (Ыры, 2011, с. 925)

Соломон=нун өндүр бедик ыры=зы
Соломон=GEN великий высота песня=POSS.3
Букв.: 'Соломона великих [песен] самая высокая песня'
'Песни песней Соломона.'

Первый компарат (CMPR 1) маркирован аффиксом множественного числа:

(18) *Ооң дөңмээнде болгаш ак шыва тонунда: «Хааннарның Хааны база тергиидээннерниң Дээрзиги» деп ат бижиттинген болду.* (Ин 19:16, с. 601)

ооң дөңмээ=н=де болгаш ак
он.GEN бедро=POSS.3.INFIX=LOC и белый
шыва тон=у=н=да Хаан=нар=ның Хаан=ы
летний халат=POSS.3=INFIX=LOC Царь=PL=GEN Царь=POSS.3
база тергиидэ=эн=нер=ниң Дээрзи=зи
и господствовать=PP=PL=GEN Господь=POSS.3
деп ат бижи=т=тин=ген бол=ду
говорить.CV имя писать=CAUS=RFL=PP AUX=PAST_{fin}
'На одежде и на бедре Его написано имя «Царь царей и Господь господствующих».'

(19) *Чүге дээрге Дээрзи-Чаяакчы Бурганыңар – бурганнарның Бурганы, дээржилерниң Дээрзиги-дир, өндүр улуг, күчү-күштүг, сүртенчиг Бурган-дыр.* (Ы.х.к. 10:17, с. 254)

чүге дээрге Дээрзи-Чаяакчы Бурган=ыңар бурган=нар=ның
ибо Бог-Творец Бог=2PL бог=PL=GEN
Бурган=ы дээрзи=лер=ниң Дээрзи=зи-дир өндүр.улуг
Бог=POSS.3 господин=PL=GEN Владыка=POSS.3-ведь величавый
күчү-күштүг сүртенчиг Бурган-дыр
могущественный страшный Бог-вель
'Ибо Господь, Бог ваш, есть **Бог богов** и **Владыка владык**, Бог великий, сильный и страшный, (который не смотрит на лица и не берет даров).'

Данный тип конструкции является для тувинского языка родным, а не заимствованным.

Исследователи-тувиноведы отмечают, что при переводе многих библейских слов и выражений сказалось влияние русской культуры и языка, что способствовало развитию тувинского литературного языка. С целью наиболее полного использования и активизации собственных резервов национального тувинского языка переводчики старались избегать прямых заимствований, создавались собственные новые словообразовательные элементы, словосочетания и т. п. Так, для перевода лексемы, обозначающей 'притчи' (букв.: 'вразумительные рассказы'), в тувинском языке введено словосочетание *Угаадыглыг чугаалар* 'притчи'. Как отмечает Л. С. Мижит, «это новое словообразование, исходящее от глагола *угаа-*

дыр 'толковать, толковывать, разъяснять'. Вторая часть этого словосочетания означает 'речь, рассказы' [2016, с. 150–152].

2.4. Аналитические суперлативные конструкции

Суперлативная семантика выражается двумя аналитическими конструкциями (АК), в состав которых включены сравнительные частицы *эң* 'самый, наи=', перво- и *тоң* 'очень, крайне'.

Эти конструкции являются разновидностью рассмотренных выше. Частицы осложняют модель и дополнительно усиливают степень превосходства. Структурная схема *COMP.PRTCL ADJ; N=GEN COMP.PRTCL ADJ N=POSS.3*. Сравнительная частица *тоң* реализуется только в одной структуре: *COMP.PRTCL ADJ*.

COMP.PRTCL ADJ

(20) *эң эки шынарлыг бараан.* (РТС, с. 271)

эң	эки	шынар=лыг	бараан
COMP.PRTCL.самый	хороший	качество=POSSV	товар

'Товар наилучшего качества.'

(21) *эң биче айыыл* (РТС, с. 271)

эң	биче	айыыл
COMP.PRTCL.самый	маленький	угроза

'Наименьший риск.'

N=GEN COMP.PRTCL ADJ N=POSS.3

(22) *Акыларының эң чөгөнчиг кулу болзун!* (Бытие 9:25, с. 24)

акы=лар=ы=ның	эң	чөгөнчиг
брат=PL=POSS.3=GEN	COMP.PRTCL.самый	ничтожный
кул=у	бол=зун	
раб=POSS.3	быть=IMPER.3	

'Раб рабов будет он у братьев своих!'

(23) *Бодунуң шериниң эң шыырак дайынчыларынга Седрах, Мисах болгаи Авденаго оларны хулун-шарааш, чалынныг отче киш октаптарын дужааган.* (Даниила 3:20, с. 1215)

боду=нуң	шерии=ниң	эң	шыырак
свой=GEN	войско=GEN	COMP.PRTCL.самый	сильный
дайынчы=лар=ын=га	Седрах	Мисахболгаи	Авденаго
воин=PL=INF=DAT	Седрах	Мисахи	Авденаго
олар=ны	хулун=п-шара=аш	чалын=ныг	
он.PL=ACC	связывать=CV-завязывать=CV	жар=POSSV	
от=че	ки=ир	окта=пт=ар=ын	дужаа=ган
огонь=LAT	идти=PrP	бросать=PFV=PrP=ACC	приказывать=PP

'И самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго.'

В современных текстах также встречаются конструкции, передающие суперлативную семантику.

(24) *Эзирниң эрези ышкаш күштүг мөге Сеңгин үнер деп тур оо.* (Тамба, 1984, с. 103)

эзир=ниң	эрез=и	ышкаш	күш=түг	мөге
орел=GEN	храбрый=POSS.3	как	сила=POSSV	борец
Сеңгин	үн=ер	де=п	тур	оо
Сеңгин	выходить=PrP	собираться=CV	AUX:стоять	INT

Букв.: сильный, как храбрый из орлов, боец Сеңгин собирается выходить.
 ‘Сильнее сильных боец Сеңгин собирается выходить.’

Авторы Грамматики тувинского языка отмечают, что субстантивированные прилагательные в подобных словосочетаниях в современном тувинском языке воспринимаются как абстрактные названия самих качеств. *Эки=ниң экизи* и *Эки=ден эки* означают ‘самый лучший’, но могут переводиться на русский язык и как ‘лучший из лучших’, хотя, по мнению авторов, «семантически это не вполне эквивалентный перевод» [ГТЯ, 1961, с. 188].

эки=ниң	эки=зи
лучший=GEN	лучший=POSS.3
эки=ден	эки
лучший=ABL	лучший

Компарат 2 выражается сочетанием субстантивированного прилагательного в аблативе с основной формой того же прилагательного: *экиден эки* ‘самый хороший’.

Выводы

В тувинском языке синтетические морфосинтаксические средства (падежи генитив, аблатив и аффиксы посессивности =ы, =ныы) являются основным средством выражения суперлативной семантики в рассматриваемых Библийских текстах. Для текстов религиозного дискурса суперлатив является широко используемым средством сравнения как модели образной мысли.

Эту же семантику передают аналитические структуры, включающие в свой состав сравнительные частицы (*эң* и *тоң*).

Генитивные и аблативные посессивные структуры составляют компаративную модель, конститuentами которой являются: компараты (1 и 2 – предмет и эталон сравнения) и параметр сравнения.

Аблативная посессивная конструкция представляет собой неизосемический способ выражения сравнительных отношений, при котором второй компарат частично редуцируется, лексические репрезентанты совмещают одновременно разные смысловые компоненты, обязательные для выражения сравнения: второй компарат включает синтетический показатель сравнения – падежный аффикс аблатива, количественное прилагательное *хэй* ‘много’ указывает на основание и аспект параметра одновременно.

Неизосемическая реализация изафетной конструкции повлекла изменение прототипической посессивной семантики (обладания) на обозначение степеней сравнения.

Стратегия оформления обладаемого аффиксом аблатива ограничена единичными примерами в имеющихся материалах.

Неизосемическое использование генитивно-посессивной (изафетной) конструкции для передачи необычности, образности связано с интерпретацией семантического, синтаксического и стилистического плана текста, сопряжено с особенностями восприятия и воссоздания текстовой стратегии, манеры, со стремлением к пониманию культуры и духовности народа.

Рассмотренные конструкции построены по схеме изафета, но присущие изафету отношения «обладатель – обладаемое» в них отсутствуют, характерных для изафета отношений они не выражают.

Список условных обозначений

ABL – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **AUX^{вект.}** – вспомогательный глагол векторный; **CAUS** – каузативный (побудительный) залог; **COMP** – компаратив; **DAT** – датив; **CMPR** – компаратив; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **CV** – деепричастие; **GEN** – генитив; **IMPER** – императив; **INFIX** – инфикс; **INT (INTER)** – междометие; **INF** – инфинитив; **LAT** – латив; **LOC** – местный падеж; **N** – существительное; **NOM** – номинатив; **NUM** – числительное; **PAST_{fin}** – форма прошедшего времени на =ды; **PFV** – маркер совершенного вида (=ывыт, =нт, =н); **POSS** – посессивный показатель; **PP** – причастие прошедшего времени; **PL** – множественное число; **POSV** – форма обладания -лыг; **PRM** – параметр сравнения; **PRM.ASP** – аспект параметра; **PRM.FUND** – основание параметра; **PrP** – причастие будущего времени на =ар; **PRTCL** – частица; **REL** – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); **RECIP** – совместный залог; **RFL** – возвратный залог; **Sg** – единственное число; **V** – глагол; ↓ – элизия; = – морфемный шов

Список литературы

Брыкина М. М. Языковые способы кодирования посессивности (на материале корпусного исследования русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.

ГТЯ – Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 472 с.

Летучий А. Б. Сравнительные конструкции // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 2. С. 132–204.

Мижит Л. С. Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. 2016. № 1 (4). С. 141–155.

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилиативных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: Макс Пресс, 2001. 422 с.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом

шылап // шылар // шынап 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (вып. 46). С. 53–64.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса: сравнительные конструкции современного русского языка: материалы спецкурса. Новосибирск, 1971. 181 с.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1996. Вып. 3. С. 65–84.

Список источников и словарей

Бытие – Эге дөс // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 15–80.

Даниил – Даниил медээчининг ному // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 1211–1231.

Иезекииль – Иезекиил медээчининг ному // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 1139–1211.

Ин – Иоанның бижээни Буянныг Медээ // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 1468–1509.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск: Наука, 2010. 371 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28)

Пс. 135 – Псалом 135 // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. 1751 с.

РТС – Русско-тувинский словарь. М.: Рус. яз., 1980. 560 с.

Тамба С. Үелерниң үскүлежи. Кызыл, 1984.

ТУМТ-IV – Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустуң маадырлыг тоолу / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. Т. 4. 224 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

Чугаалар – Угаадыглыг чугаалар // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 868–911.

Бры – Соломоннуң өндүр бедик ырызы // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 924–934.

Ы.х.к. – Ыдыктыг хоойлуну катаптаны // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 238–290.

Экклесиаст – (азы Суртаалчының ному) // Ыдыктыг Библия. М.: Библия очулгазының институту, 2011. С. 912–924.

References

Brykina M. M. *Yazykovye sposoby kodirovaniya posessivnosti (na materiale korpusnogo issledovaniya russkogo yazyka)* [Language ways of encoding possessivity (based on the corpus study of the Russian language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 24 p.

Cheremisina M. I. *Nekotoryye voprosy sintaksisa: sravnitel'nyye konstruktzii sovremennogo russkogo yazyka: materialy spetskursa* [Some issues of syntax: comparative constructions of the modern Russian language: materials of the special course]. Novosibirsk, 1971, 181 p.

Cheremisina M. I., Shamina L. A. Vyrazheniye sravneniya v tuvinskom yazyke [Expression of comparison in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1996, iss. 3, pp. 65–84.

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nyye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 270 p.

Fedina N. N., Koshkareva N. B. Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy s poslelogom shylap/shchylap/shchynap 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition shylap//schylap//schynap 'as if' in the Chalkan language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, no. 2 (iss. 46), pp. 53–64. DOI 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64

Gadzhieva N. Z. *Osnovnye puti razvitiya sintaksicheskoy struktury tyurkskikh yazykov* [The main ways of development of the syntactic structure of the Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1973, 408 p.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka* [Grammar of the Tuvan language]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.

Letuchiy A. B. Sravnitel'nye konstruksii [Comparative constructions]. In: *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii* [Materials for the corpus grammar of the Russian language]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, iss. 2, pp. 132–204.

Mizhit L. S. Perevod Biblii na tuvinskiy yazyk: obogashcheniye leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo yazyka [Translating the Bible into Tuvan: enriching the lexical composition of the Tuvan literary language]. *Rodnoy Yazyk (Mother Tongue)*. 2016, no. 1(4), pp. 141–155.

Nevskaya I. A. Tipologicheskiye osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruksiy [Typological features of Shor equative and similitive constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Orus-ool S. M. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic tales (textual criticism, poetics, style)]. Moscow, Maks Press, 2001, 422 p.

List of sources

Boktu-Kirish, Bora-Sheeley: Tyva ulustun maadyrlyg toolu. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, Tyvanun nom yndyrer cheri, 1995, vol. 4, 224 p.

Chugaalar – Ugaadyglyg chugaalar. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 868–911.

Daniil medeechini nomu. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulga-zynun institudu, 2011, pp. 1211–1231.

Ege dos. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 15–80.

Ekklesiast – (azy Surtaalchynun nomu). In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochul-gazynun institudu, 2011, pp. 912–924.

Iezekiil medeechini nomu. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 1139–1211.

In – Ioannun bizheeni Buyannyg Medee. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 1468–1509.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev. Novosibirsk, Nauka, 2010, 371 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 28)

Ps. 135 – Psalom 135. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, 1751 p.

Russko-tuvinskiy slovar' [Russian-Tuvinian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1980, 560 p.

Tamba S. *Yelerniŋ yskylezhii*. Kyzyl, 1984.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1968. 646 s.

Y.kh.k. – Ydyktyg khooylunu kataptany. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 238–290.

Yry – Solomonunŋ öndyr bedik uryzy. In: *Ydyktyg Bibliya*. Moscow, Bibliya ochulgazynun institudu, 2011, pp. 924–934.

Информация об авторе

Людмила Алексеевна Шамина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Lyudmila A. Shamina, Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 06.08.2023;

одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 16.09.2023

The article was submitted on 06.08.2023;

approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 16.09.2023

Научная статья

УДК 811.512.151+ 81'367.51
DOI 10.17223/18137083/85/19

Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’ в алтайском языке

Айяна Алексеевна Озонова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ajanao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>

Аннотация

Рассматривается аналитико-синтетическая полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’, которая относится к основным средствам выражения сравнительных отношений в алтайском языке. Послелог *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’ выступает показателем сравнительных отношений и формирует моносубъектные и разнотелесные конструкции, в которых главная и зависимая предикативные единицы обозначают события, между которыми устанавливаются сравнительные отношения. Субъектом зависимой предикативной единицы является имя в форме номинатива, предикатом – причастные формы, которые могут быть опущены при редуцировании конструкции. Конструкция с *чылап* / *чилеп* может также передавать имплицитные причинно-следственные, целевые и условно-временные отношения, осложненные модальной семантикой.

Ключевые слова

алтайский язык, синтаксис, сравнение, сравнительная аналитико-синтетическая конструкция, сравнительный послелог, сравнительные отношения

Благодарности

Автор благодарит Н. Б. Кошкареву и И. М. Плотникова за ценные замечания и рекомендации в ходе обсуждения материала статьи.

Для цитирования

Озонова А. А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’ в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 260–271. DOI 10.17223/18137083/85/19

© Озонова А. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 260–271
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 260–271

Comparative polypredicative construction with the postposition *chylap/chilep* ‘as if’ in the Altai language

Aiiana A. Ozonova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ajanao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>

Abstract

One of the main tools for expressing comparative relations in the Altai language is considered. It is the analytic-synthetic polypredicative construction with the postposition *chylap/chilep* ‘as if’. The construction in question serves as an indicator of comparative relations. It can form monosubject and multi-subject structures, with main and dependent predicative units denoting the events of these relations. The subject of a dependent predicative unit is the name in the nominative, and the predicate is represented by the participial forms, which can be omitted when reducing the construction. This construction does not imply an explicit expression of the parameter, which can be restored based on the properties of the comparators and the context. This comparative construction is usually expressed in a reduced form, with the predicate of the dependent part omitted. The first comparat (object of comparison), expressed by the main predicative unit, usually refers to an actual event. The second comparat (standard of comparison) is expressed by a dependent predicative unit and can denote both real and unreal events. A construction with a *chylap/chilep* can also convey meanings distant from the actual comparative ones, resulting from its complication with implicit causal, target, and conditional-temporal relations, leading to the construction acquiring the unreality, unreliability, and opposition of actual events to the speaker’s expectations. The construction with *chylap/chilep* has been recorded in Khakass, Shor, Toph, and Chalkan.

Keywords

Altai language, syntax, comparison, comparative synthetic-analytical polypredicative construction, comparative postposition, comparison relations, comparison parameters

Acknowledgments

The author would like to express the deepest gratitude to N. B. Koshkareva and I. M. Plotnikov for valuable comments and recommendations during the discussion of the manuscript.

For citation

Ozonova A. A. Comparative polypredicative construction with the postposition *chylap/chilep* ‘as if’ in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 260–271. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/19

Введение

Изосемическим средством выражения сравнения является полипредикативная конструкция (далее – ППК). В алтайском языке сравнительные отношения передаются синтетической ППК со сравнительным причастием на =гандый и разнообразными по семантике аналитико-синтетическими (причастно-последложными) конструкциями [Тыбыкова, 1988; 1989; Тыбыкова и др., 2013].

Аналитико-синтетическая полипредикативная конструкция с послелогом *чыл-лап / чилеп* ‘как, как будто’ является одним из основных средств выражения сравнительных отношений между двумя событиями и относится к самым распространенным и активно используемым в алтайском языке, так же как и в хакасском [Султрекова, 2017, с. 95], и в чалканском [Федина, Кошкарева, 2023] языках, при

этом в алтайском героическом эпосе конструкция с *чылап / чилеп* не является частотной. Активность употребления одних и тех же сравнительных конструкций в фольклорном тексте и в современном языке различается [Озонова, 2023].

В алтайском языке конструкция с послелогом *чылап / чилеп* выражает собственно-сравнительные значения, сравнительные, осложненные целевым и причинным семантическими оттенками, а также далекую от сравнительных семантику несоответствия ожиданиям и персуазивности.

ППК с послелогом *чылап* рассматривалась в работах Л. Н. Тыбыковой, которая впервые системно описала средства выражения сравнения в алтайском языке [Тыбыкова, 1988; 1989; Тыбыкова и др., 2013].

Послелог *чылап / чилеп* восходит к глаголу *чыла= / чиле=* в форме соединительного деепричастия на *=n*. Семантика этого глагола для алтайского языка не установлена. Глагол *чыла=* ‘быть таким, как...; поступать так, как...’ зафиксирован в тофаларском [Рассадин, 1978, с. 260]. В других сибирских тюркских языках также имеются послелогии, восходящие к этому глаголу, но в разных его формах: хак. *чили*, хак. саг. *чилеп*, шор. *чылап / чилеп*, чалк. *шылап / шылап / шынап*, тоф. *чылачжы* [Там же]. В алтайском языке, в отличие от чалканского, этот послелог гармонирует со словами, которые ему предшествуют. Например, *адазы чылап* ‘как его отец’, *энези чилеп* ‘как его мать’.

Материалом для статьи послужили предложения сравнительной семантики на алтайском языке, извлеченные из художественных текстов.

При анализе сравнительных конструкций мы используем метаязык описания сравнения, предложенный Н. Б. Кошкаревой и И. М. Плотниковым ¹.

1. Собственно-сравнительные значения конструкции с послелогом *чылап / чилеп*

В сравнительных ППК главная предикативная единица (ГПЕ) обозначает первый компарат, или предмет сравнения (CMPR1), зависимая предикативная единица (ЗПЕ) – второй компарат, или стандарт сравнения (CMPR2). Субъектом ЗПЕ является имя в форме номинатива, предикатом – причастная форма прошедшего времени на *=ган* в сочетании с послелогом *чылап / чилеп* ‘как, как будто’. Послелог *чылап / чилеп* выступает показателем сравнительных отношений (REL). Конструкции могут быть моносубъектными (пример 1) и разнособъектными (пример 2). Общая структурная схема таких конструкций имеет следующий вид:

$$[N_{\text{Nom}} (Tv=\text{PART})]^{CMPR2} \text{чылап}^{REL} [N_{\text{Nom}} V_f]^{CMPR1}$$

(1) Менин Иманкам улусты кабайга жайкаган чылап тартып жат. (Кокышев, 1980, с. 305)

ме-нин	Иманка=м	улус=ты	кабай=га
я-GEN	Иманка=POSS.1SG	люди=ACC	колыбель=DAT
жайка=ган	чылап	тарт=ып	жат
качать=PART	COMP	везти=CV	AUX: лежать

‘Мой Иманка возит людей, словно на колыбели качает.’

¹ См.: Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2 (в печати).

Семантическая репрезентация данного высказывания выглядит следующим образом:

[Иманка возит людей так же (плавно)]^{CMPR1}
как [качают ребёнка в колыбели]^{CMPR2}

В алтайском языке частотны конструкции с *чылап* / *чилеп*, в которых зависимая часть редуцируется до субъекта. Механизмы редукции аналитико-синтетической ППК с послелогом *шылап* / *чылап* / *цынап* ‘как, как будто’ на материале чалканского языка показаны в статье Н. Н. Феединой и Н. Б. Кошкарёвой [2023]. Авторы статьи отмечают, что «второй компарат редуцируется до субъекта, а параметр сравнения опускается, поскольку он ассоциируется с семантикой субъекта второго компарата или сказуемого первого компарата, или одновременно и того, и другого» [Там же, с. 56].

Действие аналогичного механизма прослеживается и на алтайском материале. Так, в примере (2) в роли первого компарата выступает сочетание *мылтык селендеп турды* ‘ружье дрожало’, второй компарат представлен в редуцированном виде сочетанием *суудагы тал* ‘ива на реке’. Его полная форма – ‘ива дрожит’. Позиция сказуемого ЗПЕ не заполнена, поскольку подразумевается такое же действие, как в ГПЕ:

[ружье дрожит так же]^{CMPR1} как [ива на реке дрожит]^{CMPR2}

(2) *Онын колындагы мылтык, суудагы тал чылап, селендеп турды.* (Укачин, 1985, с. 191)

о-нын	кол=ын=дагы	мылтык	суу=дагы	тал
он-GEN	рука=POSS.3=ADVR	ружье	река=ADVR	ива
чылап	селенде=п	тур=ды		
COMP	дрожать=CV	AUX: стоять=PAST		

‘Ружье в его руке дрожало, как ива на реке.’

Параметр сравнения (PRM), который обозначает свойство компаратов, на основании которого происходит сравнение, не имеет эксплицитного выражения. Этот компонент может быть выведен на основании ассоциативной связи с предикатом *селенде*= ‘качаться, колебаться, дрожать’ и субъектом ЗПЕ *тал* ‘ива’ и обозначает специфический характер дрожания, который приписывается иве в алтайской языковой картине мира. Этот факт может быть указан на структурной схеме как вторичное факультативное значение ЗПЕ:

[N_{Nom} (Tv=PART)]^{CMPR2+*PRM} **чылап**^{REL} [N_{Nom} V_f]^{CMPR1}

Второй компарат может также редуцироваться до обстоятельства (пример 3) и дополнения (пример 4).

(3) *...бис экү озогыда чылап бу суула катап жоруктап барарыс.* (Кокышев, 2013, с. 271)

бис	экү	озогыда	чылап	бу	суу=ла	катап
мы	вдвоем	раньше	COMP	этот	река=INSTR	снова

јорукта=п бар=ар=ыс
путешествовать=CV AUX: идти=PrP=1PL
‘...мы вдвоем, как и раньше, будем снова по этой реке путешествовать.’

В примере (3) в роли первого компарата выступает предикативная единица *бис эжү бу суула катан јоруктап барарыс* ‘мы будем снова путешествовать по этой реке’, второй компарат представлен в редуцированном виде темпоративом *озогы-да* ‘раньше’. Его полная форма – ‘мы вдвоем раньше путешествовали по этой реке’. Семантическая репрезентация этого высказывания: [мы вдвоем *раньше* по этой реке (путешествовали)]^{CMPR2} **как**^{REL} [мы вдвоем по этой реке будем путешествовать]^{CMPR1}. Позиция сказуемого ЗПЕ не заполнена, поскольку подразумевается такое же действие, как в ГПЕ.

(4) *Эжиги ок чылап будыбаган полдорын чек ле кажайта јунуп койгон*. (Укачин, 1985, с. 175)

эжиг=и	ок	чылап	буды=ба=ган
дверь=POSS.3	PTCL	COMP	красить=NEG=PART
пол=дор=ы=н		чек.ле	кажайта јун=уп
пол=PL=POSS.3=ACC	PTCL	набело	мыть=CV
кой=гон			
AUX=PERF			

‘Она вымыла свои некрашенные полы так же, как и свою дверь, впрямь добела.’

В примере (4) в роли первого компарата выступает предикативная единица *будыбаган полдорын чек ле кажайта јунуп койгон* ‘[она] вымыла впрямь добела свои некрашенные полы’, второй компарат представлен в редуцированном виде сочетанием *эжиги ок* ‘так же, как и свою дверь’. Его полная форма – ‘она добела вымыла свою дверь’. Позиция сказуемого ЗПЕ не заполнена, поскольку подразумевается такое же действие, как в ГПЕ. Таким образом, полная семантическая репрезентация этого высказывания выглядит следующим образом:

[она добела вымыла некрашенные полы так же]^{CMPR1}
как [она вымыла добела свою дверь]^{CMPR2}

Оба компарата называют реальное событие. В этом же примере используется частица *ок* ‘так же; же’, которая всегда занимает позицию между вторым компаратом и послелогом *чылап / чилеп*. Она выражает противопоставление между объектами ГПЕ и ЗПЕ (некрашенный пол и дверь), возникающее на основании совпадения всех других компонентов этих предикативных единиц.

В предложениях со сравнительным послелогом *чылап / чилеп*, как отмечает Л. Н. Тыбыкова, также частотно употребление усилительных частиц *торт (ло)*, *чек (ле)*, *тен*, которым в русском языке соответствуют частицы *впрямь, точь-в-точь* [Тыбыкова и др., 2013, с. 148].

(5) *Тайгада бу јажына качан да болбогон ло качан да конбогон чылап, не тыр-кыражып турун?* (Укачин, 1985, с. 120)

тайга=да	бу	јаж=ы=на	качан	да
тайга=LOC	этот	возраст=POSS.3=DAT	когда	PTCL

бол=бо=гон ло качан да кон=бо=гон
 быть=NEG=PART CONJ когда PTCL ночевать=NEG=PART
чылап не тыркыра=ж=ып тур=ун
будто что дрожать=RECIP=CV AUX: стоять=2SG
 ‘Как будто в тайге в этой жизни никогда не был и никогда не ночевал, что [ты] дрожишь?’

Семантическая репрезентация высказывания:

[ты дрожишь так же]^{CMPR1}
как^{REL} [кто-то никогда не бывавший в тайге дрожит]^{CMPR2}

Следующее предложение (6) представляет собой пример сравнения абстрактных компаратов, которые не соотносятся с конкретными предметами или событиями действительности:

(6) *Jürüm dep неме сыранай ла уур кош салып койгон эски, шалтырууш чанак чылап, чыкырап ла јат...* (Укачин, 1985, с. 286)
 жүрүм де=п неме сыранай ла уур кош сал=ып
 жизнь говорить=CV вещь очень PTCL тяжелый груз класть=CV
 кой=**гон** эски шалтырууш чанак **чылап** чыкыра=п
 AUX=**PART** старый расшатанный сани **COMP** скрипеть=CV
 ла јат
 PTCL AUX: лежать
 ‘Жизнь скрипит, словно старые, расшатанные сани, на которые положили очень тяжелый груз...’

Образные сравнения вызывают разные субъективные ассоциации. Как справедливо отмечают Н. Н. Федина и Н. Б. Кошкарева, «не всегда возможно указать то слово в высказывании, с которым однозначно ассоциируется тот или иной параметр» [2023, с. 59]. В примере (6) мы связываем параметр с предикатом *чыкырап ла јат* ‘скрипит’ и в меньшей степени – с субъектом *чанак* ‘сани’, поскольку скрипеть от тяжести и ветхости могут и другие предметы. Возникает вопрос о степени устойчивости или типичности данного образного сравнения (скрипит, как сани) в алтайской лингвокультуре.

В алтайском языке частотны примеры, в которых стандарт сравнения имеет определение, выраженное причастной формой прошедшего времени на =ган (7). В таком случае между редуцированной ЗПЕ (бычок прыгает) и предикативной единицей, выраженной определительной конструкцией (пчела ужалила бычка), могут возникать причинно-следственные отношения.

(7) *Чакылдай, торт ло адаруга чактырган торбок чылап, тонжылай берди.* (Укачин, 1985, с. 329)
 Чакылдай торт ло адаруга чак=тыр=**ган** торбок
 Чакылдай PTCL пчела=DAT жалить=CAUS=**PART** бычок
чылап тонжыла=й бер=ди
COMP прыгать=CV AUX: дать=PAST
 ‘Чакылдай стал прыгать, точь-в-точь будто бычок, которого ужалила пчела.’

2. Несобственно-сравнительные значения конструкции с послелогом *чылап* / *чилеп*

В алтайском языке частотны реализации конструкции с послелогом *чылап* / *чилеп*, в которых её сравнительная семантика осложнена причинно-следственными, целевыми и условно-временными отношениями. Такие реализации формируют группу несобственно-сравнительных значений этой конструкции.

Рассмотрим пример (8). Такие употребления конструкции с послелогом *чылап* допускают двойственную интерпретацию. При сопоставлении с реализациями собственно-сравнительной конструкции они могут рассматриваться как естественное развитие примеров типа (7) при полной редукции второго компарата. Таким образом, между вторым компаратом и ЗПЕ, маркированной послелогом *чылап*, устанавливаются причинно-следственные связи. Аналогичный анализ сходной конструкции в чалканском языке предложен Н. Н. Феединой и Н. Б. Кошкаревой [2023, с. 60]. В соответствии с этим анализом семантическая репрезентация примера (8) имеет следующий вид:

[Эрмек испугался так же]^{CMPR1}, как [люди обычно пугаются]^{CMPR2} из-за того,
что [на них напал зверь]^{CAUS}

С другой стороны, такие примеры могут быть интерпретированы как устанавливающие причинно-следственные отношения между ГПЕ и ЗПЕ, осложнённые семантикой персуазивности, выражающей неуверенность в достоверности указанной причины:

[Эрмек испугался] из-за того, что [на него напал зверь]^{CAUS}

(8) Эрмек, торт ло үстине кенете кандый да казыр ан чурап келген чилеп, чочый ба, коркый ба берди. (Укачин, 1985, с. 96)

Эрмек	торт ло	ўст=и=не	кенете	кандый	да
Эрмек	PTCL	верхняя часть=POSS.3=DAT	внезапно	какой	PTCL
казыр	ан	чура=п	кел=ген	чилеп	
грозный	зверь	нападать=CV	AUX: приходить=PART	COMP	
чочы=й	ба	коркы=й	ба	бер=ди	
пугаться=CV	PTCL.Q	бояться=CV	PTCL.Q	AUX: дать=PAST	
‘Эрмек, прямо как будто какой-то грозный зверь внезапно на него напал, то ли испугался, то ли забоялся.’					

Причинное прочтение предложения (8) также обусловлено эмотивной семантикой предиката ГПЕ: эмоция предполагает источник, причину такой реакции.

В примере (9) рассматриваются два события: наступление морозов и увеличение количества рождений ягнят. Эти события представлены как связанные во времени, из-за чего между ними может быть установлена гипотетическая причинно-следственная связь: овцы стали больше ягниться, потому что испугались морозов. Развёрнутая интерпретация этого примера как сравнения, аналогичная (8), невозможна, так как подобная причинно-следственная связь не соответствует общепринятым представлениям о поведении овец (прагматическим пресуппозициям). Таким образом, в данном случае показатель *чылан / чилеп* выражает не срав-

нение, а некоторую неуверенность в достоверности устанавливаемых причинно-следственных отношений.

(9) *Сооктон чочыган чылап, койлордын төрөжи тыныган...* (Шодоев, 1987, с. 32)

соок=тонг чочы=ган **чылап** кой=лор=дын
мороз=ABL пугаться=PART **COMP** овца=PL=GEN
төрө=ж=и тыны=ган
рожать (о животных)=RECIP=POSS.3 усиливаться=PART
'Как будто испугались морозов, увеличилось [количество] ягнения...'

Сравнительная конструкция приобретает целевое прочтение при присоединении *чылап* / *чилеп* к зависимому сказуемому, выраженному инфинитивной аналитической конструкцией с глаголом *тур*= 'стоять' в форме причастия прошедшего времени на =ган: *Tv=арга тур*=, которая в алтайском языке выражает модальную семантику желания / намерения:

(10) *Суркура мени ачындырарга турган чылап, ойынын токтотпойт.* (ПМА ²)

Суркура ме-ни ачын=дыр=**арга** **тур=ган**
Суркура я-ACC сердиться=CAUS=INF **AUX: стоять=PART**
чылап ойын=ы=н токтот=по=йт
COMP игра=POSS.3=ACC прекращать=NEG=PRES
'Суркура, как будто хочет (чтобы) меня позлить, не прекращает свою игру.'

В следующих примерах (11–13) субъект ГПЕ осуществляет действие, несмотря на то, что у него нет достаточных оснований для этого. Так, в (11) Айтана готовится к свадьбе, надеясь, что сын ее послушается и женится. Маловероятно, что ее ожидание подтвердится. Говорящий оценивает действие субъекта ГПЕ как ненужное, поскольку для него действие в ЗПЕ мыслится как нереальное, оно не осуществится. В таких предложениях сказуемое ЗПЕ оформляется причастными формами настоящего-будущего на =ар или, реже, будущего на =атан.

При анализе с точки зрения сравнения возможна реконструкция второго компарата, связанного с ЗПЕ условно-временными отношениями:

[Айтана готовится к свадьбе так же]^{CMPR1},
как [Айтана готовилась бы к свадьбе]^{CMPR1},
если бы [ее сын ее послушал]^{COND}

С другой стороны, тот факт, что событие, описываемое вторым компаратом, рассматривается говорящим как нереальное, позволяет интерпретировать это предложение как противопоставление между ожиданиями субъекта ЗПЕ и говорящего:

[говорящий думает], что [сын не послушает Айтану],
но [Айтана готовится к свадьбе], [ожидаю], что [сын её послушает].

² ПМА – полевые материалы автора.

(11) *Айтана уулы сөзін угар чылап, тойго белетенет.* (ПМА)

Айтана уул=ы сөз=и=н уг=ар **чылап**
 Айтана сын=POSS.3 слово=POSS.3=ACC слушать=PrP **будто**
 той=го белетен=ет
 свадьба=DAT готовиться=PRES
 ‘Айтана готовится к свадьбе, как будто ее сын слушает [ее].’

(12) *Амыр туразын сеге садар чылап, машинаны не жалдап алдын?* (ПМА)

Амыр тура=зы=н се-ге сад=ар **чылап**
 Амыр дом=POSS.3=ACC ты-DAT продавать=PrP COMP
 машина=ны не жалда=п ал=ды=н
 машина=ACC зачем нанимать=CV AUX: брать=PAST=2SG
 ‘Ты зачем машину нанял, как будто Амыр продаст тебе свой дом?’

В отличие от предыдущих двух примеров в следующем (13) ГПЕ предшествует ЗПЕ.

(13) *Сен неге тенгери өрө көрүп, огурып турун, сени анда кудай бойы угуп ийетен чилеп?* (ПМА)

сен не-ге тенгери өрө көр=үп огур=ып
 ты что-DAT небо вверх видеть=CV реветь=CV
 тур=ун се-ни анда кудай бой=ы
 AUX:стоять=2SG ты-ACC там бог сам=POSS.3
 уг=уп ий=етен **чилеп**
 слышать=CV AUX: посылать=PART **PTCL**
 ‘Что же ты смотришь вверх [и] реवेशь, как будто тебя там сам бог услышит?’

Таким образом, в этих предложениях конструкция с послелогом *чылап* обозначает условно-временные отношения между ГПЕ и ЗПЕ, что в сочетании с оценкой события, описываемого ЗПЕ как маловероятного, приводит к противопоставлению ожиданий субъекта ГПЕ и говорящего.

Рассмотренные примеры близки к группе примеров, в которых подчеркивается несоответствие действительности того, что утверждается в предложении (примеры 14 и 15):

(14) *Ол кей сөстөрдөн, мактан онын ижи турган чылап!* (Адаров, 1993, с. 228)

ол кей сөс=төр=дөн мак=тан о-нын
 тот воздух слово=PL=ABL слава=ABL он-GEN
 иж=и тур=ган **чылап**
 работа=POSS.3 стоять=PERF **будто**
 ‘Как будто из этих пустых слов, славы состоит его работа!’

(15) *Баш ла болзын, өскө бир де солун неме жок чылап!..* (Укачин, 1985, с. 173)

баш ла бол=зын өскө бир де солун
 голова PTCL быть=IMP.3 другой один PTCL новый
 неме жок **чылап**
 вещь нет **будто**
 ‘О Боже, будто больше ничего интересного нет!’

Формально эти предложения оформлены как экспрессивно окрашенные простые предложения. В таких случаях *чылап / чилеп* выступает не как сравнительная, а как модальная частица.

Таким образом, общим для всех рассмотренных примеров несобственно-сравнительных употреблений конструкции с послелогом *чылап / чилеп* является то, что при интерпретации их как сравнения в них второй компарат представлен имплицитно и является мыслимым аналогом события, описываемого ГПЕ. Это приводит к тому, что связанное с ним причинно-следственными, целевыми или условно-временными отношениями событие, обозначенное ЗПЕ, должно интерпретироваться как нереальное или недостоверное.

Заключение

Таким образом, в алтайском языке ППК с послелогом *чылап / чилеп* передает сравнительные отношения между двумя событиями. Показателем связи выступает послелог *чылап / чилеп*. Эта конструкция не предполагает эксплицитного выражения параметра, который может быть восстановлен исходя из свойств компаратов и контекста. План выражения этой сравнительной конструкции обычно предстает в редуцированном виде, в котором опущено сказуемое ЗПЕ. Первый компарат (объект сравнения), выраженный ГПЕ, обычно называет реальное событие, второй компарат (стандарт сравнения), выраженный ЗПЕ, может обозначать как реальное, так и нереальное событие. Конструкция с *чылап / чилеп* также может передавать значения, далекие от собственно сравнительных, возникающие при ее осложнении имплицитными причинно-следственными, целевыми и условно-временными отношениями, которое приводит к приобретению конструкцией значений нереальности, недостоверности и противопоставления реальных событий ожиданиям говорящего.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); 2 – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); 3 – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADVR** – адвербализатор; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузатив; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **COMP** – компаративный показатель; **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **IMP** – императив; **INSTR** – инструменталис; **INF** – инфинитив; **LOC** – локатив; **N** – имя существительное; **NEG** – аффикс отрицания; **NOM** – номинатив; **PART** – причастие; **PAST** – форма прошедшего времени; **PERF** – перфект; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный (лично-притяжательный) аффикс; **PRES** – форма настоящего времени; **PRM** – параметр сравнения; **PrP** – причастие настоящего-будущего времени на *=ap*; **PTCL** – частица; **PTCL.Q** – вопросительная частица; **RECIP** – реципрок; **REL** – показатель сравнительных отношений; **SG** – единственное число; **Tv** – основа глагола; **V_f** – финитная форма глагола

Список литературы

- Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 42–55. DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55
- Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Султрекова (Кыржинакова) Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2017. 324 с.
- Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 111–127.
- Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 17 с.
- Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2013. 268 с.
- Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап* // *цылап* // *чынап* 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (вып. 46). С. 53–64. DOI 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64

Список источников

- Адаров А. Ёлүмнин чанкыр кужы. Горно-Алтайск, 1993.
- Кокышев Л. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
- Кокышев Л. Мечин жылдыс. Горно-Алтайск, 2013.
- Укачин Б. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
- Шодоев И. Кемлейдин эрјинеzi. Горно-Алтайск, 1987.

References

- Fedina N. N., Koshkareva N. B. Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktсий s poslelogom shylap/shchylap/shchynap 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition *shylap*/*schylap*/*schynap* 'as if' in the Chalkan language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, no. 2 (iss. 46), pp. 53–64. DOI 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64
- Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa "Ochy-Bala") [Expression of comparison in Altaian epics (on example of *Ochy-Bala*)]. *Epic studies*. 2023, no. 3, pp. 42–55. DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55
- Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofalar language in comparative interpretation]. Moscow, Nauka, 1978, 287 p.
- Sultrekova (Kyrzhinakova) E. V. *Sravnitel'nye konstruktсии khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan, Khakass. kn. izd., 2017, 324 p.

Tybykova L. N. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke* [Means of expressing comparison in the Altai language]. In: *Voprosy altayskogo yazykoznaniya* [Problems of the Altai philology]. Gorno-Altaysk, 1988, pp. 111–127.

Tybykova L. N. *Sravnitel'nye konstruktsii altayskogo yazyka* [Comparative constructions in the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 17 p.

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [Syntax of a complicated sentence in the Altai language]. 2nd ed. Gorno-Altaysk, 2013, 268 p.

List of sources

- Adarov A. *Ölümniñ chaŋkyr kuzhy*. Gorno-Altaysk, 1993.
Kokyshev L. *Altaydyn qystary*. Gorno-Altaysk, 1980.
Kokyshev L. *Mechin d'yldys*. Gorno-Altaysk, 2013.
Shodoev I. *Kemleydiñ erd'inezi*. Gorno-Altaysk, 1987.
Ukachin B. *Tuular tuular la bojy artar*. Gorno-Altaysk, 1985.

Информация об авторе

Айяна Алексеевна Озонова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6305-2017

Information about the author

Aiiana A. Ozonova, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6305-2017

*Статья поступила в редакцию 06.08.2023;
одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 16.09.2023
The article was submitted on 06.08.2023;
approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 16.09.2023*

Научная статья

УДК 003.086:821.161.1-1

DOI 10.17223/18137083/85/20

**«Звуки речи, многоточья, скобки...»:
знаки препинания в функции выразительных средств
в языке поэзии**

**Елена Каировна Николаева¹
Елена Ивановна Селиверстова²**

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ elena_kairovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2449-3490>

² e.seliverstova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Аннотация

Статья посвящена образам знаков препинания в произведениях русских поэтов – преимущественно второй половины XX – начала XXI в. Запятая, точка, скобки и многоточие, будучи наделенными определенными функциями в языке, в поэтической речи обретают иные назначения: их лексические номинации указывают на разнообразные возможности перехода понятия в образ, творческое переосмысление привычного – форма знаков вызывает аналогии с объектами окружающего мира. Значения, заключенные в образах знаков препинания, раскрывают особенности авторского воображения: например, точка – сигнал невозвратимости, безнадёжности, категоричности; скобки – символ включения или исключения, отлучения. Отдельные авторы более, чем другие, склонны прибегать к эстетическому осмыслению знаков препинания и наделять номинирующие их слова новым, индивидуальным, пониманием.

Ключевые слова

знаки препинания, точка, многоточие, запятая, скобки, поэтический текст, образ

Для цитирования

Николаева Е. К., Селиверстова Е. И. «Звуки речи, многоточья, скобки...»: знаки препинания в функции выразительных средств в языке поэзии // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 272–286. DOI 10.17223/18137083/85/20

© Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 272–286

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 272–286

“Sounds, ellipses, parentheses...”: punctuation marks as expressive means in poetry

Elena K. Nikolaeva¹, Elena I. Seliverstova²

^{1,2} St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ elena_kairovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2449-3490>

² e.seliverstova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>

Abstract

The graphic units of the cultural code, such as commas, periods, ellipsis, parenthesis, and others, have clearly defined functions in a language. They allow placing logical accents within a sentence, formatting the grammatical structure of a complex sentence, and expressing the intonational properties of a sentence. In fiction, not only the choice, frequency, and usage of punctuation marks are aesthetically motivated. Also, the actual words denoting these marks become the object of the author's reflection, with their content merged with the conceptual world of a prosaic or a poetical text. In poetic language, punctuation marks are used to transform concepts into vivid imagery and to re-imagine the customary in a creative manner. The outer form of the punctuation symbols can be variously conceptualized in a text, allowing analogies to be drawn with various objects or even the poetic persona. For instance, a comma can be compared to a fetus in a mother's womb. Examining various associations of punctuation marks in poetic language shows a wide range of possible interpretations by the poets. These interpretations include: a period is a signal not only of finality and irreversibility but also of hopelessness and even death; brackets stand for inclusion or expulsion, excommunication, incompleteness; an ellipsis is a symbol of something unfinished or unclear but also of hope, perseverance, and perspective. Grammatical, intonational, and semantic functions help forge individual authors' usage, which is no longer directly connected to the graphic code alone.

Keywords

punctuation marks, dot, ellipsis, comma, brackets, poetic text, image

For citation

Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I. “Sounds, ellipses, parentheses...”: punctuation marks as expressive means in poetry. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 272–286. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/20

За знаками препинания закрепились в русском языке функция фиксации на письме членения продуцируемой речи, следующего за расстановкой логических акцентов, оформления грамматического строя и интонационного рисунка фразы. Традиция графического отображения этих процессов привела к формулировке строгих правил расстановки знаков препинания. В первую очередь это касается текстов научного и официально-делового стилей, где требуется однозначное оформление «ступеней мышления» и выражение логических и синтаксических связей [Кожина, 1977, с. 160, 171].

Значительно менее регламентирован язык произведений художественной литературы, допускающий различную степень проявления индивидуальности стиля – с многочисленными фигурами речи и «особыми принципами художественной концептуализации», основанной на системе ассоциативных связей [Рогова,

2008, с. 142]¹. Речевая фактура прозаического и поэтического текста, где «слова приобретают особое качество», наиболее ощущается в тематической и стилистической неограниченности лексики, в ее эстетически мотивированной трансформации [Солганик, 1997, с. 196].

Относительно новое коммуникативное понимание роли пунктуации, позволяющей усилить весомость отдельных слов или, наоборот, поставить под сомнение выражаемый ими смысл – в этом отношении особенно востребованы кавычки², – постепенно привело к тому, что знаки препинания стали не только приметой письменного текста, но и объектом художественного вовлечения в творческий процесс.

Если за словесными знаками признается наличие «значения или комплекса ближайше связанных значений» [Шведова, 2005, с. 603], то это определение актуально и для знаков с препинательной функцией. Поэтому мы можем говорить о полифункциональности тире, запятой, точки и др. в качестве знаков препинания, позволяющих соотносить части предложения и участвующих в выражении противопоставления (*Так садовник садит, строит, правит, / но хозяин входит в сад*)³, перечисления (*Я видел, как смерть обижает, шутя, / Смеются над дикой, угрюмой, дремучей*)⁴, придающих динамичность повествованию (*Вдруг видят: стоит у колес / Огромный взъерошенный пес. / Поймали его – и в багаж...*)⁵, подчеркивающих многозначительность паузы (*Любовь к Отчизне – вот и вся вина / отдавших кровь своим снегам / декабрьским...*)⁶, высокий накал эмоций (*Ох, я открыл окно, открыл окно, открыл / И, что вы думаете, лег лицом в подушку!*)⁷.

В настоящее время особое внимание уделяется авторским принципам расстановки знаков препинания – они включаются в систему приемов использования языковых средств, очерчивающих контуры индивидуального стиля и «ощущений лица говорящего» (Ф. И. Буслаев), отношение писателя к объекту речи (см. [Выходцева, 2003; Дзякович, 1993] и др.).

Так, «пристрастие к скобкам» В. Набокова, подчеркивает Г. Ф. Рахимкулова, это не просто тяготение к конкретному знаку препинания, а сознательное превращение скобок в один из «сущностно значимых элементов игры с читателем» [Рахимкулова, 2003, с. 231].

В произведениях С. Довлатова обрыв фразы, недосказанность, передаваемые многоточием, имеют, по свидетельству Е. В. Кузнецовой, экспрессивное и эмо-

¹ Исследования в области своеобразие языка писателей базируются на трудах известных теоретиков, наблюдавших за языком и структурой художественного текста, – В. В. Виноградова [1959], Ю. М. Лотмана [2009], М. Л. Гаспарова [2001] и др., за «преломленным в словесной форме художественным осмыслением бытия» [Попення, 1997, с. 4].

² См. об этом [Зализняк, 2007; Клевцов, 2009] и др.

³ *Седакова Ольга*. Варлаам и Иоасаф // Седакова Ольга. Стихи. М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. 576 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-11.html> (дата обращения 25.05.2022).

⁴ *Кушнер Александр*. Бой быков // Нева. 1989. № 4. С. 4.

⁵ *Маршак С. Я.* Багаж. М.: Малыш, 2019. URL: <https://www.culture.ru/poems/42785/bagazh> (дата обращения 25.05.2022).

⁶ *Дроздов Владимир*. Сенатская площадь // Нева. 1989. № 4. С. 103.

⁷ *Кушнер А.* Ох, я открыл окно // Стихотворение дня. Поэтический календарь [сайт]. URL: <https://poem-of-day.rifmovnik.ru/2019/09/14/aleksandr-kushner/> (дата обращения 25.05.2022).

циональное значение и выполняют несколько функций, в частности выражение иронии [Кузнецова, 2011, с. 108].

В поэзии И. Ф. Анненского знаки препинания использованы с целью подчеркнуть противопоставление, составляющее смысловую тему всего стиха [Хайлова, 2001, с. 108].

Эстетической заданностью пунктуации объясняются ее индивидуально-авторские экспликации в отдельных циклах стихотворений М. Цветаевой. В удивительной частоте в них знаков препинания⁸ проявляется «смысловая и эмоционально-оценочная насыщенность текстов», а понимание мысли автора возможно лишь «через пунктуационную призму» [Сафронова, 2004, с. 3–4].

Автор произведения, таким образом, «программируя» восприятие читателя, отбирает композиционные приемы и языковые средства, включая и знаки препинания, участвующие в формировании дискурсивных стратегий [Андросова, 2015, с. 5]. Знаки препинания перестают быть только интонационными сигналами – они участвуют в передаче содержательной стороны текста.

Для поэтической речи знаки препинания являются особенно важными, так как слово, «не имея возможности развертываться вширь, способно наращивать смысловую глубину», а высокая степень организованности поэтического текста проявляется на всех возможных уровнях его структуры [Ковтунова, 1986, с. 5]. Особое интонационное оформление поэтического текста исключает произвольное его прочтение и «перенос в чужеродную интонационную систему» [Там же, с. 9]. Как пишет Т. В. Гоголина, «экзистенциальный “вес” слов» не просто снижается – он исчезает из стихотворения вместе со знаками препинания [2012, с. 142].

Однако, оставаясь для говорящих проявлением графического культурного кода и сохраняя свою знаковую сущность и функцию некоторой «запинки»⁹ – остановки внимания, пунктуационные знаки показывают, как в художественном тексте реализуются разнообразные возможности перехода понятия в образ, творческое переосмысление их функций. Знаки препинания участвуют в создании смыслового пространства как прозаического текста – художественного, публицистического, так и поэтического. Об этом говорит, например, осмысление запятой как визуально малого знака – «Наверное, всё, *до последней запятой*, известно, разведано пушкинистами, осмыслено критикой» (К. П. Викторова), что позволяет подчеркнуть семантику предельной полноты охвата объекта изучения.

Лексические номинации знаков – слова *запятая*, *кавычки*, *многоточие* и др., попадая в поэтический контекст, вовлекаются в творческий процесс, когда допустимо не единственное их значимостное состояние, а некая совокупность состояний. При этом дискурсивно-нерелевантные признаки слова – за счет влияния иных смыслоориентирующих элементов, которыми богат поэтический текст, – рассеиваются. В результате совместной выработки элементами контекста новых смыслов слова, номинирующие знаки препинания, становятся объектом художе-

⁸ Вплоть до соотношения в отдельных стихах количества слов и пунктуационных знаков в пропорции 1 : 1 [Сафронова, 2004, с. 4].

⁹ Слово *препинание* происходит, как известно, от глагола *препинать, из црк.-сл. прѣпинати «препятствовать, задерживать, сдерживать», прѣпати. Ср. *препятствие*, *пнуть*, *пять*. Устар. действие по значению гл. *препинать*; остановка, задержка. Отсюда и более позднее значение «повод для разногласий, «преткновение»»; ср.: «Один из главных источников наших препинаний было воспитание моего сына» (А. И. Герцен. Былое и думы. 1857).

ственного осмысления, а их содержание мозаично вплетается в смысловое пространство поэтического текста.

Знаки препинания осмысляются по-разному, но совокупности примеров, демонстрирующих близкие или совпадающие трактовки, показывают, что векторы, по которым происходит переход понятия и стереотипного представления в образ, определяются в первую очередь их «препинательной», традиционной функцией.

Итак, **запятая**, для которой типичным является, в том числе, использование в синтаксических построениях с семантикой контраста, **С. Геворкяном** осмысляется, например, как средство разграничения –

Но даже *эта*, даже эта –
И *та* рискует стать не той.
Путь Гамлета и путь Лаэрта
Я *разделил бы запятой* ¹⁰. –

но разграничения принципиально важного. *Эта* – лирическая героиня, вытесняющая всех остальных («На выброс – всё, что не она»), заставляющая героя «отдавать свои швартовы / От *тех*, кто раньше был с тобой». С помощью «разделения запятой» двух шекспировских персонажей, различающихся своим отношением к женщине, к мести, своими жизненными принципами и т. п., поэт продолжает заданную местоименными номинациями линию противопоставления *этой* (нынешней, единственной любви) *тем* – бывшим, как будто вынужденным уйти, но не совсем ушедшим.

С другой стороны, **поэты** отмечают и особенности графической формы знаков, в частности «малость» запятой ¹¹ и ее интонационную незаметность: «Кто-то хоть вишенкой... Я же значком, *запятой* / в горле чирикнул, по жерлу прошел перспективы» (В. Кривулин). «Чирикнул», практически не задержавшись, «не зацепив» внимания, в отличие от более материальной и ощутимой в горле вишенки, но, по утверждению поэта, значимость каждого звука и знака – пусть минимального – для человека несомненна:

Не пропадет ни одна. Не умрет ни один
голос живой ¹².

В форме запятой В. Кривулин видит аналогию с формой человеческого плода (как его обычно изображают графически) и с позой спящего человека: «Весь подбравшись / ладони зажаты в коленях / подбородок – между ключиц» ¹³:

¹⁰ Геворкян С. Забытые // Геворкян С. Я. Стихотворения. М.: Водолей, 2008. URL: <https://stihi.ru/avtor/gevor> (дата обращения 14.01.2023).

¹¹ Малость запятой как симбиоз нескольких представлений – о графической ее «невидности», интонационной неформленности по сравнению с другими знаками, семантической невесомости – отразилась и в следующих прозаических строках И. Бродского: «Ты понимаешь, что ты, в общем, “из всех детей ничтожных света ты всех ничтожней...”» Примерно это. Это и всегда было так ясно. И при всем том ты оригинальная фигура, *запятая* в какой-то огромной книге... То есть – никто...» (И. Бродский. Цит. по: Рейн Е. Человек в пейзаже // Арион. 1996. № 3. URL: <http://bookworm-quotes.blogspot.com/2016/01/brodsky-man-in-landscape.html> (дата обращения 25.02.2019)).

¹² Кривулин В. Б. Крылья бездомности. Свист. Леденящий презент... // Кривулин В. Композиции. М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2009. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin7.html> (дата обращения 14.01.2023).

Десять лет на свободе
а все еще каждое утро
просыпаешься в позе плода <...>
и лежишь себе *как запятая*
в документе каком-то
на письме симпатическом тайном
совершенно секретном¹⁴.

Предметы, напоминающие по форме знаки препинания, – обязательный атрибут текста – связаны для Л. Н. Мартынова с рождением поэтических строк, с творчеством. Ассоциацию с запятой вызывает у поэта напоминающий ее «след топора. Сучок на месте стёса» на деревянном потолке, куда устремлены «в тоске» глаза поэта, сидящего с пером в руке. Но если сходство «таинственного знака» с запятой формальное и не столь значительное, то его графическая близость к знаку вопроса уже содержательная – решается важная дилемма: быть продолжению текста или не быть:

Но, черт возьми, стояла *запятая*
На деревянном потолке!
След топора. Сучок на месте стеса.
А может быть, скорей на *знак вопроса*
Был этот знак таинственный похож,
Который вдруг в мое сознание вросся,
Как будто вопрошая: «Ну, так что ж,
На том повествованье и прервешь?..»¹⁵

Для Л. Н. Мартынова («Знаки препинания») само написание стихотворного текста сопряжено с обязательной расстановкой знаков препинания, которые, как он сам признается, не всегда были ему подвластны (ср.: «Я знаков препинания не ставил. / Не соблюдал ни *точки с запятой*, / Ни просто *запятых*, ни *многоточий*»). При этом этап расстановки знаков препинания – преимущественно запятых («И вот пишу, и мечется рука / По *запятymi* полному листочку») – воспринимается им как свидетельство того, что работа над стихом продолжается, она еще не закончена. Точка, противопоставляемая запятой, становится для автора нежелательным знаком завершенности, «подобным могильному цветочку»: продолжать писать, расставляя запятые, – значит жить.

Но всё же сил достаточно пока,
Чтоб не поставить там, где должно, *точку*,
Подобную / Могильному / Цветочку!¹⁶

¹³ Л. В. Зубова также обратила внимание на сочетание здесь двух представлений – о визуальном подобии запятой «сгорбленному человеку» и о функции знака препинания, который «предстает образом гипотетического продолжения жизни в инобытии» [2010, с. 34].

¹⁴ Кривулин В. Б. В позе плода // Кривулин В. Купание в Иордани. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin7.html> (дата обращения 14.01.2023).

¹⁵ Мартынов Л. Н. Знак // Мартынов Л. Н. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. М., 1986. URL: <https://itexts.net/avtor-leonid-nikolaevich-martynov/241375-stihotvoreniya-i-poemy-leonid-martynov/read/page-13.html> (дата обращения 14.01.2023).

¹⁶ Мартынов Л. Н. Знаки препинания // Мартынов Л. Н. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. М., 1986. URL: <https://itexts.net/avtor-leonid-nikolaevich-martynov/241375-stihotvoreniya-i-poemy-leonid-martynov/read/page-13.html>

В трактовке **точки** как знака завершенности вряд ли можно усмотреть яркую авторскую индивидуальность – так ее понимали очень многие авторы. Ср. строки А. А. Тарковского («Я кончил книгу и *поставил точку* / И рукопись перечитать не мог»¹⁷), Б. А. Слуцкого («Только тот, кто сделал все, что мог, / завершил, *поставил точку*, / может в углышке листочка / сосчитать и подвести итог»¹⁸) и др. Так ее понимают и сегодня, что объясняется, безусловно, ее пунктуационным назначением. В этой функции лексема *точка* образует устойчивое сочетание с глаголом *поставить*, нередко выделяется интонационно в отдельную синтагму, что придает ей особый вес, а фразе – безапелляционность.

Точка означает окончание фразы, спора, дела, невозможность возврата, нежелание рассматривать иные решения и перспективы. Слово *точка* нередко выступает в особой прагматической функции – в качестве призыва остановиться либо категорического утверждения о прекращении чего-либо.

Отец пострадавшей / Сказал / Пусть женится / *Точка*
Женился / Все потекло / Как полагается
Он / Пьет / Она / Лается¹⁹.

Сочетание этой лексемы с союзом *и* стало фразеологическим сочетанием, означающим, что решение принято и его следует, не подвергая сомнению, исполнять, что дискуссии или иным событиям положен конец: «Пока горит костёр, окно, звезда, / да хоть свеча – мы будем тут всегда. / И *точка*»²⁰. Ср. у С. М. Гандлевского: «И глаза бы мои не глядели, как время мое / Через силу идет в коллективное небытие. / Обездолят вконец, раскулачат – и *точка*»²¹.

У И. Бродского («Письмо») *точка* осмысливается не только как завершение текста послания. В условиях, когда взаимоотношения близятся к разрыву («Мне жаль, что мы снова не сядем на поезд, / <...> И мы не проснемся на утро в обнимку»), текст сочиняемого лирическим героем последнего послания дается ему нелегко:

Поздно ночью
Через все запятые дошел, наконец, до *точки*
Адрес, почта –
Не волнуйся, я не посвящу тебе больше ни строчки²².

martynov/241375-stihotvoreniya-i-poemy-leonid-martynov/read/page-13.html (дата обращения 14.01.2023).

¹⁷ Тарковский А. А. Рукопись // Тарковский А. Стихотворения. Поэмы. М.: Эксмо, 2017. URL: <https://www.culture.ru/poems/10980/rukopis> (дата обращения 14.01.2023).

¹⁸ Слуцкий Б. А. Говорят, что попусту прошла... // Нева. 1988. № 1. URL: <https://www.rulit.me/books/ya-istoriyu-izlagayu-kniga-stihotvoreniy-read-470538-146.html> (дата обращения 14.01.2023).

¹⁹ Холин И. С. Небольшая поэма // Национальный корпус русского языка. 1959–1989. URL: <http://search1.ruscorpora.ru/search> (дата обращения 14.01.2023).

²⁰ Полина Орынянская. И точка // Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2021/05/17/8383> (дата обращения 14.01.2023).

²¹ Гандлевский С. Мою старую молодость, старость мою молодую // Знамя. 2004, № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2004/1/dva-stihotvoreniya-12.html> (дата обращения 14.01.2023).

²² Бродский И. Письмо. URL: <http://polyarnik.org/archives/2534> (дата обращения 14.01.2023).

Как представляется, выражение *дойти до точки* актуализируется в контексте в двух направлениях: как принятие решения о прекращении отношений и как показатель предельной опустошенности героя (ср. *дойти до ручки*).

В произведениях некоторых поэтов точка становится символом смерти. Ср. у Д. Самойлова: «Живем взахлеб, живем вовсю, / Не зная, где *поставим точку*. / И все хоронимся в свою / Ветшающую оболочку»²³. Такой видит точку и Б. Слуцкий, говоря о четырех необратимых «временах жизни», после которых нет более ничего: «Вы приходите, проходите, не приходите снова. / Все. *Точка*. В просторечии – крышка» (Б. А. Слуцкий. «Все четыре времени жизни»). В стихах П. Г. Антокольского «Только ритм» слово *точка* становится синонимом категоричного *баста!* («хватит»), окрашиваясь горечью сознания конца:

Баста! *Точка* и та
Продиктована горечью.
А по правде сказать,
Не мое это дело, а чье-то.
Крепко дверь заперта
К Антокольскому Павлу Григорьевичу²⁴.

Противоположностью точки, символизирующей неизбежность, завершенность, конец, выступает **многоточие** – вероятно, наиболее поликодовый знак препинания в русском языке, как в его знаковой функции, так и в аспекте его образных трактовок. Объясняя в стихах для детей назначение «трех точек рядом», поэтесса Ирина Токмакова выделяет в качестве функции этого знака «недосказанность» («Рядом *три* / Сестрички-*точки*, / Значит, нет конца / У строчки, / <...> Значит, в строчке / Что-то недосказано...»²⁵), незавершенность.

Многоточие трактуется говорящими очень широко – оно свидетельствует о растерянности, отсутствии нужных, точных слов, об отсутствии необходимости в произнесении вообще каких-либо слов и продолжении диалога («Если ж нечего сказать – ставим *многоточие*». Е. Вадзинская). Оно является фигурой умолчания, ср.:

На чистом листе
Написала три точки.
Зачем написала?
Ах да – *многоточье*?!
О чем умолчала?
О тихой обиде.
О том, что мечтала,
А ты не увидел²⁶ –

²³ Самойлов Д. Мы не меняемся совсем // Самойлов Д. Всемирная библиотека поэзии. Ростов н/Д: Феникс, 1999. URL: <https://www.culture.ru/poems/25139/my-ne-menyaemsya-sovsem> (дата обращения 14.01.2023).

²⁴ Антокольский П. Г. Только ритм // Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Сов. писатель, 1982. URL: <https://rupoem.ru/antokolskij/ostaetsya-odin-tolko.aspx> (дата обращения 14.01.2023).

²⁵ Токмакова И. П. Многоточие // Из уроков мудрослова. Стихотворения и сказочные повести. М., 2015. URL: <https://rodich2007.livejournal.com/978580.html> (дата обращения 14.01.2023).

²⁶ Алаева М. А. Многоточие // Литературный портал «Проза.ру». М., 2019. URL: <https://www.proza.ru/2010/02/26/> (дата обращения 25.05.2019).

пуговиц на шинели должностного лица (ср. *гражданин, представитель, личность*), однако контекстуальная близость слова *допрос*, названий важных госучреждений и само словосочетание *многоточные шинели*, т. е. лица, одетого в шинель (метонимический перенос), способствуют актуализации семантики неизвестности, угрозы своему существованию в эпоху «лагерей и вышек», когда «время тихой сапой убивает маму с папой».

Отдельного внимания заслуживает такой важный графический инструмент поэтов, как **скобки** – парный знак, предназначенный для выделения отдельных слов или частей предложения, включения пояснений по ходу излагаемого. Нередко ими ограничено «сказанное в сторону», между строк.

Графическая форма этого знака препинания может использоваться поэтами для описания внешности героя. Так, мягкие черты лица девушки, ее «прорисованная округло, без единого угла» скула ассоциируется у М. Айзенберга со скругленным абрисом скобки:

Почти рисунок на восковке.
Теперь обманчиво знаком:
его пленительные *скобки*
закрыты внутренним замком³¹.

Выбиваясь из общей тональности, заключенное в скобки до некоторой степени нарушает смысловую и тематическую выдержанность, стройность текста и должно привлечь особое внимание. При этом важность заключенного в скобки либо намеренно занижается, либо, наоборот, усиливается – сказанное между строк приобретает особый смысл.

Д. Самойлов, заключив в круглые скобки сделанное примечание, подчеркивает его и графически, и семантически – за счет использования союза *однако*, отделяющего от остального фрагмент информации и участвующего в передаче авторской иронии:

Но в толчее и на торгу
Бессмертием назвал молву.
(Однако, *в скобках!*)
И тут уж надо вспомнить, как
В его мозгу клубился мрак
И как он взял судьбу в кулак
И бросил, *скомкав*³².

У Ю. Кузнецова поэтическое осмысление делает скобки знаком трагичного для лирического героя отлучения от всего остального мира, лишения привычных условий существования: «В трагической формуле мира / Я *изгнан за скобки*. Мой знак / Стоит одиноко и сиротливо, / Таращась в испуганный мрак»³³. Функция исклю-

³¹ Айзенберг М. Чтоб ниточка вилась недолго... // Знамя. 1999, № 4. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=758> (дата обращения 25.05.2019).

³² Самойлов Д. Прощание // Самойлов Д. Всемирная библиотека поэзии. Ростов н/Д: Феникс, 1999. URL: <https://www.culture.ru/poems/25107/proshanie> (дата обращения 14.01.2023).

³³ Кузнецов Ю. Вечный изгнанник // Кузнецов Ю. Стихотворения. Серия: Всемирная библиотека поэзии. М.: Эксмо, 2011. URL: <https://rustih.ru/yuriy-kuznecov-vechnyj-izgnannik/> (дата обращения 14.01.2023).

чения способствовала образованию устойчивых выражений *оставить за скобками, вынести за скобки*.

Создавая шутливо-иронический образ старой девы («Она презирает субботу, / не ест и не пьет ничего. / Она мозговую работу / поставила выше всего»), которой по силам самые разные виды деятельности («Малярит, латает, стирает, / за плугом идет в борозде, / и северный ветер играет / в косматой ее бороде»), А. В. Еременко, пользуясь метафорой скобок, исключает ее из атмосферы ссор и злобных выпадов:

Всей русской душою проникла,
всем пламенем сердца вошла
и снова, как пена, возникла
за *скобками* быта и зла³⁴.

Передача замеченного в скобках и оформленного двояко – графически и лексически – становится своеобразным приемом. Ср. у И. Бродского в «Сонетах к Марии Стюарт»:

Не то тебя, скажу тебе, сгубило, <...>
не то, что – за печатями семью –
Елизавета Англию любила
сильней, чем ты Шотландию свою
(замечу *в скобках*, так оно и было)³⁵.

Таким образом, даже краткое знакомство с характером обнаруживаемых в поэтической речи ассоциаций, связанных со знаками препинания, показывает достаточно широкий спектр их авторских трактовок. С одной стороны, мы видим различное восприятие их формы, позволяющее провести аналогию с предметами окружающего мира, включая самого лирического героя. Более же разнообразны векторы образного осмысления лексических воплощений знаков, раскрывающих особенности авторского воображения, хотя и здесь может проявляться связь с первичным назначением знака.

При этом наблюдаются и относительно устойчивые трактовки (скобки – символ включения / исключения; точка – сигнал невозвратимости, безнадежности), и достаточно устойчивые сочетания (*ставить точку / многоточие; вынести за скобки*).

Проявленный нами интерес к стереотипным представлениям, сформировавшимся как следствие традиции использования знаков препинания, и способам эстетического осмысления в поэтическом тексте соответствующих понятий показал, что отдельные авторы широко используют образно-символическую трактовку знаков препинания и наделяют номинирующие их слова новым, индивидуальным пониманием, что следует учитывать при изучении языка и творчества этих поэтов.

³⁴ Еременко А. В. Да здравствует старая дева... // Еременко А. В. Горизонтальная страна: Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=131626&r=14> (дата обращения 14.01.2023).

³⁵ Бродский И. Двадцать сонетов к Марии Стюарт. XV // Бродский И. Новые стансы к Августе. СПб.: Лениздат, 2016. URL: https://45parallel.net/iosif_brodskiy/20_sonetrov_k_marii_styuart.html (дата обращения 14.01.2023).

Список литературы

- Андросова Ф. С. Функционально-стратегический потенциал авторских пунктуационных знаков в художественном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 25 с.
- Вардзелашивили Ж. А. Семантизация знака. Многообразие как символика молчания // Славистика в Грузии. Тбилиси: ТГУ, 2009. Вып. 10. URL: <http://vjanetta.narod.ru/kyev2014.html> (дата обращения 14.01.2023).
- Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
- Выходцева М. Я. Кавычки в системе русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.
- Гаспаров М. Л. О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики: Авторский сборник. СПб.: Азбука, 2001. 476 с.
- Гоголина Т. В. Креативный потенциал восприятия поэтического текста: пунктуация и смысл // Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 139–146.
- Дзякович Е. В. Экспрессивно-стилистические пунктуационные приемы // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. Саратов, 1993. С. 61–66.
- Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Тр. Междунар. семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. С. 188–193. URL: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 14.01.2023).
- Зубова Л. В. Поэтический язык Иосифа Бродского: Статьи. СПб.: ЛЕМА, 2015. 195 с.
- Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: НЛЮ, 2010. 384 с. URL: <http://plg.iling-ran.ru/ru/node/111> (дата обращения 14.01.2023).
- Клевцов А. Н. Семантика и функции кавычек в современном русском языке (на материале печатных СМИ): Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 192 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
- Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студ. фак. русского языка и литературы. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
- Кузнецова Е. В. Стилистические функции многоочия в усеченных конструкциях (на материале произведений С. Довлатова) // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 22. С. 108–110.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Ярославль, 2009. 192 с.
- Поценья Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1997. 264 с.
- Рахимкулова Г. Ф. Олакрез Нарцисса: проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 320 с.
- Рогова К. А. «За каждым текстом стоит языковая личность» // «Лишь слову жизнь дана...» Сб. ст., посвящ. юбилею доц. СПбГУ М. А. Шахматовой. СПб.: МИРС, 2008. С. 139–143.
- Сафронова И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой (на материале циклов «Стихи к Блоку» и «Стихи к Пушкину»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 23 с.
- Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. 256 с.
- Хайлова Е. Г. Роль тире в стихотворных текстах И. Ф. Анненского // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 18. С. 107–112.

Шведова Н. Ю. Русский язык: избранные работы / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: ЯСК, 2005. 639 с.

References

Androsova F. S. *Funktsional'no-strategicheskiy potentsial avtorskikh punktuatsionnykh znakov v khudozhestvennom diskurse* [Functional-strategic potential of author's punctuation signs in artistic discourse]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kemerovo, 2015, 25 p.

Dzyakovich E. V. *Ekspressivno-stilisticheskie punktuatsionnye priemy* [Expressive and stylistic punctuation techniques]. In: *Tipy yazykovykh edinits i osobennosti ikh funktsionirovaniya* [Types of linguistic units and features of their functioning]. Saratov, 1993, pp. 61–66.

Gasparov M. L. *O russkoy poezii: analizy, interpretatsii, kharakteristiki: Avtorskiy sbornik* [About the Russian poetry: analyses, interpretations, characteristics: Author's collection]. St. Petersburg, Azbuka, 2001, 476 p.

Gogolina T. V. *Kreativnyy potentsial vospriyatiya poeticheskogo teksta: punktuatsiya i smysl* [Creative potential of poetic text perception: punctuation and meaning]. *Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*. 2012, no. 3, pp. 139–146.

Khaylova E. G. *Rol' tire v stikhotvornykh tekstakh I. F. Annenskogo* [The role of the dash in the poetic texts of I. F. Annensky]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. st.* [Language, consciousness, communication: Collection of articles]. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds.). Moscow, MAKS Press, 2001, iss. 18, pp. 107–112.

Klevtsov A. N. *Semantika i funktsii kavychech v sovremennom russkom yazyke (na materiale pechatnykh SMI)* [Semantics and functions of quotation marks in the modern Russian language (on the material of printed media)]. Cand. philol. sci. diss. Yaroslavl, 2009, 192 p.

Kovtunova I. I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, Nauka, 1986, 206 p.

Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka: Ucheb. posobie dlya stud. fak. russkogo yazyka i literatury* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1977, 223 p.

Kuznetsova E. V. *Stilisticheskie funktsii mnogotochiya v usechennykh konstruktsiyakh (na materiale proizvedeniy S. Dovlatova)* [Stylistic functions of ellipsis in truncated constructions (based on the works of S. Dovlatov)]. *South Ural State University Bulletin*. 2011, no. 22, pp. 108–110.

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Yaroslavl, 2009, 192 p.

Potsepnya D. M. *Obraz mira v slove pisatelya* [The image of the world in the word of the writer]. St. Petersburg, SPbSU, 1997, 264 p.

Rakhimkulova G. F. *Olakrez Nartsissa: proza Vladimira Nabokova v zerkale yazykovoy igry* [Olacrez Narcissus: Vladimir Nabokov's prose in the mirror of the language game]. Rostov-on-Don, RSU, 2003, 320 p.

Rogova K. A. "Za kazhdym tekstem stoit yazykovaya lichnost'" ["There is a linguistic personality behind every text"]. In: "Lish' slovu zhizn' dana..." *Sb. st., posvyashch. yubileyu dots. SPbGU M. A. Shakhmatovoy* ["It is only to the word that life is given..." A collection of articles dedicated to the anniversary of Associate Professor M. A. Shakhshakhova]. St. Petersburg, MIRS, 2008, pp. 139–143.

Safronova I. P. *Esteticheskie funktsii punktuatsii v poezii Mariny Tsvetaevoy (na materiale tsiklov "Stikhi k Bloku" i "Stikhi k Pushkinu")* [Aesthetic functions of punctuation in the poetry of Marina Tsvetaeva (on the material of cycles "Poems to Blok" and "Poems to Pushkin")]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Izhevsk, 2004, 23p.

Shvedova N. Yu. *Russkiy yazyk: izbrannye raboty* [Russian language: selected works]. Department of History and Philology, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS, Moscow, LRC Publishing House, 2005, 639 p.

Solganik G. Ya. *Stilistika teksta: Ucheb. posobie* [Stylistics of the text: Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 1997, 256 p.

Vardzelashvili Zh. A. Semantizatsiya znaka. Mnogotochie kak simbolika molchaniya [Sign semantics. Ellipsis as a symbol of silence]. In: *Slavistika v Gruzii* [Slavistics in Georgia]. Tbilisi, TSU, 2009 iss. 10. URL: <http://vjanetta.narod.ru/kyev2014.html> (accessed 14.01.2023).

Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat, 1959, 656 p.

Vykhodtseva M. Ya. *Kavychki v sisteme russkogo yazyka* [Quotation marks in the Russian language system]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2003, 20 p.

Zaliznyak Anna A. Semantika kavychek [Quotation mark semantics] In: *Tr. Mezhdunar. seminar Dialog'2007 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proc. of the Intern. seminar on computer linguistics and its applications. Dialog'2007]. Moscow, 2007, pp. 188–193. URL: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (accessed 14.01.2023).

Zubova L. V. *Poeticheskiy yazyk Iosifa Brodskogo: Stat'i* [oetic language of Joseph Brodsky: Articles]. St. Petersburg, LEMA, 2015, 195 p.

Zubova L. V. *Yazyki sovremennoy poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow, New Literary Observer, 2010, 384 p. URL: <http://plr.iling-ran.ru/ru/node/111> (accessed 14.01.2023).

Информация об авторах

Елена Каировна Николаева, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Scopus Author ID 57220760435

WoS Researcher ID GNP-0233-2022

Елена Ивановна Селиверстова, доктор филологических наук, профессор, профессор, и.о. заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Scopus Author ID 57204364166

Information about the authors

Elena K. Nikolaeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language for Foreigners at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57220760435
WoS Researcher ID GNP-0233-2022

Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Russian Language Department for Humanities and Natural Sciences at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57204364166

*Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 06.03.2023
The article was submitted on 18.01.2023;
approved after reviewing on 06.03.2023; accepted for publication on 06.03.2023*

Научная статья

УДК 81 (=512.212)

DOI 10.17223/18137083/85/21

Репрезентация концепта УРЭ ‘гора’ в языковой картине мира эвенков

Наталья Юрьевна Ушницкая

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

maltak84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепта УРЭ ‘гора’ в языковой картине мира эвенков. Основной целью исследования является анализ языковых репрезентаций указанного ментального образования в эвенкийском языке. Анализ данного концепта показал, что для эвенкийской лингвокультуры гора является объектом поклонения. Для эвенков гора – благополучное место для содержания оленей в летнее время и охоты. Автор пришел к выводу, что концепт УРЭ ‘гора’ сформировался под влиянием охотничье-кочевого образа жизни эвенков в сочетании с анимистическими воззрениями на природу и входит в структуру концепта БУГА ‘мир’.

Ключевые слова

эвенкийский язык, языковая картина мира, концепт, гора, лексема

Для цитирования

Ушницкая Н. Ю. Репрезентация концепта УРЭ ‘гора’ в языковой картине мира эвенков // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 287–298. DOI 10.17223/18137083/85/21

Representation of the concept of URE ‘mountain’ in the linguistic culture of Evenks

Natalia Yu. Ushnitskaya

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

maltak84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>

Abstract

The main purpose of the study was to analyze the lexical units involved in the representation of the URE ‘mountain’ concept in the language picture of the world of the Evenks. The iden-

© Ушницкая Н. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 287–298
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 287–298

tification of word meanings involved the examination of bilingual dictionaries of the Evenk language and field records of authentic texts narrated by informants who knew the Evenk and Russian languages well. According to the source study, the lexemes *ure*, *yāy*, and *kadār* are the most commonly used representations of the concept URE in the Evenks' world picture. The analysis revealed the meaning of lexemes *ure*, *yāy*, and *kadār* and allowed their semes to be identified. The *ure* lexeme was found to have the semes: 'overgrown with trees,' 'low hill,' 'inhabited by moose, bears, and other wild animals,' and 'master spirit of the mountain.' The following semes were found for the lexeme *yāy*: 'stony,' 'covered with grass or reindeer moss,' 'inhabited by wild deer,' 'suitable for residence in summer,' 'suitable for roaming,' 'suitable for deer grazing in summer,' and 'a good place for hiding deers from wolves.' The lexeme *kadār* is characterized by the semes: 'rocky,' 'high,' 'made of stones,' 'cool place,' and 'inhabited by bighorn sheep, tarbagans, and musk deer.' A conclusion is made that the URE 'mountain' concept formation was influenced by Evenks' hunting and nomadic lifestyle combined with their animistic views on nature. The URE 'mountain' concept is a part of the BUGA 'world' concept structure.

Keywords

Evenk language, linguistic worldview, concept, mountain, lexeme

For citation

Ushnitskaya N. Yu. Representation of the concept of URE 'mountain' in the linguistic culture of Evenks. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 287–298. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/21

Языковая картина мира, по мнению А. Зализняка, И. Левонтиной и А. Шмелева, «формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах, как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (language-specific) в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [Зализняк и др., 2005, с. 10]. На наш взгляд, ключевые концепты для эвенкийской языковой картины мира заключены в таких словах, как *буга* 'мир, природа', *бэюмэжит* 'охота', *хокто* 'дорога', *нулги* 'кочёвка', *орон* 'олень'.

На сегодняшний день утрачиваются многие языки народов Севера, в том числе эвенкийский язык, поэтому приобретают актуальность исследования концептосфер языков народов Севера. «Реконструкция картины мира кочевого сообщества – это не что иное, как воссоздание отдельных ментальных единиц мышленияномада, его мировосприятия» [Жамсаранова, 2013, с. 59]. Исследованию концептов на материале эвенкийского, эвенского, долганского и других языков посвящены работы Е. А. Кривошапкиной «“Кочевье” как лингвокультурный концепт в эвенском и долганском языках» [2018], Р. П. Кузьминой «Концепт “Зима” в языковой картине мира эвенов» [2018], Н. Ю. Ушницкой «Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине эвенков и русских» [2020] и др.

Цель настоящего исследования – анализ лексических единиц, участвующих в репрезентации концепта УРЭ 'гора' в языковой картине мира эвенков.

Концепт *ГОРА* на материале разных языков рассматривался в работах Г. Ш. Абдразаковой «Репрезентация концепта “Гора” в кыргызской языковой картине мира» [2018], Е. Л. Калининой «Концепт “Гора” в топонимической картине мира амурских эвенков» [2013], Т. С. Медведевой, Д. И. Медведевой «Репрезентация концепта гора в русской лингвокультуре и его аналогов в болгарской

и сербской лингвокультурах» [2019], Г. Р. Хусаиновой «Концепт “Гора” в фольклорной картине мира башкир» [2013] и др.

Концепт УРЭ ‘гора’ является важным фрагментом языковой картины мира эвенков, отражающим мировоззрение и результат познания охотников и номадов тайги.

Для исследования концепта УРЭ ‘гора’ были изучены работы Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, В. А. Туголукова, А. И. Мазина, а также полевые записи аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки (см. список информантов). От информантов записано 15 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык; далее методом контекстуального анализа были рассмотрены лексемы, входящие в номинативное поле концепта УРЭ ‘гора’. Изучена представленность лексем, участвующих в репрезентации концепта УРЭ ‘гора’, в словарях: «Эвенкийско-русский словарь» А. Н. Мыреевой, «Эвенкийско-русский словарь» Г. М. Василевич, «Русско-эвенкийский словарь» Г. М. Василевич; затем проведен анализ дефиниций и минимальный компонентный анализ слов.

Эвенки с давних времен ведут кочевой образ жизни, и это широко отразилось в их языковой картине мира. Концепт УРЭ ‘гора’ в эвенкийской лингвокультуре включает кочевье как неотъемлемую часть номадного образа жизни. Преодоление горного пространства сформировало у эвенков силу, стойкость и выносливость. Г. М. Василевич отмечает: «Жизнь в горной тайге и охота – исконное занятие тунгусов – обусловили бродячий образ жизни. Охотник с семьей проходил в год значительный путь (до 300 км – пеший, до 500 км – оленный). Этот фактор развил у эвенков постоянное стремление преодолевать пространства и видеть новые места, что получило свое отражение во всех сказаниях и как черта характера сохранилось до нашего времени» [Василевич, 1963, с. 306]. Стремление к поиску новых благоприятных мест для проживания и охоты, содержания оленей побуждало кочевников к освоению горно-таежной зоны России. В. А. Туголуков отмечает: «Жизнь на свежем воздухе, постоянная перемена мест и “охота” к ней, возможность больше видеть и узнавать, всегда стремиться вперед – всё это наложило особую печать на характер, конституцию и духовный склад эвенков. Кочевание в сочетании с охотничьим промыслом превратило их в следопытов верхом на оленях, в поэтов» [Туголуков, 2016, с. 52]. Свое самоназвание «эвенки», как поясняет В. А. Туголуков, «они переводят как “поперечные”, имея в виду, что их странствия по Сибири совершались преимущественно поперек основных горных хребтов, пересекающих эту огромную страну» [Там же, с. 56].

Охотничье-кочевой образ жизни сформировал у эвенков особое восприятие, видение мира. Горы служили не только местом, где можно кочевать и жить, охотиться, пасти оленей, но и объектом поклонения, как и у многих народов мира. Эвенки верили, что каждая местность имеет своего духа-хозяина, который оберегает и охраняет свою территорию и всё, что находится в ней – его богатства (звери, птицы, рыбы и др.). Поэтому они обращались к духу-хозяину горы с просьбой послать зверя под выстрел на промысле. О поклонении эвенков горам свидетельствует советский этнограф А. Ф. Анисимов: «Перед тем, как идти на промысел, охотник в длинной тираде, обращенной к тайге, просит горы, хребты, гольцы и солнцепеки гнать ему навстречу под выстрел желаемых промысловых зверей» [1949, с. 164]. У всех эвенков этот дух-хозяин местности может называться по-разному. А. Ф. Анисимов сообщает, что обращались во время обряда *сиукэлэвун* (досл. добывание удачи) «к родовому божеству *бугады мушун* – хозяйке мира,

вселенной (*бугады мушун* может быть переведено и как дух-хозяйка горы и как дух-хозяйка мира / вселенной)» [Анисимов, 1949, с. 179]. Обряд *сиукэлэвун* проводился у родовых святынь – священных скал *бугады*. Опираясь на исследования наскальных изображений А. П. Окладникова, А. Ф. Анисимов приходит к выводу, что «...эвенкийские родовые святыни – скалы *бугады*, были объектом поклонения и центром культа древнейшего населения р. Лены, жившего в эпоху среднего местного неолита. В этом случае совпадения с эвенкийским культом *бугады* совершенно поразительны» [Там же, с. 184]. Хозяйку мира, вселенной *Бугады мусун* ~ *мушун* ~ *муһун* эвенки представляют в образе старушки, а в более ранний период ее видели в образе огромного лося или дикого оленя. Ее называют также *энекэн бугады* [Мазин, 1984, с. 12]. Рассмотрим значение лексемы *буга* и ее производной *бугады*: «*Буга* 1) страна, родина. *Бугалавар нэнэрэ*. – Поехали в свою страну (Родину); 2) небо, небесный свод. *Бугат коңнорин туксулди купуврэн*. – Небо обложилось темными тучами; 3) мир, вселенная: *Угу буга* – Верхний мир, *дулин буга* – Средний мир, *хэргу буга* – Нижний мир, *иргивдек буга* – родная страна, *аги-буга* – таежная страна, тайга – родина; 4) земля, место. *Куһикит буга*. – Место битвы; 5) Погода. *О, эр бугат он олан?* – Ой, что случилось с погодой?; 6) бог, икона; 7) вход (в берлогу); *бугады* I местный; *бугады* II 1) жертвенная шкура (шкура зверька чем-л. отличного от всех остальных, например белка-альбинос или белка пегой масти. Ее хранили в специальном коробе вместе с другими охотничьими амулетами: зубами, шейными позвонками дикого оленя и т. д. Ербогоченские эвенки вешали ее на дерево как жертву духу-хозяину охотничьей территории; 2) *суеверн.* дух-хозяин охотничьей территории [Мыреева, 2004, с. 99–100]. Таким образом, *Эникэн Буга* (досл. Мать Природа) или *Энекэн бугады* (Мать небесная) ‘хозяйка мира, вселенной’ является обладательницей всего живого на земле (рыб, птиц, зверей), и охотничье счастье (*сиукэн*) эвенка полностью зависит от ее воли. Она следит за жизнью людей, соблюдают ли они правила охоты и ведут ли себя уважительно по отношению к добыче и к природе в целом. Если *Эникэн Буга* видит их почтительное отношение ко всему живому в природе, то посылает эвенкам охотничье счастье (*сиукэн*). Духи гор, земли, рек, озер подчиняются ей. Это верховное божество эвенков. Тут мы можем наблюдать взаимосвязь и взаимообусловленность лингвокультурных концептов УРЭ ‘гора’ и БУГА ‘природа, мир’ [Ушницкая, 2021].

В эвенкийском языке в репрезентации концепта УРЭ ‘гора’ участвуют такие лексемы, как *урэ* ‘холм’, *яну* ‘гольцы’, *кадār* ‘скала’, *йкэн* ‘ущелье’, *давакит* ‘место перевала’, *камнйга* ‘скала, стоящая вплотную к реке’, *эврй* ‘спуск’, *элэннүэ* ‘крутой спуск’, *чопко* ‘впадина, долина между двумя высокими горами’, *туктыри* ‘подъем’, *уэкэ* ‘гора (отдельная, на берегу)’, *игārна* ‘гора без растительности, покрытая каменной россыпью’ и т. д. Данные лексемы имеют разные оттенки значения и достаточное количество производных. Более употребительными в эвенкийском языке являются лексемы *яну*, *кадār*, *урэ*, о чем свидетельствуют лексикографический материал и тексты, записанные от информантов. Лексема *урэ* согласно эвенкийско-русскому словарю А. Н. Мыреевой имеет следующие значения «*Урэ* I Гора. *Урэгэкэчэн* холмик, возвышенность. *Урэгэн* I жители гор. *Урэгэнмэ икэдем*. – Пою о жителях гор. *Урэгэн* II 1) горный хребет, 2) обрыв. *Урэгэсэг* 1) горная местность; 2) возвышение; 3) холмик. *Урэды* 1) горный; 2) таежный; 3) суеверн. дух-хозяин тайги. *Урэкэн* холм, горка. *Урэкэчэн* горка, сопочка. *Урэмэ* гористый. *Урэсэг* гористая местность. *Урэткэн* горка. *Урэчй* гористый, скалистый» [Мыреева, 2004, с. 698–700]. Так, наблюдаем, что оттенки значения пере-

даются при помощи суффиксов. Например, значение ‘маленький’ передается при помощи суффикса *-кэн* (*Урэкэн*), значение ‘детёныш’ – при помощи суффикса *-ткэн* (*Урэткэн*). Суффикс *-сэг* (*Урэсэг*) имеет собирательное значение. Значение ‘постоянный житель какой-либо местности’ обозначает суффикс *-гэн*. Суффиксы *-ды*, *-мэ* обозначают имена прилагательные (*Урэды*), (*Урэмэ*). Суффикс *-чи* обозначает принадлежность (*Урэчй*). Такие признаки, как размер и высота, репрезентируются при помощи словообразовательных суффиксов *-кән*, *-кэн* (маленький); *-кун* (большой, огромный) и также в сочетании с прилагательными *гугда* ‘высокий’ (*гугда урэкун*), *һэгды* ‘большой’ (*һэгды урэкун*).

Большое значение при изучении концептов имеет анализ текстов, записанных от информантов во время полевых лингвистических исследований. Нами были заданы вопросы информантам: *Экун тар урэ?* ‘Что такое урэ?’; *Экун тар яһ?* ‘Что такое яһ?’; *Экун тар кадәр?* ‘Что такое кадәр?’. В их задачу входило рассказать подробно, как они понимают наиболее употребительные в эвенкийской речи слова: *урэ*, *яһ*, *кадәр*. Так, тексты, записанные от В. И. Трынкина, показывают разницу в понимании значений слов *урэ* и *яһ*:

Урэлдү мотыл бипкыл. Урэл мочй бипкыл, тадук болгикта бпки, тадук дёлоксо бпкй. Тар гэрбйн яһ.

‘В горах, называемыми урэ, лоси живут. Горы, называемые урэ, поросшие деревьями, бывают. Выше растёт стланик, а еще выше камни появляются. Вот, тогда уже становятся горы, называемые яһ’.

Данный текст показывает разницу в понимании значения лексем *урэ* и *яһ*. Так, по мнению информанта, гора *урэ* является местом обитания лосей, выделяется наличием деревьев, в отличие от горы *яһ*, которая бывает каменистой.

Лексикографический материал и тексты, записанные от информантов, подтверждают значение лексемы *урэ* и позволяют нам выделить следующие семы: ‘поросшая деревьями’, ‘низкая возвышенность’, ‘в ней обитают лоси, медведи и др. дикие животные’, ‘дух-хозяин горы’. Как выяснилось, гора имеет своего духа-хозяина. Этот дух мог и навредить людям, и способствовать их удаче. Поэтому эвенки, кочуя через труднопроходимые перевалы, просили у духа-хозяина горы благополучного пути, при этом, кормя огонь, обращались к нему по названию горной местности:

Апсат эникэн, гудёнкэл эвэнкйлвэ нулгидерйлвэ, аят дүлэски нэнэдэтыт, аят давадатын!

‘Апсат матушка, пожалей кочующих эвенков, чтобы дальше хорошо ‘кочевали, удачно через перевал прошли!’» (М. Г. Мальчакитова).

В летнее время гольцы – место, где можно укрыться от жары и гнуса. Летом там протекают ручьи с холодной водой, на берегах которых сочная зеленая трава, а по склонам – свежий ягель. Кроме того, в гольцах можно «спрятать» оленье поголовье от волков. Согласно лексикографическим источникам, гольцы именуются «*яһ сопка*, *голец* (выше зоны тундр). *Яуилду бирал*, *биракар дэрэнмэтын чопко гуниунэрэв*. – Истоки рек и речек в гольцах мы называем *чопко*. *Яһи* *голец*. *Гёвануан яһи дагадун бирйвун*, *тадү оровун энкитын бумүрэ*. – В прошлом году жили близко к гольцам, там наши олени не болели. *Яһмачин* 1. гористый; 2. одни гольцы. *Тар яһмачин буга* – та гористая (из одних гольцов) страна. *Яһура* 1) чистая роща, лес; 2) ровное место на горном хребте» [Мыреева, 2004, с. 795]. Более

подробно раскрывает значение лексемы *яу* текст, записанный от М. Г. Мальчакиной:

Эвэнкйл туктыпкйл яндулā дюга. Таду сауу бипкй, иргакта эпкй кэтэ бирэ тадӯ, хунмиктэ. Ботогды арай кэтэ бипкй, дёлодӯ, яуилдӯ. Олоһин тала дюганакйл яндулā, тадӯ чӯкалалдӯ. Бира дяпкадун чӯка, сёктакār, сйвэ, кэтэ балдыдярил тадӯ бипкйл. Тарилва ороор онкодёпкйл, бургупкйл. Сйвэгтук олус бургупкйл ороор. Тар сйвэ биралдулй бипки. Тар тадӯ дюганкйл эвэнкйл. Сауу бипкй тадӯ, эдындепкй. Дюга ороор дэрэлтын солёккй ичэтчэпкйл, боло нёскāкй эвунйһипкйл.

‘Летом эвенки поднимаются в горы. Там бывает прохладно, паутов, комаров много не бывает. Только мошки много среди камней бывает. Поэтому лето там, в гольцах, где есть трава. На берегах рек много травы, тальника, хвоща растет. Много, в общем, чего там растет. Олени пасутся там, жирнеют. От хвоща они быстро поправляются. Хвощ по берегам рек растет. Там лето и проводят эвенки. Прохладно там, ветер дует. Летом олени хотят вверх по речке подниматься, а осенью вниз спускаться’.

Причину перекочевки в летнее время в гольцы объясняет информант Ю. Ю. Мальчакиной:

Ороор эпкйл кейе эёки бирэ, мутнй янды ороор. Олоһин мут яуилва солёккй туктыннэрэп, тадӯ иманнакӯрдӯ дюгандеммён. Эткэн болорон, ороор эергйһинэ.

‘Олени не могут находиться в низу, наши горные олени. Поэтому мы поднимаемся вверх по речке, там возле снега лето проводим. Сейчас осень наступила, и олени начали спускаться вниз’.

Таким образом, с помощью материалов словарей и текстов, записанных от информантов, выделяются значения лексемы *яу* и выявляются в ней следующие семы: ‘каменистая’, ‘безлесная’, ‘поросшая травой, ягелем’, ‘в ней обитают дикие олени, тарбаганы’, ‘можно жить в летнее время’, ‘можно кочевать’, ‘в летнее время удобно пасти оленей’, ‘там хорошо можно спрятать оленей от волков’.

Лексемы *яу* и *кадār* имеют некоторые отличия в понимании носителей эвенкийского языка, хоть и имеют общую сему ‘каменистая’. В горах *яу* для оленей имеется растительность и, главное, ягель. *Кадār* – скалистая, труднопроходимая гора и в большинстве случаев на ней ничего не растет. Так, в материалах словарей обнаруживаем значение лексемы *кадār* и ее производных: «*Кадār* 1) скала, утес; 2) горный хребет; 3) большой камень, глыба. *Кадāми* 1) вынуждать, принуждать; 2) препятствовать. *Кадавча* 1) стесненный, сдавленный; 2) вынужденный, принужденный. *Кадама* крутой (о скале) *Кадага* 1) каменистая россыпь на крутом склоне горы; 2) отвесная скала. *Кадагачāн* холмик, горка. *Кадагачй* 1) скалистый; 2) гористый» [Мыреева, 2004, с. 265]. Информант М. Г. Мальчакиной так понимает разницу между горами *яу* и *кадār*:

Яу солёкй бипкй дуннэчё. Бирава солоннонны тар яу бпкй. Тадӯ бэюнил бидепкйл. Янду чӯкачё бипки, тадӯ бктāн, сёкта. Кадār дёлолдук бипкй, тадӯ илйл бипкйл.

‘Горы *яу* в верховьях рек бывают, с землей. Вверх по речке поднимаешься, вот и гора *яу* появляется. Там дикие олени обитают. В горах *яу* травы бывают, там тальник растет. А горы *кадār* из камней, там скалы бывают’.

На севере Забайкалья, в Каларском районе располагается горный хребет, известный в литературе под названием *Кодар*. Горный хребет отличает наличие скал, ледников, также он имеет каменистую поверхность. С давних пор эвенки кочевали по горному хребту, жили и охотились там. Некоторые оленеводы и сейчас там проживают и ведут традиционный образ жизни: охотятся, рыбачат, разводят оленей. Название горного хребта на эвенкийском означает 'скала, горный хребет'. Подробно об особенностях горного хребта рассказывает информант М. Г. Мальчакитова:

Мутнй Кадаркүрвүн олус сулумэ, дёлочёкүр, гугдакакүр урэкүр, дёлол олус һэгдыл. Тадү эйгел бипкил, моһнокор, мэкчэкэл. Эр Кадаркүрдү дыррэдүтын бирал. Эр Кадаркүндү ады-да биракүр эёндерэ, Чарала эёндерэ, Чарала даптупкйл, дырэнчедерэ упкат бирал тавар Кадаркүндү. Эвэнкйл тар Кадаркүндү биралдү оротчочотын. Бү эткэн Ансаттү, тар Ансат нән һэгды бира, Кадардук дырэнчедерэн, нән тадү оротчоров. Тар Сакуканил эл, упкат Сульбанил. Упкаттү орочёл бэел тадү бидечотын нонон. Эткэн нән бидерэ Сульбандү бидерэ. Тавар Ансаттү бү бидерэв. Тар дыррэдүлүтын эрэгэр давакытыл биһи, йкэнил. Тар давапкйл тартыкәкй, Иркутской областыкәкй. Тадү Ничатка буга. Удаканкүн нән урэкүр, нуңартын эчэл сөт сулумэл бирэ, гугдал эчэ сөт бирэ. Тадү сөт чукачекүр, наптакакүр бипкйл тавар Удакандү. Тавар Кадардү иманапкй, дюгада иманапкй, олус гугдал урэл, саңукакан дыррэдүтын. Тар дыррэдүтын дюгаңнарав ородивар.

‘Наш *Кадар* имеет очень крутые спуски и подъемы, он каменистый, высоченный, камни крупные на нем. Там обитают горные тарбаганы, снежные бараны, кабарожки. Много рек вытекает с вершин *Кадара*. Все эти реки в *Чару* впадают. Эвенки жили на *Кадаре*, по берегам рек, оленей там пасли. Мы сейчас на *Ансате* живем, оленей там содержим, *Ансат* тоже большая река, с *Кадара* вытекает. Много рек берет начало с *Кадара*, вот *Сакукан* (Верхний, Средний, Нижний), *Сюльбан* (Правый, Левый) везде там раньше эвенки кочевали, жили. Сейчас тоже живут. На *Ансате* мы живем, на *Сюльбана* тоже живут. Там на вершинах есть перевалы. Перевал в Иркутскую область, на оз. *Ничатку*. Вот горы *Удакан* еще есть. Они не такие высокие, там нет крутых спусков и подъемов. Там много ровных, травянистых мест. А вот *Кадар* очень высокие горы. На *Кадаре* снег летом выпадает, прохладно бывает. На *Кадаре* лето мы проводим с оленями’.

Так, согласно лексикографическому анализу и полевым исследованиям, подтверждаются значения лексемы *кадар*. В ней отражаются следующие семы: ‘скалистая’, ‘высокая’, ‘из камней’, ‘прохладное место’.

Гора (а также холм, курган и т. п.) – вертикаль, связывающая верх и низ, следовательно, имя концепта содержит признак «движение вверх / вниз», а также «нижняя / верхняя часть склона», «находящийся внизу /верху». Эту вертикаль показывают выражения *эвигэн* ‘живущий на нижней части склона’; *эвгйлэ* ‘ниже, внизу, в нижней части склона (находиться)’; *эвгэктэ* ‘тальник (растущий на нижней части склона)’; *эврй* ‘спуск, крутой склон’; *эвускй* ‘вниз (по крутому склону)’; *эвурй* ‘крутой склон, крутая гора’; *эвми* ‘спуститься по чему-либо наклонному’; *эвкйт* ‘место спуска с горы, с высокого берега’; *нэгидā I* ‘1) пространство на нижней части склона’; *нэгйт*; *негиник* ‘с низу по склону (двигаться)’; *нэгидāl* название эвенкийского рода. *Нэгидāl тар нэгидāдук гэрбйвчэл*. ‘Негидалы

получили название от того, что живут на нижнем течении реки'; *нѣскѣй нѣскѣй* 'вниз по склону'; *Нѣгидѣ сѣннѣй нѣскѣй нукэлчѣвкѣнѣн*. 'Богатыря (силача) из низовьев заставил свалиться вниз по склону'; *нѣктар* 'мир не рождённых душ'; *эллэннѣ* 1) лес на склоне горы; 2) долина; *эллэннѣ* крутой спуск, склон; 2. Покатость; *дыскѣй* вверх по склону направляться; *угискѣй* вверх; *туктыми* подниматься, лезть (*по наклону*); влезть, взобраться (*на дерево*); въехать (*на гору*); *туктырѣй* подъем [Мыреева, 2004, с. 182, 444, 619, 659, 751–754, 767].

Горные цепи издавна служили естественными рубежами для этнических и культурных провинций. Но эти рубежи никогда не были абсолютно непреодолимыми: всегда есть «перевал, естественное понижение горной цепи, более или менее доступное для пешехода, выючной или колесной дороги» [Токарев, 1990, с. 603]. Эвенки издавна кочуют, преодолевая горные перевалы, в поисках удобных мест для охоты и благоприятных оленьих пастбищ. Для обозначения горных перевалов в эвенкийском языке имеются лексемы *йкѣн*, *давакѣт*, *алакѣт*. В эвенкийско-русском словаре А. Н. Мыреевой находим: «*йкѣн* 1) падь, ущелье; 2) горный перевал; *икѣннѣ* 1) падь, ущелье; 2) седловина, горный перевал. *Кѣ*, *илтѣкѣл эли*, *яу хоронмон нѣнѣкѣл эли*, *икѣнмѣ илтѣкѣл*. – Обойди здесь, по вершине гольца иди, ущелье пройди [Мыреева, 2004, с. 235–236]. Лексемы *давакѣт*, *алакѣт* – существительные, имеющие значение действия, являются также корнями глаголов *давами* 'перевалить через горный хребет' (*Нуан урѣвѣ даваран*. – Он перевалил через хребет); *аланми* 'перевалить через горный хребет', 'прожить годы' (*Дюгдѣрва аланиукивун*, *лѣмдук депкѣтпѣр эмѣвукитын*. – Переваливали через Джугдур, с моря привозили себе продукты) [Мыреева, 2004, с. 34, 156]. При помощи суффикса *-кит* образуются имена существительные со значением места, где постоянно производится действие, или со значением процесса действия [Константинова, Лебедева, 1953, с. 87]. Лексикографический материал подтверждает значения вышеупомянутых лексем: «*Алакѣт* 1) горный перевал; 2) *Алакѣт* (гора). *Давакѣт* 1) место перевала через горный хребет; 2) *Давакѣт* назв. горного хребта. *Аланвѣтми* перевалить через (горный хребет) несколько раз. [Мыреева, 2004, с. 34, 156]. Фразеологических единиц с лексемами, входящими в номинативное поле концепта УРЭ 'гора', немного. Нам удалось найти фразеологизмы, содержащие лексемы со значением 'перевал' (*алакѣт*, *давакѣт*), которые выступают показателем жизненного опыта человека, преодоления им трудностей: *Бинивѣ бидѣ – умун алакит эчѣ бирѣ*. *Ну-кѣт биргѣвѣ энѣ олорѣ эчѣ бирѣ*. *Бинидук тулили этѣнни нѣнѣрѣ*. 'Жизнь прожить – не один горный перевал перевалить. Еще никто на свете, не испытав невзгод, не жил'. Имеются идиоматические выражения с лексемами, обозначающими 'подъем' (*туктырѣй*), 'спуск' (*эврѣй*). О старом опытном человеке, преодолевшем много трудностей в жизни, эвенки говорят:

Кѣтѣ биралва эдѣчѣ, кѣтѣ туктырѣйлѣвѣ, эврѣйлѣвѣ нѣнѣчѣ.

'Много рек перешел, много горных спусков и подъемов прошел'

(И. Ю. Мальчакитова).

На горных спусках, подъемах не следует кричать, это может привлечь злых духов:

Туктырилдѣ, эврѣлдѣ нѣнѣкѣл тѣпкѣрѣ, аванил долдыдиңатын.

'Не кричи на горных подъемах и спусках, злые духи могут услышать'

(И. Ю. Мальчакитова).

Информанты также отмечают, что люди, живущие долго в горах *урэ*, ведущие подвижный образ жизни, долго остаются молодыми и здоровыми:

Урэдү бидерыл горое эдэрил бипкыл, карайматчэрыл, кэтэ гбридярил.

‘Живущие в горах *урэ*, долго молодыми бывают. Они много двигаются и помогают друг другу’ (И. Ю. Мальчакитова).

Таким образом, самыми употребительными в эвенкийской речи лексемами, входящими в номинативное поле концепта *УРЭ* ‘гора’, являются *урэ*, *яу*, *кадър*. Лексема *урэ* включает в себя семы: ‘поросшая деревьями’, ‘низкая возвышенность’, ‘в ней обитают лоси, медведи и др. дикие животные’, ‘дух-хозяин горы’. Лексема *яу* обладает семами ‘каменистая’, ‘безлесная’, ‘поросшая травой, ягелем’, ‘в ней обитают дикие олени, тарбаганы’, ‘можно жить в летнее время’, ‘можно кочевать’, ‘в летнее время удобно пасти оленей’, ‘там хорошо можно спрятать оленей от волков’. Лексема *кадър* имеет семы: ‘скалистая’, ‘высокая’, ‘из камней’, ‘прохладное место’. Из этого следует, что в концептуализации горы в сознании эвенков важными являются: кочевье к верховьям рек, время года, хорошее пастбище для оленей, обитание промыслового зверя, отсутствие хищников, благосклонность духа-хозяина данной местности. Отсюда можно заключить, что необходимость в охоте и сохранности оленьего поголовья побуждает кочевников перемещаться к верховьям рек, гольцам.

Итак, формирование концепта *УРЭ* ‘гора’ проходило под влиянием охотничье-кочевого образа жизни и анимистических воззрений на природу. Наблюдается культ горы у эвенков, как и у многих народов мира. Этот культ у эвенкийского этноса сохранился до настоящего времени. Обнаруживается взаимосвязь и взаимообусловленность лингвокультурных концептов *УРЭ* ‘гора’ и *БУГА* ‘природа, мир’. Согласно верованиям эвенков, верховное божество *Эникэн Буга* является хозяйкой вселенной, духи гор, рек, озер ей подчиняются, и всё, что находится на земле, – ее собственность.

Список литературы

- Абдразакова Г. Ш. Репрезентация концепта «Гора» в кыргызской языковой картине мира // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 18–20.
- Анисимов А. Ф. Представления эвенков о шингкэнах и проблема происхождения первобытной религии // Сб. МАЭ. 1949. Т. 12. С. 160–194.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 228 с.
- Василевич Г. М. Древние географические представления эвенков и рисунки карт // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1963. № 4. С. 306–319.
- Василевич Г. М. Словарь русско-эвенкийский: Пособие для учащихся 5–9 кл. общеобраз. учрежд.: В 2 ч. 2-е изд., перераб. СПб.: Просвещение, 2005. Ч. 1. 238 с.
- Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: ЯСК, 2005. 544 с.
- Калинина Е. Л. Концепт «Гора» в топонимической картине мира амурских эвенков // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Архангельск, 2013. С. 318–325.

Константинова О. А., Лебедева Е. П. Эвенкийский язык. Учеб. пособие для пед. училищ. М., Л.: Госучпедгиз, 1953. 332 с.

Кривошапкина Е. А. «Кочевье» как лингвокультурный концепт в эвенском и долганском языках // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Якутск, 2018. С. 82–85.

Кузьмина Р. П. Концепт «Зима» в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88). С. 305–308.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Медведева Т. С., Медведева Д. И. Репрезентация концепта гора в русской лингвокультуре и его аналогов в болгарской и сербской лингвокультурах // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, № 6. С. 933–941.

Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. 622 с.

Туголуков В. А. Идущие поперек хребтов. Красноярск: Сибирские промыслы, 2016. 160 с.

Ушницкая Н. Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 128 с.

Ушницкая Н. Ю. Лингвокультурный концепт «Буга / мир» в языковой картине мира эвенков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1 (34). С. 107–114.

Хусаинова Г. Р. Концепт «Гора» в фольклорной картине мира башкир // Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке: Сб. ст. / Ин-т ист., яз. и лит. Уфим. науч. центра РАН; отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова, сост. Г. Н. Ягафарова. Уфа, 2013. С. 80–86.

Список информантов

Авелова А. П. – 1932 г. р., п. Хандыга, Томпонский район, Республика Саха (Якутия)

Мальчакитова М. Г. – 1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край

Мальчакитова Н. Ю. – 1964 г. р., с. Чапо-Олого, Каларский район, Забайкальский край

Мальчакитов Ю. Ю. – 1960 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край

Трынкин В. И. – 1935 г. р., г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

References

Abdrzakova G. Sh. Reprezentatsiya kontsepta “Gora” v kyrgyzskoy yazykovoy kartine mira [Representation of the concept “Mountain” in the Kyrgyz language picture of the world]. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018, vol. 7, no. 2 (23), pp. 18–20.

Anisimov A. F. Predstavleniya evenkov o shingkenakh i problema proiskhozhdeniya pervobytnoy religii [Evenki ideas about shingkens and the problem of the origin of primitive religion]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 1949, vol. 12, pp. 160–194.

Kalinina E. L. Kontsept “Gora” v toponimicheskoy kartine mira amurskikh evenkov [The concept “Mountain” in the toponymic picture of the world of the Amur Evenks]. In: *Yazyk i kul'tura Russkogo Severa: k voprosu o regional'noy yazykovoy kartine mira* [Language and culture of the Russian North: on the issue of the regional linguistic picture of the world]. Arkhangel'sk, 2013, pp. 318–325.

Konstantinova O. A., Lebedeva E. P. *Evenkiyskiy yazyk. Ucheb. posobie dlya ped. uchilishch* [Evenk language. Tutorial for pedagogical schools]. Moscow, Leningrad, Gosuchpedgiz, 1953, 332 p.

Krivoshapkina E. A. “Kochev'e” kak lingvokul'turnyy kontsept v evenskom i dolganskom yazykakh [“Nomad” as a linguocultural concept in the Even and Dolgan languages]. In: *Sravnite'no-sopostavitel'noe izuchenie tyurkskikh i mongol'skikh yazykov. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Comparative study of the Turkic and Mongolian languages. Materials of the Intern. sci.-pract. conf.]. Yakutsk, 2018, pp. 82–85.

Khusainova G. R. Kontsept “Gora” v fol'klornoy kartine mira Bashkir [The concept “Mountain” in the folklore worldview of the Bashkirs]. In: *Poslovichnaya kontseptualizatsiya ot del'nykh fragmentov kartiny mira v bashkirskom yazyke: Sb. st.* [Proverb's conceptualization of individual fragments of the picture of the world in the Bashkir language: Coll. of art.]. F. G. Khisamitdinova (Ed. in Ch.), G. N. Yagafarova (Comp.). Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Ufa, 2013, pp. 80–86.

Kuz'mina R. P. Kontsept “Zima” v yazykovoy kartine mira evenov [The concept of “Winter” in the linguistic picture of the Even world]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018, no. 10-2 (88), pp. 305–308.

Mazin A. I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets 19–nachalo 20 v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenks (late 19th –early 20th centuries)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 201 p.

Medvedeva T. S., Medvedeva D. I. Reprezentatsiya kontsepta gora v russkoy lingvokul'ture i ego analogov v bolgarskoy i serbskoy lingvokul'turakh [Representation of the concept mountain in Russian linguoculture and its analogues in Bulgarian and Serbian linguocultures]. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and philology*. 2019, vol. 29, no. 6, pp. 933–941.

Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenk-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 798 p.

Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, 1990, 622 p.

Tugolukov V. A. *Idushchie poperek khrebtov* [Walking across the ridges]. Krasnoyarsk, Sibirskie promysly, 2016, 160 p.

Ushnitskaya N. Yu. *Bazovye lingvokul'turnye kontsepty v yazykovoy kartine mira evenkov i russkikh* [Basic linguocultural concepts in the linguistic picture of the world of the Evenki and Russians]. Ulan-Ude, BSU, 2020, 128 p.

Ushnitskaya N. Yu. Lingvokul'turnyy kontsept “Buga/mir” v yazykovoy kartine mira evenkov [Linguocultural concept “Buga/world” in the linguistic picture of the Evenk world]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2021, no. 1 (34), pp. 107–114.

Vasilevich G. M. *Drevnie geograficheskie predstavleniya jevenkov i risunki kart* [Ancient geographical representations of the Evenks and drawings of maps]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 1963, no. 4, pp. 306–319.

Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenk-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1958, 228 p.

Vasilevich G. M. *Slovar' russko-evenkiyskiy: Posobie dlya uchashchikhsya 5–9 kl. obshcheobraz. uchrezhd.: V 2 ch.* [Dictionary of Russian-Evenki: Manual for pupils of the 5th–9th grades of general educational institutions: In 2 pts.]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2005, pt. 1, 238 p.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 544 pp.

Zhamsaranova R. G. *Kontseptosfera srednevekovoy mongol'skoy etnonimii* [The conceptsphere of Medieval Mongolian ethnonymy]. Chita, Ekspres-izdatel'stvo, 2013, 288 pp.

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Ушницкая, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

Information about the author

Natalia Yu. Ushnitskaya, Candidate of Philology, Research Fellow of the Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.09.2021;
одобрена после рецензирования 08.05.2022; принята к публикации 08.05.2022
The article was submitted on 10.09.2021;
approved after reviewing on 08.05.2022; accepted for publication on 08.05.2022*

Научная статья

УДК 81.161.1'42

DOI 10.17223/18137083/85/22

Переводимость и вариативность текста в аспекте антиномии «тождество – различие»

**Николай Данилович Голев¹
Галина Викторовна Напреенко²**

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

² galina_napreenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4404-0560>

Аннотация

Описывается категория «тождество – различие» в вариантологической и транслятивной парадигме. Дается обзор работ, рассматривающих воплощение данной антиномии в языке на его разных уровнях и планах. Особое внимание уделяется межязыковому плану вариативности текста. В статье переводной текст рассматривается как вариант переводимого текста. Для исследования транслятивного варьирования языковых единиц предлагается метод обратного машинного перевода (ОМП), дающий на выходе вторичный вариант с разной степенью смысловой эквивалентности по отношению к первичному варианту.

Ключевые слова

переводимость, транслятивная лингвистика, вариантология, варианты, обратный машинный перевод, смысловая эквивалентность

Для цитирования

Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Переводимость и вариативность текста в аспекте антиномии «тождество – различие» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 299–311. DOI 10.17223/18137083/85/22

Translatability and variability of a text from the perspective of the antinomy of “identity and difference”

Nikolai D. Golev¹, Galina V. Napreenko²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

² galina_napreenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4404-0560>

Abstract

Translational linguistics, a special direction in the study of natural languages, interprets translation as a method of revealing the properties of a language in translational functioning. This

© Голев Н. Д., Напреенко Г. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 299–311
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 299–311

paper describes the ontological identity/difference antinomy as a mechanism of language development in the synchronous variantological paradigm. Given that any object, when compared with another, features both identity and difference, the study aims to identify the range of acceptable variation of features that bring the object closer to the invariant or away from it. Reverse machine translation (RTT) is proposed as a way of studying the patterns of natural language in the mirror of its variability and as an objective and reproducible method for describing the units of the language field. A hypothesis is put forward that studying the Russian text in the mirror of translation makes it possible to identify special language features that can be parameters for identifying identity and difference. The RTT study is conducted within the framework of synchronous variability and extends into the field of translational variantology. The authors provide historical background, review modern works on the embodiment of the antinomy in the language at its different levels, and correlate the identity and difference categories with those of variant and invariant..

Keywords

translatability, identity and difference, variantology, variants, reverse machine translation, translational linguistics, semantic equivalence

For citation

Golev N. D., Napreenko G. V. Translatability and variability of a text from the perspective of the antinomy of “identity and difference”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 299–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/22

1. Постановка проблемы

Объектом исследования являются варианты различных единиц русского языка в широком смысле, предполагающем не только разные уровни единиц, но и их различные функциональные форматы, среди которых находится и транслятивный формат. В его рамках переводимая и переведенная единица трактуются как первичный и вторичный варианты. Таким образом, настоящее исследование находится на пересечении двух парадигм: вариантологии и транслятивной лингвистики.

Основной аспект рассмотрения вариантов задает антиномия «тождество – различие». Она является универсальным механизмом развития языка, в его синхронном пространстве реализуется в полевом устройстве языковой семантики. Изучение полевого устройства, основанного на принципе непрерывности, предполагает специальные методики фиксации границ между элементами языкового поля. Процесс отождествления / различения любого объекта включает учет градуальности шкалы вариативности признаков, свойств изменяющейся единицы. Цель статьи в наиболее общем смысле – постановка проблемы измерения лексических единиц языкового поля и поиск инструментария для такого измерения. Одним из эффективных способов достижения указанной цели мы считаем применение обратного машинного перевода (далее – ОМП) как объективного воспроизводимого метода моделирования языковых единиц.

Рассматривая ОМП как один из возможных вариантов исходного инвариантного текста, мы полагаем, что новые свойства языка будут выявлены через призму других языков: «Многие явления в русском языке могут быть обнаружены только при помощи другого языка в качестве своеобразного зеркала, в котором они находят отражение» [Морозов, 2004, с. 71]. Обзор исследований по переводу и ОМП подтверждает возможность выявления языковых особенностей: «Нагляднее всего вариативность любого языка можно проследить посредством анализа материала, представляющего собой переводы» [Маркина, 2016, с. 171]. Исходя из сказанного, наша гипотеза заключается в том, что исследование текста на русском

языке в зеркале перевода (ОМП) позволяет выявить особые языковые признаки, которые в аспекте тождества и различия могут являться параметрами-идентификаторами. Переводимость русской языковой единицы является параметром, который коррелирует с такими внутренними свойствами языковой единицы, как ее понятность и однозначность для носителей русского языка.

2. Антиномия тождества и различия как лингвистическая проблема

Онтологическая антиномия «тождество – различие» выражает равенство объекта с самим собой либо равенство нескольких объектов. Соотношение категорий тождества и различия всегда находилось в центре внимания исследователей. Так, существует представление о том, что предмет может быть тождественен только себе и ничему более (Д. Льюис). Иное рассмотрение данной антиномии базируется на дискретности языковых единиц, предполагающее их различие между собой, и выражается в том, что каждый объект обладает как тождеством, так и различием, иначе все объекты превратились бы в один и тот же предмет: сравнение «имеет смысл лишь при предположении намеченного различия, и точно так же, наоборот, различие имеет смысл лишь при предположении наличного сходства. Мы требуем, следовательно, тождества при различии и различия при тождестве» [Гегель, 1975, с. 275] (цит. по: [Кемеровская дериватологическая школа..., 2011]).

Будучи универсальной логической категорией, тождество воплощается в разных аспектах, а непосредственно в языке – на всех его уровнях: дихотомия тождества и различия – механизм развития языка. Ф. де Соссюр писал: «Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях» [Соссюр, 1999, с. 141]. Однако определенного рода сложность при установлении границ тождества и различия непосредственно между объектами в лингвистике возникает в связи с тем, что «в мире нет абсолютно тождественных, как и абсолютно разных, явлений» [Спиркин, 2006, с. 270]. В этой связи «границы определения тождества и различия условны и устанавливаются в каждом случае исследователями самостоятельно» [Карасева, 2015, с. 33]. Однако безусловным является тот факт, что «сопряжение тождества и различия эксплицирует динамическое развитие языка и его систематизацию, проявляющуюся в таких категориях, как род / вид, полисемия, синонимия, антонимия, взаимно связанных между собой» [Кемеровская дериватологическая школа..., 2011]. При установлении тождества или различия любых объектов на любом уровне языка осуществляется поиск таких признаков, качеств объекта, которые позволят включить объекты в одну или разные категории.

Системообразующий характер антиномии «тождество – различие» в языке подтверждается ее обнаружением на разных языковых уровнях. Не преследуя в рамках данной статьи цели описать все проявления тождества и различия в языке, представим некоторые ее уровневые воплощения. Так, в фонетике указанная проблема рассматривается с точки зрения функционирования фонетических единиц – позиционных чередований звуков внутри фонемы. Д. С. Карасева, анализируя гласные и согласные звуки в разных позициях, описывает тождество и различие по форме и тождество и различие по содержанию [Карасева, 2015].

Отождествление морфем основано на следующем положении: «если морфы, проявляющие черты формально-семантического сходства, встречаются в одинаковом окружении, они могут рассматриваться как морфы одной морфемы в том

случае, если замена одного морфа другим не ведет к изменению общего смысла конструкции. Если же замена одного морфа другим ведет к искажению смысла или его полному изменению, отождествления морфов произойти не может и морфы включаются в разные морфемы» [Кубрякова, 2008, с. 85].

Проблема тождества – различия на лексическом уровне поднимается в контексте синонимии; полисемии (варьирование значений при тождестве формы); омонимии (тождество на звуковом уровне при лексическом или грамматическом различии); антонимии («противоположность внутри одной и той же сущности, различие сущности на высшей ступени ее развития» [Каринкина, 2004, с. 150], проходящей в своем развитии три этапа изменений: тождество – различие – противоречие.

В работе [Федина, Тимофеева, 2018] рассматриваются формальные, семантические, смысловые признаки тождества синонимии. Рассуждая о полноте термина синонимии, ввиду безусловного наличия категории тождества в нем, авторы отмечают, что в природе синонимии присутствует не только тождественное, но и различное, «синонимия невозможна при полном тождестве обозначаемых предметов, явлений или процессов и обязательно требует ряда различий в семантической¹ стороне» [Там же, с. 105]. Тождественность в синонимии не означает абсолютную идентичность значений.

Н. Н. Холодов считал идею аналогичности / неаналогичности (проблему тождества и различия) ключевой в изучении сущности синтаксических связей, отражающих результаты «осознания человеком аналогичных и неаналогичных сторон в познаваемых объектах... при помощи языка», и был убежден в плодотворности изучения в данном аспекте «связей механизмов языка» на разных его уровнях [Отношения аналогичности..., 1983, с. 3]. Воплощение тождества на синтаксическом уровне рассматривается в работе [Цзиньфань, 2019]. Разграничивая понятие *тождество* и термин *предложение тождества*, автор статьи пишет о неточности термина в связи с отсутствием логического (подлинного) тождества в предложениях этого типа. Определение термина *предложение тождества* «отталкивается не от точного содержания логического понятия тождества, а от *формы* логического тождества» (выделено нами. – Н. Г., Г. Н.) [Там же, с. 122]. Так тождество как логическая категория, реализуемая в лингвистике на синтаксическом уровне, приобретает расширительное значение.

Тождество на уровне текста является преимущественно предметом юридической лингвистики. Установление тождества текстов друг другу, атрибуция каждого текста конкретному автору является предметом идентификации (подробнее об идентификации на уровне текста см. [Напреенко, 2015]).

Приведенный обзор воплощения категорий тождества и различия в языке доказывает системообразующий характер описанной антиномии, которая в практическом своем виде реализуется в процессе идентификации и атрибуции текста, текстов и / или авторов текстов.

3. Вариантиологическая парадигма в аспекте антиномии «тождество – различие»

Антиномия «тождество – различие» как универсальный механизм развития языка соотносится с категориями варианта и инварианта и обнаруживается в том

¹ Добавим: и формальной.

числе в межъязыковом пространстве. Н. В. Омелянович, определяя вариантность языковых единиц, отмечает, что «понятие вариантности включает в себя как понятие различия, так и понятие сходства. Вариантами можно назвать лишь те единицы или явления, которые в части своих признаков сходны или идентичны, а в части признаков – различаются» [Омелянович, 1982, с. 32]. Описание соотношения данных категорий является одной из задач настоящего исследования.

Перевод (наше его рабочее название – ручной) **включен в дериватологическую и вариантологическую парадигмы**. Под вторичным текстом понимаем «результат преобразования по определенным механизмам исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного», вторичный текст – «продолжение, развитие, функция исходного текста» [Голев, Сайкова, 2020]. В результате различных трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, порождается вторичный текст. Переводной текст как вариант исходного текста, обладающий общими признаками вторичного текста и специфическими приметами, является объектом исследования по межъязыковой деривации и теории перевода. М. Г. Маркина [2016, с. 171] вводит понятие «интерлингвистическая вариативность» как уровневая вариативность, рассматриваемая на материале разных языков.

Как базовая черта языка вариативность проявляется на всех уровнях языка от фонологии до текста (фонема и звук, лексема и лекс, морфема и морф, предложение и его структурная схема). Однако здесь важно подчеркнуть, что если вариативность в фонологии описана в достаточной степени, то вариативность на уровне текста требует пристального внимания со стороны исследователей.

В статье «Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии)» [Голев, Ким, 2009] очерчивается тенденция к расширению границ вариантологии, в том числе в выборе текста в качестве объекта исследования. Отмечается, что «единицы более высокого уровня, чем слово, редко рассматриваются в парадигме вариантности» [Там же, с. 13]. Текст как объект вариантологии в основном представлен в работах, посвященных проблемам перевода. Однако появляются исследования, в которых осуществляется расширение границ вариантологии за счет, например, изучения текста в аспекте его вторичности: так, проанализировано вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) [Рабенко, 2018].

В положении, описанном Е. С. Кубряковой, «одни морфы воспринимаются как тождественные, другие – как “близкие”, третьи – как разные. Первые и вторые из указанных типов отношений могут в более широком плане рассматриваться как отношения между инвариантом и реализующими его вариантами. Этот подход, основанный на общей проблематике тождеств и различий, влечет за собой постановку и решение вопроса о том, что определяет основной стержень инвариантности морфемы, или, что то же, чем обосновывается единство целого класса единиц, морфов, группируемых в одну морфему» [Кубрякова, 2008, с. 68–69]. В данном положении наблюдается попытка соотнесения категорий инварианта и вариантов на шкале тождественности и различия. Вопрос о «содержании» тождества и различия в вариантах относительно инварианта на любом уровне является открытым и требует поиска решений.

Известно положение, при котором пределом формального варьирования в языке является синонимия, пределом семантического варьирования – омонимия. При соотношении варьирования и тождества и различия видим, что синонимия –

формальное различие при семантическом тождестве, омонимия – семантическое различие при формальном тождестве. Однако вопрос о месте варианта в данной плоскости остается открытым, так как вариант, имея признаки, отличающие его от инварианта, уже не обладает всеми признаками, чтобы быть ему тождественным, при этом обладает сходными признаками в достаточной степени, чтобы не быть в полной мере различным с инвариантом и другими вариантами. Процесс отождествления / различения любого объекта включает в себя выбор диапазона допустимого варьирования признаков.

Н. В. Омелянович, определяя вариантность языковых единиц, отмечает, что «понятие вариантности включает в себя как понятие различия, так и понятие сходства. Вариантами можно назвать лишь те единицы или явления, которые в части своих признаков сходны или идентичны, а в части признаков – различаются» [Омелянович, 1982, с. 32]. В приведенном определении заложены основания, позволяющие нам говорить о наличии в тексте как объекте вариантологии признаков, которые впоследствии могут определяться нами как идентифицирующие, т. е. такие, которые позволяют на основе установления тождества и различия варианта / вариантов с инвариантом осуществить их идентификацию.

Методом объективного измерения допустимого варьирования нами предлагается использовать ОМП, позволяющий обнаружить в зеркале перевода особые свойства, признаки естественного языка, которые можно расположить на шкале тождества и различия и соотнести с категориями варианта и инварианта. Под ОМП понимаем ««трансляционный продукт», полученный в результате машинного (компьютерного) перевода текста или других единиц (слов, словосочетаний, предложений и т. д.) с языка R на язык N и обратного перевода полученного «продукта» с языка N на язык R» [Голев, 2018, с. 36].

Опираясь на положение Л. А. Вербицкой о том, что «вариативность – обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им» [Вербицкая, 2001, с. 14], а также на то, что вариативность является универсальным свойством языка, внутренним источником изменения и развития языка, мы полагаем, что текст ОМП является вариантом исходного текста, так же как перевод, осуществленный переводчиком, является вариантом инварианта. Включение ОМП в парадигму вариантологии и антиномии тождества и различия обуславливает постановку вопроса о месте ОМП в указанных категориях. Выявлению особых признаков тождества, а значит, сближения к инварианту, и различия, а значит, отдаления варианта от инварианта, будут посвящены наши последующие исследования.

Применительно к ОМП вторичный текст – результат преобразования исходного текста, механизмами преобразования которого являются изменения на лексико-грамматическом уровне, осуществленные в процессе машинного перевода (далее – МП). Межъязыковое образование позволяет соотносить единицы исходного текста и единиц его трансляционных вариантов. При этом трансформации, которые обнаруживаются в тексте, осуществляются машиной в процессе двойного перевода (с русского на иностранный язык, а затем обратно на русский). Безусловно, именно эти трансформации между вариантами и исходным текстом, а также различия между самими вариантами представляют интерес для исследователей.

Исследование ОМП в аспекте синхронной вариативности выводит исследование в область транслятивной вариантологии, в которой естественный язык рассматривается, с одной стороны, в зеркале перевода, с другой стороны, в аспекте

МП. Таким образом, расширение границ вариантологии осуществляется за счет выведения ее в межкультурную область, а также применения частного метода МП.

Применительно к МП и ОМП предложена следующая запись деривационной цепочки (приводим вариант деривационной цепочки на примере исходного русского языка и вторичного китайского языка): Т1 русск. → Т2 русск.-кит. → Т3 кит.-русс. Т1 – это исходный текст на русском языке, транслит; Т2 – текст, полученный в результате машинного перевода исходного текста на китайский язык, транслит; Т3 – текст – вариант русского текста, образованный в результате машинного перевода Т1 на китайский язык и обратного перевода на русский язык. Сокращенная запись: Т1 р – Т2 к – Т3 р-к-р.

Вариантов (Т3) может быть множество в зависимости от конкретных задач, поставленных перед исследователем и количества выбранных языков-транслитов. Считаем, что количество ОМП как вариантов исходного текста на русском языке будет равно количеству языков, которое «хранится» в базе машинного переводчика; ограничения обусловлены аспектом, рассматриваемым в исследовании, а также задачами, поставленными перед учеными. Например, на начало мая 2022 г. в Google-переводчике доступны 133 языка; в Яндекс-переводчике – 100 языков. Все языки в онлайн-переводчике потенциально являются языками-транслитами в случае их включения в исследование посредством ОМП.

Процесс перевода предполагает осуществление ряда трансформаций (в том числе кодовых). Л. С. Бархударов [1975] определяет переводческие трансформации как «межкультурные преобразования, цель которых – достижение переводческой эквивалентности». Вопрос о трактовке категории эквивалентности и его соотношение с категориями тождества и различия также является предметом дальнейших исследований в аспекте ОМП. Под *эквивалентностью* переводного текста переводимому понимаем соответствие текста на русском языке, полученного посредством ОМП, инварианту в лексико-семантическом аспекте при условии понятности общего смысла переводимого текста. Степень сохранения лексического тождества текста, полученного путем ОМП, исходному тексту определяет меру эквивалентности вторичного текста первичному.

4. ОМП как метод выявления языковых признаков

МП как метод исследования неизменно представляет интерес в аспекте улучшения качества перевода, методики. В настоящее время метод ОМП как источника, обладающего потенциалом для выявления различных свойств языка, все чаще находит свое воплощение. Исследованию подвергается «транслитационный продукт» – текст или тексты на одном языке, переведенные с помощью МП на другие языки, а затем обратно на исходный язык. Данная процедура направлена на выявление особых свойств русского языка, обнаруженных в межкультурном пространстве.

Опыт использования ОМП, сопоставляемого с исходным текстом на русском языке, отражает возможность применения данного объекта исследования с целью выявления семантической близости между эквивалентами в разных языках, семантико-деривационного потенциала у семантических дериватов в межкультурном пространстве и пр. Выделяются работы, в которых для обнаружения новых смысловых оттенков, поиска эквивалентов применяется метод ОМП отдельных лексических единиц, и работы, в которых сопоставляются текст и его ОМП

как «трансляционный продукт» с целью выявления переводческих трансформаций, внутренних семантических процессов, происходящих в исходном (русском) языке.

Например, Н. А. Константинова с целью описания семантической деривации глагола *сочинять* использует метод ОМП с русского языка на немецкий. Автор приходит к выводу о том, что «накопление новых признаков значения приводит к системным отношениям в структуре семантической деривации» [Константинова, 2018, с. 323], отмечая безграничность семантических изменений в зависимости от количества языков, привлекаемых для исследования с целью ОМП.

Сопоставление семантических и словообразовательных дериватов осуществляет А. В. Морозов. Посредством применения ОМП (через английский язык) приходит к выводу о наличии высокого семантико-деривационного потенциала в межъязыковом пространстве у семантических дериватов. Используя метод ОМП, автор осуществляет сопоставление полученных эквивалентов ЛСВ глагола *лить* и подтверждает мысль о семантическом развитии слова в межъязыковом пространстве.

Примером применения математического метода измерения тождества лексических единиц является статья С. Б. Потемкина [2017]. Автор, применяя ОМП, рассчитал расстояние Левенштейна между исходным русским текстом и текстом, полученным в результате прямого перевода и ОМП. В случае если расстояние равно нулю, русский термин признавался эквивалентом иноязычному термину и, как следствие, соответствующим международным терминологическим стандартам, «в противном случае делалось заключение, что система машинного перевода “не знает” русского термина и, соответственно, неправильно выбирает его иноязычный эквивалент» [Там же, с. 80–81].

ОМП используется также в рамках юрислингвистической практики. Например, в работе [Голев, Мельникова, 2020] ОМП позволяет обнаруживать помехи для понимания машинных программ, а значит, прогнозировать появление определенных помех в текстах законов «для рядового потребителя закона» [Там же, с. 9].

ОМП может быть применен для решения различных теоретических и прикладных задач, одной из которых является поиск таких свойств и признаков языка, которые позволяли бы установить тождество между вариантом и инвариантом, объективируя данные, ответить на вопрос, насколько вариант тождественен инварианту, а также почему и за счет чего один вариант более тождествен инварианту, чем другой.

Трансформация, которая происходит в тексте в процессе перевода, будет обнаружена только при сопоставлении исходного и текста ОМП (при сопоставлении исходного текста на 1) русском языке и 2) текста на русском языке, полученного в результате перевода текста с русского языка, например, на китайский язык, а затем снова на русский язык). Использование иностранного языка в качестве зеркала позволяет отразить те особые признаки, которые существуют в языке. «Межъязыковое пространство становится источником сведений о внутренних семантических процессах, происходящих в изучаемом языке, тем своеобразным зеркалом, в котором преломляется семантико-деривационное развитие лексики родного языка» [Морозов, 2004, с. 72].

Трансформация, осуществляемая в антропопереводе (ручном переводе) включает в себя субъективный фактор, который может заключаться в наличии определенных знаний языка, опыта деятельности переводчика, лингвистических факто-

ров. МП (ОМП) в некотором роде является «надсубъективным», «надындивидуальным».

Отмечается, что языковое содержание оригинала невозможно полностью воссоздать в переводе (М. М. Бахтин). Стремление к тождеству перевода и оригинала ограничивается субъективными факторами, однако «субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе языка» [Широких, 2014]. Именно отсутствие полного тождества вторичного текста (в том числе текста ОМП) исходному тексту дает возможности говорить о наличии особых признаков в тексте, а значит, и в языке в аспекте его идентификации (в русле антиномии «тождество – различие»).

5. Итоги и перспективы исследования

Проведенное исследование показало непреходящую актуальность проблемы языкового варьирования как механизма функционирования и развития языка на всех его уровнях. Зафиксировано уровневое расширение границ вариантологии, отмечено, что особую значимость для лингвистики имеет выход на текстовое варьирование в аспекте смысловой интерпретации текста.

В статье представлен обзор работ по воплощению оппозиции тождества и различия в языке, описано соотношение категорий тождества и различия с категориями варианта и инварианта. Русский текст ОМП-2 в цепочке «русский текст-1 – переводный текст – русский текст-2» предложено считать вариантом исходного текста на русском языке. В статье рассмотрена возможность включения транслятивного варьирования в вариантологическую парадигму. Таким образом, реализована задача расширения границ лингвистической вариантологии.

Использование метода ОМП при сопоставлении полученного варианта с его инвариантом позволяет выявить закономерности естественного языка: «в одном языке не обязательно выражается та разница, которая в другом языке должна быть обязательно выражена» [Бархударов, 1980, с. 13]. Как показывает обзор исследований, использующих метод ОМП, эти закономерности могут быть различны.

Перспектива исследования вариативности текстов заключается в необходимости объективировать выявленные особенности между вариантом (ОМП на русском языке) и инвариантом (исходным текстом на русском языке) путем перевода полученных данных о тождестве, различии, близости, схожести текстов в процентное соотношение, а также апробировать методики на разных материалах. Вопрос о перспективах использования ОМП поставлен в статьях [Голев, 2018; 2022].

Список литературы

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975. 239 с.
- Бархударов Л. С.* К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 11–19.
- Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. М., 2001. 263 с.
- Гегель Г.* Наука логики // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1975. Т. 1. С. 273–275.

Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2018. № 1. С. 36–45.

Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений). Часть 1. Гносеология перевода // Вестник Кем. гос. ун-та. 2022. Т. 24, № 6. С. 717–734.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник ЧелГУ. 2009. № 27. С. 12–20.

Голев Н. Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: Сб. тр. XVII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 8–11.

Голев Н. Д., Сайкова Н. В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов. 2020. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (дата обращения 10.08.2022).

Карасева Д. С. К вопросу о функционировании фонетических единиц в контексте проблемы тождеств и различий // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: Сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 32–37.

Каринкина Н. Н. Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // Вестник ЧГУ. 2004. № 1. С. 150–154.

Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство / Под ред. Л. А. Араевой, Э. С. Денисовой, С. В. Оленева, Ю. С. Паули. М.: ЛЕНАНД, 2011. 400 с.

Константинова Н. А. Семантическая глагольная деривация в транслингвальном пространстве (на примере русского глагола сочинять) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 321–324.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.

Маркина М. Г. Проявление вариативности языка в подсистеме номинативных единиц (интерлингвистический аспект) // Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКРУС, 2016. С. 170–179.

Морозов А. В. Обратный лексикографический перевод как метод исследования деривационного потенциала русского слова в межъязыковом пространстве // Вестник ВГУ. 2004. № 1. С. 71–74.

Напреенко Г. В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник КемГУ. 2015. № 2-4 (62). С. 157–162.

Омельянович Н. В. Вариантность и системы-варианты // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). М., 1982. Ч. 2. С. 32–34.

Отношения аналогичности и неаналогичности в языке: Методические указания и основной учебный материал к спецкурсу / Сост. Н. Н. Холодов, А. М. Смирнова. Иваново, 1983. 40 с.

Потемкин С. Б. Машинный перевод как средство стандартизации терминологии // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 77–83.

Рабенко Т. Г. Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 250–260.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.

Спиркин А. Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 736 с.

Федина Е. А., Тимофеева Ю. Н. Тождество и различие как основные критерии синонимии // Заметки ученого. 2018. № 6 (31). С. 102–108.

Цзиньфань Ч. Функционирование предложений тождества в «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева // Вестник Российского нового университета. 2019. № 3. С. 121–126.

Широких И. А. Соотношение текста оригинала и перевода в аспекте первичности / вторичности текстов // Вестник АлтГПА: гуманитарные науки. 2014. № 21. С. 101–103.

References

Barkhudarov L. S. K voprosu o tipakh mezh'yazykovykh leksicheskikh sootvetstviy (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [On the question of the types of interlingual lexical compliances (on the material of the English and Russian languages)]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1980, no. 5, pp. 11–19.

Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, 1975, 239 p.

Fedina E. A., Timofeeva Yu. N. Tozhdestvo i razlichie kak osnovnye kriterii sinonimii [Identity and difference as the main criteria for synonymy]. *Zametki uchenogo*. 2018, no. 6 (31), pp. 102–108.

Golev N. D. Istochnikovyy potentsial obratnogo mashinnogo perevoda [Source potential of the back machine translation]. *HERALD OF KRSU*. 2018, no. 1, pp. 36–45.

Golev N. D., Kim L. G. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variational-interpretative functioning of the text (to the question of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, no. 27, pp. 12–20.

Golev N. D., Mel'nikova V. S. Obratnyy mashinnyy perevod na sluzhbe yuridicheskoy lingvistiki [Reverse engineering translation at the service of legal linguistics]. In: *Innovatsionnye, informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii: Sb. tr. XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative, information and communication technologies. Proceedings of the XVII Intern. sci. and pract. conf.]. Moscow, 2020, pp. 8–11.

Golev N. D., Saykova N. V. K osnovaniyam derivatsionnoy interpretatsii vtorichnykh tekstov [To the bases of derivational interpretation of secondary texts]. 2020. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html> (accessed 10.08.2022).

Golev N. D. Translyativnaya lingvistika (aspektualizirovannyi obzor iskhodnykh polozheniy). Chast 1. Gnoseologiya perevoda [Translative linguistics (aspectualized review of initial propositions). Part 1. Epistemology of translation]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2022, vol. 24, no. 6, pp. 717–734.

Hegel G. Nauka logiki [Science of logic]. In: *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* [Encyclopedia of philosophical sciences: In 3 vols.]. Moscow, 1975, vol. 1, pp. 273–275.

Karaseva D. S. K voprosu o funktsionirovanii foneticheskikh edinit v kontekste problemy tozhdestv i razlichiy [On functioning of phonetic units' in the context of identities and differences]. In: *Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinit raznykh urovney: Sb. nauch. st. po materialam VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Semantics and functioning of language units at different levels: a collection of scientific articles based on the materials of the VIII International sci. and pract. conf.]. Ivanovo, ISU, 2015, pp. 32–37.

Karinkina N. N. Antonimiya kak ponyatiynaya kategoriya i vopros vyrazheniya protivopolozhnosti v yazyke [Antonymy as a conceptual category and the question of expressing the opposite in language]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2004, no. 1, pp. 150–154.

Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola: Traditsi i inovatorstvo [Kemerovo Derivatological School: Traditions and innovation]. L. A. Araeva, E. S. Denisova, S. V. Olenev, Y. S. Pauli (Eds.). Moscow, LENAND, 2011, 400 p.

Konstantinova N. A. Semanticheskaya glagol'naya derivatsiya v translingval'nom prostranstve (na primere russkogo glagola sochinyat') [Semantic verb derivation in the translingual space: on the example of russian verb "sochinyat'" (compose)]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 2018, iss. 6, pp. 321–324.

Kubryakova E. S. *Osnovy morfologicheskogo analiza: na materiale germanskikh yazykov* [Fundamentals of morphological analysis: Based on the Germanic languages]. Moscow, LKI, 2008, 328 p.

Markina M. G. Proyavlenie variativnosti yazyka v podsite nomenativnykh edinit (interlingvisticheskiy aspekt) [Manifestation of language variability in the subsystem of nominative units (interlinguistic aspect)]. In: Rudyakov A. N. *Georusistika: russkiy yazyk v global'nom mire* [Georusistics: Russian language in the global world]. Moscow, LEKRUS, 2016, pp. 170–179.

Morozov A. V. Obratnyy leksikograficheskiy perevod kak metod issledovaniya derivatsionnogo potentsiala russkogo slova v mezh'yazykovom prostranstve [Lexicographic backtranslation as a method of investigation]. *Vestnik VSU*. 2004, no. 1, pp. 71–74.

Napreenko G. V. Identifikatsionnaya lingvistika kak aspekt lingvopersonologii [Identification linguistics as an aspect of lingvopersonology]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015, no. 2–4 (62), pp. 157–162.

Omel'yanovich N. V. Variantnost' i sistemy-varianty [Variance and variant systems]. In: *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy (teziy dokladov)*. [Variance as a property of the language system (abstracts)]. Moscow, 1982, pt. 2, pp. 32–34.

Otnosheniya analogichnosti i neanalogichnosti v yazyke: Metodicheskie ukazaniya i osnovnoy uchebnyy material k spetskursu [Analogy/non-analogy relations in the language: Methodical instructions and basic teaching material for the special course]. N. N. Kholodov, A. M. Smirnova (Comps.). Ivanovo, 1983, 40 p.

Potemkin S. B. Mashinnyy perevod kak sredstvo standartizatsii terminologii [Terminology database and machine translation]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2017, no. 5, pp. 77–83.

Rabenko T. G. Variativnoe funktsionirovanie rechevogo zhanra (na materiale zhanra lichnogo dnevnika) [The flexible functioning of the speech genre (based on the "personal diary" speech genre)]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, pp. 250–260.

Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977, 696 p.

Shirokikh I. A. Sootnoshenie teksta originala i perevoda v aspekte pervichnosti / vtorichnosti tekstov [Correlation of original and translated texts, treated as primary and secondary ones]. *Vestnik AltGPA: gumanitarnye nauki*. 2014, no. 21, pp. 101–103.

Spirkin A. G. *Filosofiya: Uchebnik* [Philosophy: Textbook]. Moscow, 2006, 736 p.

Tszin'fan' Ch. Funktsionirovanie predlozheniy tozhdestva v "Pis'makh o dobrom i prekrasnom" D. S. Likhacheva. [The functioning of sentences of identity in "Letters about the kind and beautiful" by D. S. Likhachev]. *Bulletin of the Russian New University*. 2019, no. 3, pp. 121–126.

Verbitskaya L. A. *Davayte govorit' pravil'no. Posobie po russkomu yazyku* [Let's speak correctly. A guide to the Russian language]. Moscow, 2001, 263 p.

Информация об авторах

Николай Данилович Голев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Scopus Author ID 56642816700

WoS Researcher ID B-6471-2019

Галина Викторовна Напреенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

WoS Researcher ID HKF-7776-2023

Information about the authors

Nikolay D. Golev, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Scopus Author ID 56642816700

WoS Researcher ID B-6471-2019

Galina V. Napreenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

WoS Researcher ID HKF-7776-2023

Статья поступила в редакцию 08.04.2023;

одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 06.05.2023

The article was submitted on 08.04.2023;

approved after reviewing on 06.05.2023; accepted for publication on 06.05.2023

Научная статья

УДК 81.255.4

DOI 10.17223/18137083/85/23

Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы

Анна Леонидовна Соломоновская

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.solomonovskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Аннотация

Рассматриваются интертекстуальные включения в паратекстах средневековых западно-европейских переводчиков в рамках топосов «общего блага» и «скромности и долга переводчика». Отсылка к христианским и классическим авторитетам также используется для обоснования выбора переводимого материала.

Ключевые слова

интертекстуальность, паратекст, средневековый перевод, топос, *bonum commune*, топос скромности

Для цитирования

Соломоновская А. Л. Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/85/23

Intertextuality in the topoi of late antique and medieval Western European translation paratexts

Anna L. Solomonovskaya

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

a.solomonovskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Abstract

Medieval culture was the culture of authority rather than the one of the author. It was due to an idea of intellectual property not existing yet. Also, any pursuit of intellectual activity, especially in the spiritual sphere, was to be substantiated with a direct quotation or allusion to venerated sources, the Scriptures, and, over time, to the classical authorities. One of these intellectual pursuits was translation. Translators expressed their concerns and justified their choices of subject, author, target language, and translation techniques in paratexts (forewords

© Соломоновская А. Л., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 312–324

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 312–324

and afterwords). The paratexts were a kind of standardized texts, i.e., the combinations of several topoi present in most, if not all, paratexts. This study covers 73 paratexts dated from 132 B.C. to 1371 A.D. Several topoi, including those of humility (modesty), bonum commune, appeal to the patron, and others, have been singled out, with intertextual elements (quotes and allusions) within them identified. These elements were found in 86 fragments of the 47 paratexts. The topoi featuring the most intertextual insertions were found to be the topoi of the bonum commune (19 out of 86 quotes or allusions) and humility topoi (9 insertions). The intertextual fragments within the first one were used to illustrate the lifestyle of a Christian, to justify their duty to spread the Good News, especially when expecting the end of times, and to combat social evils such as drunkenness. As for the second one, translators used a fragment of the Scriptures, the Parable of Talents, to overcome their hesitation.

Keywords

intertextuality, paratext, medieval translation, topos, bonum commune, humility topos

For citation

Solomonovskaya A. L. Intertextuality in the topoi of late antique and medieval Western European translation paratexts. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/23

Введение

Статья отражает промежуточные результаты кросс-культурного изучения переводческих паратекстов (термин Ж. Женетта [Genette, 1997]) позднесантичного и средневекового европейского пространства. Отдельные паратексты либо одного переводчика, либо группы переводчиков достаточно часто попадают в фокус внимания исследователей-медиевистов, однако рассмотрение переводческого предисловия как жанра с набором характерных мотивов и интертекстуальных вставок, тем более в кросс-культурном аспекте, представляется актуальным. В дальнейшем предполагается, насколько возможно, более полное рассмотрение переводческих предисловий и послесловий с наиболее ранних известных (в частности датируемого 132 г. до н. э. предисловия к переводу Книги Иисуса сына Си-рахова) до конца собственно средневекового периода (XIV в. н. э.). На данный момент собрано 73 переводческих паратекста на латинском, греческом, древнеанглийском, древненемецком, старославянском, церковнославянском и старофранцузском языках. Все собранные паратексты были проанализированы с целью выделения повторяющихся элементов-топосов для решения задачи, поставленной при написании статьи, а также с целью выявления интертекстуальных фрагментов.

Интертекстуальность является неотъемлемой чертой средневековой книжности, при этом, в отличие от современной литературной игры, она была естественной: при отсутствии осознания авторского права, с одной стороны, и необходимости защититься, прибегая к христианскому или классическому авторитету, с другой, использование образов, идей, цитат или даже псевдоцитат авторитетных писателей – как библейских (например, Соломон), так и античных (Аристотель или Цицерон) – было в целом эффективной стратегией переводчика или книжника, позволявшей ему защититься от возможных нападков недоброжелателей. Интертекстуальность принимала разные формы: это могло быть просто ритуальное упоминание какого-либо авторитетного персонажа, аллюзия к известной библейской истории или притче, прямая цитата библейского фрагмента или псевдоатрибуция текста классическому или библейскому авторитету.

В собранном на данный момент материале интертекстуальность присутствует в 47 из 73 паратекстов в составе 86 топосов. Топосы, в которых чаще всего используются аллюзии или цитаты для оправдания деятельности переводчика, – это так называемый мотив *bonum commune* («общественного блага») (19 интертекстуальных фрагментов), топос скромности (и ее преодоления) (9 фрагментов), мотив оценки предшествующих авторов или переводчиков (9 фрагментов); по семь интертекстуальных вставок было обнаружено в рамках рассказа об источнике, обращения к адресату, описания принципов перевода и ответа на реальную или предполагаемую критику. В пяти случаях интертекстуальные вставки позволяют обосновать возможность перевода престижного текста на народные языки, в шести цитаты появляются в рамках обсуждения богословских или философских вопросов. Здесь будут рассмотрены примеры интертекстуальности и ее эволюция в рамках наиболее важного топоса – *bonum commune* («общественного блага»), и примыкающего к нему топоса «(зарытого в землю) таланта»

Интертекстуальные вкрапления в рамках топоса *bonum commune*

Уже один из самых ранних христианских переводчиков, Руфин Аквилейский (тексты опубликованы в [Migne, 1862]), обосновывая свое обращение к трудам Оригена, считавшегося еретиком, использует образ светильника (Евангелия), с помощью которого Ориген пытался рассеивать тьму невежества. Это аллюзия на Евангелие от Матфея 5:15 – «Не ставят светильник под спудом». Аллюзия эта встречается и в более поздних предисловиях и послесловиях переводчиков, например, в Апологии Жерару Кремонскому (текст опубликован в [Haskins, 1924]), где жизнь христианского ученого подвижника уподоблялась светильнику, освещающему путь последователей.

Часто цитаты из Писания, христианских или классических авторитетов попадали в переводческие паратексты для описания образа жизни, подобающего христианину или просто мудрому человеку. У уже упомянутого Руфина Аквилейского в предисловии к переводу Книги Чисел Оригена цитируется отрывок из Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Задача, которую переводчик ставит перед собой, – предоставить читателю «мудрое слово, которое тот сможет приложить к себе» (*verbo bono ut sapientie adiiccat ad illum*) (Премудрость Иисуса, сына Сирахова 21:18).

Принципы житейской мудрости, приписываемые Птолемею, автору «Альмагеста», приводятся в прологе к его арабскому переводу, который дошел до нас в латинском переводе Жерара Кремонского. Это список из 34 высказываний, рисующих портрет восточного мудреца, например, высказывание 14: «*Plus gaudeas quod non dixisti errorem, quam quod bene dicendo non tacuisti*» («Больше радуйся, не сказав чего-либо ошибочного, чем нарушив молчание и сказав что-то правильное») [Burnett, 2010, S. 126].

Образ жизни христианской монашеской общины описывает древнеанглийский книжник и учитель Этельвольд в своего рода предисловии к древнеанглийскому переводу Бенедиктинского Устава, «Основании монастырей королем Эдгаром». В этом тексте цитаты из Писания, в частности, из Деяний Апостолов 4:32, используются для характеристики образа жизни первых христианских общин с их общей собственностью и единомыслием во всем. В этом же предисловии цитируются и Евангелия. Во-первых, Евангелие от Луки 4:23 (в переводе с английского эта

цитата звучит следующим образом «Кто намеревается делать добрые дела, пусть начинает с себя» [Saint Aethelwold, 2017, p. 156]]. Русскоязычному читателю эта цитата известна в церковнославянском варианте «Врачу, исцели себя сам». Вторая цитата (Евангелие от Иоанна 10:12) опять же содержит моральное наставление в адрес главы монашеской общины не «пользоваться служебным положением» и не отдавать земли монастыря своим родственникам.

При этом собственная праведная жизнь недостаточна для спасения: христианин, а тем более лицо духовное, отвечает за спасение душ окружающих. Еще в знаменитом *Praefatio Brixiana* (латинском предисловии к готскому переводу Библии конца VI в.) приводится якобы наставление апостола Петра о долге христианина наставлять не только своих сторонников, но и тех, кто выступает против тебя, при этом не добавляя ничего от себя, а лишь передавая то, что узнал от «истинных пророков». Сам Климент передает слова апостола Петра, который, в свою очередь, получил это наизидание от Иисуса. На самом деле это фрагмент апокрифического раннехристианского сочинения, приписываемого Клименту Римскому и известного как *Recognitiones* (8:37) [Heather, Matthews, 2004, p. 159–160].

Обязанность христианина по мере возможности способствовать спасению души, распространяя всеми возможными способами «Благую Весть» подчеркивается в предисловиях переводчиков более позднего периода – конца раннего – начала высокого Средневековья. Именно это вслед за царем Давидом Псалмопевцем (Псалом 39:11) ставит себе в заслугу Константин Пресвитер: «Не потаих милости твоя, ни истины твоя от събора многа» (текст предисловия опубликован в [Gallucci, 2001, p. 125–128]). Такая ответственность становится еще выше «в последние времена», на что указывают в своих предисловиях славянин Иоанн Экзарх Болгарский к переводу «Небес» Иоанна Дамаскина¹) и англичанин Эльфрик (латинские и древнеанглийские предисловия с их современными переводами, опубликованы в [Thorpe, 1844; 1846; Wilcox, 1995]). Более того, спасение души грешника в христианском вероучении становится условием спасения души самого книжника, что утверждают упомянутые выше Иоанн Экзарх и Эльфрик.

Эльфрик также широко использует Ветхий Завет, в частности книги пророков Иезекииля и Исаии, в тех же целях: обосновать свое право на проповедь и, соответственно, перевод, по крайней мере, фрагментов Писания и сочинений отцов церкви на язык, понятный «неученым людям» (*ungelærede menn*). Эта задача представлялась Эльфрику особенно актуальной в свете ожидаемого «со дня на день» конца света. Эти ожидания отражаются в предисловии Эльфрика к первой книге «Католических гомилий» в древнеанглийском переводе (текст опубликован в оригинале и современном английском переводе в [Thorpe, 1844, p. 2–8; Wilcox, 1995, p. 108–110]), где с отсылкой к главе 24 из Евангелия от Матфея переводчик описывает события, которые будут предшествовать концу света. Из приведенной в этом же прологе цитаты из пророка Иезекииля (глава 3:18–19) [Wilcox, 1995, p. 110] в древнеанглийском переводе становится понятно, что основная мотивация Эльфрика – прежде всего спасение собственной души, так как если человек уклоняется от вразумления неправедных, то их грехи ложатся не только на них самих, но и на него. Для усиления эмоционального эффекта Эльфрик приводит и цитату из Книги пророка Исаии, в которой пророк (и учитель) призывается обличать беззакония в своем народе: «Взывай громко, не удерживайся, возвысь голос твой,

¹ Опубликовано в: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1. С. 320–324.

подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву – на грехи его» (глава 58:1) ².

Будучи в первую очередь духовным учителем, Эльфрик использует Священное Писание и для борьбы с «бытовыми» пороками. В частности, в одном из паратекстов к Книге второй «Католических гомилий» («Предостережении») он приводит две цитаты – одну из ВЗ – Левит 10:9-10 (в современном переводе «(9) Вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с собою, когда входите в скинию собрания, чтобы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши. (10) Чтобы вы могли отличать священное от несвященного и нечистое от чистого»). И вторая цитата в этом «Предостережении»: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» – из Евангелия от Луки, глава 21: 34 ³.

Перевод и истолкование Священного Писания на понятном соплеменникам языке (в данном случае, среднеанглийском) считал своим долгом и книжник Орм, закончивший в 1180 г. «Евангельскую гармонию», сборник новозаветных гомилий, названный по его имени «Ормулум» (здесь и далее среднеанглийский текст посвящения и пролога рассматриваются по [Holt, 1878]) ⁴. У него повторяется также мотив спасения своей души путем попытки принести Благую Весть другим, который мы уже встречали у других переводчиков, у славянина Иоанна экзарха и англо-сакса Эльфрика: даже если эта проповедь не подействует должным образом, печальная посмертная судьба грешников не падет на книжника, ведь он выполнил свой долг.

Во многих паратекстах, и чем позднее, тем чаще, апология христианской учености превращалась в апологию знания и просвещения вообще. Особенно ярко это проявляется в предисловиях и послесловиях переводчиков и авторов, работавших в период «Возрождения двенадцатого века», особенно в Испании и Франции. При этом меняется, прежде всего у переводчиков, работавших в рамках Толедской школы, набор цитируемых авторитетов. Все чаще и чаще, наряду, а иногда и вместо библейских персонажей цитируются языческие авторы, такие как Аристотель, Цицерон, Овидий. Хьюго де Санталл, например, в предисловии к переводу *Centiloquium* Птолемея (опубликовано в оригинале в [Haskins, 1924, p. 69]) цитирует сочинения Аристотеля «Книгу о высших знаках» и пролог к «Риторике». Основной пафос этих двух цитат – необходимость гармоничного сочетания формы и содержания, замысла и инструмента: «quod in prologo Rethorice dicitur sapientia sine eloquencia parum prodesse civitatibus, eloquencia sine sapientia prodesse nunquam, obese plerumque» («Как говорится в прологе к «Риторике», мудрость (знание) без красноречия мало пользы приносит государству (обществу), а красноречие без знания (мудрости) вообще не приносит пользы, а по большей части вредит») ⁵.

Автор «Романа о Трое» Бенуа де Сен Мор помещает в прологе к своему поэтическому переложению *De Excidio Troiani Historia* на французский язык развернутый панегирик распространению знания, причем знания не чисто религиозного, а знания вообще, без которого «люди бы веками жили неразумно, как дикие звери» (*Vesquist li siegles folement... come bestes*). Подкрепляет он свое мнение цита-

² <https://allbible.info/bible/sinodal/isa/58/> (дата обращения 08.07.2022).

³ <https://allbible.info/bible/sinodal/lu/21/> (дата обращения 08.07.2022).

⁴ Русский перевод см. в [Предисловие..., 2015].

⁵ Перевод мой. – А. С. За проверку перевода выражаю искреннюю благодарность Полине Алексеевне Сикацкой.

той, которую он приписывает Соломону, о том, что человек должен не скрывать, а показывать свои знания: «Salemon nos enseigne e dit. / Et sil list om en son escrit/ Que nus ne deit son sen celer / Ainz le deit om si demonstrer» («Соломон учит нас и говорит, и это можно прочесть в его писаниях, что мы не должны скрывать свои знания, а наоборот, человек должен их показывать») ⁶ [Sainte-Maure, 1904, p. 1].

Авторитет Библии помогал переводчику обосновать решение расширить свою задачу и сделать новый перевод вместо редактирования старого или выбрать для перевода определенный текст. Например, фрагмент, присутствующий во всех синоптических Евангелиях, а именно фразу «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие» (Матф. 9:17, Лука 5:37, Марк 2:22), Иероним Стридоник приводит как обоснование своего желания не столько редактировать уже переведенный ранее текст Притч, Экклезиаста и Песни Песней, сколько переводить его заново, с оригинала [Schaff, 1892], а древнеанглийский книжник Эльфрик в английском предисловии к переводу «Житий Святых» цитирует на латинском языке фрагмент из Псалма 67 – *Mirabilis Deus in sanctis suis* ⁷ (вводя его с помощью фразы «некий пророк / мудрец (witega) воскликнул»), объясняя таким образом необходимость чтения (и перевода на понятный большинству язык) житийных текстов [Wilcox, 1995, p. 120–121].

В XII в. в христианском мире Западной Европы все большую роль начинают играть переводы с арабского и греческого естественнонаучных сочинений античных языческих авторов. Цитаты из Писания в предисловиях к таким сочинениям встречаются несколько реже. Наряду с Библией и христианскими мыслителями переводчики обращаются к древнегреческому и римскому наследию. Например, Герман Далматский в предисловии к латинскому переводу «Планисферы» Птолемея (1143 г.) (латинский текст с современным английским переводом опубликован в [Burnett, 1978, p. 109–112]) упоминает языческих богов и других античных персонажей (например, Вакха или Цереру) и цитирует Цицерона (вернее, атрибутирует Цицерону выражение «*misera sit fortuna, cui nemo invidet*» – «горе тому, кому никто не завидует»).

Поскольку часто эти переводчики обращались к тематике, сомнительной с точки зрения официальной церкви, например астрологии, то для оправдания выбора этого предмета в своих предисловиях они цитируют авторитетов как библейского и церковного, так и языческого античного происхождения. Например, в предисловии Хьюго де Санталла и Германа Далматского к латинскому переводу *Liber Trium Iudicum* (середина XII в.) (латинский текст с английским переводом приводится в [Burnett, 1977, p. 79–97]) переводчики для апологии астрологии ссылаются как на библейских персонажей (пророков Иеремию, Иова и Даниила, царей Давида и Соломона, а также патриарха Авраама), так и на античных авторов Платона и Гиппократа, наряду с христианскими теологами и поэтами V в. Боэцием и Седулием. Одним из главных возражений против астрологии было то, что предопределенность судьбы противоречит постулату о свободе воли. Отвечая на это, Санталл приводит две цитаты из Священного Писания. Первая – это несколь-

⁶ Перевод с французского наш. – А. С.

⁷ https://vulgate.org/ot/psalms_67.htm (дата обращения 08.07.2022); русский синодальный перевод – «Страшен Ты, Боже, в святилище Твоем», <https://ebible.org/russyn/PSA067.htm> (дата обращения 11.04.2023), не совсем соответствует латинскому, так как *mirabilis* часто понимается как «чудесный», а *sanctis* – как «святой», в католическом оффертории вся фраза переводится именно так: «Чудесен Бог в святых Своих».

ко видоизмененный стих 24 из Псалма 54: у Санталла «*virī enim iniusti* (несправедливые) *non dimidiabunt dies suos*» – в оригинале (Вульгата) – «*virī sanguinum et dolosi* (кровожадные и коварные) *non dimidiabunt dies suos*»⁸ (русский синодальный перевод: «кровожадные и коварные не доживут и до половины дней своих»⁹). В исходном контексте (обращения псалмопевца к Богу) это скорее «мольба о справедливости», но в контексте предисловия данная цитата выступает в качестве доказательства возможности влияния (в данном случае негативного) человека на длительность отведенной ему жизни («дней своих»). Вторая цитата взята из главы 38 стиха 5 Книги пророка Исайи и представляет обратный пример: «правильное» поведение царя Езекии продлевает ему жизнь на пятнадцать лет.

Современник Хьюго де Санталла и Германа Далматского, анонимный сицилийский переводчик «Альмагеста» (текст предисловия опубликован в [Haskins, Lockwood, 1910]), цитирует мнение Боэция о пользе квадравиума, включавшего астрономию, для развития ума и ссылается на утверждение Ремигия Реймского о том, что патриарх Авраам учил египтян астрологии. При этом переводчик осознает противоречивость отношения Библии к этому предмету, указывая на осуждение Богом таких попыток на примере Моисея и Даниила. Поскольку «Альмагест» все же был в первую очередь астрономическим и математическим, а не астрологическим сочинением, обосновать его перевод сицилийский переводчик также стремится, обращаясь к Писанию, в частности к «Посланию к Римлянам» Апостола Павла (глава 1 стих 20): «*A creatura siquidem mundi invisibilia Dei intellectus conspiciuntur*» («Ибо через созданный мир невидимое Бога интеллектом познается»¹⁰) [Ibid., p. 101]. В Вульгате этот фрагмент выглядит несколько по-другому, но передает тот же смысл: *invisibilia enim ipsius a creatura mundi per ea quae facta sunt intellecta conspiciuntur sempiterna*¹¹, в русском синодальном переводе: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество чрез рассматривание творений видима»¹²). Именно таким «рассматриванием творений» занимается астрономия. Как и для других переводчиков этой эпохи, для анонимного сицилийского книжника характерно обращение как к христианским, так и к языческим авторитетам. Завершает он свое предисловие, цитируя Овидия: «*Felice anime quibus hoc cognoscere primum / inque domos superas scandere cura fuit*» («Счастливы души людей, познавших это впервые и пожелавших в дома высших проникнуть существ» – в переводе М. Ю. Лермонтова)¹³.

Долг превыше скромности и смирения: притча о талантах и другие мотивы в рамках «топоса скромности»

Важнейшая добродетелью христианина, а тем более лица духовного, каковыми были большинство средневековых книжников, – смирение, плохо сочетающееся с определенной дерзостью, необходимой, чтобы взяться за перевод авторитетных источников как светского, так и духовного характера. Это противоречие находило разрешение в сочетании ритуального утверждения о своей «многогрешности, тупости и невежестве» с разного рода мотивами, «вынуждавшими» книж-

⁸ https://vulgate.org/ot/psalms_54.htm (дата обращения 08.07.2022).

⁹ <https://allbible.info/bible/sinodal/ps/54/> (дата обращения 08.07.2022).

¹⁰ Перевод мой. – А. С.

¹¹ https://vulgate.org/nt/epistle/romans_1.htm (дата обращения 08.07.2022).

¹² <https://allbible.info/bible/sinodal/ro/1/> (дата обращения 08.07.2022).

¹³ <https://mir-knig.com/stihi/read/34609> (дата обращения 08.07.2022).

ника взяться все-таки за такой ответственный труд. Одним из самых распространенных мотивов был «мотив уговоров», перекладывающий ответственность с переводчика на заказчика. Другим важным мотивом был «мотив спасения души» – как души самого книжника, так и душ его возможных читателей. Мотив «Божьей помощи» обеспечивал определенную долю уверенности, что получающийся в результате деятельности переводчика текст родился не столько в силу разумения переводчика, сколько по «божьему наитию». И, наконец, наиболее популярным мотивом, который присутствует у многих переводчиков и целиком, в виде пересказа известной притчи, и в качестве аллюзии, был мотив «зарытого в землю таланта» и наказания за такое поведение.

Евангельская притча о талантах встречается с небольшими разночтениями в Евангелиях от Матфея и Луки. Она часто используется в средневековых текстах и паратекстах для метафорического обозначения долга человека, познавшего Божественную истину, нести ее другим.

Эту притчу использует Григорий Великий в *Cura Pastoralis*, говоря о долге проповедника. Используется она и в эпистолярном жанре, в частности в посланиях Пап Григория II и Григория III к англо-саксонскому миссионеру Бонифацию – талантом в данном случае является его миссия, а преумножением порученных ему средств – успех таковой [Fagaci, 2013]. Латинские христианские авторы часто повторяли этот образ, который позволял им, не производя впечатления людей самоуверенных, не осознающих недостаточности своего таланта или сложности задачи, все-таки взяться за тот или иной труд – ведь Евангелие от Матфея обещает «плач и скрежет зубов» зарывшим свой талант в землю.

Встречается отсылка к этой притче и у Беды Достопочтенного (в «Объяснении Апокалипсиса», где автор объясняет свои проповеднические старания осознанием ответственности за полученный им от Бога талант), но, вероятно, непосредственным источником для Эльфрика был Павел Диакон, который, впрочем, трактовал «талант» весьма расширительно – не только дар проповедника, но талант или навык в любой другой сфере, включая вполне приземленные ремесла. Эльфрик использует эту Притчу в древнеанглийском предисловии к «Грамматике» (опубликовано в [Wilcox, 1995]), также упоминая наказание, которое ждет не реализовавшего доверенный ему талант (*pund, feoh*). Более того, он выходит за рамки личностного дискурса, побуждая всякого, кто уже получил ученость, делиться ею с другими.

Подробно анализирует интерпретацию притчи Марией Французской американский ученый Брустер Фитц [Fitz, 1975]. Отсылка к этой притче содержится в строках 1–8 Пролога к самому знаменитому сочинению этой первой французской средневековой поэтессы, *Lais*. *Escience* и *bon' eloquence* у Марии соответствуют *intellectus* и *operatio* из второй трактовки притчи; *granz bien* является эквивалентом *bona* из Притчи, хотя и некоторым дополнительным значением: если в Евангелии это благо – христианская любовь к Богу и ближнему, для светских историй, рассказанных Марией, это романтическая любовь. Некоторые лексические единицы Пролога принадлежат сразу двум семантическим полям. Например, глагол *loëz* одновременно означал и 'хвалить' и 'давать взаймы', а *surplus* – и эквивалент *usura* ('прибавление, прибыль') и добавочный смысл высказывания, который появляется благодаря интерпретации или глоссе (Мария считает, что этот добавочный смысл должны вносить новые поколения читателей древних, обычно неясных, текстов). При этом Мария, вероятно, считает, что простой перевод не будет способствовать преумножению «талантов» и если она ограничится им,

то судьба ее будет подобна судьбе третьего слуги – быть выброшенным «во тьму внешнюю», где «плач» и «скрежет зубов».

Еще одна библейская цитата, на этот раз из Евангелия от Луки 8:16 (или 11:33) – образ светильника, который не должен скрываться обладающим им, а, наоборот, должен быть поднят на подсвечник, чтобы все могли руководствоваться этим светом, используется в переводческих предисловиях как для обоснования перевода античных языческих авторов в толедской школе XII в. и преодоления анонимности переводчика (в апологии Жерару Кремонскому), так и для обоснования перевода на национальные языки в более поздний период. Акцент, таким образом, смещается – «свет», о котором идет речь, это не столько свет Слова Божьего, сколько свет знания вообще. В XIV в. отголосок притчи встречается в Прологе к *Ovide Moralisé* – автор-переводчик увещевает всех, кто обладает мудростью, не скрывать ее, а делиться ей, так как «мудрость, скрытая под покрывалом, стоит не больше, чем богатство, зарытое в землю»¹⁴. Таким образом оба образа (зарытого в землю таланта и скрытого под покрывалом светильника) переплетаются.

Заключение

Итак, на основе рассмотрения 73 переводческих паратекстов периода поздней античности и Средневековья (до XIV в.) мы можем сделать следующие выводы.

Средневековая книжность была в высокой степени интертекстуальна, являясь культурой не авторства, а авторитета, отсылка к которому была лучшим способом защитить себя от критики или даже преследования. Это было особенно актуально для переводчиков – с одной стороны, они подвергались риску, выбирая того или иного автора (например, Оригена) или тему сочинения (например, астрологию) для перевода, а с другой – взявшись за перевод однозначно авторитетного текста (например, Библии) на «недостойный» язык, могли быть обвинены и в дерзостном самомнении и претензии на понимание Божественного Откровения, и в «метании бисера перед свиньями», выражаясь библейской же цитатой. Поэтому предисловия и послесловия переводчиков содержат достаточно много отсылок к безусловно авторитетным авторам и сочинениям.

По объему интертекстуальность в переводческих паратекстах варьирует от полной инкорпорации предшествующего предисловия (автора или предшествующего переводчика – можно здесь упомянуть историю комплекса предисловий к «Тайне Тайн» [Williams, 2003]) до однословной аллюзии на библейский или мифологический персонаж. В данной статье нас интересовали в основном вставки-цитаты, хотя также рассматривались некоторые аллюзии на известные тексты (например, притчу о талантах).

Интертекстуальные вкрапления встречаются в большинстве рассмотренных предисловий и послесловий, распределяясь по традиционным топосам неравномерно. Чаще всего (19 из 86 топосов с цитатой или аллюзией) переводчик или составитель поэтического переложения христианского или классического текста использовал интертекстуальные включения в рамках так называемого *bonum commune* (мотива «общего блага»), который призван был объяснить полезность нового сочинения или перевода прежде всего для спасения душ верующих и (ре-

¹⁴ “Quar ne vault sens que l'en enserre / Ne plus qu'avoir pepos ten terre” (перевод с французского наш. – А. С.) [Copeland, 1995, p. 110].

лигиозного) просвещения. В рамках этого топоса выделяются несколько мотивов, которые в определенной степени сменяют друг друга по мере эволюции книжности.

Прежде всего цитаты из Писания (уже у Руфина Аквилейского, а позднее у Этельвольда и Эльфрика), а также крылатые выражения нехристианского происхождения (например, приписываемые Клавдию Птолемию, позднеантичному астрологу и математику, в предисловии к арабскому переводу «Альмагеста», дошедшему до нас в латинском переводе Жерара Кремонского) использовались для иллюстрации образа жизни, подобающего христианину или просто мудрому человеку. Но одного следования моральным принципам и любви к (христианской) учености в собственной жизни недостаточно для спасения души книжника – христианин (а в особенности лицо духовного звания) обязан заботиться о спасении душ окружающих, что было особенно актуально в «последние времена», описание которых с обильным цитированием соответствующих фрагментов Писания, размещают в своих предисловиях и Иоанн экзарх Болгарский (в предисловии к «Небесам»), и Эльфрик (в предисловии к «Католическим гомилиям»), оба книжника при этом считают, что «вечная гибель» кого-то, кого мог бы спасти книжник, падет на него, подтверждая этот тезис цитатами из Писания. Нести «свет христианского учения в массы» можно было с помощью перевода или пересказа Писания на национальных языках, поэтому этот мотив появляется уже в предисловии к готской Библии (*Praefatio Brixiana*) и время от времени обнаруживается в других рассмотренных переводческих предисловиях, вплоть до «Ормулума», памятника XIII в., также с опорой на цитаты из раннехристианских авторов (например, Святого Климента) и Писания, в частности из пророка Иезекииля.

Наряду с высокой целью спасения души на Страшном Суде, книжники считали также своим долгом борьбу с такими прозаическими пороками, как пьянство – Эльфрик, например, в дополнительном паратексте ко второму сборнику Католических гомилий (*Ammonitio*) обильно цитирует Ветхий и Новый Завет, подкрепляя этими цитатами свой призыв к воздержанию.

С течением времени (особенно с приближением так называемого Возрождения XII в.) меняется круг источников цитат и аллюзий в составе топоса *bonum commune* – к Писанию и раннехристианским авторам прибавляются классические философы (Аристотель), риторы (Цицерон) и поэты (Овидий), а наряду с упоминанием библейских персонажей для обозначения той или иной добродетели (или порока) используются герои греческой и римской мифологии. Кроме того, несколько расширяется и представление о просветительском долге книжника – апология христианского просвещения становится апологией познания вообще – здесь книжникам пригодилась цитата из Послания к Римлянам о познании Невидимого через видимое, а также отсылки к (псевдо) высказываниям царя Соломона о необходимости делиться приобретенной мудростью (как у Бенуа де Сент Мора).

Одной из наиболее популярных и одновременно противоречивых областей знания в этот период была астрология (как приложение астрономии к жизни человека и социума). Астрология не поощрялась официальной церковью, так как противоречила догмату о свободе воли. Поэтому переводчики соответствующей литературы (например, Герман Далматский и Хьюго де Санталл, переводчики «*Liber Trium Iudicum*») считали необходимым привести как можно больше примеров и цитат, которые доказывали бы, что предопределение не противоречит

возможности изменить судьбу, а также показывали бы древность этой практики, восходящей к библейским патриархам, таким как Авраам.

Поскольку одной из важнейших христианских добродетелей было смирение, соответствующий топос присутствует больше чем в половине (38 из 73) рассмотренных паратекстов. Этот топос обычно состоит из двух основных мотивов – утверждения книжника о своей недостойности или неспособности взяться за порученное ему дело и обоснованных этим обстоятельством колебаниях и мотива их «преодоления». Природная или ритуальная скромность переводчика может быть преодолена несколькими способами. Выделяются три основных мотива: *мотив уговоров* вышестоящего лица (подкрепляемый, например, цитатой из Послания к Евреям – о повиновении и покорности наставникам), *мотив Божественного вмешательства* (иногда с аллюзией к Валааму и его ослице) и наиболее распространенный *мотив (зарытого) таланта*, воплощаемый полным пересказом или аллюзией к евангельской притче о талантах, которая сулит жестокое наказание тому, кто не воспользовался доверенным ему талантом для приращения достояния (в данном случае, паствы) своего господина (Христа).

Отсутствие в Средневековье представления об авторском праве и, следовательно, обязанности цитирующего не только делать это точно с формальной точки зрения, но и не нарушать исходную коммуникативную интенцию, приводит к тому, что средневековый автор мог видоизменить заимствуемый текст – меняя, например, его тональность, как это делает Хьюго де Санталл, или формы отдельных слов, также приспособлявая цитату к задаче, которую переводчик ставил перед собой.

Список литературы

Предисловие к «Ормулуму» (Введение и комментарии М. А. Волконской, перевод Н. В. Аносова и М. А. Волконской // Атлантика XII. Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 99–134.

Burnett Ch. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid 12th Century // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1977. Vol. 1977 (1). P. 62–108.

Burnett Ch. Arabic into Latin in Twelfth Century Spain: The Works of Hermann of Carinthia // Mittellateinisches Jahrbuch. 1978. Vol. 13. P. 100–134

Burnett Ch. Ptolemaeus in Almagest dixit: The Transformation of Ptolemy's *Almagest* in its Transmission via Arabic into Latin // Transformationen der Antike. Band 15. Transformationen antiker Wissenschaften. Herausgegeben von Georg Toepfer und Hartmut Böhme. De Gruyter, 2010. S. 115–140.

Copeland R. Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts. Cambridge Uni. Press, 1995. 295 p.

Faraci D. The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric's Prefaces to the Grammar // Studia Medievalia Septentrionalia Vindārinne wunderbærer moere. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013. P. 75–98.

Fitz B. E. The Prologue to the *Lais* of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor // MLN. May, 1975. Vol. 90, no. 4 (The French Issue). P. 558–564.

Gallucci E. L'Učitelnoe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche // Europa Orientalis. 2001. Vol. 20 (1). P. 49–138.

- Genette G. *Paratexts: thresholds of Interpretation*. Cambridge Uni. Press, 1997. 427 p.
- Haskins Ch. H. *Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, Mass, 1924. 411 p.
- Haskins Ch. H., Lockwood D. P. The Sicilian Translators of the 12th Century and the First Latin Version of Ptolemy's *Almagest* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. Vol. 21. P. 75–102.
- Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool Uni. Press, 2004. 196 p.
- Holt R. (ed) *The Ormulum with the Notes and Glossary of Dr. R. M. White*. Clarendon Press, 1878. Vol. 1.
- Migne J. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1862. Vol. 14.
- Saint Aethelwold of Winchester. *The Old English Rule of Saint Benedict with Related Old English Texts*. Translated and Introduced by Jacob Rieff. Cistercian Publications. Liturgical Press, 2017. 190 p.
- Sainte-Maure B. de. *Roman de Troie*. Paris, 1904. T. 1. Source: gallica.bnf.fr/Bibliothèque nationale de France (дата обращения 10.10.2021).
- Schaff P. (ed.). *Jerome: The Principal Works of St. Jerome – Nicene and Post-Nicene Fathers. Series II*. Edinburgh, 1892. Vol. 6.
- Thorpe B. (ed.) *The Homilies of the Anglo-Saxon Church. Homilies of Aelfric*. London, 1844. Vol. 1; 1846. Vol. 2.
- Wilcox J. (ed.). *Aelfric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9)*. Uni. of Durham, 1995.
- Williams J. S. *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor: The Uni. of Michigan Press, 2003. 385 p.

References

- Burnett Ch. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid-12th Century. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1977, vol. 1977 (1), pp. 62–108.
- Burnett Ch. Arabic into Latin in Twelfth Century Spain: The Works of Hermann of Carinthia. *Mittellateinisches Jahrbuch*. 1978, vol. 13, pp. 100–134
- Burnett Ch. Ptolemaeus in *Almagest* dixit: The Transformation of Ptolemy's *Almagest* in its Transmission via Arabic into Latin. *Transformationen der Antike*. Band 15. Transformationen antiker Wissenschaften. Herausgegeben von Georg Toepfer und Hartmut Böhme. De Gruyter, 2010, pp. 115–140.
- Copeland R. *Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts*. Cambridge Uni. Press, 1995, 295 p.
- Faraci D. The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric's Prefaces to the Grammar. *Studia Mediaevalia Septentrionalia Vindārinne wunderbärer moere*. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013, pp. 75–98.
- Fitz B. E. The Prologue to the Lais of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor. *MLN*. May, 1975, vol. 90, no. 4 (The French Issue), pp. 558–564.
- Gallucci E. L'Učitelnoe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche. *Europa Orientalis*. 2001, vol.20 (1), pp. 49–138.
- Genette G. *Paratexts: thresholds of Interpretation*. Cambridge Uni. Press, 1997, 427 p.

- Haskins Ch. H. *Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, Mass, 1924, 411 p.
- Haskins Ch. H., Lockwood D. P. The Sicilian Translators of the 12th Century and the First Latin Version of Ptolemy's *Almagest*. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. vol. 21, pp. 75–102.
- Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool Uni. Press, 2004, 196 p.
- Holt R. (Ed.) *The Ormulum with the Notes and Glossary of Dr. R. M. White*. Clarendon Press, 1878, vol. 1.
- Migne J. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1862, vol. 14.
- Predislovie k "Ormulumu" (Vvedenie i kommentarii M. A. Volkonskoy, perevod N. V. Anosova i M. A. Volkonskoy [Preface to "Ormulum" (Introduction and comments by M. A. Volkonskaya, translation by N. V. Anosov and M. A. Volkonskaya)]. In: *Atlantika XII. Obraz ostrova v yazyke i kul'ture kel'tov i germantsevyu* [Atlantica XII. The Image of the Island in language and culture of the Celts and Germans]. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 99–134.
- Saint Aethelwold of Winchester. *The Old English Rule of Saint Benedict with Related Old English Texts*. Translated and Introduced by Jacob Rieff. Cistercian Publications. Liturgical Press, 2017, 190 p.
- Sainte-Maure B. de. *Roman de Troie*. Paris, 1904, vol. 1. Source: gallica.bnf.fr/Bibliotheque nationale de France (accessed 10.10.2021).
- Schaff P. (Ed.). *Jerome: The Principal Works of St. Jerome – Nicene and Post-Nicene Fathers*. Series II. Edinburgh, 1892, vol. 6.
- Thorpe B. (Ed.) *The Homilies of the Anglo-Saxon Church. Homilies of Aelfric*. London, 1844, vol. 1; 1846, vol. 2.
- Wilcox J. (Ed.). *Aelfric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9)*. Uni of Durham, 1995.
- Williams J. S. *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor, The Uni. of Michigan Press, 2003, 385 p.

Информация об авторе

Анна Леонидовна Соломоновская, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Anna L. Solomonovskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Intercultural Communication, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.08.2022;
 одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 02.07.2023
 The article was submitted on 21.08.2022;
 approved after reviewing on 02.07.2023; accepted for publication on 02.07.2023

Научная статья

УДК 81.119

DOI 10.17223/18137083/85/24

Интертекстуальность заголовка художественного текста

Дарья Алексеевна Щукина

Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Россия

schukina_DA@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Аннотация

Рассматриваются особенности заголовков художественных произведений, которые содержат интертекстуальные отсылки. Интертекстуальность понимается как специальный художественный прием, позволяющий автору произведения вести многоплановый диалог с текстами своих предшественников и современников. Наиболее сложные отношения между текстами русской художественной литературы складываются в случае абсолютного цитирования заголовка произведения отечественной классики. Продемонстрировано, каким образом в названии произведения, находящегося в сильной позиции по отношению к остальному тексту, реализуются различные разновидности интертекстуальности. Теоретические положения раскрываются при сопоставительном анализе двух произведений: книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» и романа современного писателя Э. Веркина «Остров Сахалин».

Ключевые слова

интертекстуальность, заголовок художественного текста, «Остров Сахалин», А. П. Чехов, Э. Веркин

Для цитирования

Щукина Д. А. Интертекстуальность заголовка художественного текста // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 325–336. DOI 10.17223/18137083/85/24

A literary text title intertextuality

Daria A. Shchukina

St. Petersburg Mining University
St. Petersburg, Russian Federation

schukina_DA@pers.spmi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Abstract

This paper discusses the use of intertextuality in the titles of literary works. Intertextuality is an artistic technique that allows authors to engage in a dialogue with the texts of their predecessors and contemporaries. The most complex relations between texts are formed when

© Щукина Д. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 325–336
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 325–336

a work quotes the classic literary work title. The paper shows how the title of a work being in a strong position relative to the rest of the text realizes different varieties of intertextuality. Modern authors develop the intertextual potential of pretexts in several directions, including person and creativity, person and fate, person and elemental force, and person and civilization. A. P. Chekhov's "Sakhalin Island" and E. Verkin's "Sakhalin Island" are comparatively analyzed to reveal theoretical positions. In the modern novel, the relationship between a person and the world becomes hostile, leading to conflict. It is noted that the text concerned contains details that correlate with the dystopia genre. The thesis is formulated that Russian classical literature acts as a pretext for modern works. Intertextuality is used to generate a text and create meaning. Metatextuality realized in recognizable quotes-headings in modern texts actualizes the author's worldview and adjusts the reader's interpretative mechanism to perceive textual information through the prism of classical literary canons. It is through comprehension, transformation, and reinterpretation that the "other person's word" (the term of M. M. Bakhtin) becomes the modern author's own, retaining dialogic features. Twenty-first-century writers conduct a multifaceted, intense dialogue with the precedent texts of their famous predecessors.

Keywords

intertextuality, title of the literary text, "Sakhalin Island", A. P. Chekhov, E. Verkin

For citation

Shchukina D. A. A literary text title intertextuality. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 325–336. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/24

Введение

В современных отечественных и зарубежных филологических работах активно обсуждаются научные концепции, сформулированные вокруг терминов *интертекст* и *интертекстуальность*. Ученые традиционно связывают появление этих концепций с идеями диалогизма М. М. Бахтина и их развитием Ю. Кристевой [Кристева, 2004]. По мнению М. М. Бахтина, тексты вступают в диалогические отношения друг с другом, главным образом это происходит при наличии общей темы и общей мысли. Диалог, в представлении ученого, разворачивается по следующему сценарию: «тема уже была оговорена и оспорена, тексты наполняются отзвуками и отголосками других текстов: разного рода цитатами, литературными аллюзиями, литературными и внелитературными заимствованиями, строятся как мозаики из чужих текстов» [Бахтин, 1975, с. 433].

В связи с этим большинство современных исследователей понимают «интертекстуальность» как включение в текст фрагментов текстов «в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд, 2016, с. 21]; как взаимодействие текстов в плане содержания и в плане выражения «один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой» [Чернявская, 2009, с. 49]; как отражение «поэтики сюжетов» [Степанов, 2001, с. 6]. Теоретические положения интертекстуальности подтверждаются при анализе художественных произведений, в современных научных работах достаточно распространенным является обращение к поэтическому тексту [Фатеева, 2007; Смирнов, 1995]. В сферу изучения вовлекаются не только тексты, но и воспринимающий их читатель, а также целый ряд экстралингвистических факторов. Так, Н. Пьеге-Гро отмечает: «...интертекстуальность выводит на сцену смысловые особенности литературного текста, условия его прочтения, его восприятие и глубинную природу» [2008, с. 112].

Особым образом интертекстуальность проявляется в публицистике: интертекст активно участвует в процессе вторичного структурирования информации и оценивания ее. При этом, как отмечает К. П. Сидоренко, «сегодняшний газетный текст в значительной степени основывается на игре с цитатами, авторство которых зачастую не указывается в расчете на память образованного читателя» [2010, с. 337]. Предметом исследования ряда лингвистических работ становятся заголовки современных медиатекстов, которые одновременно рассматриваются и как сфера функционирования прецедентных феноменов [Демченко, 2019; Демченко, Мальцев, 2021]. По мнению Е. В. Корниловой [2021], аллюзивные заголовки медиатекстов ярко иллюстрируют интертекстуальность как лингвокультурный феномен современной речевой практики.

На особенностях функционирования интертекстуальности в различных дискурсах сконцентрировано внимание коллектива авторов, которые рассматривают в монографии взаимоотношения категории интертекстуальности со смежными категориями: гипертекстуальностью и прецедентностью в художественном, публицистическом, научном, эпистолярном дискурсах, а также в интернет-коммуникации [Интертекстуальность..., 2015].

Цель, задачи и методы исследования

В качестве цели настоящего исследования обозначим определение значения и функций интертекста в заголовках художественных произведений в конкретном случае, когда название современного текста является полной цитатой названия классического текста. Перечислим основные задачи: сопоставление двух текстов (классического и современного) по ряду параметров, необходимых для выявления разновидностей интертекстуальности (жанр, сюжет, персонажи, главная тема); анализ базовых структурно-содержательных компонентов исследуемых текстов; выделение языковых средств, используемых авторами. Последняя задача может быть именована с учетом лингвистической интертекстологии как «поиск маркеров и индикаторов интертекста» [Кильдяшев, 2015]. Нами привлекаются методы интертекстуального анализа (в частности, разработанные в трудах Н. А. Фатеевой). В качестве материала исследования выступают произведения современных писателей, созданные в начале XXI в., и их классические претексты.

Функции интертекста в заголовках текстов современной литературы

Данная статья продолжает и развивает исследование интертекстуальности заголовков литературных текстов современных российских писателей. Так, название художественного произведения было квалифицировано и рассмотрено в качестве способа моделирования интертекста в современной русской литературе [Щукина, 2019, с. 45–59]. Были проанализированы следующие произведения: Б. Акунин «Чайка» (2000), Л. Улицкая «Пиковая дама» (2005), В. Сорокин «Метель» (2010). Отметив особую роль, которую выполняют прецедентные классические произведения, формирующие основу национальной культуры, назовем основные важные для дальнейшего анализа тезисы.

В «Чайке» Б. Акунина, экспериментирующего с литературными сюжетами и жанрами, через цитирование чеховского заголовка между классическим и постмодернистским текстом устанавливаются метатекстуальные и паратекстуальные

соотношения (в классификации Ж. Женетта [1998]). Лирическая комедия оборачивается детективной, в то же время на первый план выходит основная у А. П. Чехова тема – *человек и творчество* – именно монологом Треплева о литературном творчестве открывается современная пьеса. При наличии в современной пьесе значительных трансформаций (чрезмерная событийность, повторяемость сюжетов в дублях, жанровое пародирование) ряд символов приобретает дополнительные возможности развития (например, чайка и чучело чайки).

«Пиковая дама» Л. Улицкой – рассказ, т. е. иной по сравнению с повестью А. С. Пушкина жанр. Основная тема, объединяющая два текста, – *человек и судьба / рок*. Следует подчеркнуть, что в современном рассказе роковая предопределенность смещается в сторону быта, повседневности и распространяется на одну семью. Л. Улицкая представляет читателю современное прагматическое отношение к жизни, философию и психологию повседневности в противовес вере в мистику, фатум, в предначертанность судьбы начала XIX в.

Повесть В. Сорокина «Метель», как и пушкинский претекст, вводит тему *человек и стихия*, природная в первую очередь. Важно подчеркнуть, что используемый современным писателем образ типичен и глубоко национален. Символика метели, разработанная в русских фольклорных и литературных текстах, позволяет переосмыслить взаимодействие человека с окружающим миром, в орбиту которого вовлекаются семья, социум, государство, природа, вселенная. В современной повести эти взаимоотношения приобретают враждебный характер, смысловой доминантой текста становится бессмысленность человеческого бытия, человек и его окружение вступают в конфликт. Следует указать и на специфику повествования, которое содержит детали, соотносимые с жанром антиутопии.

Подводя итог краткого сопоставления трех современных текстов и их классических претекстов, выделим следующие функции интертекста заголовков: художественный прием, способ смыслопорождения, интерпретационный механизм. Название прецедентного текста классической русской литературы начинает функционировать в качестве символа, который вводит современный текст в пространство русской лингвокультуры.

А. П. Чехов «Остров Сахалин» и Э. Веркин «Остров Сахалин»

В центре двух анализируемых произведений находится реальный географический социокультурный объект – остров Сахалин, крупнейший остров в России, располагающий богатыми минерально-сырьевыми ресурсами: уголь, нефть, газ, цветные (золото) и редкие (германий) металлы. По оценкам современных ученых, «Сахалинская область является одним из наиболее развитых нефтегазодобывающих районов Дальневосточного экономического региона. По масштабам привлечения иностранных инвестиций нефтегазовые проекты острова Сахалин являются уникальными для России» [Череповицын, Смирнова, 2013, с. 275]. Территория как остров вошла в состав России в середине XIX в., а первые ссыльные, отправленные на Сахалин добывать уголь, появились в 1858 г. Особое географическое положение Сахалина, изолированность от материковой части страны и отдаленность от ее центральной части формировали интерес к острову со стороны государства и его граждан.

В русской классической литературе книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» занимает особое место. Она была написана после продолжительной, полной тягот

и испытаний поездки, предпринятой А. П. Чеховым на остров Сахалин. Вернувшись из поездки в 1890 г., он сразу начал писать книгу в жанре путевых записок, основу которой составили личные путевые впечатления и значительные статистические данные, собранные автором. Выделим в качестве основной черты текста документальность, которая позволила некоторым исследователям отнести книгу к публицистике, а автора причислить к журналистам. Публикация «Острова Сахалина» в журнале и выход затем отдельной книгой привлекли к тексту внимание широкой публики, последовали и неоднозначные отзывы критиков.

Роман Э. Веркина «Остров Сахалин» был опубликован в 2018 г. В современных работах о романе жанр определяется не однозначно: постапокалиптическая драма / литературная игра. Это антиутопия, вымышленная история в духе фантастического / приключенческого романа. Современный автор также предпринял путешествие на Сахалин и посетил в Южно-Сахалинске литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Смыслообразующая роль заголовка в произведениях отечественной литературы может быть продемонстрирована при сопоставлении двух анализируемых текстов.

Сравнение цифровых данных по двум произведениям позволяет увидеть черты, сближающие их. Длина текстов и количество слов примерно соотносимы: у А. П. Чехова – 713 тысяч знаков, 105 тысяч слов; у Э. Веркина – 765 тысяч знаков, 115 тысяч слов. Соотношение диалогов и авторского текста (у А. П. Чехова 3 и 97 %; у Э. Веркина 13 и 87 %) соответствует жанру текста: документальная проза – роман-антиутопия.

Хронотоп чеховских путевых записок строго определен и задан реальными пространственно-временными границами: время описываемых событий – 90-е гг. XIX в., место зафиксировано автором топографически точно: «Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура. Он имеет форму, удлинённую с севера на юг, и фигурую, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь. Географическое положение его определяется так: от 45°54' до 54°53' с. ш. и от 141°40' до 144°53' в. д.» (Чехов, гл. II, с. 52). А. П. Чехов ведет документальное повествование от 1-го лица, это автор-повествователь, правдиво описывающий и хронометрирующий события, участником которых он был на протяжении более трех месяцев. Развитие сюжета книги, состоящей из 23 глав, определяется передвижением повествователя по острову. Необходимость и легальность этого передвижения объясняется в начале третьей главы: чтобы побывать по возможности во всех населенных местах острова, познакомиться с жизнью островитян, основную массу которых составляли ссыльные и каторжники, А. П. Чехов проводит перепись. Он привез с собой с острова Сахалина десять тысяч статистических карточек, списки каторжных, жалобы и другие документы.

Маршрут А. П. Чехова по острову включает посещение поселений, слободок, кордонов, тюрем: Северный Сахалин, слободка Александровка, Арковский кордон, Арковская долина, селенья по западному побережью, Рыковское, отъезд на юг, Тарайка. Автор посетил тюрьмы Сахалина: Александровскую ссыльнокааторжную, Дуйскую, Воеводскую и др. Он дает документально точное их описание: «Это большой четырехугольный двор, огороженный шестью деревянными бараками казарменного типа и забором между ними. Ворота всегда открыты, и около них ходит часовая. Двор чисто подметен; на нем нигде не видно ни камней, ни мусора, ни отбросов, ни луж от помоев. Эта примерная чистота производит хорошее впечатление» (Чехов, гл. V, с. 86). Сахалинский пейзаж Чехова при

всей конкретности деталей и подробностей содержит авторскую оценку, на Сахалине описание природы, места обитания и быт каторжных, ссыльных, поселенцев вызывают ассоциации с каторгой и тюрьмой. «Чаще всего мы ходили к маяку, который стоит высоко над долиной, на мысе Жонкиер. Днем маяк, если посмотреть на него снизу, – скромный белый домик с мачтой и с фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом» (Чехов, гл. VII, с. 105). При описании изб поселенцев, которые лишены дворов, выделена одна яркая особенность: домашние животные (собака, свинья, петух), если таковые есть, на привязи. Хозяин избы комментирует эту особенность следующим образом: «У нас на Сахалине все на цепи. Земля уж такая».

Хронотоп «Острова Сахалин» Э. Веркина реален и фантастичен одновременно: действие романа разворачивается на Сахалине, который лежит между опустевшим после ядерной катастрофы миром и Японией, единственной уцелевшей страной. При этом сам остров остается каторжным, как и во время чеховской поездки. Таким образом, в структуре текста на первый план выступают жанровые особенности антиутопии. По наблюдениям исследователей, в русской литературе 2000-х гг. получил распространение жанр антиутопии [Степанов, 2014]. В критике чаще всего рассматриваемый роман соотносят с культовым текстом О. Хаксли «О дивный новый мир». Так, в рецензии ««Остров Сахалин» Эдуарда Веркина: О дивный новый мир» В. Березин отмечает: «Чеховский эпос про поездку на Сахалин совершенно неожиданно оживает в жанре апокалипсиса» [Березин, 2018]. Согласимся с мнением философа Б. Я. Пукшанского о том, что роман О. Хаксли является уникальным в общем ряду фантастических футурологических произведений, так как «роман зиждется на твердом основании из реальных научных достижений» [Пукшанский, 2011, с. 190]. В качестве твердого основания современной антиутопии, несомненно, выступает не только сам классический претекст, но и его документальная основа. Это подчеркивает и Эдуард Веркин в одном из интервью: «Текст “Острова Сахалина” развивался все-таки от чеховского “Острова Сахалин”»¹.

Повествование в современном романе в основном ведется от лица главной героини. В названиях большинства глав современного романа содержится указание на сахалинские города и поселки, названия которых остались русскими: Холмск, Углегорск, Невельск, Горнозаводск и др. Футуролог синеглазая Сирень, японка и на четверть русская, отправляется, по сути, по чеховскому маршруту, но с юга на север острова: небольшие городки, шахтерские рудники и бесконечные тюрьмы. В качестве примера приведем описание Итурупа (и города Курильска): «Местность, лежавшая окрест, производила удручающее впечатление: то тут, то там виднелись двухэтажные бараки, судя по виду, построенные еще до войны, покосившиеся, с проржавевшими стенами, с подпорками из выловленных в море бревен и ржавых рельсов. Отличить жилые бараки от брошенных было невозможно...» (Веркин, гл. Итуруп, с. 22).

Цель, с которой Сирень, отправляется на Сахалин, – изучение положения дел ссыльнокаторжных, условий их заключения и окрестного быта. Как и в книге А. П. Чехова, читатель вместе с героями оказывается в Александровске: «центром всей жизни Александровска уже долгое время является каторжная тюрьма «Три

¹ Интервью с Э. Веркиным. Эдуард Веркин: от «Острова Сахалина» до гоголевского камина. URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/229202566.html> (дата обращения 10.12.2021).

брата»; это единственная тюрьма особо строгого режима, причем режим этот не просто строгий, но кандалный» (Веркин, гл. Александровск, с. 151). Здание тюрьмы было единственным капитальным строением в городе, именно его устройство и распорядок в нем описаны наиболее детально. Сирень и сопровождающий ее этнический русский Артем, прикованный к багру, посетили тюрьму и встретились с заключенным в ней поэтом Сиро Синкаем, разговор с которым вводит в роман философское осмысление будущего.

При характеристике «Острова Сахалина» Э. Веркина определяющими являются динамика развития сюжета, сопоставимая с приключенческим романом, и нарастание ужасающих деталей описания жизни на острове. Передвижение героев становится то погоней, то бегством, количество смертей от главы к главе возрастает, обретая апокалиптические черты, в частности при изображении мобильного бешенства, смертельного вирусного заболевания.

При сопоставительном анализе классического и современного текстов в качестве основного выразительного средства целесообразно выделить подробное, практически лишенное оценок и эмоций, описание условий содержания заключенных и их наказания, при этом оба автора единодушны не только в обвинении человечества в бесчеловечности, но и в отборе средств изображения. Детализация при описании способов наказания в текстах – документальном и фантастическом – создает выразительный страшный образ несвободы. На уровне соотношения заголовка произведения, его структуры и выразительных средств реализуется риторизация текста, которая обусловлена авторским целеполаганием. «Структура художественного текста и риторическое построение в художественном тексте взаимообусловлены. Приемы риторизации становятся компонентами структуры художественного текста, выполняющими свои художественные функции» [Русанова, 2011, с. 194]. Пр процитируем два фрагмента.

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные к тачкам... Каждый из них закован в ручные и ножные кандалы; от середины ручных кандалов идет длинная цепь аршина в 3–4, которая прикрепляется ко дну небольшой тачки (Чехов, гл. VIII, с. 141).

Прикованные к ведру – каторжные, совершившие тяжкие преступления и отныне обязанные всюду носить с собой ведра, заполненные свинцом. Вес ведра определяется тяжестью проступка, некоторые ведра так тяжелы, что каторжные не могут полноценно перемещаться даже внутри территории тюрьмы (Веркин, гл. Холмск, с. 62).

Образ каторжника, прикованного (к тачке, к ведру, к багру), соединяя классический документальный и современный постмодернистский тексты на уровне сюжетов, персонажей, характеров, становится символом несвободы. А остров Сахалин в прошлом и будущем – островом-тюрьмой, государством-тюрьмой, обреченным на уничтожение и гибель. Согласимся с характеристикой, которую дает современному роману Г. Юзефович: «Эдуард Веркин создает мощный, страшный и захватывающий роман, далеко выходящий за рамки традиционного постапокалиптического жанра» [Юзефович, 2020, с. 69]. В романе-антиутопии в качестве основной выдвигается и обсуждается тема *человек и цивилизация*.

Заключение

Проведенное исследование дает возможность сделать выводы, позволяющие рассматривать интертекстуальность в качестве специального художественного приема, который достаточно широко используется современными писателями. При полном цитировании заголовка отечественного классического текста в названии современного произведения между текстами русской литературы устанавливаются сложные соотношения и разнообразные интертекстуальные связи. Продемонстрировано, каким образом в названии произведения, находящегося в сильной позиции по отношению к остальному тексту, реализуются разновидности интертекстуальности. Были определены следующие функции интертекста современных заголовков: художественный прием, способ смыслопорождения, интерпретационный механизм. На уровне концептуального осмысления человека и мира современные авторы разрабатывали интертекстуальный потенциал претекстов в следующих направлениях: человек и творчество, человек и судьба / рок, человек и стихия, человек и цивилизация.

Таким образом, в качестве претекста выступает вся русская классическая литература. Метатекстуальность, программно заявленная в названии современных текстов в виде узнаваемых цитат, актуализирует способ авторского мировидения и миропонимания, а также настраивает интерпретационный механизм читателя на восприятие текстовой информации сквозь призму классических литературных канонов. Интертекстуальность функционирует как особый способ порождения текста и создания его смысла. «Чужое слово» (термин М. М. Бахтина) посредством осмысления, трансформации и переосмысления становится у современного автора своим, сохраняя черты диалогичности. Писатели XXI в. ведут многоплановый напряженный диалог с прецедентными текстами своих знаменитых предшественников.

Список литературы

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Ленанд, 2016. 448 с.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- Березин Владимир. «Остров Сахалин» Эдуарда Веркина: О дивный новый мир. 2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59ee84fc3dceb7701516287b/ostrov-sahalin-eduarda-verkina-o-divnyi-novyi-mir-5b7753a68d1bc500a8ec47eb> (дата обращения 10.12.2021).
- Демченко П. Н. Прецедентные феномены в заголовках газетных текстов (на материале газеты «Коммерсант») // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2019. С. 143–146.
- Демченко П. Н., Мальцев И. В. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171–189. DOI 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189
- Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. М., 1998. Т. 1.

Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов [Электронный ресурс]: Коллективная монография / Науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта, 2015. 352 с.

Кильдяшев М. А. Теория интертекстуальности (лингвистические аспекты) // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 74–79.

Корнилова Е. В. Языковая игра как конструирующий принцип современной речевой практики СМИ (на материале заголовков прессы) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 304–315.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.

Пукианский Б. Я. Наука и литература (на примере антиутопий Олдоса Хаксли и психоанализа Зигмунда Фрейда) // Зап. Горного института. 2011. Т. 193. С. 188–191.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова; пер. с фр. Г. К. Косикова, Б. Н. Нарумова, В. Ю. Лукасик. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

Русанова Н. В. Проблема исследования художественного текста в риторическом аспекте // Зап. Горного института. 2011. Т. 193. С. 192–194.

Сидоренко К. П. Интертекстовый субстрат и извлечение культурно-значимой информации // Зап. Горного института. 2010. Т. 187. С. 335–340.

Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб.: СПбГУ, 1995. 193 с.

Степанов А. Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1335.

Степанов Ю. С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (К основаниям сравнительной концептологии) // Изв. АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 1. С. 3–11.

Фатеева Н. А. Контрпункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2007. 282 с.

Череповицын А. Е., Смирнова Н. В. Экономическое развитие региона в ходе реализации морских нефтегазовых проектов (на примере освоения месторождений проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2») // Зап. Горного института. 2013. Т. 205. С. 275–279.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

Щукина Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста): Монография. СПб.: ЛЕМА, 2019. 158 с.

Юзефович Г. Л. Таинственная карта. Неполный и неокончательный путеводитель по миру книг. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 511 с.

Список источников

Веркин Э. Н. Остров Сахалин. М.: Эксмо, 2018. 480 с.

Чехов А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М.: Худож. лит., 1956. Т. 10. С. 39–379.

References

- Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, Lenand, 2016, 448 p.
- Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow, Khudozh. lit., 1975, 502 p.
- Berezin Vladimir. "Ostrov Sakhalin" Eduarda Verkina: O divnyy novyy mir. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59ee84fc3dceb7701516287b/ostrov-sahalin-eduarda-verkina-o-divnyi-novyi-mir-5b7753a68d1bc500a8ec47eb> (accessed 10.12.2021).
- Cherepovitsyn A. E., Smirnova N. V. Ekonomicheskoe razvitiye regiona v khode realizatsii morskikh neftegazovykh proektov (na primere osvoeniya mestorozhdeniy proektov "Sahalin-1" i "Sahalin-2") [Economic development of the region during the implementation of offshore oil and gas projects (on the example of the development of "Sakhalin-1" and "Sakhalin-2" projects)]. *Zapiski gornogo instituta (Notes of the Mining Institute)*. 2013, vol. 205, pp. 275–279.
- Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, LIBROCOM, 2009, 248 p.
- Demchenko P. N. Precedentnye fenomeny v zagolovkakh gazetnykh tekstov (na materiale gazety "Kommersant") [Precedent phenomena in the headlines of newspaper texts (based on the material of the newspaper "Kommersant")]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya v tekhnicheskoy vuzze. Sbornik nauchnykh trudov 7 Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Actual problems of humanitarian knowledge in a technical university. Collection of scientific papers of the 7th International Scientific and Methodological Conference]. St. Petersburg, 2019, pp. 143–146.
- Demchenko P. N., Maltsev I. V. Mediatizatsiya kak faktor povysheniya interesa k sovremennym nauchno-populyarnym SMI (na primere zhurnalov "Nauka i zhizn'" i "Populyarnaya mekhanika") [Mediatization as a factor of increasing interest in modern popular science media (on the example of the journals "Science and Life" and "Popular Mechanics")]. *Scientific dialogue*. 2021, no. 3, pp. 171–189. DOI 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189
- Fateeva N. A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow, Agar, 2007, 282 p.
- Intertekstual'nos' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov. Elektronnyy resurs: kollektivnaya monografiya* [Intertextuality and intertext figures in discourses of different types. Electronic resource: collective monograph]. T. N. Kolokoltseva, V. P. Moskvina (Eds.). Moscow, Flinta, 2015, 352 p.
- Kil'dyashev M. A. Teoriya intertekstual'nosti (lingvisticheskie aspekty) [Theory of intertextuality (linguistic aspects)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2015, no. 6 (68), pp. 74–79.
- Kornilova E. V. Yazykovaya igra kak konstruirovannyi printsip sovremennoy rechevoy praktiki SMI (na materiale zagolovkov pressy) [Language game as a constructive principle of modern speech practice of the media (based on the material of press headlines)]. In: *Aktivnye protsessy v sovremennoy russkoy yazyke: natsional'noe i internatsional'noe. Sb. nauch. st.* [Active processes in Modern Russian: national and international: collection of scientific articles]. Moscow, Flinta, 2021, pp. 304–315.

Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: The destruction of poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 656 p.

Pukshanskiy B. Ya. Nauka i literatura (na primere antiutopiy Oldosa Khaksli i psikhhoanaliza Zigmunda Freyda) [Science and Literature (on the example of Aldous Huxley's Dystopias and Sigmund Freud's Psychoanalysis)]. *Journal of Mining Institute*. 2011, vol. 193, pp. 188–191.

Piege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. G. K. Kosikova (Gen. ed. and intro.); G. K. Kosikova, B. N. Naumova, V. Yu. Lukasik (Transl. from French). Moscow, LKI, 2008, 240 p.

Rusanova N. V. Problema issledovaniya hudozhestvennogo teksta v ritoricheskom aspekte [The problem of literary text research in the rhetorical aspect]. *Journal of Mining Institute*. 2011. Vol. 193, pp. 192–194.

Shchukina D. A. *Russkaya literatura 21 veka (fragment prostranstva khudozhestvennogo teksta): monografiya* [Russian literature of the 21st century (a fragment of the space of a literary text): monograph]. St. Petersburg: LEMA, 2019, 158 p.

Sidorenko K. P. Intertekstovyy substrat i izvlechenie kul'turno-znachimoy informatsii [Intertext substrate and extraction of culturally significant information]. *Journal of Mining Institute*. 2010, vol. 187, pp. 335–340.

Smirnov I. P. *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka)* [Generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the work of B. L. Pasternak)]. St. Petersburg, SPbSU, 1995, 193 p.

Stepanov A. D. Sozidanie cherez razrushenie: russkaya literatura 2000-h godov [Creation through destruction: Russian literature of the 2000s]. *Modern problems of science and education*. 2014, no. 6, p. 1335.

Stepanov Yu. S. "Intertekst," "internet," "intersub"ekt" (K osnovaniyam sravnitel'noy kontseptologii) ["Intertext," "internet," "intersubject" (To the foundations of comparative conceptology)]. *Izv. AN. Seriya literatury i yazyka*. 2001, vol. 60, no. 1, pp. 3–11.

Yuzefovich G. L. *Tainstvennaya karta. Nepochynyy i neokonchatel'nyy putevoditel' po miru knig* [A mysterious map. An incomplete and inconclusive guide to the world of books]. Moscow, AST, Editorial office of Elena Shubina, 2020, 511 p.

Zhenett Zh. *Figury: Raboty po poetike: V 2 t.* [Figures: Works on Poetics: In 2 vols.]. Moscow, 1998, vol. 1.

List of sources

Chekhov A. P. *Ostrov Sahalin* [Sakhalin Island]. In: Chekhov A. P. *Sobr. soch.: V 12 t.* [Collected works: In 12 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1956, vol. 10, pp. 39–379.

Verkin E. N. *Ostrov Sahalin* [Sakhalin Island]. Moscow, Eksmo, 2018, 480 p.

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Шукина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Daria A. Shchukina, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature of St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 03.05.2022
The article was submitted on 20.01.2022;
approved after reviewing on 03.05.2022; accepted for publication on 03.05.2022*

Научная жизнь

Краткое сообщение

УДК 83'3

DOI 10.17223/18137083/85/25

К 100-летию юбилею академика Никиты Ильича Толстого

Валерий Михайлович Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Аннотация

14 апреля 2023 г. отмечалась знаменательная дата – 100-летие со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. Научному наследию Н. И. Толстого и 100-летию со дня его рождения была посвящена Международная конференция «Слово и человек» (Юбилейные Толстовские чтения). Программа конференции отразила всё многообразие исследовательских интересов юбиляра и представителей его научной школы.

Ключевые слова

академик Н. И. Толстой, этнолингвистика, славистика, сопоставительная лингвистика, этимология, текстология, диалектология

Для цитирования

Мокиенко В. М. К 100-летию юбилею академика Никиты Ильича Толстого // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 337–340. DOI 10.17223/18137083/85/25

On the 100th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy

Valery M. Mokienko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Abstract

A significant date, the 100th anniversary of the birth of Academician Nikita Ilyich Tolstoy, was celebrated on April 14, 2023. The international conference “Word and Man” (Tolstoy Jubilee Readings) was dedicated to the scientific heritage of N. I. Tolstoy and the 100th anniversary of his birth. The program of the conference reflected the diversity of the research interests of the jubilee and representatives of his scientific school.

© Мокиенко В. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 337–340
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 337–340

Keywords

academician N. I. Tolstoy, ethnolinguistics, Slavic studies, comparative linguistics, etymology, textual criticism, dialectology

For citation

Mokienko V. M. On the 100th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 337–340. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/25

14 апреля 2023 г. мы отмечали знаменательную дату – 100-летие со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. Его имя известно не только узкому кругу славистов, но и многим языковедам, историкам, этнографам и искусствоведам всего мира. Им была создана и сплочена в монолитное целое этнолингвистическая научная школа, ставящая задачей изучение языковых фактов на фоне явлений материальной и духовной культуры Славии и разрабатывающая точную методику этнолингвистического исследования. Опыт комплексного изучения Полесья в общеславянской лингвистической и этнокультурной перспективе породил и замысел крупного научного предприятия – «Словаря славянских народных древностей» (Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.), над созданием которого начиная с 1981 г. под руководством Н. И. Толстого трудилась большая группа сотрудников Института славяноведения РАН.

Научному наследию Никиты Ильича Толстого и 100-летию со дня его рождения была посвящена международная конференция ««Слово и человек» (Юбилейные Толстовские чтения)». Организатором это форума стал отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва). Конференция прошла с 5 по 8 июня в Ясной Поляне, поскольку Н. И. Толстой был правнуком Льва Николаевича Толстого.

Программа конференции отразила, пожалуй, всё многообразие исследовательских интересов Юбилера.

Конференцию **5 июня** открыла акад. С. М. Толстая. Во вступительном слове она поделилась воспоминаниями и рассказала об основных этапах празднования 100-летия своего супруга в Сербии (Вршац, Белград) и Москве.

М. Б. Бергельсон и А. А. Кибрик рассказали о функционировании «алаянского русского языка» как письменного, и показали, как взаимодействуют две разные языковые стихии на территории Аляски. В докладе С. И. Иорданиди на основе болгарского и русского диалектного материала предлагалось одно из решений вопроса о препозитивных и постпозитивных артиклях в истории славянских языков. Тема доклада Н. Н. Запольской – «Теоретическая квадриада Н. И. Толстого “Язык – словесность – культура – самосознание”». Е. С. Федорова поделилась в своем докладе воспоминаниями об экспедициях в Полесье под руководством Н. И. Толстого – доброжелательного и опытного педагога, умевшего увлечь последователей личным примером общения с носителями народной культуры. В. М. Мокиенко предложил слушателям лингвостилистический анализ стихотворения Н. С. Тихонова «Полубила меня не любовью...», которое, по словам Н. И. Толстого, запомнилось ему в молодости.

Во **2-й день (6 июня)** конференции было обсуждено 9 докладов. А. А. Плотникова рассказала о судьбоносных этнолингвистических экспедициях в Полесье, возглавляемых Н. И. Толстым, сообщив также о своих многолетних полевых исследованиях в Сербии по собственному этнолингвистическому вопроснику, который был составлен во многом на основе полесского. Т. Б. Агранат в докладе «По-

лесские этнолингвистические экспедиции как школа полевого лингвиста» показала, как экспедиционная школа Н. И. Толстого повлияла на ее дальнейшие полевые исследования.

В докладах Д. Младеновой и В. Б. Колосовой предлагались этнолингвистические очерки в духе работ Н. И. Толстого «Из географии славянских слов». В первом анализировался ареал и болгарские диалектные наименования фасоли, во втором – многообразие русских диалектных номинаций кипрея узколистного.

А. В. Гура проанализировал такой специфический феномен, как «щекотка», рассмотрев его в спектре изоморфизма языка и культуры. Семантика щекотки предстает не только в тактильном и акустическом, но и в визуальном, обонятельном, вкусовом и психологическом регистрах. Предложив семантический анализ сербского диалектного глагола *kane(m)*, М. Белетич (М. Бјелетић) продемонстрировала метод семантической реконструкции в широком смысле, сформулированный С. М. Толстой. Этимологический анализ стал и темой доклада Н. П. Антропова «К этимологии русск. *селезень*: хорошо забытое старое». Доклад Е. Л. Березович и Г. И. Кабаковой «“Камень священника” / “церковный камень” в западноевропейской и русской культурно-языковых традициях» был посвящен народной минералогии.

Программа **3-го дня (7 июня)** конференции включала 17 докладов.

В докладе ведущей секцию Е. С. Узенёвой анализировалась лексика народной культуры славян Албании. А. Н. Соболев сообщил об итогах, проблемах и перспективах ареальных исследований Балканского языкового союза, а Е. И. Якушкина охарактеризовала лексическое своеобразие сербских говоров в Боснии и Герцеговине. К. А. Климова очертила круг значений и ареал распространения новогреческой лексемы *κ(ov)λίκ(i)* ‘круглый хлеб’. В докладе О. В. Чёха «Коливо святых Федоров» дан обзор новогреческих представлений и обрядовых практик, связанных с коливом, которое освящалось в церкви накануне дня св. Феодора Тирона.

В докладе М. Б. Плюхановой решался вопрос о происхождении праздника Покрова Богородицы и народного календаря. Е. Анастасова в своем докладе продемонстрировала поливалентность образа Кассиана (Касьяна), не теряющего актуальности в современном балканославянском контексте. О. В. Трефилова привела оригинальные фольклорные свидетельства о почитании преп. Параскевы Эпиватской в Трынском крае (Болгария) как Петки Трынской. В докладе А. Г. Кравецкого подчеркивалась важная роль деятельности сотрудников синодальных типографий в издании и постоянном исправлении текстов Священного Писания и богослужебных книг.

Доклад О. Микитенко был посвящен влиянию школы Н. И. Толстого на направления, темы и методы украинской славистической фольклористики. Т. В. Володина охарактеризовала сюжет «Путь Богородицы с Сыном» в белорусских заговорах, а А. Л. Топорков – сюжет о сне Богородицы в рукописной традиции и фольклоре восточных славян. Рукописному сборнику заговоров из Полесья посвятила свой доклад М. Н. Толстая, а в докладе А. Б. Ипполитовой был предложен анализ человодческих заговоров, хранящихся в собрании Научной библиотеки Саратовского университета.

Доклад А. А. Гиппиуса «Надпись на плинфе из Переяславля Русского и “магия черепичников”» был посвящен важной категории ранних памятников восточнославянской эпиграфики – кирпичам (плинфе) домонгольского периода. Расшифрованная докладчиком надпись могла быть либо молитвой об установлении ясной

погоды, либо молением о сохранении благоприятного вёдра. Анималистическая символика стала объектом двух докладов: В. Я. Петрухина – «Пятиногий конь и мировое дерево» и Л. Раденковича (Љ. Раденковић) «Пёс в славянской народной демонологии».

Программа **4-го (8 июня)** дня конференции включала 6 докладов. О. В. Белова раскрыла «этнические» версии балладного сюжета – «Ой ты, Галя...». В докладе Т. А. Агапкиной «Гордый, гордость в восточнославянском фольклоре» представлена характеристика «человека внутреннего» как думающей, чувствующей и волевой личности. В докладе М. В. Ясинской раскрывались варианты сюжета о мессе мертвых и детали его развития в мифологических рассказах и поверьях словенцев. Доклад И. А. Седаковой был посвящен представлениям о сглазе в болгарских народных балладах. «Сравнительная мифология восточных славян: русские, белорусские и украинские поверья об умерших некрещеных детях» – тема доклада Л. Н. Виноградовой. К той же тематической серии относится и доклад, прочитанный М. М. Валенцовой. В докладе Мотоки Номати «The Early Nikita Il'ich Tolstoj as a Macedonist» делался анализ исследований Н. И. Толстого в области македонистики.

Последовавшая затем свободная дискуссия была посвящена обсуждению прозвучавших на конференции докладов, а вечерние заседания стали чередой сердечных воспоминаний о Никите Ильиче Толстом, который для многих участников конференции был Учителем и благословителем их научного паломничества.

В преддверии конференции была издана монография «Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого» (отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. 744 с.), авторами которой являются многие участники конференции.

Информация об авторе

Валерий Михайлович Мокиенко, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Information about the author

Valery M. Mokienko, Doctor of Philology, Professor, Department of Slavic Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 27.06.2023
The article was submitted on 19.06.2023;
approved after reviewing on 27.06.2023; accepted for publication on 27.06.2023*